ДЭВИД П. ЧЭНДЛЕР

БРАТ НОМЕР ОДИН

ПОЛ ПОТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кто такой Пол Пот — тихий учитель, получивший образование в Париже, поклонник Руссо? Его называли «круглолицым чудовищем», «маньяком», преступником «хуже Гитлера». Однако это мало что может объяснить. Ущерб, который Демократическая Кампучия во главе с Пол Потом причинила своему народу, некоторые исследователи назвали «самогеноцидом». Меньше чем за четыре года миллион камбоджийцев (каждый седьмой) умерли от недоедания, непосильного труда, болезней. Около ста тысяч человек казнены за совершение преступлений против государства. В подробной биографии Пол Пота предпринята попытка поместить тирана в контекст родной страны и мировых процессов, исследовать механизмы, приводившие в действие чудовищную машину. Мы шаг за шагом сопровождаем таинственного диктатора, не любившего фотографироваться и так до конца жизни не понявшего, в чем его обвиняют, чтобы разобраться и в этом человеке, и в трагической истории его страны.

Made for library
LIBRUSEC

- Дэвид П.Чэндлер
- Предисловие ко второму изданию
- Выражение признательности
- Введение
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Хронологический указатель
- Приложение
  - Биография Пол Пота в изложении Нон Суона
  - Состав кхмеров на Базе 100, 1963–1966
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132

- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176

- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220

- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264

- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308

- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334

Дэвид П.Чэндлер
БРАТ НОМЕР ОДИН

Тот, кто борется за коммунизм, должен уметь вести борьбу и прекращать ее, уметь говорить правду и умалчивать о ней, верно служить и отказываться от службы, выполнять и нарушать обещания, не сворачивать с опасного пути и избегать риска, быть известным и держаться в тени.

Тот, кто борется за коммунизм, из всех добродетелей наделен лишь одной — он борется за коммунизм.

Бертольд Брехт. Предпринятые меры (The Measures Taken)

Предисловие ко второму изданию

Я благодарен своим редакторам из издательства «Вествью Пресс», Робу Уильямсу и Кристине Милавек, зато, что они подтолкнули меня к подготовке второго издания этой книги. Обновляя свое исследование, приближая его к дате смерти Пол Пола — апрелю 1998 года, я прошелся по основному тексту и концевым сноскам, чтобы включить туда новые сведения и исправить незначительные ошибки, на которые указали мне журналисты и критики. Кроме того, я обновил и библиографический очерк, прилагающийся в конце книги. Обновленный текст также существенно выиграл от правки, проделанной Дженнифер Свеаринджен.

За время, прошедшее после появления первого издания этой книги и смерти Пол Пота шесть лет спустя, были выявлены некоторые новые интересные биографические данные. Произошло это во многом благодаря активному исследовательскому поиску, которым занимались Дэвид Эшли, Чханг Йоук, Стивен Гедер и Нейт Тейер. Я благодарен этим людям за предоставленные мне расшифровки или краткие изложения их интервью. Я также признателен Тейеру за то, что он прислал мне экземпляр чернового варианта истории «движения, осуществлявшего борьбу». Эту историю в 1997 году написал Нуон Чеа. В ходе моего собственного изучения архива S-21, которым я занимался в 1994–1998 годах, обнаружились некоторые новые сведения о вьетнамской военной базе, известной под названием «База 100», где в начале 1960-х годов Пол Пот и его соратники укрывались от полиции Сианука. Интервью, взятые мною у Лим Кёки и одного бывшего китайского дипломата, согласившегося беседовать со мной при условии сохранения анонимности, помогли лучше понять, соответственно, первые годы супружеской жизни Пол Пота и его дружеские отношения с печально известным китайским чиновником К'анг Шенгом. Свою пользу для пересмотра последней главы принесли мне беседы с Терри Мак-Карти, Сетом Мидансом и Нейтом Тейером. Новые данные изменили хронологические рамки жизни Пол Пота, продлив ее на четыре года, так что теперь я предпочитаю датировать его рождение 1925, а не 1928 годом.

Пол Пот хотел, чтобы его судила история, как это ясно вытекает из его интервью Нейту Тейеру в октябре 1997 года. Наверное, он выразил бы сожаление по поводу того, что материалы о его жизни, которые всплыли после 1992 года, не сделали его личность хотя бы сколько-нибудь доступней, а его

карьеру — предметом восхищения.

Дэвид Чэндлер

Вашингтон, округ Колумбия

Выражение признательности

Я с удовольствием выражаю признательность за помощь и ободрение, которые я получил, работая над этой книгой. Мое исследование началось в 1987 году, когда Салли Фергесон, тогда работавшая в «Вествью Пресс», написала мне и предложила изложить биографию Пол Пота. Я сразу же принял вызов, однако в силу обстоятельств смог приступить к работе лишь в 1990 году. Я благодарен Сьюзан Мак-Ичерн, которая стала заниматься этим проектом после мисс Фергесон, за терпение и поддержку. Мисс Мак-Ичерн, вычитывая рукопись, высказала много дельных предложений. Дебора Лайнс, редактор книги, делала полезные комментарии на разных этапах работы. Книга очень выиграла от въедливой, внимательной правки Мишель Кендалл.

Щедрый, дважды продленный грант, предоставленный мне Австралийским научно-исследовательским советом, покрыл все издержки по исследованию и поездкам за границу. В различное время я также получал финансовую помощь от Йельского университета, Научно-исследовательского совета в области социологии (Нью-Йорк), Калифорнийского Государственного Университета в Лонг Бич, Института международных стратегических исследований и от Монашскогоуниверситета (Австралия) по программе зарубежных исследований.

Кейтфрисон, Кристофер Гоша, Стивен Гедер и Серж Тион ознакомились с рукописью и внесли в нее немало улучшений. Моя жена Сьюзан читала три последующих варианта. Без ее редакторского дара книга получилась бы сухой и скучной. За много лет мои сведения о Камбодже пополнились благодаря многочисленным дискуссиям с Наян Чанда, Джастином Корфилдом, Май Эбихара, Клодом Жаком, Беном Кирнаном, Джуди Леджервуд, Жаком Непотом, Лайонелом Байроном и Майклом Виккери. Некоторые из них великодушно обеспечили меня материалами из своих личных архивов, материалами, которые нигде больше не достать. То, что я обязан новаторской работе Гедера, Кирнана, Тиона и Вйккери по изучению камбоджийского радикализма, должно быть ясно из сносок. Когда эта книга была почти завершена, я извлек немало сведений из готовящегося исследования Дж. Томаса Энджелберта и Кристофера Гоша.

Собирать материал для этой книги мне пришлось в Камбодже, Канаде, Франции, Таиланде и Соединенных Штатах. За гостеприимство и помощь в организации интервью я особенно благодарен Лайонелу Вайрону, Джуди Леджервуд, Мике Левеск,

Тому Сакара, Суон Касет Сокхо, Сержу Тиону, Хин Ситану, Чарльзу Ф. Кизу и Вора Гуи Кантулу.

В число других людей, помогавших мне перепиской, знакомствами, документами, беседами и радушием (в дополнение куже упомянутым), входят: Бенедикт Андерсон, Элиза Андерсон, Дэвид Эшли, Энтони Барнетт, Жак Бекаэр, Элизабет Беккер, Энн Блэр, Элен Блюменталь, Жорж Бударель, Пьер Брошо, Тери Каравей, Тимоти Карней, Чеа Самаун, Франс Доггетт, Морис Айзенбрух, Стивен Эрланджер, Грант Эванс, Дэвид Фейнголд, Дэвид Гарриох, Марвин Джелфанд, Джеймс Джерранд, Дэннис Грей, Дэвид Хоук, Мюррей Хиберт, Мэри С. Джексон, Сомсак Джимтеараскул, Хулио Джелдрес, Джастин Джорденс, Питер Джудц, Джордж Кахин, Ф. В. Кент, Форлик Ли, Дж. Д. Легг, Хонг Лим, Анри Локар, Мари-Кай Мажистад, Дэвид Марр, Мари-Э. Мартэн, Ангус Макинтайр, Шанталь Мерсье, Дэвид Монаган, Роджер Норманд, Фам ван Луу, Франсуа Поншо, Крейг Рейнольдс, Джон Рикард, Келвин Роули, Джим Скотт, Фрэнк Смит, Сок Пирун, Сок Сароён, Ричард Тэнтер, Кейт Тейлор, Тел Тонг, Уильям Терли, Эста Унгар и Карин фон Строкирш.

Без их помощи я никогда бы не написал эту книгу. А без их энтузиазма и доброты получил бы меньше удовольствия при ее создании.

Д. Ч.

Париж

Введение

17 апреля 1975 года в Камбодже закончились тяжелые пять лет вторжения, бомбежек и гражданской войны: столица Пномпень перешла в руки партизанских армий, известных как красные кхмеры, осаждавших городе начала года. К тому моменту в столице находилось свыше миллиона беженцев из сельских районов. Почти ничего не зная о красных кхмерах, городское население предполагало, что мир лучше войны и что, объединившись, камбоджийцы смогут восстановить свою страну.

То, что произошло потом, застигло врасплох всех, за исключением командиров красных кхмеров. Они за неделю согнали в деревни все население Пномпеня, Баттамбанга и других городов и велели людям приступить к сельскохозяйственным работам. Тысячи эвакуированных, в особенности маленькие дети и старики, вскоре умерли. Уцелевшие долго брели по дорогам, к родственникам в надежде, что те их приютят. «Почему нас ведут как пленников?» — спрашивали несчастные, указывая на шагающих рядом хорошо вооруженных молодых солдат. Им отвечали, что нужно подчиняться революционной организации, которая заменит семью. Эвакуированных называли «новыми людьми», или «людьми 17 апреля», потому что они с большим опозданием присоединились к революции. Жители сельской местности считались опорой строя, и с ними обращались не так сурово, как с остальными.

Опустошив города, революционная организация приступила к выполнению программы социальных преобразований, затрагивавшей все стороны камбоджийской жизни. Деньги, рынок и частная собственность были отменены, школы, университеты и буддийские монастыри — закрыты. Заниматься издательской деятельностью не разрешалось; прекратила действовать система почтовой связи; свобода передвижения, информационный обмен, возможности заботиться о своей внешности, а также и развлекаться были ограничены. За нарушение новых правил грозило суровое наказание, а за повторный проступок людей либо отправляли в тюрьму, где их ожидали ужасные условия, либо убивали. Всем камбоджийцам приказывалось выполнять рабочие нормы, установленные революционной организацией. Эти нормы редко учитывал и профессиональное обучение и навыки эвакуированных городских жителей: почти все горожане превратились в крестьян. Их заставили носить одинаковую черную одежду из хлопка.

Руководители движения и мотивы их действий держались в

строгой тайне. Для внешнего мира Камбоджа по-прежнему оставалась якобы под властью правительства Единого Фронта, созданного в 1970 году в Пекине, после того как в результате бескровного переворота был свергнут глава государства принц Нородом Сианук. Вместо него Камбоджей стало управлять правительство, искавшее союза с Соединенными Штатами. Лишенный трона принц номинально возглавил сопротивление в Пекине. К 1972 году красные кхмеры уже контролировали это сопротивление, однако ради соблюдения международных приличий продолжали действовать под прикрытием коалиции Сианука.

Загадка оставалась неразгаданной вплоть до конца 1975 года. В январе 1976 года революционная организация распустила Единый Фронт, изменила название страны на Демократическую Кампучию (ДК) и провозгласила новую конституцию. В ней превозносились ценности коллективизма и их внедрение в жизнь Камбоджи. Конституция отождествляла цели революционной организации с интересами народа. Кстати, любопытный факт: в тексте нового основного закона страны ни разу не встречалось слово *«социализм»* или *«коммунизм»*. Вскоре после введения новой конституции радиостанция «Пномпень» объявила о проведении выборов в национальное собрание и сообщило имена министров нового режима. Похоже, выборы проводились, главным образом, для мировой общественности. Большинство «новых людей» было лишено права голосовать, а опора строя голосовала за кого велено.

Большая часть прошедших на выборах кандидатов была неизвестна за пределами движения красных кхмеров, хотя некоторые из новых министров, например Иенг Сари, Кхьё Самфан и Ху Ним, были известными «левыми», присоединившимися к сопротивлению против власти Сианука в 1960-х годах. Остальные народные избранники рано или поздно были заявлены ветеранами революционного движения.

Личность премьер-министра, «работника с каучуковой плантации» по имени Пол Пот, установить было невозможно. В момент прихода к власти, как раз тогда, когда можно было ожидать его выхода на публику, он скрылся за революционным именем.

Кто же он такой?

На протяжении года он почти ничего не открыл о себе. Во время государственного визита в Китай, состоявшегося в сентябре 1977 года, Пол Пота сфотографировали. По фотографии специалисты-историки узнали в нем бывшего школьного учителя, пятидесятидвухлетнего Салот Сара, который с 1963 года являлся

секретарем Центрального Комитета подпольной Коммунистической партии Кампучии (КПК). Впервые Пол Пот объявил о существовании КПК в своей триумфальной речи, записанной для радиостанции «Пномпень» перед визитом в Китай. Однако лишь немногие камбоджийцы знали, что Пол Пот — это Салот Сар. Он признался в этом лишь после того, как его свергли в 1979 году.

Таинственность все больше окутывала фигуру Пол Пота по мере того, как новости о происходящем в Камбодже в 1975–1978 годах (период Демократической Кампучии) просачивались во внешний мир. Большая часть сообщений ужасала. Беженцы рассказывали о принудительном труде, голоде, смертных казнях и о деспотичной анонимной «организации».

Что же было на уме у Пол Пота и его близких сторонников?

Горстка мужчин и женщин возглавила самое чистое и радикальное движение в духе марксизма-ленинизма. Ни один режим не пытался зайти так далеко. Ни один режим настолько не сокращал население страны.

С одной стороны, революция была смелой и изначально обреченной попыткой со стороны группы утопичных мыслителей вырваться из сетей мировой капиталистической системы, порвать с прошлым и переделать будущее. Многие радикалы из других стран именно так и оценили события, случившиеся в Камбодже. С другой стороны, революция объяснялась в корне неверным пониманием политических возможностей Камбоджи, свободы ее маневра по отношению к соседним государствам и интересам беднейших слоев крестьянства, от имени которых революция якобы проводилась. К тому же Пол Пот и его соратники продемонстрировали жажду власти и безграничное недоверие к окружающим. Считая, что враги со всех сторон, Пол Пот санкционировал пытки и смертную казнь более четырнадцати тысяч врагов (*кхманг)* в центре для проведения допросов, известном под кодовым названием S-21. Тысячи людей погибли в ходе региональных чисток, маховик которых был запущен Пол Потом в 1977 году. Большинство казненных в S-21 являлись верными членами партии. Остальные жертвы, похоже, были теми щепками, которые летят при рубке леса.

Каковы были источники революции и ее необычайной жестокости? В 1975–1979 годах те, кто стоял у власти в Пномпене, часто заявляли, что не следуют никаким заимствованным моделям и что камбоджийскую революцию нельзя ни с чем сравнивать. На самом деле, многие из лозунгов, имевших хождение в ДК, — наподобие «штурмовых атак», «скачков», «независимости-господства» и «трех тонн (риса) с

гектара» — пришли из коммунистического Китая, хотя это и не признавалось. Накануне смерти Мао Цзэдуна (в сентябре 1976 года) режим в Китае проходил через особенно радикальную стадию.

Под независимостью камбоджийские лидеры по большей части понимали отличие от Вьетнама и превосходство над ним. Вьетнамское коммунистическое движение оформило революционное течение в Камбодже и многие годы направляло его. Руководство вьетнамцев стало раздражать Салот Сара и его соратников в 1960-х годах, когда вьетнамцы обращались с ними не как с революционерами, а как с помощниками в войне против Соединенных Штатов. Столкновения между Камбоджей и Вьетнамом начались в 1977 году и достигли кульминации два года спустя, когда в результате вьетнамского блицкрига режим Пол Пота был свергнут.

Ущерб, который Демократическая Кампучия причинила своему народу, побудил французского автора Жана Лакутюра придумать слово *«самогеноцид»,* чтобы отличать события в Камбодже от уже имевших место в истории погромов, холокостов, чисток и вендетт. Ужас Лакутюра подтверждается фактами. Меньше чем за четыре года больше миллиона камбоджийцев, или каждый седьмой, умерли от недоедания, переутомления, а также от ошибочно поставленных диагнозов или от неправильного лечения. По меньшей мере сто тысяч человек, и не исключено, что еще больше, были казнены за совершение преступлений против государства. Десятки тысяч погибли в конфликте с Вьетнамом, почти наверняка развязанном красными кхмерами. Но вправду ли камбоджийский самогеноцид не имел доселе аналогов в истории? Отчетливые параллели и, вероятно, даже влияние можно обнаружить в китайском Большом скачке 1950-х годов и в советской коллективизации, проводившейся на Украине за двадцать лет до событий в Китае. Кроме того, возникают ассоциации с чистками, имевшими место и в СССР, и в КНР, входе которых уничтожались «элементы», которые, как считалось, представляли опасность для революционных вождей. В некотором смысле то, что случилось в Камбодже, хотя и в более интенсивной степени, было обычным делом для тех стран, политическими методами которых Пол Пот — или «Брат номер один» (как его звали подчиненные) — восхищался.

Катастрофа в Демократической Кампучии и ее последствия побуждают оценить политическую карьеру Пол Пота с целью выявления связей между этим человеком и событиями в Камбодже в 1975–1979 годах, равно как до и после данного периода. В основном о жизни Пол Пота стало известно уже в

начале 1980-х благодаря работе австралийского ученого Бена Кирнана и нескольких других исследователей. Недавно были обнаружены новые источники, позволившие охватить карьеру Пол Пота более полно и подробно, чем это сделано в книге Кирнана, которая в основном освещает период до 1975 года.[1]

Большая часть того, что было написано о Пол Поте, когда он находился у власти, отличалась необдуманностью и резкостью. Это неудивительно с учетом сильного воздействия революции, однако такие определения, как «круглолицее чудовище», «маньяк, помешанный на геноциде» или «хуже Гитлера» (они взяты из журналистских статей), ничего не объясняют. Чтобы понять этого человека и случившееся в Демократической Кампучии, нам необходимо рассмотреть Пол Пота в родной стране и более обширном переплетении заграничных веяний.

В ходе исследования я побеседовал с несколькими людьми, которые в 1940-х годах учились в школе вместе с Салот Саром. Они виделись с ним в Париже или знали его как школьного учителя в Пномпене. Те, кто встречался с Пол Потом во время его пребывания у власти, были более осторожны, говоря о подробностях жизни кампучийского лидера. Однако благодаря этим источникам, а также опубликованным и архивным материалам мне удалось создать последовательную, хотя и не слишком объективную картину. Она была дополнена, но не углублена интервью, взятыми другими исследователями после 1992 года.[2]

Ни один из моих собеседников, включая тех, которые живут за тысячи миль от Камбоджи и чьи семьи пострадали от режима, не был готов связать образ знакомого им человека с ужасами 1970-х.

К примеру, в памяти своего брата и его жены Салот Сар остался уравновешенным ребенком с мягким, добрым характером. Однокашники запомнили его как посредственного, но способного составить приятную компанию студента, — это впечатление сохранилось у тех, кто знал его во Франции. Как учитель он запомнился спокойным, самоуверенным, дружелюбным *(с'аат с'ом),* честным человеком, способным убеждать и даже завораживать, выступая перед небольшими группами людей. Судя по всему, в те годы он приобрел нравственный авторитет и соответствующее положение среди своих учеников и соратников по подпольному коммунистическому движению. Этот статус Пол Пот не утратил вплоть до 1997 года. Так, один человек, встретивший Пол Пота в конце 1950-х, сказал следующее: «Я сразу понял, что мог бы стать его другом на всю жизнь». Похожие признания звучали в S-21 и

слышались от перебежавших в 1980-х и 1990-х за границу красных кхмеров, посещавших политические семинары Пол Пота в Таиланде и Камбодже. Ни один из этих перебежчиков, хотя они и были свободны сделать это (в отличие от тех, кого пытали в S-21), не назвали поведение Пол Пота в качестве причины, спровоцировавшей предательство партии или, как в 1980-х, в качестве повода для выхода из рядов коммунистического движения. Вместо этого большинство из них покинуло коммунистическую партию, сохранив воспоминания о человеке, который в их глазах выглядел святым.

Подобные свидетельства вместе с работами самого Пол Пота лишали меня возможности узнать, что скрывается за ярким фасадом, набором масок или умелой манипуляцией. Мне хотелось обнаружить за этим прикрытием более жесткого, бесчеловечного и, по общему мнению, более гениального Пол Пота. Похоже, на протяжении всей жизни этот человек подгонял свое поведение и действия под ожидания окружающих, превращаясь в эдакого «помешанного на геноциде маньяка», которого сложно распознать. Действительно, «зазор» между его благородной харизмой и списком погибших от его режима людей является одной из тайн, неотделимых от карьеры Пол Пота и серьезно затрудняющих попытки придать смысл его жизни.

Утаивание или отсутствие конфликта в личной жизни Пол Пота также препятствовало обобщающим либо убедительным психологическим выводам о нем. Был ли он на самом деле счастливым ребенком и вдохновенным преподавателем? Не притворялся ли? Кем являлся Пол Пот — циничным *политическим животным*,[3] правоверным коммунистом или и тем, и другим? Страдал ли он паранойей, порожденной ощущением предательства или преследования? Или он был утопистом, разочаровавшимся в своих идеалах? Есть ли здесь разница? Собственные сочинения Пол Пота и его выступления, в которых личные подробности опускались, несут в себе слишком мало информации, чтобы помочь нам ответить на любой из перечисленных вопросов. Даже в двухчасовом интервью, взятом Нейтом Тейером в 1997 году, Пол Пот игнорирует анализ.[4]

Жизнь Пол Пота пересекается с историей камбоджийской политики начиная со Второй мировой войны. Возглавляемое им революционное движение выиграло от поддержки Вьетнама в годы своего становления, а также во время войны Вьетнама с Соединенными Штатами. Без этой войны приход Пол Пота к власти, как и свержение Сианука, необъяснимы.[5]

Кроме того, Салот Сар / Пол Пот был продуктом камбоджийского общества XX столетия. В этом обществе, против

которого Пол Пот боролся и из которого, по иронии судьбы, извлек выгоду, глубоко укоренилось чувство иерархичности. Нередко это чувство позволяло отдельному человеку, занимавшему подходящее положение, наделенному хорошими манерами и считавшемуся достойным, пользоваться огромной властью. Как и большинство кхмеров его поколения, Пол Пот не питал интереса к тому, что творилось за пределами Камбоджи. Он не доверял иностранцам и их намерениям касательно его страны. Из камбоджийского буддизма он взял идеи о дисциплинированной личной трансформации, возрождении и просветлении, обретаемом в привилегированных таинственных общинах монахов или коммунистов посредством обучения, «правильных поступков», самоотречения и медитации. Как педагог Пол Пот автоматически пользовался высоким социальным положением, что являлось еще одним наследием буддизма.[6]

Несмотря на всю склонность Пол Пота к интроспекции и его ксенофобию, его идеи и его карьера в значительной степени оформились под иностранным влиянием. Он получил образование во Франции и там выучил единственный иностранный язык, который он знал. Во Франции он познакомился с идеями прогресса и концепциями демократии, империализма и революционных изменений. В Париже усвоил идеи марксизма-ленинизма, что, возможно, подтолкнуло его к вступлению в ряды Коммунистической партии Франции (КПФ). Это случилось в 1952 году.

Вернувшись в Камбоджу в начале 1953 года, Салот Сар стал членом Коммунистической партии Индокитая (КПИ), находившейся под влиянием Вьетнама. В течение нескольких лет он работал на эту партию. От своих, обученных во Вьетнаме, наставников Пол Пот узнал о партийной дисциплине, организации и теории, а также о важности конспирации и подполья. В свою очередь, вьетнамцы, похоже, убедились в лояльности Пол Пота.

Вероятно, самое значительное из зарубежных влияний на Пол Пота оказал коммунистический Китай, который он впервые посетил в 1965–1966 годах. Из представлений Мао Цзэдуна об автономной революции, волюнтаризме и непрекращающейся классовой борьбе Пол Пот вывел вдохновляющую идеологию, освободившую его оттого, что он считал господством Вьетнама, и ставшую моделью преобразования Камбоджи. Благодаря высокопоставленному китайскому чиновнику К’анг Шенгу, относившемуся к нему по-дружески, Пол Пот понял значимость устранения тайных врагов в партии. Свою роль сыграло и время

приобщения Пол Пота к идеям Мао. Будущий камбоджийский диктатор застал лишь канун Культурной революции в Китае и не видел, чем она обернулась. А к власти Пол Пот пришел в 1975 году, незадолго до смерти Мао, т. е. во время нового радикального витка в китайской политике.

Иностранное влияние и контакты важны для понимания политической карьеры Пол Пота. Но и после детального анализа этих фактов в личности Пол Пота все равно остается что-то неуловимое, что делает биографическое исследование неполным. Во время моих изысканий у меня не раз возникало тревожное ощущение, что Салот Сар/Пол Пот просто вышел за пределы моего видения и наблюдает за *мной*. Мое впечатление подтвердилось в 1997 году, когда в разговоре с Нейтом Тейером Пол Пот одобрительно высказался о первом издании этой книги, процитировав некоторые фразы. Эта незавершенность огорчает меня как биографа, но в то же время указывает на своеобразное ощущение того, что «инструмент истории» — как мог бы назвать себя Пол Пот — всегда предпочитал уходить, продолжая держать в секрете революционные задачи.

Глава 1
«Истинный кхмер», 1928–1949

Кто такой Пол Пот?

Человека, известного всему миру под именем Пол Пот, изначально звали Салот Сар. Пол Пот — это его революционный псевдоним. Объявляя его в 1976 году, Салот Сар следовал примеру нескольких коммунистических вождей, среди которых были Ленин, Сталин, Тито и Хо Ши Мин. Когда они находились в подполье, псевдоним нужен был для того, чтобы скрываться от полиции, а в некоторых случаях и вдохновлять последователей (к примеру, «Сталин» происходит от слова «сталь», «Хо Ши Мин» значит «просветленный»). Однако Пол Пот взял новое имя уже после того, как пришел к власти, скрыв свою личность от народа, которым он собирался править. Хотя выбранное им имя было довольно обычным для сельского населения Камбоджи (кхмеров), оно не несло в себе какого-то особого значения.

Совершая этот странный, затушевывающий жест, Салот Сар / Пол Пот оставался верен себе. Начиная с 1950-х он предпочитал секретную работу открытой жизни. Когда в 1976 году Пол Пот пришел к власти, аналитикам потребовалось больше года, чтобы с уверенностью опознать в нем бывшего школьного учителя по имени Салот Сар, который с 1963 года являлся секретарем Коммунистической партии Камбоджи. Пол Пот с легкостью вернулся к своему первоначальному имени в интервью 1979 года, несколько месяцев спустя после отстранения от власти.

За многие годы он скрыл, затуманил и исказил так много подробностей своей жизни, что даже некоторая путаница с датой рождения Пол Пота уже не кажется удивительной. В 1977 году (еще до того, как в Пол Поте узнали Салот Сара) северокорейская радиостанция объявила, что Пол Пот родился в 1925 году. Однако, согласно французским колониальным документам, составленным в Камбодже в 1950-х, день рождения Пол Пота приходится на 25 мая 1928 года. Вторая дата многим авторам казалась более правдоподобной, чем первая. Однако в последних интервью она была опровергнута братьями и сестрами Салот Сара. В своем интервью Нейту Тейеру в 1997 году Пол Пот настаивал на более ранней дате. По этим причинам предпочтение теперь отдается 1925 году.[7]

Родители Салот Сара были этническими кхмерами. Будущий

Пол Пот родился в деревушке Прексбаув, находившейся меньше чем в двух милях к западу от города Компонгтом, столицы местной провинции, и примерно в девяноста милях от Пномпеня. Его отец, Пен Салот, был зажиточным крестьянином, имевшим девять гектаров земли, несколько голов тяглового скота и удобный дом под черепичной крышей. Мать Салот Сара, Сок Нем, пользовалась большим уважением в районе за набожность и трудолюбие. Сар был восьмым ребенком из девяти, двое из которых девочки. Пятеро из них дожили до 1990-х.[8]

Дворцовые связи

От всех остальных людей в регионе эту семью отличали ее связи с Королевским дворцом в Пномпене. В 1920-х годах, в последние годы правления короля Сисовата (1904–1927), двоюродная сестра Салот Сара — Меак — вошла в состав королевского балета. Вскоре она стала наложницей старшего сына короля, принца Сисовата Монивонга, и родила ему сына, Коссарака, незадолго до того, как в 1927 году принц взошел на престол. Она занимала привилегированное положение *кхун преабме неанг,* что в буквальном переводе означает «леди, ответственная за женщин». Эта деятельность позволяла Меак контролировать всех женщин во дворце. После смерти Монивонга пост был отменен, однако Меак продолжала жить рядом с Королевским дворцом и в качестве старшего преподавателя была связана с *corps de ballet* до начала 1970-х.

У семьи Салот Сара были и другие связи с королевским двором. В конце 1920-х годов один из старших братьев Салот Сара, Лот Суонг, отправился в Пномпень, чтобы устроиться во дворце служащим. Вскоре после этого их сестра Салот Роёнг (по прозвищу Сароён) начала танцевать в королевском балете и в 1930-х годах стала наложницей короля Монивонга. Суонг работал во дворце до 1975 года. В начале 1940-х он женился на танцовщице по имени Чеа Сами. Сароён, любимая наложница короля, возвратилась в Компонгтом после смерти Монивонга в 1941 году и потом вышла замуж за местного полицейского.[9]

В 1934 или 1935 году, когда Салот Сару было девять лет, родители отправили его вместе с одним из старших братьев — Чхаем — в Пномпень, к Меак и Суонгу. Возможно, Сар предпочел бы относительно беззаботное житье в Прексбауве, а не более требовательное воспитание у занятых родственников в чужом городе. Неофициальное усыновление обеспеченными родственниками — традиционная черта жизни в Камбодже,

поэтому не следует рассматривать эту процедуру как признак отчуждения между детьми и их биологическими родителями. На самом деле, несмотря на то, что брат Сара и жена брата настаивают на том, что Сар ладил с родителями, неизвестно, чтобы он упоминал о них в разговорах с другими людьми. Впрочем, подобное молчание можно объяснить скорее намеренным утаиванием информации о себе, чем враждебностью. У нас нет доказательств того, что у Сара были конфликты с отцом наподобие тех, что сопровождали юношеские годы Сталина, Мао Цзэдуна и других выдающихся политических деятелей. И действительно, как рассказала сестра Сара в интервью 1997 года, Салот Сар приезжал в Прексбаув на похороны отца в конце 1950-х и дал часть денег на возведение мемориальной *ступы.* Впоследствии Сар никогда не распространялся об этом. Он скорее подчеркивал свои крестьянские корни.

Вскоре после приезда в столицу Салот Сар несколько месяцев прожил послушником в Ват Вотум Ваддей, буддийском монастыре неподалеку от Пномпеня, пользовавшимся покровительством королевской семьи. Возможно, суровая дисциплина монастыря психологически травмировала Сара, ведь он был еще ребенком, да еще и разлученным с родителями. Здесь не помогло даже то, что в монастыре находились и другие маленькие мальчики. В Ват Вотум Ваддей Сар изучил основы буддизма и кхмерский язык. Помимо прочего, его заставляли быть послушным. По иронии судьбы, для того, кто впоследствии стал ярым сторонником атеизма и ксенофобии, этот короткий период был единственным периодом в формальном образовании (которое продолжалось до 1952 года), когда обучение велось на кхмерском, а не на французском языке.[10]

Лот Суонг и Чеа Сами, присматривавшие за Салот Саром в 1940-х годах, утверждали, что он был уравновешенным, вежливым, ничем не примечательным ребенком. Как рассказала Сами австралийскому журналисту Джеймсу Джерранду, когда Сар стал учиться, «у него не возникало никаких проблем с другими учениками, никаких драк или ссор». Изучая детство и юность Салот Сара, я не обнаружил травмирующих событий и не услышал никаких подробностей, которые предвещали бы становление Пол Пота. Тем, кто встречался со взрослым Пол Потом, было сложно связать образ этого скромного человека с его зловещими деяниями в 1970-х. По словам Лот Суонга, «презренный Пот *[по-кхмерски а-Пот]* был милым ребенком».[11]

Пномпень в 1930-е годы

Во времена детства Сара Пномпень был сонным, залитым солнцем городом. Он был основан в 1866 году как столица французского протектората. Тогда его можно было принять за провинциальный французский городок. Те же здания, те же улицы, расходившиеся на север от скверов подобно ветвям дерева, и тенистые аллеи вдоль них. В 1936 году примерно половину стотысячного населения Пномпеня составляли иммигранты из Китая и Вьетнама, заправлявшие коммерческим сектором. Сорок пять тысяч камбоджийцев проживали возле дворца. Монахи селились в монастырях, а чиновники, крестьяне, ремесленники и мелкие торговцы обитали в южной и западной частях города. Здесь стояли дома из бамбука и дерева, возведенные на сваях и окруженные манговыми и банановыми Деревьями, тут же пасся скот, — словом, картина совсем деревенская. В ту пору большинство камбоджийцев сознательно избирало себе карьеру в правительственных структурах, сельском хозяйстве или в сфере религии, оставляя коммерческие дела китайцам и вьетнамцам. Иммиграция из Вьетнама в Камбоджу поощрялась французами, считавшими вьетнамцев более «энергичными» и лучше образованными (на самом деле, лучше знающими французский язык) по сравнению с кхмерами. Французы охотно приглашали вьетнамцев на должности среднего уровня в колониальной гражданской службе.[12]

В центре Пномпеня находился торговый квартал, где всегда царила деловая суета. Здесь размещались китайские магазины, товарные склады, стойла для кормления скота и рынки. В западном направлении, параллельно реке, пролегали тенистые улицы и бульвары, вдоль которых стояли белоснежные виллы французских чиновников, китайских дельцов и представителей камбоджийской знати, воспитанных во французских традициях. На северной окраине города находился небольшой холм *(пном),* от которого и произошло название города. На нем возвышался построенный в семнадцатом веке монастырь и стояли несколько буддийских гробниц (*чеди*). Французы разбили на этой территории двадцатипятиакровый парк с маленьким зоопарком, цветочными часами, статуями, эстрадой для оркестра и летними кафе.[13]

Где-то в полумиле к югу от *пнома,* у реки, располагался Королевский дворец. Его основные постройки были созданы французскими архитекторами в начале двадцатого века в тайско-камбоджийском стиле. Отделенные от берега аккуратно подстриженными лужайками белые и кремовые здания под сверкавшей на солнце зеленой и оранжевой черепицей напоминали разбросанные по всему городу буддийские храмы и

вызывали у прохожих ощущение нереальности.

Этот неземной и сказочный мир рождался всякий раз, когда перед королем и его гостями выступал *corps de ballet,* в невероятно медленном ритме изображая сцены и истории, позаимствованные из индийской мифологии. Танец разворачивался под аккомпанемент ксилофонов, флейт и индийских струнных инструментов. Большая часть танцоров попала в труппу королевского балета в возрасте младше десяти лет; солистам было за двадцать. Отдельные представления устраивались в соответствии с буддийским календарем или брахманистскими церемониями, которые проводились во дворце. Другие постановки исполнялись в честь важных персон, приезжавших в Пномпень. Продолжавшиеся по несколько часов представления устраивались ночью, когда становилось прохладней. В них изображался раззолоченный мир принцев и принцесс, отшельников, демонов и волшебных животных. Как и кукольный театр на Яве, который тоже основывался на классических индуистских сказаниях, танец имел ярко выраженный религиозный подтекст. Благодаря определенным движениям танцоры получали доступ к сверхъестественным силам, определявшим человеческие жизни и, как считалось, управлявшим сельскохозяйственным годом.[14]

Легко представить себе, как в 1930-е годы Салот Сар во все глаза наблюдал за напудренными танцорами в масках, среди которых, возможно, находились его сестра и жена его брата. Место представления было залито светом сотен свечей (и луны). Всякий танец состоял из тысяч отдельных движений, каждое из которых было привязано к определенной истории и мифологическому персонажу. Танцоры не имели права на импровизацию, да никому из них это и в голову бы не пришло. Танцоры были средством выражения традиции, а отнюдь не ее толкователями. Сдерживание индивидуального творческого порыва при помощи запоминания материала, преподанного учителем, — это неотъемлемая часть традиционного обучения в индуистском и буддийском стилях, затрагивавшего самые различные области, включая танец и монастырскую жизнь. Точно так же Пол Пот обучал своих подчиненных в Коммунистической партии Камбоджи. Скромность Пол Пота, равно как и его манера обучения, вызывали восхищение у студентов. Возможно, отсутствие самовыражения в сочетании с нарядными костюмами, исполнением предписанной роли и могуществом, обретаемым в ходе представления, помогли Салот Сару придумать свой собственный имидж — на протяжении всей карьеры люди воспринимали его как «чистого и гладкого», словно танцора,

скрывающего лицо маской.

Но у чарующего мира танцоров существовала и теневая сторона. Во время правления короля Монивонга женщины ютились в перенаселенной части королевского дворцового комплекса, заполненной хижинами и хибарами. Подобные условия вредили здоровью. Свободное время танцовщицы проводили, сплетничая и замышляя интриги, вспоминая свои успехи и играя в карты, рассказывая непристойные историйки и ожидая повышения, иначе говоря, растрачивая свою молодость. В этой ужасающей тесноте вместе с матерями жили малолетние дети. Ни одному мальчику старше двенадцати лет не позволялось проживать на территории дворцового комплекса, если только он не был королевским отпрыском. Некоторые танцовщицы, как, например, Меак, благодаря балетной карьере выбились в королевские фаворитки, обрели престиж и обрели финансовую независимость. Для тех же, кому повезло меньше, это было убогое, подрывающее здоровье, скучное существование. Жизнь танцора предполагала полную самоотдачу за мизерную плату и проходила в изоляции от внешнего мира. Похожий образ жизни вел Салот Сар, вернувшись из Франции в Камбоджу в 1953 году. [15]

Невозможно сказать, какие впечатления от дворца преобладали в воспоминаниях Салот Сара, когда он пришел к власти. В период существования ДК его политика, по-видимому, отражала глубокую обиду на несправедливость и эксплуатацию, с которыми ежедневно сталкивались многие камбоджийцы. Возможно, Салот Сар думал о танцорах или о крестьянах, с которыми встречался впоследствии. Может быть, он размышлял о своем собственном детстве в потенциально враждебном городе и о том, что его ребенком вырвали из привычной среды. В любом случае, похоже, что Салот Сар не ощущал необходимости в балете как в некоем культурном институте, считая его загнивающим, контрреволюционным элементом камбоджийской жизни, подобно деньгам, классовой социальной структуре и частной собственности. Когда коммунисты пришли к власти, королевский *corps de ballet* был распущен.

Наследие прошлого

К западу от дворца, недалеко от дома Меак, находился музей кхмерской археологии, построенный в камбоджийском стиле. Музей открыли в 1920 году. Здесь французы выставили образцы скульптуры, керамики и изделий из бронзы, собранные на месте сотен разрушенных индуистских и буддийских храмов,

располагавшихся на территории будущей Камбоджи в VII–XV! веках н. э. Эта древняя цивилизация, «вновь открытая» французами, достигла апогея своего развития во времена Ангкорской империи, процветавшей на северо-западе Камбоджи с начала IX века и до 1400 года. На протяжении некоторого времени эта империя властвовала над большей частью современной южной части Лаоса, восточной части Таиланда, Камбоджи и южной частью Вьетнама. Вблизи Ангкора Французы обнаружили впечатляющие водные русла и остатки нескольких сотен храмов. В пору расцвета империи, около 1200 года, в Ангкорском регионе, охватывавшем около ста квадратных миль, проживало больше людей, чем во всей Камбодже в 1930-е годы. Ангкор-Ват, храм XII века, воздвигнутый в честь какого-то камбоджийского короля, является крупнейшим в мире религиозным сооружением, сохранившемся до наших дней.

В 1860 году некоторые из этих развалин увидел французский естествоиспытатель Анри Муо. Так возник роман между французскими учеными и камбоджийским средневековьем, продолжающийся и по сей день. Начиная с 1870-х годов, вскоре после установления протектората, французские исследователи расшифровали свыше тысячи древних надписей на кхмерском языке и санскрите и составили перечень камбоджийских королей, расположив их в хронологическом порядке. Несмотря на то, что Ангкор-Ват оставался буддийским святилищем в течение нескольких сотен лет, многие камбоджийцы верили, что эти храмы были построены сверхъестественными созданиями, а не древними кхмерами.

Исторические изыскания французов подарили камбоджийцам престижную историю страны, которую они, будучи колонизированным народом, оказались не готовы принять. Французы подчеркивали контраст между расцветом Ангкорской империи и тем, что, по их мнению, было ее упадком, случившимся в XIX–XX веках, между влиянием империи и колониальной зависимостью Камбоджи, между роскошью ангкорских королей и бессилием правителей вроде Монивонга, назначенных самими французами для управления колониальной Камбоджей. Эти противоречия в 1930-х и 1940-х годах спровоцировали кризис самоидентификации среди образованных кхмеров, что стало своеобразным катализатором камбоджийского национализма. Суверенитет был главной темой идеологии красных кхмеров и этим не отличался от предыдущих режимов. Считалось, что раз люди, создавшие Ангкор, были кхмерами, то их потомки обладают выдающимися талантами. «Если наш народ был способен построить Ангкор-Ват, — как сказал в 1977 году

Пол Пот, — мы можем сделать все, что угодно». Начиная с 1940-х годов, изображение Ангкор-Вата стало появляться почти на **всех** камбоджийских флагах.[16]

В юности Салот Сар наверняка осознавал величие прошлого Камбоджи и оценку, данную ему французами. Не раз он проходил по залам археологического музея. Хотя, возможно, он и не бывал на самих руинах, но знал по жестам и костюмам королевских танцоров, что за фигуры и сцены были высечены на храмовых стенах. Такие индийские мифы, как «Рамаяна» и «Махабхарата», воспроизводившиеся в танцах, цитировались и исполнялись с ангкорских времен. Возмужав, Сар, наверное, тоже обращал внимание на явный контраст между величием Ангкор-Вата (и надписями на его стенах, раз уж на то пошло) и убогими, переполненными кварталами, в которых жили королевские танцоры, между «королями-богами» Ангкорской империи и современным камбоджийским монархом средних лет, часто надевавшим военный мундир французской армии и правившим лишь на нескольких акрах дворцового комплекса.

Пномпень был основан в XVI веке после того, как Ангкор был заброшен. Будучи перевалочным пунктом, город процветал до конца XVIII века, когда волнения во Вьетнаме, династическая неразбериха в Камбодже и набеги из Таиланда не разорили королевство. К тому времени город был отрезан от выхода к морю и зависел от вьетнамских торговых привилегий. Первая половина XIX столетия прошла в хаосе. В 1840-е Камбоджа как таковая почти исчезла с лица земли, поскольку тайские чиновники распоряжались большей частью страны к западу от Меконга, а вьетнамцы держали под контролем королевскую семью, столичный регион и восточную часть страны. Нелегкий мирный договор, заключенный между Таиландом и Вьетнамом в 1848 году, оставил большую часть территории Камбоджи под тайским протекторатом.

Французы обосновались в Камбодже в 1863 году, и на протяжении колониальной эпохи экономика Камбоджи была объединена с экономикой новой французской колонии в Южном Вьетнаме — Кохинхиной. Экспортом риса, кукурузы, сушеной рыбы, древесины и других продуктов заведовали китайские и вьетнамские предприниматели из Сайгона и его города-побратима Чолона, тогда как каучуковые плантации, освоенные на востоке Камбоджи в 1920-х годах, находились под контролем французов. Мелкие китайские торговцы скупали у кхмерских крестьян сельскохозяйственные продукты, в особенности рис. Китайцы обрабатывали камбоджийский рис и продавали за границу. Прибыли от этих сделок текли в карманы китайских и

китайско-кхмерских дельцов в Пномпень и провинциальные города Камбоджи, а затем — во французские, китайские и китайско-вьетнамские экспортные торговые дома в Пномпене и Сайгоне. Французская администрация устанавливала экспортные пошлины на зерновые, а также вводила прочие налоги, взимавшиеся с крестьян, чьим трудом кормился не только дворец (так было во все времена), но и колониальный режим (штат которого, по большей части, составляли вьетнамцы). Много лет спустя представитель Демократической Кампучии сравнил крошечный класс камбоджийских капиталистов с колониальными властями, «жившими за счет гнувшего на них спину» сельского населения Камбоджи.

В 1870-х годах, когда возникли оковы экономической зависимости, французы оставили «ловушки суверенитета» дяде Монивонга, королю Нородому (1860–1904) и его советникам. В обмен неторговые привилегии французы прибрали к рукам внешнюю политику, финансы и оборону Камбоджи. В 1880-х, после антиколониального восстания, французы стали осуществлять более систематический контроль над Камбоджей, и королевская власть была ущемлена. Для того чтобы компенсировать затраты на протекторат, были введены новые налоги. В провинции направлялись французы, наблюдавшие за действиями кхмерских губернаторов. Королю было назначено фиксированное содержание, к тому же он лишился права назначать и увольнять чиновников. При такой системе, сходной с порядками в королевских штатах Индии или регентствах нидерландской Ост-Индии, король сохранял престиж и некую символическую ценность, однако лишался всякой политической власти.[17]

После смерти короля Нородома в 1904 году трон перешел к его брату Сисовату, который помог Франции подавить восстание кхмеров в 1880-х. К тому моменту Камбоджа оказалась в руках французов. Сисовату нравилось быть марионеточным правителем. От французов он получал денежное содержание. Кроме того, они обеспечивали короля высококачественным опиумом. Как «главы государства» Сисоват и его сын Монивонг являлись покровителями камбоджийского буддизма, принимали важных зарубежных гостей и устраивали выступления королевского балета. Несмотря на специальные обращения к королю, подчеркивавшие его почти сверхъестественную силу, оба монарха пользовались меньшей свободой, чем их советники, и куда меньшей властью, чем французы. Монивонга такая ситуация не устраивала, однако он не мог вырваться на свободу. Он предпочитал убегать от действительности, сочиняя стихи, уезжая

в свое имение и наслаждаясь обществом свиты.

Прикрепленные к королевскому дворцу в 1930-х и 1940-х годах камбоджийцы, наподобие Салот Сара и его родственников, были отгорожены от китайского и китайско-кхмерского коммерческого сектора в Пномпене, от охватившей весь мир экономической депрессии и от необходимости добывать себе пропитание. Салот Сар жил в продуманном, безопасном, полностью камбоджийском мире в течение многих лет. Было бы ошибкой считать, будто будущего Пол Пота тяготило подобное положение и что именно поэтому он увлекся радикальными идеями. Возможно, время, проведенное во дворце и его окрестностях, усилило у Салот Сара ощущение принадлежности к кхмерам, не привязанным к китайцам и вьетнамцам, сделавшим из протектората коммерчески успешный проект. Вероятно, он перенял антифранцузские настроения, получившие широкое распространение у камбоджийских чиновников. Эта позиция могла укрепиться по мере того, как Салот Сар встречался все с большим числом французов, китайцев и вьетнамцев по сравнению стем, что ему довелось видеть в Прексбауве. Еще важнее то, что его любящая семья, упорядоченная домашняя жизнь, отсутствие борьбы за кусок хлеба, могли способствовать формированию обманчиво ровного психологического облика и невозмутимости, впечатлявшей наблюдателей до самого конца его карьеры.

Пока Салот Сар подрастал, в Камбодже почти не происходило никаких заметных политических событий. Активное сопротивление французскому режиму перестало существовать после 1880-х. А в сельской местности, где сосредоточилась основная часть населения страны, людей больше занимала забота о семье и пропитании, чем колониальная несправедливость. Для этих камбоджийцев столица и король были столь же далеки, как боги. Они воспринимали королевскую власть как жизненную данность, такую же, как смена времен года или эксплуатация (камбоджийский глагол «эксплуатировать», *чи-чо'ан,* в буквальном переводе означает «угнетать и попирать»), Кое-кто из французских наблюдателей ошибочно принимал покорность камбоджийцев за привязанность, а их учтивость — за проявление уважения. Другие французы были более осторожны и указывали на скрытую в психологии камбоджийцев склонность к насилию, аргументируя это фактами из сельской жизни. В деревушках действительно получил широкое распространение бандитизм, а ограбления зачастую сопровождались изнасилованиями, поджогами и убийствами. Однако в общем и целом, Камбоджа была просто находкой для французов, обеспечивая им высокие экономические достижения при низкой политической цене.

Для крестьян-кхмеров 1930-е годы были трудным временем. Возможно, именно экономические трудности заставили отца Салот Сара отправить двоих младших сыновей в Пномпень. Цены на камбоджийские продукты на мировом рынке падали, тогда как французские налоги — самые высокие в Индокитае на душу населения — оставались практически неизменными. В некоторых районах страны недоедание и неполная занятость стали весьма ощутимы, однако камбоджийцы открыто не жаловались и не брались за оружие.

С другой стороны, во Вьетнаме экономические затруднения и традиции сопротивления иностранному владычеству привели в 1930–1931 годах к разрозненным выступлениям, убийствам французских чиновников и нескольким восстаниям, которые были жестоко подавлены. Одно из них, состоявшееся в Центральном Вьетнаме, охватило десятки тысяч крестьян. К бунту их призывала недавно организованная Коммунистическая партия Индокитая (КПИ). До Второй мировой войны она насчитывала чрезвычайно малое количество камбоджийцев. И хотя французы искали доказательств того, что они называли «вирусом» социализма, Камбоджа, похоже, не заразилась этой болезнью.

Всплески национализма

В конце 1930-х, когда к власти во Франции пришло более толерантное правительство, Камбоджа почувствовала первые проявления «воображаемой общности», как назвал ее Бенедикт Андерсон. Этим понятием характеризуются националистические движения. Андерсон доказал, что данное явление почти всегда связано с развитием печатных средств массовой информации и повышением образовательного уровня, подчеркивающего индивидуальность общности, что частично выражается в изложении прошлого этой общности. В случае с Камбоджей доводы Андерсона оказываются справедливыми.[18]

Когда Салот Сар начал учиться в начальной школе, три молодых камбоджийца, связанные с Институтом буддизма в Пномпене, получили от французов разрешение издавать газету на кхмерском языке под названием *«Нагара Вамма»*(«Ангкор-Ват»), Это была первая такого рода газета в камбоджийской истории. Двое из этих людей, Сон Нгок Тань и Сим Вар, впоследствии сыграли заметную роль в политике Камбоджи. Третий, Пач Чхоён, занимал министерские посты в 1940-х и 1950-х годах. В *«Нагара Вамма»* сообщалось о деятельности камбоджийской элиты, перепечатывались тексты постановлений и декретов.

Редакторские статьи убеждали камбоджийцев «пробудиться» и разобраться с китайцами и вьетнамцами, захватившими коммерческую сферу Камбоджи. Тираж газеты превышал пять тысяч экземпляров. Но еженедельная читательская аудитория газеты, вероятнее всего, была гораздо больше, особенно среди буддийских монахов, передававших газету из рук в руки.

Французы основали Институт буддизма в 1930 году. Такони пытались изолировать камбоджийских буддистов от потенциально подрывных влияний из Таиланда. Вместо этого интеллигенты в Пномпене ощущали на себе воздействие отдельных политических течений, затрагивавших монахов из кхмерского меньшинства на территории Южного Вьетнама. Институт служил местом проверки и хранения камбоджийских религиозных и литературных текстов, а также когда-то центром встречи буддийской интеллигенции (большинство этих людей было монахами или носило буддистское монашеское одеяние). Кроме того, институт координировал высшие ступени монастырского образования. В издаваемом им журнале *«Камбуджа Суря»* («Солнце Камбоджи») публиковались стихи, романы, поговорки, хроники, народные сказки и религиозные тексты.[19]

Основав *«Нагара Ватта»,* редакторы этой газеты попытались добиться королевского покровительства, однако получили резкий отказ от старшего сына Монивонга, принца Сисовата Монирета. В довольно грубой форме он сказал им, что, на его взгляд, образование — лишь пустая трата времени, поскольку более образованными кхмерами будет «трудно управлять». Тогда редакторы обратились к зятю Монирета, принцу Нородому Сурамариту. Тот согласился стать патроном газеты. В течение многих лет он оставался близким другом Таня, Вара и Чхоёна, особенно после того, как его сын, Нородом Сианук, в 1941 году унаследовал трон.

Институт буддизма находился всего лишь в нескольких сотнях ярдов от Королевского дворца, поэтому не исключено, что Меак, Сами и Суонг знали редакторов *«Нагара Ватта»* в лицо, подписывались на газету и одобряли ее умеренно националистическую позицию. Другие читатели сосредоточились в буддийской *сангхье* (монашеской общине) и среди выпускников единственной в Камбодже средней школы, Лицее Сисовата в Пномпене. В конце 1930-х в Лицее училось несколько будущих премьер-министров Камбоджи и одна серьезная девушка по имени Кхьё Поннари, которая была на восемь лет старше Салот Сара. Она стала первой камбоджийской женщиной, получившей степень бакалавра. В 1956 году Кхьё Поннари и Салот Сар

поженились.[20]

В 1936–1942 годах — когда выходила газета *«Нагара Ватта»* — Салот Сар посещал католическую начальную школу, Эколь Мише, находившуюся около дворца. Обучение мальчика оплачивала Меак. Среди его одноклассников преобладали дети французских чиновников и вьетнамцев-католиков. Один из них, чье детство прошло вблизи дворца, запомнил Сара «очень обаятельным, как и его [приемная] мать». Подробности этого периода жизни Салот Сара до нас не дошли. За это время он изучил французский язык, ознакомился с христианской доктриной и получил основы классического образования. Однако в последние годы обучения Сара в католической школе произошло несколько событий, изменивших ход истории Камбоджи и повлиявших на карьеру самого Салот Сара.

Началась франко-тайская война 1940–1941 годов, за которой последовало завоевание Франции немецкой армией. В результате Таиланд аннексировал северо-западные провинции Камбоджи — Баттамбанг и Сиемреап. Утрата такой большой части территории привела Монивонга в ярость, и он удалился в свое имение в Компонгчхнанге. Вскоре король серьезно заболел и в последние месяцы жизни наотрез отказывался говорить по-французски. Младшая сестра Салот Сара, Сароён, находилась у постели короля, когда тот умер. Это произошло в апреле 1941 года, как раз тогда, когда японцы, жаждавшие продвинуться в южную часть Юго-Восточной Азии, увеличивали военное давление на французов в Индокитае.

И вот в такой пугающей атмосфере, отрезанный от новостей с родины, генерал-губернатор французского Индокитая адмирал Жан Деку, выбирая наследника Монивонга, обошел принца Монирета и оторвал позднего внука короля, девятнадцатилетнего Нородома Сианука, от учебы в Сайгоне, чтобы возвести его на трон.[21]

Переезд в Компонгчам

В течение нескольких лет молодой король был послушным инструментом французской колониальной политики. Французы беспокоились о том, как бы им повысить престиж традиционных правителей в Индокитае, не расширяя реальной политической власти короля. В качестве элемента этой кампании они решили основать неполную среднюю школу (*коллеж)* в третьем по величине камбоджийском городе Компонгчаме и назвать ее в честь короля. Новая школа заменила коллеж в Баттамбанге,

которым управляли тайцы. Баттамбанг был вторым по величине городом в Камбодже и самой процветающей провинцией страны, однако Компонгчам почти ничем ему не уступал. В 1920-х годах французы организовали в провинции Компонгчам каучуковые плантации, а местные крестьяне занялись прибыльным огородничеством и разведением тутового шелкопряда вдоль Меконга. Небольшие производства региона давали шелк, табак, пиломатериалы и хлопчатобумажную ткань. Обладая динамично развивавшейся экономикой, находившейся в руках представителей таких национальных меньшинств, как чамы, вьетнамцы и китайцы, Компонгчам, помимо всего прочего, был самой космополитичной провинцией в королевстве.

Двадцать мальчиков из различных провинций Камбоджи поступили в первый класс Коллежа Нородома Сианука в 1942 году. Всем им предстояло стать пансионерами. Салот Сар был одним из представителей Компонгтома в коллеже. К сожалению, дата его переезда в Компонгчам неизвестна, поэтому невозможно сказать, видел ли он анти-французскую демонстрацию в Пномпене, состоявшуюся 20 июля 1942 года и сразу же вошедшую в националистическую мифологию Камбоджи. Эта демонстрация стала важнейшим политическим событием в Камбодже начала 1940-х годов и первым массовым выступлением против французов за последние двадцать лет.

В сентябре 1941 года, как раз перед коронацией Сианука, адмирал Деку согласился разрешить японским войскам разместиться в Индокитае; взамен Япония должна была позволить Франции сохранить административный контроль над регионом. Вдохновленные триумфальной оккупацией большей части Юго-Восточной Азии, которую японцы провернули в первые четыре месяца 1942 года, и, возможно, получавшие психологическую и финансовую поддержку тайной полиции Японии, некоторые камбоджийцы увидели в сложившейся ситуации возможность вынудить Францию пойти на политические уступки. В июле 1942 года французы арестовали двух камбоджийских монахов зато, что они читали проповеди анти-французской направленности местным милиционерам. Французы пытались как можно скорее передать пропагандистов в руки правосудия, однако им не удалось выдворить монахов из сангхьи. Это святотатство несказанно возмутило буддистов Пномпеня. 20 июля Сон Нгок Тань и Пач Чхоён организовали демонстрацию, в которой приняло участие свыше пятисот монахов и, вероятно, большое количество горожан. Возглавляемая Чхоёном группа демонстрантов промаршировала к офису главного французского управляющего. Тысячи людей, включая французскую полицию,

следили за демонстрацией с тротуаров главного городского бульвара. К огорчению Тана, японцы ничем не поддержали демонстрацию. Когда Чхоён представил петицию французским властям, его арестовали и бросили в тюрьму. В течение следующих нескольких дней поймали горстку соратников. Тань ушел в подполье и вскоре бежал в Баттамбанг, откуда обратился к японскому императору с просьбой дозволить ему жить в Японии. Разрешение пришло несколько месяцев спустя, и оставшиеся два года войны Тань провел в Токио под вымышленным именем.

Независимо оттого, видел ли Салот Сар эту демонстрацию или нет, он должен был слышать о ней от современников и родственников, хотя политика еще не занимала ни его самого, ни его однокашников. Все занятия в школе велись на французском языке, и студентам не разрешалось разговаривать на кхмерском даже между собой. Они изучали литературу, историю, географию, математику, естественные науки и философию, играли в футбол и баскетбол, учились исполнять различные пьесы на музыкальных инструментах (Салот Сар выбрал скрипку) и устраивали сценические постановки. Один из выпускников коллежа вспомнил спектакль «Мещанин во дворянстве» Мольера, главную роль в котором играл студент по имени Ху Ним. Впоследствии он вступит в Коммунистическую партию и станет министром информации. В том же коллеже, но классом младше учился старший сын судьи из Компонгчама Кхьё Самфан. Современники описывали его как умного, амбициозного и замкнутого молодого человека. После обучения во Франции, где он примкнул к коммунистам, Самфан номинально возглавил Демократическую Кампучию. В 1977 году он начал контролировать работу Центрального Комитета Коммунистической партии. К тому моменту он верой и правдой служил коммунистическому движению уже двадцать лет. Среди тех, кто учился с Салот Саром и позже стал коммунистом, были Хоу Йоун и Кхьё Комар.[22]

Любимым преподавателем учеников в те годы был Кхван Сифан, который пришел к ним в 1945 году преподавать математику, физику и философию. Несколько бывших выпускников коллежа запомнили Сифана, которому тогда было за двадцать, как «честного и вдохновенного» человека и выделяли его среди других за преподавательский талант, доброе отношение к ученикам и порядочность. «Он был честным, добрым и всегда приходил на помощь», — так описывает его один из выпускников. Эти черты резко контрастировали с деспотической манерой поведения французских учителей, чьих имен выпускники не смогли запомнить. В свете последующих успехов Салот Сара на преподавательском поприще и его репутации справедливого

человека весьма соблазнительно рассматривать Кхван Сифана в качестве первой из нескольких ролевых моделей, которым подражал Салот Сар.[23]

Эти молодые люди не могли не заметить резкого контраста между блеском и великолепием истории Франции, как она преподносилась в коллеже, и затравленными французами начала 1940-х годов. Когда ученикам рассказывали о «цивилизаторской миссии» Франции, они прекрасно знали, что Франция оккупирована Германией, что Баттамбанг и Сиемреап захвачены Таиландом и что японские войска расположились в Компонгчаме. Когда-то всесильная Франция теперь лишилась почти всей своей власти.

Современникам в Компонгчаме Салот Сар запомнился заурядным учеником. «Он был откровенным, приятным и очень честным», — сказал один из них. Другой вспомнил, что Сар «много думал, но очень мало говорил», тогда как третий отметил, что большую часть своего свободного времени Сар проводил за игрой в баскетбол и в футбол: «Он был весьма неплохим, но не выдающимся игроком». Похоже, у Салот Сара не было явных амбиций. Ему нравилось плыть по течению, наслаждаясь компанией своих товарищей, но не производя на них сильного впечатления, чувствуя себя в безопасности, зная, что он находится среди друзей и его всегда хорошо примут в Пномпене и Прексбауве.

По иронии судьбы — если посмотреть на их дальнейшие пути — ближайшим другом Салот Сара в школе был Лон Нон, сын одного компонгчамского чиновника. Его старший брат, Лон Нол, в 1970 году станет президентом Кхмерской республики и приведет свою страну к поражению от камбоджийских коммунистов, которых возглавит Сар, и коммунистов из Вьетнама. Доказательств того, что дружба с Лон Ноном продолжилась и в 1950-е годы, в то время, когда Сар набирал политический вес, нет. В период Кхмерской республики Нон помогал своему недалекому брату разрешать политические затруднения. Когда в 1975 году перед республикой замаячило поражение, Лон Нон, дослужившийся к тому моменту до генерала, понадеялся сыграть на своей дружбе с коммунистами, которые ходили с ним в одну школу в Компонгчаме. Он остался в Пномпене после захвата города, уверенный в том, что старые друзья помнят его и он сможет с ними договориться. Его казнили через сорок восемь часов.[24]

В конце 1944 года война в Тихоокеанском регионе бушевала вовсю, и студенты в Компонгчаме ощутили на себе некоторые из последствий активных военных действий. В феврале 1945 года

самолеты союзников бомбили Пномпень, а американские бомбардировки, поражавшие каботажные суда, отрезали южную часть Вьетнама от менее удачливого севера, где страшный голод унес жизни десятков тысяч человек. Партизанские отряды коммунистов, называвшие себя Вьетминем, начали атаковать отдельные японские позиции на севере Вьетнама. Тайское правительство стало склоняться к лагерю союзников. Большая часть Франции была освобождена от немецкого контроля, и новое французское правительство во главе с генералом Шарлем де Голлем обязалось помогать Великобритании и Соединенным Штатам в войне с Японией. Де Голль также пообещал восстановить правление Франции в Индокитае. Предчувствуя приближающиеся изменения в политической обстановке, некоторые французские офицеры и гражданские чиновники тайком стали работать на де Голля.

Ответ японцев был быстрым и неожиданным. 9 марта 1945 года они совершили *coup de force*[25] в Индокитае, бросив французских служащих и военных в тюрьму, а других французских граждан поместили под домашний арест. Вскоре после этого потребовали у правителей Вьетнама, Лаоса и Камбоджи объявить их королевства независимыми. Король Сианук исполнил это требование 11 марта. Французский протекторат, который почти каждый камбоджиец считал данностью жизни, был запросто сметен.[26]

Для студентов Компонгчама остаток года был отмечен послаблением дисциплины, поскольку французские преподаватели содержались под стражей, а их место заняли менее опытные кхмерские учителя наподобие Кхван Сифана. Мальчиков взволновали пришедшие из Пномпеня новости о майском возвращении из Японии Сон Нгок Таня и о проведении третьей годовщины монашеской демонстрации. Она была отмечена парадом, в котором участвовало свыше десяти тысяч человек. Они прошествовали мимо Королевского дворца. К тому моменту Тань стал министром иностранных дел Камбоджи.

В последние месяцы 1945 года существовало много возможностей, грозивших ликвидировать политические изменения в Камбодже. Вьетминь вербовал своих сторонников среди вьетнамских рабочих на каучуковых плантациях Компонгчама и вдоль границы с Вьетнамом, распространял оружие и вел пропаганду. Не существует доказательств того, что Салот Сар обратил на эти события особое внимание, однако, подобно другим ученикам, он наверняка знал о них.

В августе, незадолго до капитуляции Японии, Сон Нгок Тань стал премьер-министром Камбоджи. Два месяца он боролся за

сохранение независимости королевства. В сентябре французские военные части снова захватили Камбоджу, освободили арестованных в марте должностных лиц и постепенно восстановили прежний контроль. В октябре они арестовали Таня, которого обвинили в предательстве. Его судили в Сайгоне в 1946 году и затем выслали во Францию. Столкнувшись с нарастающим насилием в Кохинхине и опасаясь возникновения подобной проблемы в Камбодже, французы выразили готовность вести с ней дела напрямую, а не через простое восстановление протектората. После переговоров с принцем Мониретом, заменившим Сон Нгок Таня, в начале 1946 года французы предложили даровать Камбодже конституцию и разрешить формирование политических партий. Король Сианук, пользовавшийся независимостью, пока существовала такая возможность, согласился.

Возвращение в Пномпень

Мы не знаем, чем занимался Салот Сар в 1946 году. По-видимому, он покинул стены Коллежа Сианука в 1947 году, потому что в следующем году поступил в Техническую школу на обучение плотничному делу. Это заведение находилось в Руссейкео, северном пригороде Пномпеня. Несколько его однокашников из Компонгчама, включая Хоу Йоуна, Ху Нима и Кхьё Самфана, поступили в более престижный Лицей Сисовата. Не ясно, действительно Салот Сар хотел получить техническое образование или же, как он признался в 1978 году, он не сумел сдать экзамены, которые позволили бы ему претендовать на получение степени бакалавра. Нам известно, что в августе 1948 году Сар на самом деле сдавал экзамены, так что последнее объяснение кажется более вероятным.[27]

На занятиях в Технической школе Салот Сар познакомился с менее привилегированными молодыми людьми, многие из которых отвернулись от французов и от традиционной элиты страны. Оставив свое французское образование и дворцовые связи, Сар не перестал принадлежать к привилегированному меньшинству. К 1947 году лишь несколько тысяч камбоджийцев получили столь же серьезное образование, как он. В 1948 году Сар был в числе семидесяти семи студентов протектората, сдававших вступительные экзамены в лицей. Через год он попадет в первую сотню мужчин и женщин, отправленных во Францию по правительственной стипендии. Приобщение Салот Сара к активной политической деятельности и социалистическим идеям произойдет вопреки его привилегированному положению и до

того, как он начнет зарабатывать себе на жизнь.

Многие из современников Салот Сара пошли тем же путем, что и он. Однако большинство из них получили, по крайней мере, по одному диплому, выросли не в таких тепличных условиях и оказали большее впечатление на окружающих, чем Сар. Ни один из людей, с которыми я встретился во время своих исследований, знавших Салот Сара до 1952 года, не признался, что тогда разглядел в нем потенциального лидера или удачливого профессионала. Вновь перед нами встает вопрос о личности Сара. Намеренно ли он держался в тени, действительно ли не обладал выдающимися способностями или он не ставил себе цели оказать сильное впечатление на других людей, вообще не заботясь об этом?

Вряд ли за одной партой с Салот Саром в Технической школе сидели крестьяне. Тем не менее это были выходцы из более низких слоев камбоджийского общества, чем студенты в Компонгчаме или в Эколь Мише. Один из них, Сок Кнол, сын мелкого чиновника, впоследствии стал заметной фигурой в коммунистическом движении, попав в чистку 1978 года. Таких сокурсников вежливые, спокойные манеры Сара наверняка не коробили, и он вполне мог счесть их интересы менее опасными для себя, чем интересы своих академически одаренных друзей в Компонгчаме. К сожалению, никаких подробностей о пребывании Сара в Технической школе не обнаружилось. Неизвестна дата его зачисления, хотя Лот Суонг и Чеа Сами несколько раз заявляли, что Сар поступил туда сразу после приезда из Компонгчама.

В то время Салот Сар подружился с Иенг Сари, студентом Лицея Сисовата. Познакомились они в 1947 году. Сар получит правительственную стипендию в 1949, а Сари — в 1951 году. Они вместе приехали в Париж, там вступили в Коммунистическую партию Франции, женились на сестрах и, по возвращении Сари в Камбоджу в 1957 году, стали активными участниками коммунистического движения в Пномпене. В 1963 году они вместе покинули столицу и ушли к партизанам. Друзья руководили камбоджийской революцией и делами Коммунистической партии Кампучии, пока она находилась у власти.

Иенг Сари родился и вырос среди немногочисленных камбоджийцев, проживавших в Кохинхине. Его отец Ким Реам был зажиточным землевладельцем. После смерти отца маленького Сари отправили жить к родственникам в провинцию Прейвенг. Ему дали имя Иенг Сари, звучавшее более по-кхмерски, чем данное ему при рождении имя Ким Транг. Кроме того, ему изменили и дату рождения, чтобы подогнать возраст для

поступления в начальную школу. Продемонстрировав чрезвычайно хорошие способности, в 1942 или 1943 году Сари приезжаете Пномпень, чтобы продолжить образование. В 1945 году его награждают стипендией в Лицее Сисовата. Вскоре он обратил на себя внимание благодаря уму и интересу к политическим действиям. В бурные 1945–1946 годы, еще до встречи с Саром, Сари становится политиком. Как и многие из близких соратников Сара, Иенг Сари оказал более сильное впечатление на окружающих, чем Салот Сар. Он был более общительным по сравнению с Саром и легче заводил друзей. Поскольку Сари был более резким человеком, чем Сар, у него было и больше врагов.[28]

Работа на демократов

По соглашению, достигнутому Мониретом и французами в начале 1946 года, вскоре в Камбодже появилось несколько политических партий. Лишь Демократическая партия *(Канакпакпрочеанеатипдей)* предлагала передовую программу и опиралась на националистические традиции *«Нагара Ватта»* и демонстрацию буддийского монашества. Партия пользовалась поддержкой монахов и бывших монахов, учителей, молодых чиновников и большинства выпускников и студентов старших курсов Лицея Сисовата (поддерживал ее, к примеру, Иенг Сари). Партия стала первой политической организацией в Камбодже, ориентированной на смену строя. В то время появились и другие, более консервативные партии. Одна из них тайно финансировалась французами. Однако они получили гораздо меньшую поддержку населения, чем Демократическая партия.

Предводитель демократов, принц Сисоват Ютевонг, только что возвратился домой после пятнадцатилетнего пребывания во Франции. Он привлекал к себе и вдохновлял почти каждого, кто встречался с ним. У него была докторская степень по математике и докторская степень по астрономии, а вдобавок — связи с Французской социалистической партией. Больше того, его долгое отсутствие на родине и непричастность к дворцовым интригам означали, что в отличие от огромного числа своих королевских родственников он не был опутан сетями патронажа, дворцового протокола и обязательств. В робкую и вялую камбоджийскую политику Ютевонг в 1946 году привнес новые представления и надежду.[29] Первое подтверждение популярности демократов было получено в сентябре 1946 года. Тогда Демократическая партия выставила своих кандидатов на выборы в консультативное

собрание, которое должно было одобрить конституцию, находившуюся в стадии разработки. Демократы получили пятьдесят мест из шестидесяти семи, либералы, которых субсидировали французы, — четырнадцать, а оставшиеся три кресла достались независимым кандидатам.

Принц Ютевонг и его сторонники переделывали проект конституции, где проскальзывали роялистские настроения, до тех пор, пока она не стала напоминать конституцию Франции. Новый вариант предоставлял основную полноту власти избираемому Национальному Собранию, а не формальному главе государства. Несмотря на неожиданную смерть Ютевонга в июле 1947 года, демократы победили на выборах, которые состоялись позже в этом же году, получив пятьдесят четыре места из девяноста. Согласно сведениям Кенга Ваннсака, знавшего Салот Сара и Иенга Сари еще в Париже, оба молодых человека во время предвыборной кампании работали на Демократическую партию. [30]

В период между выборами и отправкой во Францию по стипендии, Салот Сар посещал Техническую школу и готовился к вступительным экзаменам в лицей, на которых, вероятно, провалился в августе 1948 года. В этот период политическая жизнь Камбоджи набирала обороты. В 1947–1949 годах Сианук и французы все больше разочаровывались в демократах. Они не без основания подозревали, что партия желала управлять Камбоджей без их контроля или совета. В 1947 году перед выборами в Национальное Собрание, французы арестовали нескольких членов консультативного собрания по ложным обвинениям. Этих людей держали в тюрьме несколько месяцев без суда и следствия, кого-то даже пытали, но в конце концов, освобождали. После скандалов с членами собрания Сианук распустил его и начал править на основе чрезвычайных полномочий, прислушиваясь к советам партийных диссидентов и членов партий, которые провалились на выборах 1947 года.

Тем временем в селах разворачивалось вооруженное сопротивление французам. Некоторые объединения повстанцев были основаны тайцами и называли себя Кхмер Иссарак («Освобожденные кхмеры»); в состав других входили бывшие бандиты и лица, скрывавшиеся от французской полиции. На границе с Вьетнамом сопротивление координировалось Коммунистической партией Индокитая, в которой преобладали вьетнамцы. Хотя в 1946 году партия была якобы распущена в рамках стратегии единого фронта, нацеленной на сопротивление французам, она продолжала тайно существовать. По мере разрастания борьбы в Индокитае коммунисты стремились

привлекать новых членов из Лаоса, Камбоджи и Вьетнама. Двое самых видных камбоджийских членов партии, вступивших в нее во время Второй мировой войны, в прошлом были монахами, взявшими революционные псевдонимы — Сон Нгок Минь (Акар Меан) и Ту Самут. Оба выросли в южном Вьетнаме и бегло говорили по-вьетнамски. К 1949 году Самут уже играл главную роль в сопротивлении и стал наставником Салот Сара, когда тот активно включился в коммунистическое движение. Впрочем, в то время лояльных представителей образованной камбоджийской элиты, включая Салот Сара, больше привлекали демократы и политическая деятельность, а не Коммунистическая партия Индокитая и вооруженная борьба.[31]

Не ясно, по каким причинам Салот Сар с его непримечательной учебной репутацией в 1949 году был награжден стипендией для продолжения обучения во Франции. В каком-то интервью один из старших братьев Сара отрицал, что к получению стипендии имели отношения дворцовые связи. Более вероятным кажется то, что после сотрудничества с Иенг Сари на Салот Сара обратили благосклонное внимание такие демократы, как Чхеам Ван, новый премьер-министр Камбоджи и бывший директор Лицея Сисовата, а также Иё Коёсс, одержавший полную победу на выборах в качестве кандидата от Демократической партии в Пномпене. Под контролем демократов находилось Министерство образования, которое выдавало стипендии, и многие из направленных во Францию были связаны с Демократической партией. Один из получивших стипендию студентов, Мей Манн, именно так прокомментировал эту ситуацию в интервью, которое взял у него в 1997 году Стив Гедер. Существует еще одно объяснение тому, что выбор демократов пал в том числе и на Салот Сара. Причина скрывалась в политике Демократической партии, унаследованной от *«Нагара Ватта»*. Она поощряла стремление камбоджийцев получать профессии радиоэлектронщиков, плотников и портных, а также фотографов, поскольку эти сферы были монополизированы вьетнамским меньшинством. Как студент Технической школы, хорошо знавший французский язык, Салот Сар явился идеальной кандидатурой.[32]

Получив стипендию, Салот Сар вновь вошел в элиту, как получалось каждый раз, когда он попадал в какое-то образовательное учреждение. С 1946 года лишь сто камбоджийских студентов были награждены стипендиями для получения высшего образования во Франции. В 1949 году большинство из них продолжало находиться в метрополии. В их число входили члены наиболее знаменитых семей Камбоджи, а также несколько человек, которые впоследствии сыграют важную

роль в политической жизни страны.[33]

Неизвестно, благодаря чему Салот Сар получил свою стипендию, да это не так уж и важно. Как бы там ни было, в августе 1949 года партия демократов организовала званый обед в честь студентов, которым предстояло через два месяца отплыть во Францию. Обед состоялся за десять дней до того, как Салот Сар вместе с двадцатью своими товарищами должен был взойти на борт парохода «Ямайка» в Сайгоне. Их ожидало месячное путешествие по океанским просторам. Соблазнительно представить себе шумный китайский ресторан с потолочными вентиляторами, разгонявшими горячий воздух, где представители Министерства образования пили за этих молодых людей и девушек как за надежду Камбоджи, а Салот Сар робко улыбался в ответ. Он снова оказался в авангарде, не приложив для этого больших усилий. Возможно, он не думал о дальнейшем обучении, но его, без сомнения, радовала возможность сменить обстановку.[34]

Глава 2
Превращение в коммуниста, 1949–1953

Первый год в Париже

Почти целый месяц «Ямайка» шла на запад по волнам Индийского океана и Красного моря. Из двадцати одного камбоджийского студента, находившихся на борту парохода, лишь трое были старше двадцати трех, остальным не исполнилось и двадцати. Никто из этих стипендиатов, за исключением одного-двух, детство которых прошло в Кохинхине, еще не бывал за границей. Пятеро из них — Чау Сенг, Мей Манн, Мей Фат, Салот Сар и Ух Вен — впоследствии стали известными деятелями коммунистической Камбоджи. Они вступили в партию, когда это было модно, — в начале 1950-х годов, во времена нестабильной Четвертой республики, когда находившееся под контролем коммунистов сопротивление отважно противостояло французским колониальным властям. Это была лучшая пора Коммунистической партии Франции. Пребывание кхмерских студентов в Париже совпало с последними годами жизни Сталина и апофеозом культа его личности. Коммунистическая партия, одна из самых сильных во Франции, рассматривалась как наиболее просталинская за пределами Восточной Европы.

Кроме того, 1949–1953 годы были отмечены победой коммунизма в Китае и конфронтацией между армиями коммунистов и антикоммунистов во времена Корейской войны. Многим молодым кхмерам и миллионам молодых людей во Франции коммунизм казался той силой, за которой будущее.[35]

Однако вряд ли во время морского путешествия молодые камбоджийцы много размышляли о политике. Вероятно, большая часть стипендиатов у себя на родине поддерживала демократов, и, возможно, в их политических взглядах преклонение перед Сон Нгок Таном смешивалось со смутными надеждами на независимость Камбоджи. Молодых людей занимало их собственное будущее, а не судьба Камбоджи. «Какая она, Франция?» — спрашивали они друг у друга. Что с нами произойдет? В отличие от своих новых знакомых Салот Сар с малых лет переезжал с места на место, поэтому не исключено, что он держался спокойнее, увереннее своих спутников и меньше

тосковал по дому.

Их корабль прибыл в Марсель в конце сентября, после чего камбоджийские стипендиаты разъехались по разным местам, заранее назначенным Министерством образования Камбоджи. Большинство из них уезжало из Марселя на поезде. Чтобы добраться из порта на вокзал, следовало подняться по широкой лестнице, украшенной гигантскими статуями, аллегорически изображавшими заморские владения Франции. Они и поныне там. Одна, под названием «Наши азиатские владения», изображает девочку-подростка в ангкорском домашнем платье (символ Камбоджи). Обнаженные до пояса девочки помладше (Лаос и Вьетнам) протягивают ей статуэтку Будды и фрукты. В этой композиции нашли отражение три стандартных представления французов о камбоджийцах и жителях Индокитая: они как дети, экзотичны и сексуально раскованны. Обучаясь во французской школе, Салот Сар и его друзья на себе познали действие этих стереотипов. Вдыхая холодный марсельский воздух, они быстро прошли мимо статуй, чтобы успеть на поезда. [36]

Прибыв в Париж, Салот Сар, как и многие камбоджийские студенты, начал с того, что получил комнату в индокитайском корпусе университетского городка, на территории которого проживали французские и иностранные студенты. «В первый год, — как вспоминал Пол Пот в 1978 году, — я довольно много работал. Я действительно был хорошим студентом». За исключением коротких каникул он провел в Париже больше трех лет. Нам известно, что Сар записался на курсы, связанные с радиоэлектроникой. Мы также знаем, где он жил в 1951 и 1952 годах. Мы располагаем разрозненными и противоречивыми свидетельствами камбоджийцев, знавших Салот Сара в это время. Ученая карьера мало заботила его, если он вообще о ней думал. Он не сдавал экзаменов и в результате лишился стипендии. К моменту отбытия на родину в декабре 1952 года он не получил формальной степени.[37]

Важнейшим событием этого периода, сточки зрения биографии Салот Сара, стало его вступление в Коммунистическую партию Франции. Этот шаг он совершил, вероятно, в 1952 году. По возвращении в Камбоджу он присоединился к коммунистическому сопротивлению, лидирующие позиции в котором занимали вьетнамцы, и стал членом Коммунистической партии Индокитая, поскольку самостоятельной камбоджийской партии еще не существовало. Эти политические связи и запутанные отношения с Вьетнамом повлияли на всю жизнь Салот Сара.

Общение и дружба Сара с другими камбоджийцами, учившимися в Париже, также воздействовали на его карьеру. Наибольшее значение имели его отношения с радикалами Тиоунн Муммом и Кенг Ваннсаком, появившимися в Париже в 1946 году, и с Иенг Сари. Последний прибыл во Францию в конце 1950 года.

Тиоунн Мумм принадлежал к самой могущественной пномпеньской семье некоролевского происхождения. Его дед, известный как просто Тиун, нажил состояние, будучи министром дворцовых дел при королях Нородоме, Сисовате и Монивонге. Отец Мумма, Тиоунн Хол, стал первым камбоджийцем, получившим лицейское и университетское образование во Франции. Мумм, который был старше Салот Сара на несколько лет, до 1945 года учился в Ханойском университете, а потом поспешно вернулся в Пномпень. В 1946 году он попал в число первых камбоджийских студентов, отправленных на учебу во Францию. Тиоунн Мумм специализировался на прикладной науке и впоследствии сделал заметную академическую карьеру. В 1951 году он, по-видимому, вступил в ряды Коммунистической партии Франции. Вероятно, именно Мумм в 1952 году привлек Сара в эту партию.[38]

Кенг Ваннсак происходил из менее знатной семьи, чем Тиоунн Мумм, хотя у него и были кое-какие связи с королевской семьей. Во время Второй мировой войны он посещал Лицей Сисовата, где преуспел в занятиях литературой и сошелся с талантливым молодым радикалом Иенг Сари. Ваннсак отправился во Францию изучать камбоджийскую лингвистику. Несмотря на тягу к «левым», он так никогда и не стал коммунистом. Как пламенному националисту с антироялистским уклоном, Ваннсаку был ближе Салот Сар, чем Тиоунн Мумм, так что он помог Сару сформировать некоторые политические идеи.[39]

Больше века «город света» сохранял репутацию центра активной интеллектуальной жизни. В 1949 году художники, политики, писатели, философы и музыканты принадлежали к различным соперничающим направлениям, увлекаясь экзистенциализмом, постимпрессионизмом, феноменологией, голлизмом и коммунизмом; и это далеко не все. Новые достижения в этих и многих других культурных и политических течениях превратили Париж в упоительное место для молодежи, получающей высшее образование. Свою лепту сюда вносили и традиции свободы и революционной мысли, которыми отличался город. Политические партии и связанные с ними газеты процветали, порождая живые и острые дебаты. Для студентов того поколения, к которому принадлежал Салот Сар, конец 1940-х

и начало 1950-х годов были наполнены горячими спорами о политике, искусстве и философии, близкой дружбой и ночными посиделками, ощущением принадлежности к возрожденному миру, лечащему раны, нанесенные войной. Чтобы понять «обращение» Салот Сара в коммуниста, мы должны увидеть его среди покрытых сажей домов, усыпанных листьями улиц и задымленных кафе Латинского квартала — среди тысяч молодых людей и девушек, принимавших похожие решения. В отличие от многих современников он никогда не отречется от коммунизма, не пожалеет о своем решении и на всю жизнь сохранит верность своим идеалам.

Для понимания националистического пыла, привнесенного Салот Саром в представления о коммунизме, мы должны представить себе, насколько он был далек от своего окружения. Ведь Франция не была его домом. На холодных переполненных улицах и в тесных студенческих кварталах он, должно быть, часто ощущал себя одиноким и потерянным. Хотя Салот Сар бегло говорил и читал по-французски, у него не было духовной связи с этой страной. В отличие от Мумма и Ваннсака, женившихся на француженках, Сар почти ничего не делал для того, чтобы освоиться во Франции. По-видимому, среди его друзей преобладали кхмеры. Возможно, именно здесь он осознал себя настоящим камбоджийцем.

Однако первый известный поступок, совершенный Салот Саром в Париже, был на удивление рискованным. На летних каникулах в 1950 году он и еще семнадцать других камбоджийцев вместе с французскими студентами добровольно записались в рабочий батальон, направлявшийся в изменническую коммунистическую Югославию, два года назад разорвавшую соглашение с Советским Союзом. Решение Сара указывает на то, что в тот момент он еще не являлся членом Коммунистической партии Франции, поскольку члены партии, ездившие в Югославию в июле 1950 года, были без промедления изгнаны из ее рядов. Однако этот поступок Сара мог иметь лишь косвенное отношение к политике. Поездка в Югославию могла быть способом бесплатно отдохнуть. И действительно — в интервью Нейту Тейеру в 1997 году Пол Пот сказал следующее: «Я поехал в [Югославию], потому что начались каникулы, а у меня не было денег., мы поехали просто ради удовольствия».

Чем бы на самом деле ни руководствовался Сар, факт остается фактом: целый месяц он работал на Коммунистическую партию Югославии в самый захватывающий момент ее становления. Во главе страны стоял тогда герой сопротивления Иосип Броз Тито. Разорвав отношения с Советами, он вызвал

шквал злобных атак со стороны СССР и коммунистических партий Европы. Начиная с 1948 и до конца 1950 года титовская Югославия находилась в одиночестве, ожидая вторжения советских войск. Чтобы мобилизовать свой народ, Тито вовлек его в грандиозное строительство. Этот возведенный на национальной основе коммунизм стал публичным оскорблением, брошенным в лицо Сталину. Тито взывал о помощи к антикоммунистически настроенной интеллигенции Франции, включая членов Социалистической партии, испуганных раболепием французских коммунистов перед Советским Союзом. Как вспоминает Пьер Брошо, в 1949–1950 годах парижские лицеи превратились в настоящее поле битвы: здесь столкнулись социалисты, пытавшиеся привлечь студентов к работе в Югославии, и коммунисты, стремившиеся удержать их дома. Возможно, Сар угодил в эту кампанию по вербовке добровольцев.[40] Двадцать восемь лет спустя он сообщил югославским журналистам, что провел «больше месяца», вкалывая в Загребе. «Я имел возможность встречаться с югославами и посетил фольклорное представление, которое устроили югославы», — сказал он с улыбкой.[41]

Заманчиво поразмышлять о том, что поразило Салот Сара в Югославии. Несомненно, до этого ему еще не приходилось наблюдать социальной мобилизации или общественных работ в таком масштабе, да и заниматься таким тяжелым физическим трудом в команде — тоже. В то лето Югославия страдала от сильной засухи, голода и голодных бунтов. Агрессия СССР была не надуманной, а вполне реальной возможностью. На этот вызов Югославия ответила во многом так, как Советский Союз в период «военного коммунизма», — мобилизовала революционный энтузиазм народа. Придя к власти, Сар последовал ее же примеру.

Реакция Салот Сара на Югославию, вероятно, была схожей с впечатлениями Иё Янга, одного из поехавших туда камбоджийцев. Янг написал благодарственное письмо югославским властям, где он в пылких выражениях описал свои ощущения. В письме использовались фразы, предвещавшие некоторые хвалебные выражения, которые будут звучать во время правления Пол Пота через двадцать пять лет. «Повсюду, — писал Янг, — Народная Федеративная Республика Югославия напоминает огромную стройку, где мостят дороги, возводят фабрики, железнодорожные пути и гидравлические центры. Эти усилия достойны похвалы, потому что народ, объединившийся вокруг вождей, сможет одержать победу, ибо знает, что это — вопрос национального выживания».[42] Когда Сар вернулся в

Париж, занятия радиоэлектроникой показались ему скучными и пресными.

Политические события в Камбодже, 1950–1951

Салот Сар и другие камбоджийские студенты, находившиеся во Франции, следили за политическими событиями на родине так пристально, как только могли. В 1950–1951 годах политическая жизнь в Камбодже в основном сводилась к интригам политических партий в Пномпене и постепенному отдалению короля Сианука от самой успешной из них — от демократов. Враждебность Сианука и потускневший авторитет демократов сузили политические возможности для многих кхмерских студентов в Париже. А затем произошло драматическое событие, поколебавшее их веру в мирные методы политической борьбы: в январе 1950 года был убит лидер Демократической партии — Иё Коёсс. Заказчиков убийства так и не нашли, но подозрения пали на французов, короля и премьер-министра Йем Самбаура, которому смерть вождя демократов была особенно выгодна. Он занял этот пост за несколько месяцев до описанных событий, когда Сианук распустил Национальное Собрание, где демократы имели большинство мест. На похороны Коёсса сошлись огромные толпы людей. Такое паломничество говорило о том, что демократы в Камбодже по-прежнему весьма влиятельны.[43]

Ободренная недавней победой коммунистов в Китае, Коммунистическая партия Индокитая на секретном заседании Центрального Комитета в феврале 1950 года призвала к «активному созданию независимых армий Лаоса и Камбоджи… мобилизующих массы… для участия в освобождении». Это решение подготовило почву для организации коммунистических ячеек в обеих странах и ненамеренно заложило основы для долгой карьеры Салот Сара. Все три партии должны были тайно контролироваться Коммунистической партией Индокитая, в которой ведущие должности занимали исключительно вьетнамцы. Вряд ли камбоджийский коммунизм (или выдвижение Салот Сара внутри коммунистического движения) был бы успешным без этого решения.[44]

Следующим этапом после принятия февральского решения Коммунистической партией Индокитая была десятидневная учебно-подготовительная встреча. Она состоялась в марте в южновьетнамском городе Хатьен и собрала вместе партийные кадры, уже заинтересованные в камбоджийских делах. Впоследствии мартовское совещание станут называть встречей,

на которой было сформировано временное революционное правительство Камбоджи. Кульминацией совещания стало длинное выступление Нгуйен Тань Сона, деятеля среднего звена из компартии Индокитая. Под его командованием войска вьетнамского сопротивления вошли в Камбоджу. Кроме того, он больше года занимался вербовкой камбоджийских партизан. Текст этого выступления попал в руки французов; в переводе он занял больше пятидесяти страниц. В выступлении Нгуйен Тань Сона впервые содержалось подробное обсуждение перспектив революции в Камбодже, предложенное прозорливым аналитиком камбоджийской ситуации. В этой речи он обращал внимание на те затруднения, с которыми впоследствии столкнутся камбоджийские коммунисты, такие как Салот Сар. Самым неприятным из них было господство вьетнамцев, хотя Сон считал это обстоятельство преимуществом.[45]

Сон начал с обвинения камбоджийских политических партий в низкопоклонстве перед французами. Сон сказал, что Ютевонг и Коёсс («последний радикальный элемент в партии») были убиты по приказу французов. Главными характерными чертами способа производства в Камбодже, продолжил Сон, оставались «автаркия и семейная ориентированность»; вдобавок он нашел, что камбоджийцы «честны, искренни и нередко импульсивны».

Большинство из них было крестьянами, жившими «в самой безнадежной нищете. Они пробуждаются медленно, но верно и составляют главную силу кхмерской революции». Начало революционного движения в Камбодже Сон связал с сопротивлением колониальному режиму в XIX веке, которое возглавлялось «феодалами или образованными людьми», а не крестьянами и рабочими. С приходом революционной партии к власти в Камбодже проблемы усугублялись тем, что лишь единицы имели представление о марксизме-ленинизме. «Теория Карла Маркса-Ленина [sic], — подчеркнул Сон, — должна в первую очередь распространяться среди наиболее развитых элементов Камбоджи, чей культурный, социальный и экономический статус в целом оставляет желать лучшего».

Нгуйен Тань Сон верил во всемирную революцию, которую возглавит Советский Союз, и в индокитайскую революцию под руководством Вьетнама. По причине отсутствия прогрессивных институтов в Камбодже Сон предложил, чтобы ключевую роль сыграли местные вьетнамские институты, численно превосходившие кхмерские в семь раз. «Они могут придать кхмерской революции тот же самый порыв, что и вьетнамской, — заявил Сон. — Они являются движущей силой, которая запустит… революционное движение». Коммунистическая партия

Индокитая в Камбодже «уже состояла, по большей части, из вьетнамцев и еще не укоренилась среди кхмеров».

Сон не уклонялся от оказания поддержки революции в Камбодже, даже несмотря на то, что условия для нее были весьма посредственными. Он считал камбоджийское крестьянство, от которого зависел успех революции, неразвитым, склонным к автаркии, неорганизованным и *апатичным.* Другие социальные группы, куда могли проникнуть коммунисты или кого они могли привлечь на свою сторону, — буржуазия, буддистская сангхья и невьетнамские этнические меньшинства — отличались еще большим консерватизмом. Возможно, Сон рассчитывал на то, что ненависть камбоджийцев к французам (на самом деле не слишком яростная) и активное недовольство угнетением вовлечет их в вооруженную борьбу, от которой выиграют и международное коммунистическое движение, и коммунистическое движение во Вьетнаме. Ожидалось, что кхмеры, обладавшие образовательным уровнем, достаточным для усвоения «Маркса-Ленина», согласятся с руководством и контролем вьетнамцев. Именно это три года спустя, сделал Салот Сар, вернувшись из Франции.

В начале 1951 года, через год после выступления Сона, Коммунистическая партия Индокитая тайно распалась натри. Старшим товарищем коммунистической организации была Вьетнамская Рабочая партия, созданная в то время на легальной основе. Коммунистическая партия Индокитая и зачаточные партии, основанные в Лаосе и Камбодже (они назывались Народно-революционными, что отражало их более низкий статус), оставались в подполье. Камбоджийская группировка, похоже, формально возникла в июне 1951 года. Ее уставные документы были написаны на вьетнамском языке и затем переведены на кхмерский. В отличие от устава Вьетнамской рабочей партии, в уставе камбоджийской не упоминались ни Маркс, ни Ленин. Во временный Центральный Комитет камбоджийской партии вошло несколько вьетнамцев. Возглавил его Сон Нгок Минь (этот псевдоним взял себе активный деятель революционного движения Ахар Меан, чтобы вызвать у людей ассоциации с Сон Нгок Танем). Камбоджийцам, присоединившимся к этой нелегальной группе, вероятно, сказали, что ее цель — выдворить французов из Индокитая и сотрудничать с вьетнамцами. Долгосрочная коммунистическая программа движения отошла на задний план.

Бросая взгляд в прошлое, легко объявить мнение Нгуйен Тань Сона о Камбодже противоречивым и уничижительным и рассматривать Кхмерскую Народно-революционную партию в качестве прислужницы вьетнамской. Однако с учетом отказа

Франции предоставить независимость Индокитаю и принимая во внимание победы коммунистов в Китае и Восточной Европе, вооруженная борьба рассматривалась как необходимость, а всемирная победа коммунизма считалась делом времени. Таким образом, предложения Сона казались его слушателям привлекательными и выполнимыми. В 1950–1951 годах сотни камбоджийцев вступили в Кхмерскую Народно-революционную партию, а позже, после всестороннего обучения, горстка из них стала членами Коммунистической партии Индокитая.

Крен влево

Тем временем к Салот Сару в Париже присоединился Иенг Сари. Сари оказался замешан в студенческой забастовке в Лицее Сисовата, названной запаниковавшими французами «коммунистической». Забастовка прошла уже после отъезда Сара во Францию. За выступление против французов чиновники-демократы из Министерства образования наградили Сари и еще одного зачинщика, Рат Самоёна, стипендией для обучения во Франции. Прибыв в Париж, Сари первым делом разыскал своего наставника Кенг Ваннсака, который помог ему устроиться в незнакомом городе. Вскоре после этого Сари представил Ваннсака Салот Сару. Вначале 1951 года Ваннсак нашел Сару меблированную комнату на улице Летелльер через дорогу от своей квартиры в пятнадцатом округе. Сар жил здесь вплоть до своего отъезда в Камбоджу. Ваннсак, немало наблюдавший за ним, вспоминает, что Салот Сар «проводил большую часть времени за чтением». Другой знакомый Сара, Мей Манн, замечал, что Сару было «интересно ходить в кино». Пол Пот подтвердил воспоминания Ваннсака в интервью Нейту Тейеру:

«Я искал подержанные книги, продававшиеся у букинистов на берегу Сены, старые книги, которые любил читать. Получая деньги по стипендии, я тратил их на оплату жилья и еду, так что для себя у меня оставалось всего лишь 20–25 франков. Но все равно у меня было много книг, которые я мог читать. К примеру, «Великая французская революция». Я ничего не понимал там, но все равно читал… Я начал как националист и патриот, а потом читал прогрессивные книги».[46]

Должно быть, Салот Сар изрядно поднаторел во французской литературе. Преподавая в конце 1950-х годов в Пномпене, он покорял студентов тем, что с легкостью цитировал наизусть стихотворения французских поэтов XIX века. Одним из его любимых авторов был Жан-Жак Руссо. Было бы любопытно

узнать, какие еще писатели повлияли на образ мышления Сара, однако он никогда не говорил о них, за исключением беглого упоминания работ Мао Цзэдуна после смерти последнего. К 1952 году Сар большую часть новостей узнавал из газет, издававшихся Коммунистической партией Франции, — «Юманите», «Тетради по коммунизму» *(«Les Cahiers de Commu-nisme»)* и т. п. Он также наверняка был знаком с работами Сталина, особенно с его широко разошедшейся «Историей Коммунистической партии Советского Союза».[47] В этой книге излагалась советская история и подчеркивалась важная роль Сталина, управлявшего партией и народом, но редко имевшего дело с простыми людьми. Занятно представить себе Салот Сара, продирающегося через напыщенные фразы при тусклом освещении и перенимающего взгляд на мир, в котором делался упор на конспирацию, силу, бдительность и секретность. Впрочем, было бы неверно на этом этапе усматривать в его деятельности предвестие будущего правления.

В 1951 году Салот Сар познакомился со своей первой женой Кхьё Поннари. Она приехала во Францию вместе с младшей сестрой Кхьё Тирит. Она собиралась изучать в Париже кхмерскую лингвистику, а ее сестра — английскую литературу. Во время Второй мировой войны их отец, судья, сбежал из Баттамбанга с одной камбоджийской принцессой, бросив жену, которой пришлось поднимать детей в одиночку. Предательство отца поселило в сердцах сестер непримиримую ненависть к распущенной камбоджийской знати. В любом случае обе они получили степень бакалавров в Лицее Сисовата. Для камбоджийской женщины того времени это было редкое достижение. Еще до прибытия в Париж Поннари начала преподавать и добилась заметных успехов в карьере. Тирит обручилась с Иенг Сари, когда оба еще учились в Камбодже; свадьба состоялась летом 1951 года в мэрии пятнадцатого округа. Есть соблазн датировать начало романа между Саром и Поннари временем их пребывания в Париже, однако это невозможно подтвердить.[48]

Вскоре после приезда во Францию Иенг Сари и Рат Самоён растормошили Ваннсака и других камбоджийцев и привлекли их в формирующиеся политические группировки. К началу 1951 года несколько молодых кхмеров начали встречаться на квартире Ваннсака для обсуждения марксистских работ. Какое-то время этими дискуссиями руководили Сари либо Самоён. Кто-то из участников обсуждений являлся членом Коммунистической партии Франции, кто-то влился в ее ряды позднее. Остальные участники — наподобие Ваннсака и Салот Сара — приходили сюда потому, что дружили с радикалами. Время от времени на

эти встречи заглядывали и другие студенты. Пьер Брошо, являвшийся членом КПФ в 1950-е годы и знавший многих камбоджийцев из университетского городка, назвал эти дискуссионные группы «внешним кругом» коммунистической деятельности — то есть деятельности, одобренной партией и находившейся под ее надзором, но доступной для тех, кто не был членом самой партии. По мнению Мей Манна, принимавшего участие в этих дискуссиях, «Марксистский кружок тайно контролировал студенческое движение изнутри. Но и сам изнутри находился под надзором… членов Коммунистической партии. Они скрывали свою принадлежность к КП, чтобы защититься от преследований камбоджийского правительства, а также для соблюдения партийной традиции».[49]

Среди посещавших квартирные собрания были Сьен Ан, Юн Соёрн, Хоу Йоун, Чи Ким Ан, Тиоунн Мумм и Туч Фоён. Все они уже тогда либо впоследствии стали членами Коммунистической партии Франции. Все они, за исключением Тиоунн Мумма и Мей Манна, во времена Демократической Кампучии будут казнены как предатели. Ваннсак вспомнил обсуждение таких работ, как «Национальный вопрос» Сталина, «Об империализме» Ленина и «Капитал» Маркса. Сами произведения или отрывки из них читались на французском языке. В процессе дискуссий французский смешивался с кхмерским, когда молодые люди изо всех сил старались найти аналоги европейским политическим терминам в своем родном языке.[50]

Непонятно, кем задавались темы для обсуждения — КПФ либо членами группы. Многих иностранных коммунистов и сочувствующих коммунизму, проживавших во Франции, партия разделила на языковые группы, которые можно было привлекать к демонстрациям и прикреплять к небольшим дискуссионным кружкам. Члены партии, в свою очередь, были разбиты на ячейки по три человека в каждой для участия в дискуссиях, демонстрациях, подписания петиций, продажи партийной литературы и т. п. «Индокитайская» группа в основном состояла из студентов, квартировавших в индокитайском корпусе университетского городка. Обычно они говорили по-французски. Несмотря на то, что в ячейки Коммунистической партии могли входить и вьетнамцы, и камбоджийцы, дискуссионные группы на квартире Ваннсака ограничивались кхмерами.

Воспоминания о поведении Салот Сара на этих собраниях противоречивы. В нескольких интервью, записанных в 1980-х годах, когда в Пол Поте узнали Салот Сара, Кенг Ваннсак говорил, что Сар посещал собрания нерегулярно, держался в тени и мало чем впечатлил своих товарищей. Однако в 1975–1976

годах, до того, как было установлено, что Пол Пот — это Салот Сар, какой-то не назвавший своего имени человек побеседовал с журналистом Франсуа Дебре. Он утверждал, что Салот Сар «был самым умным, самым убежденным, самым непримиримым. Именно он оживлял споры и оказывал наибольшее влияние на новичков». Аноним даже процитировал Салот Сара: «Без сплоченной и управляемой твердой рукой Партии невозможно применить никакую теорию, и враги социализма воспользуются этой возможностью, чтобы захватить руководство». Подобную идею Сар вполне мог вычитать в сталинской «Истории КПСС». По словам собеседника Дебре, Сар якобы закончил свое высказывание следующим образом: «Я буду руководить революционной организацией; я стану ее генеральным секретарем, у меня на руках будут досье, я стану контролировать министров и смотреть, чтобы они не отходили от линии, установленной центральным комитетом в интересах народа».[51]

Когда Дебре писал свою книгу, ни он, ни его информатор еще не знали, кто скрывался под именем Пол Пота. Неизвестный считал Пол Пота Рат Самоёном. Учитывая, что все предсказания Сара сбылись и принимая во внимание сохранившуюся у него на всю жизнь любовь к маскировке, последняя цитата, если она точна, оказывается необычайно разоблачительной. Слова, брошенные сгоряча в пылу спора помогают объяснить довольно длительную пассивность Сара, равно как и большую часть его поступков в апреле 1976 года, когда он стал премьер-министром Демократической Кампучии. Хотя в его выдвижении не было ничего неизбежного, записанные Дебре свидетельства предполагают, что все совершенное Саром было продумано еще в начале 1950-х. Кроме того, Сар рассматривал коммунизм как набор методов, которые позволят членам партии добиться независимости для страны.

В 1951–1952 годах на камбоджийских радикалов в Париже оказывали влияние события во Франции, Камбодже, Вьетнаме, Китае и Корее. В Камбодже демократы готовились к избирательной кампании. Сон Нгок Тань по-прежнему жил в ссылке в провинциальном городе Пуатье, и многие камбоджийские студенты в Париже надеялись на то, что он сможет вернуться домой и привести демократов к победе. Молодежь также взволновал нараставший внутри заграничной камбоджийской общины разлад между радикалами и консерваторами. К середине 1951 года Тиоунн Мумм и многие другие кхмеры стали коммунистами и пришли к тому, что начали рассматривать борьбу за независимость Камбоджи в свете идей марксизма-ленинизма. В августе 1951 года Мумм и больше

десяти других студентов из группы по изучению марксизма съездили в Восточный Берлин на Международный конгресс молодежи, организованный при поддержке Советского Союза. Конгресс посетило более ста тысяч делегатов со всего мира. В возбуждающей и тщательно срежиссированной атмосфере Конгресса камбоджийцы впервые узнали о сопротивлении кхмерских коммунистов и недавно созданной Кхмерской Народно-революционной партии. Взволнованный Тиоунн Мумм вернулся в Париж со знаменем камбоджийских коммунистов (пять желтых цветов на красном поле). Этот флаг камбоджийским студентам передала на Конгрессе делегация Вьетминя.[52]

В это время Тиоунн Мумм с друзьями спорили по поводу грядущих выборов в Камбодже. Мумм утверждал, что формирование в Национальном Собрании Камбоджи «однородного меньшинства», состоящего из преданных, ответственных радикалов, важнее, чем победа на выборах. Он действовал в соответствии с политикой французских коммунистов, ценивших верность партии превыше всего.

В 1951–1952 годах Коммунистическая партия Франции переживала кризис самоидентификации. В конце 1950 года генеральный секретарь партии Морис Торез перенес инсульт и отправился на лечение в СССР. Во время его отсутствия, которое длилось до начала 1953 года, различные личности и выделившиеся внутри партии фракции боролись за власть, не стесняясь в средствах. Некоторые высокопоставленные члены партии подверглись бескровной чистке. В довершение ко всему партию затронула набиравшая обороты антикоммунистическая кампания, начатая французским правительством. Вождей коммунистов объединяло почтение, которое они питали к Сталину, находившемуся в преклонном возрасте, а также признание главенствующей роли Советского Союза. Французские коммунисты поддерживали показательные судебные процессы в Чехословакии, где нескольких видных политических лидеров вынуждали сознаться в предательстве, которого те не совершали. Кроме того, коммунисты выступали против военных действий американцев в Европе и в Корее, а также против франко-американского союза (американские деньги, французские войска), формировавшегося для борьбы с коммунистическим сопротивлением в Индокитае.

Подстрекаемые французами американцы стали рассматривать войну в Индокитае как часть коммунистического заговора против так называемого Свободного Мира. В ответ на это молодые камбоджийцы, вроде Тиоунн Мумма и Салот Сара, а также тысячи молодых людей из других стран начинали

воспринимать себя как часть революционного авангарда, всемирного братства, которому суждено бороться с Соединенными Штатами и сокрушить их. В 1988 году в беседе со мной бывший коммунист назвал 1950-е годы «юностью народа». Эти юноши и — реже — девушки присоединялись к манифестациям, организованным коммунистами в Париже. Самая масштабная из этих демонстраций состоялась в мае 1952 года в знак протеста против применения американцами бактериологического оружия в Корее. В демонстрации приняли участие десятки тысяч человек, несколько сотен из которых было арестовано. Толчок, который дала война в Индокитае, и братство, предписанное коммунистической партией, подтолкнули многих кхмеров к дружбе с радикальными студентами из Вьетнама и других государств. По воспоминаниям Пьера Брошо, члены партии из стран Индокитая часто встречались в одном из кафе на улице Жиле-Кёр на левом берегу Сены.[53]

Кхмерские студенты продолжали внимательно следить за событиями в Камбодже. До середины 1952 года многие из них возлагали надежды на возвращение к власти Сон Нгок Таня. Еще с 1945 года Тань запомнился им как настоящий патриот, несправедливо заточенный в тюрьму. В действительности же с 1947 года он проживал в провинциальном городке Пуатье под мягким домашним арестом. Время от времени молодые камбоджийцы навещали Таня, чтобы выразить ему уважение. Среди тех, кто приходил к нему, были Хоу Йоун, Эа Шичау, Кенг Ваннсак, Салот Сар и Тиоунн Мумм. Тань любезно принимал их, но не давал никаких обещаний. Продолжавшим радикально «леветь» студентам вроде Мумма казалось, что у Таня мало вразумительных политических идей. Как-то раз, навестив его в 1951 году, Мумм заметил на полке французские издания Маркса и Энгельса. Взяв в руки один из томов, Мумм увидел, что страницы в книге не были разрезаны.[54]

Несколько раз в 1950–1951 годах Сианук при случае обращался к французам с просьбой позволить Таню вернуться на родину. В конце 1951 года, после того, как на выборах в Национальное Собрание одержали победу камбоджийские демократы, французы уступили, и Тань возвратился в Пномпень. Его встречали громадные толпы людей. Возможно, Сианук просил за Таня под давлением демократов, однако не исключено, что, добиваясь возвращения Таня в Камбоджу, король также надеялся на то, что оно приведет к расколу Демократической партии. Сианука расстроила теплота, с которой был встречен Тань. Эту поддержку он мудро воспринял как неодобрение его собственного альянса с французами.

В любом случае, казалось, что победа демократов на выборах, триумфальное возвращение Таня и случившееся позже убийство французского верховного комиссара в Пномпене, Жана де Реймона, совершенное вьетнамским мальчиком-слугой, в совокупности означали усиление антиколониальной борьбы. Многие камбоджийские студенты в Париже думали, что Тань добьется у французов независимости для Камбоджи. Их ожидания не оправдались. За несколько месяцев бывший премьер-министр мало что сделал. Он отказался войти в правительство демократов и ограничился спокойными поездками по провинциям и изданием националистической газеты *«Кхмеркраук!»* («Пробудитесь, кхмеры!»). Редакторские статьи в ней писались в соответствии с политической линией демократов.[55]

В марте 1952 года события приняли такой оборот, какого никто не ожидал. На седьмую годовщину японского *coup de force* Сон Нгок Тань покинул Пномпень якобы для того, чтобы сопровождать своего товарища в поездке в Сиемреап, однако исчез, не добравшись до места. Вскоре стало ясно, что он присоединился к антифранцузски настроенным партизанам, действовавшим в том регионе. Коммунистами они не являлись. В лесах Сиемреапа Тань создал базу в надежде объединить коммунистические и некоммунистические силы Сопротивления. Этот шаг ошеломил и его соратников, и противников. Горстка молодых людей, многие из которых были выпускниками Лицея Сисовата, вскоре последовали за ним в леса, однако после нескольких переговоров с Танем коммунистическое сопротивление, в котором главенствовали вьетнамцы, отказалось с ним сотрудничать. К концу 1952 года Тань вышел из игры.[56]

Сианук и его французские руководители были встревожены отступничеством Таня и собрались уничтожить демократов, которых ошибочно подозревали в сочувствии Таню. В нападении на Демократическую партию короля поддержали консерваторы, потерпевшие поражение на выборах 1951 года, например Йем Самбаур и Лон Нол. С молчаливого одобрения французов, по просьбе короля направивших в Пномпень из Сайгона дополнительные войска, в июне 1952 года Сианук распустил правительство демократов и Национальное Собрание и стал править на основе чрезвычайных полномочий. Король пообещал добиться независимости затри года (впоследствии эта программа будет названа «королевским крестовым походом за независимость»). Этот дерзкий поступок обозначил выход Сианука на политическую арену. Он также показал, что демократы больше не принимают участия в управлении страной, ускорил падение авторитета Сон Нгок Таня и подвел черту под

недолгим периодом политического плюрализма, начавшегося с выборов 1946 и 1947 годов. Абсолютная монархия, с которой французы встретились в Камбодже в 1863 году и которую держали в узде девяносто лет, начала возрождаться. По иронии судьбы, французы по-прежнему считали, что Сианук продолжает действовать в их интересах. На самом деле он начал кампанию, нацеленную на получение независимости. Сианук все отлично рассчитал. Однако многим его патриотизм казался запоздалым и оппортунистическим.[57]

Превращение в коммуниста

Организованный Сианоком переворот вдохновил Салот Сара на написание первого известного нам политического сочинения. Его восьмистраничная статья под заголовком «Монархия или демократия?» была опубликована в специальном выпуске журнала кхмерских студентов *«Кхмер нисут»* под псевдонимом Кхмер даом («Истинный кхмер»). Французские этнографы связывали последнее понятие с самрами и поррами, населявшими отдельные районы родной провинции Салот Сара, Компонгтом. Кенг Ваннсак поторопился опубликовать этот специальный выпуск в знак протеста против действий Сианука в Пномпене.[58] Рукописная статья Кхмер даома начиналась с утверждения о том, что лишь Национальное Собрание и демократические права «дали камбоджийскому народу вздохнуть свободно, как это было, к примеру, при принце Ютевонге». Кхмер даом обвинял Сианука в том, что тот стал абсолютным монархом, и определял монархию как «систему, при которой власть попадает в руки небольшой группы тунеядцев, получающих возможность эксплуатировать народ. Монархия является несправедливой системой, зловонной гноящейся раной, которую должен уничтожить именно народ».[59]

Заманчиво связать свирепость этого высказывания с детством Салот Сара, прошедшим среди дворцовых танцоров, эксплуатируемых королем и, вероятно, страдавших венерическими болезнями. Продолжая говорить о монархии, Сар пишет, что монархия по-дружески относилась к империализму, но была враждебна по отношению к народу, буддизму и знанию. Подкрепляя эти обвинения, Сар указал на то, что последние камбоджийские короли назначались французами, тогда как на протяжении всей истории Камбоджи люди были «подобны животным, их держали за солдат *(пол)* или рабов *(кнджом ке),* заставляли работать днем и ночью, чтобы прокормить короля и его двор» — именно в таких условиях окажется народ, когда

Салот Сар придет к власти. Чтобы доказать враждебное отношение монархии к буддизму, Сар написал, что камбоджийские короли всегда ставили себя выше религии. Однако, добавил он — «просвещенные монахи» сочинили сказку, в которой Тмень Чей, «дитя народа», обманывает короля. Тот же самый дух просвещения (просветления) и ненависть к творимой отцом несправедливости заставили Будду покинуть свою знатную семью, добавил Сар, так что Будда смог стать «другом каждому человеку и научить людей любить друг друга». Здесь Сар проводит параллель с принцем Ютевонгом, отдалившимся от королевской семьи, что позволило ему «вселить мечту о демократии в сердце кхмерского народа».[60]

Переходя к обсуждению демократии, Салот Сар приводит примеры революций во Франции, России и Китае, в ходе которых была упразднена монархия. Эти революции возглавлялись, заметил Сар, Робеспьером и Дантоном, Сталиным и Лениным, Сунь Ят Сеном (что любопытно, не Мао Цзэдуном). Во Франции, Китае и Советском Союзе демократия, заменившая правление королей, представляла собой систему, которой следовали «люди во всем мире; она ни с чем не сравнима и дороже всех сокровищ». Двадцать четыре года спустя, когда Салот Сар стал премьер-министром Демократической Кампучии, его своеобразное видение демократии осталось непоколебимым.

Статья «Монархия или демократия?» — как и последующие работы и выступления Сара — написана в разговорном стиле, насыщена пылкими призывами, и предпринятая в ней попытка охватить исторический контекст сомнительна. К примеру, в статье не приводится никаких доказательств того, что «просвещенные монахи» придумали «Тмень Чея» или что Будда ушел из дома из-за обиды на отца, хотя, возможно, эти истории действительно рассказывались монахами с антимонархическими взглядами и часто звучали среди либерально настроенных кхмеров. Вдобавок эта статья не проводит различий между «демократическими» режимами в Китае, во Франции и в СССР, подчеркивая лишь то, что все три страны отказались от монархии как от института. Более того, автору статьи не удается разобраться в индокитайском конфликте. Автор не сумел выдвинуть никаких предложений относительно того, как демократия могла бы удержаться в Камбодже, хотя ссылки на революционных лидеров (однако не на партии и не на политические группировки) косвенно наводят на мысль о том, что кто-то, достигший такого же уровня просвещения (просветления), как Ютевонг, Будда, Тмень Чей или Робеспьер, в конце концов мог бы взять власть в свои руки.

В августе 1952 года в Париж приехал советник Сианука Пенн Нут. Ему было приказано лишить стипендии студентов, связанных с выпуском оскорбительного номера *«Кхмер нисута»* и с другими выступлениями, случившимися после переворота в Камбодже. Кенг Ваннсак не попал под репрессивные меры, потому что имел тесные связи с министром образования Камбоджи. Ему было велено отправляться домой до окончания работы над диссертацией. Он вернулся в Пномпень только в октябре 1952 года.

К моменту написания статьи «Монархия или демократия?» Салот Сар уже перестал числиться студентом. Как он сам сказал в 1978 году: «Я пренебрегал занятиями, и у меня отобрали стипендию». В правительственной учетной книге, подтверждающей это высказывание, нет упоминания о политической деятельности Сара и других студентов. Студенты, лишенные стипендии по политическим мотивам, нередко задерживались во Франции, кое-как перебиваясь и увязая в долгах. Среди них были Иенг Сари, Хоу Йоун и Сон Сен. По словам Кенга Ваннсака, Сар рвался вернуться в Камбоджу, чтобы вступить в антиколониальную борьбу. Его взгляды разделяло еще несколько студентов, включая Сьен Ана, Рат Самоёна, Мей Манна и Юн Соёрна. Много лет спустя воспоминания Ваннсака были подкреплены Мей Манном, который сказал Стиву Гедеру следующее:

«Поскольку мы жаждали информации, в 1952 году Иенг Сари, Рат Самоён и Тиоунн Мумм решили, что некоторые из нас вернутся в Камбоджу, чтобы побольше узнать о том, что же происходит на самом деле… Салот Сар был среди тех, кому предстояло уехать… Мы поговорили между собой, и нас попросили решить и объявить, готовы ли мы посвятить всю свою жизнь революции. Салот Сар был единственным, кто сказал, что готов это сделать».[61]

После выхода статьи Сар провел во Франции еще пять месяцев, прежде нем вернулся домой. После отъезда Ваннсака из Парижа студенческая группа по изучению марксизма перебралась из его квартиры в гостиничный номер Сари на улице Сент-Андре-дезарт. Весьма вероятно, что Сар вступил в Коммунистическую партию Франции именно в это время, возможно, как кандидат в члены, с целью подготовки для работы в рядах сопротивления в Камбодже. Может быть, его продвигал Тиоунн Мумм, самый известный кхмерский коммунист, однако это невозможно подтвердить.[62]

И вновь, как часто бывало в жизни Салот Сара, тайна окутывает один из ключевых моментов и скрывает важное

решение — сточки зрения его биографии, наверное, самое важное решение в его жизни. Несколько интересных вопросов так и остаются без ответа. Когда именно Сар стал коммунистом? До или после фестиваля в Восточном Берлине? До или после переворота, организованного Сианук ом? И кто был его покровителем в партии? Кем были его непосредственные начальники? Посещал ли он собрания партийной ячейки? Какие партийные обязанности на него возлагались?[63]

Другой вопрос необходимо связать с мотивами, побудившими Салот Сара вступить в коммунистическую партию. Как мы уже видели, он вел довольно легкомысленную жизнь и вряд ли был способен долгое время придерживаться одних взглядов. Его статья в *«Кхмер нисут»* свидетельствует о несистематическом чтении работ по марксизму-ленинизму, и в отличие от многих товарищей, Сар не имел влияния в студенческих кругах. Нельзя сказать, было ли его решение стать коммунистом внезапным или он принял его после долгих раздумий. При этом здесь невозможно определить относительную значимость амбиций, идеалов, давления группы или вдохновителей. Похоже, Сара в партии привлекла организационная структура и возможность выдвинуться. Несмотря на то, что партии, к которым он принадлежал, сменили названия или «исчезли», до конца своей жизни Салот Сар оставался верным коммунистом и партийным функционером.[64]

Люди, знавшие Сара как партийного товарища и давшие интервью в 1980-х годах после того, как средства массовой информации сделали из него дьявола, неохотно рассказывали об этом периоде его жизни. Единственный ключ к разгадке дает книга Дебре о камбоджийском коммунизме, опубликованная в ноябре 1976 года. В ней содержатся уже цитированные высказывания об убежденности Сара и его амбициях. За исключением рассказа о вспышке, который приводит Дебре, Салот Сар был скрытен. Он признавался Нейту Тейеру: «Я никогда не говорил о себе. Я был молчаливым».[65]

Кажущееся отсутствие личных амбиций — как у Сталина и Хо Ши Мина в отличие от Ленина и Мао — способствовало его целям и согласовывалось с невозмутимостью, которую он всегда демонстрировал. Сар хотел, чтобы его взлет считался ответом на исторические императивы, патриотизм и желания других людей, а не стратегическим планом или заранее рассчитанными действиями с его стороны.

15 декабря 1952 года Салот Сар вновь приехал в Марсель и взошел на борт «Ямайки» — на этот раз для того, чтобы вернуться домой. Как же он оценивал сорок месяцев, проведенные во

Франции? Никаких академических степеней он не получил. Это его не расстраивало. Судя по поведению Сара после прибытия в Камбоджу, вместо того чтобы делать карьеру или содержать семью, он посвятил себя политике. Для него как для коммуниста это означало подчиниться партийной дисциплине и готовить себя и своих товарищей к возможному захвату власти. Более конкретно это означало участие в вооруженной борьбе с французами. Эта деятельность должна была держаться в секрете. Шансы на успех были чрезвычайно малы, но Салот Сар был готов пойти на риск. Дело того стоило. После почти двадцати скучных лет учебы Салот Сару было приятно сменить направление деятельности.

Глава 3
Смена масок, 1953–1963

Присоединение к Вьетминю

Когда в январе 1953 года Салот Сар вернулся в Камбоджу, какое-то время он жил у своего брата Лот Суонга в Пномпене. Суонг отметил, что Сар начал интересоваться политикой. «Я думаю о народе», — говорил Сар брату. Кроме того, он «превозносил Советский Союз, расхваливал его на все лады и говорил о своей работе в Югославии». Сар рассказал Суонгу, как много он узнал от своего «учителя» в Париже — от Тиоунн Мумма.[66] Меньше чем через месяц он покинул дом Суонга, чтобы присоединиться к Сопротивлению. Время от времени он возвращался в Пномпень и рассказывал брату о своих попытках войти в контакт с антифранцузскими некоммунистическими партизанскими отрядами под командованием принца Нородома Чантараингсея в соседней провинции Компонгспы или с теми, которыми командовал Сон Нгок Тань на северо-западе. Брат Сара Салот Чхай был связан с обеими партизанскими группами. Действительно, в интервью Стиву Гедеру в 1975 году Салот Чхай вспомнил, как он уговаривал своего брата сотрудничать с Чантараингсеем. Салот Сар ответил ему, что, на его взгляд, Чантараингсей был «феодалом» и намекал на присоединение к «тем, кто вовлечен в вооруженную борьбу» — другими словами, к движению Кхмер Иссарак, в котором первую скрипку играли вьетнамцы. Скрывая свои намерения от обоих братьев, Салот Сар выказал заинтересованность в том, чтобы встать на сторону «самых искренних сторонников демократии».[67]

Во время одного из визитов в столицу, Салот Сар установил контакт с Фам Ван Ба, местным представителем Коммунистической партии Индокитая, и попросил, чтобы его приняли в партию на основе членства в Коммунистической партии Франции. В интервью 1981 года Ба рассказал, что он проверил мандат Сара, связавшись с Парижем через Ханой. Эта процедура заняла пару недель. Затем Ба ввел Сара в КПИ, ведшей свою игру с Кхмерской Народно-революционной партией. (Стив Гедер метко называет это зачаточное кхмерское образование «партией тайного единого фронта», что является семантически противоречивым понятием). Предположительно, членство Сара во Французской коммунистической партии дало ему право вступить

в Коммунистическую партию Индокитая, существование которой хранилось в секрете от непосвященных, не являвшихся коммунистами.

Вступление Сара в партию состоялось в Восточной Камбодже, куда он прибыл в августе 1953 года. Так или иначе, вскоре он присоединился к сопротивлению, которым руководил Вьетминь. Сар работал в штабной ячейке. Она наполовину состояла из кхмеров, наполовину — из вьетнамцев. По словам Фам Ва Ба, Сар был «молодым человеком средних способностей, но с амбициями и жаждой власти». Он пошел работать в отдел массовой пропаганды и позднее стал посещать школу для партийных кадров.[68]

Много лет спустя, после того как вьетнамцы отправили Пол Пота в ссылку, его сторонники пожаловались, что в 1953 году таким образованным людям, как Сар, «давали задания, не имевшие никакого отношения к их навыкам; среди прочего им поручалась рутинная работа и организация перевозок органических удобрений на поля». Возможно, подобные поручения могли задеть самолюбие Сара, однако он никогда не питал неприязни к партийной дисциплине. Сар должен был ясно понимать, что вьетнамцы и их камбоджийские товарищи записали его в актив. Чтобы как-то проиллюстрировать это, Фам Ван Ба вспомнил,[69] как он контролировал политическое обучение Сара. Благодаря своему происхождению Сар идеально подходил для работы в интересах Коммунистической партии Индокитая, нацеленной на преодоление разрыва между различными диссидентскими группами. Сара, не имевшего боевого опыта и не знавшего вьетнамского языка, определили в штаб коммунистов, располагавшийся рядом с границей, а не в менее престижную и более уязвимую точку. Он вновь без особых усилий занял привилегированное положение. Похоже, вьетнамцы и их камбоджийские соратники берегли Сара для важной работы. Работа в штабе, на передовой двух национально-освободительных движений, была своеобразным вступительным экзаменом.

Ценность Салот Сара в глазах вьетнамцев в значительной степени объяснялась его связями с городской камбоджийской элитой, демократами и французскими коммунистами. Его скромные, без претензий, манеры, европейское образование, готовность и желание учиться компенсировали невыразительные достижения в учебе, дворцовые связи и поверхностное знакомство с марксизмом-ленинизмом. Придя на вьетнамскую границу и предложив свои услуги, он перебежал дорогу своим более компетентным товарищам во Франции, таким, как Иенг Сари, Хоу Йоуну и Тиоунн Мумму, а также радикалам из Пномпеня,

которые все еще колебались в своем отношении к коммунизму либо не хотели рисковать.

Сведения о том, как Сар относился к месяцам, проведенным в сопротивлении, не сохранились. Возможно, он рассматривал царившую в штабе грубоватую атмосферу как продолжение парижской вольницы, и приятное погружение в рабоче-крестьянскую среду напоминало поездку в Югославию. Он был польщен тем, что его выделили Фам Ван Ба и Ту Самут. Быть может, Сар чувствовал, что его жизнь начала набирать скорость.

Жизни Салот Сара мало что угрожало. К середине 1953 года Первая индокитайская война уже затихала, по крайней мере, в южных районах Индокитая. Французы были готовы предоставить независимость некоммунистическим элементам федерации, одновременно продолжая войну с коммунистами, главным образом, в Северном Вьетнаме. В ноябре 1953 года под давлением Сианука Франция даровала Камбодже независимость. Это позволило правителю утверждать, что его «королевский крестовый поход», начатый годом ранее, удачно завершился. Вскоре после получения независимости борьба между французами и силами сопротивления прекратилась. В течение нескольких следующих месяцев многие некоммунистические отряды сопротивления объединились с кабинетом Сианука. Силы, находившиеся под командованием вьетнамцев, ожидали дальнейшего развития событий.

Оставаясь на границе, Салот Сар продолжал свое политическое образование. Его наставником стал Ту Самут, «состоятельный кхмер из Кохинхины», почти на десять лет старше Салот Сара. Во время Второй мировой войны Самут был монахом, связанным с Институтом буддизма. В 1945 году он сложил с себя сан, чтобы вести пропаганду для Вьетминя в Восточной Камбодже и среди кхмерского меньшинства во Вьетнаме. В ряды Коммунистической партии Индокитая он вступил в 1946 году. Самут был искусным и вдохновляющим оратором. Впоследствии один из его бывших студентов сказал, что по «учтивости, скромности и легкости характера его можно было сравнить с Хо Ши Мином».[70]

Ту Самуга можно поставить в один ряд с другими людьми от Кван Сифана в 1940-х годах до Иенг Сари, Кенг Ваннсака, Тиоунн Мумма и Кхьё Поннари в 1950-е. Подобно им, Самут был идеалистом, охваченным страстью учить и вызывавшим привязанность и уважение к себе. Единственное, что отличало его от остальных, — буддистское, а не французское образование. Возможно, это притягивало Сара, поскольку он испытывал явное желание быть больше кхмером, чем французом. Более цинично

было бы думать, что Сар втерся в доверие к Самуту, усматривая в этом способ выдвинуться вперед. С другой стороны, красноречие и патриотизм Ту Самута, его преданность делу привлекли молодого человека. Они работали вместе на протяжении девяти лет.[71]

В мае 1954 года прибыл на границу и начал сотрудничать с Салот Саром двадцатипятилетний революционер Сок Туок. Это закончилось в 1978 году, когда Туок, ставший к тому моменту заместителем премьер-министра и известный под именем Ворн Вет, по распоряжению Пол Пота был вычищен из партии за «провьетнамские» взгляды. В своем признании Вет вспомнил о встрече «братьев из Франции» в Восточной Камбодже, а также свое политическое обучение под руководством Ту Самута. Его восторженное отношение к Самуту предваряет высказывания многих студентов, учившихся у Салот Сара/Пол Пота: «Он сделал меня таким счастливым, и я верил в него *(чхоеу чо'т)*. Когда он начал читать курс, я изо всех сил пытался понять его, а когда приступил к пропагандистской миссии, я отправился вслед за ним. Это заставило меня осознать ясные реалии революции».[72]

Женева и выборы 1955 года

К середине 1954 года Вьетминь и камбоджийские товарищи находились в подвешенном, хотя и в оживленном состоянии, ожидая результатов международной конференции, проводившейся в Женеве. Участники конференции должны были оформить завершение Первой индокитайской войны. Рассчитанная на несколько месяцев конференция была созвана вскоре после того, как французская армия потерпела унизительное поражение при Дьен Бьен Фу в Северном Вьетнаме. Советский Союз и Великобритания были приглашены как члены Совета безопасности ООН. Обе державы стремились урегулировать конфликт. В число участников конференции входили Франция, Соединенные Штаты (их антикоммунистический настрой был непоколебим), Китайская Народная Республика (недавно ввязавшаяся в войну с США в Корее) и представители правящих структур Индокитая.

Подписанное в июле Женевское соглашение предусматривало разделение Вьетнама по семнадцатой параллели до проведения всенародных выборов, а также выделение в Лаосе районов для перегруппировки бойцов лаосского сопротивления. Те, кто сражался с Вьетминем в Южном Вьетнаме, могли либо сложить оружие и вернуться к гражданской жизни, либо отойти к северу.

Для камбоджийских участников сопротивления не было выделено никакой зоны внутри Камбоджи. Не было предусмотрено для них и условий на какой-либо другой территории. Большинство камбоджийских бойцов приветствовало независимость и решило вернуться домой. Однако более тысячи остальных камбоджийцев было эвакуировано в Северный Вьетнам. Среди эвакуированных были такие кхмерские коммунисты, как Кео Мони, Сьё Хенг и Ту Самут, а также трое парижских друзей Сара — Сьен Ан, Рат Самоён и Юн Соёрн. Несколько из них, включая Ту Самута и Сьё Хенга, вернулись на родину в 1955–1956 годах. Остальные кхмеры остались во Вьетнаме. Других бывших партизан, в число которых попали Сок Кнол и Салот Сар, направили в Пномпень для работы в Коммунистической партии Индокитая. Сок Туок приехал в столицу в октябре 1954 года, уже после Салот Сара.[73]

Согласно условиям Женевских соглашений относительно Камбоджи, выборы в Национальное Собрание страны должны были состояться в 1955 году. Они должны были проходить под наблюдением международной контрольной группы, состоящей из польских, индийских и канадских делегатов. Выражалась надежда на то, что бывшие участники сопротивления будут интегрированы в общество, присоединившись к политическим партиям либо соревнуясь с ними за голоса избирателей.

В отличие от своих вьетнамских и лаосских «коллег» король Сианук стал важным политическим деятелем. Он считал, что добился независимости для Камбоджи в одиночку, без чьей-либо помощи. Сианук хотел играть в Камбодже более значимую роль, чем это было предусмотрено конституцией. И поскольку он никогда не питал особого уважения к Национальному Собранию, теперь ему хотелось управлять страной без всякой оппозиции. Сего точки зрения, оговоренные в Женеве выборы представляли собой, с одной стороны, помеху, а с другой — удобную лазейку.

Демократы, по-прежнему пользовавшиеся широкой поддержкой народа, рвались участвовать в предвыборной кампании. Еще до Женевской конференции Кенг Ваннсак, Эа Шичау и несколько других членов партии прилагали усилия, чтобы перевести Демократическую партию на более радикальную, антиамериканскую позицию. Усвоив антиамериканские настроения во Франции, эти люди опасались, что американские «империалисты» придут на смену французам и что Сианук будет искать союза с американцами или присоединится к Организации договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), созданной по настоянию США после Женевской конференции.

Разделявший подобные взгляды Тиоунн Мумм вернулся в Камбоджу в июле 1954 года и начал тесно сотрудничать с

Ваннсаком и Шичау. Кроме того, он возобновил отношения с Салот Саром, который жил в южной части города под вымышленным — первым из многих — именем. В январе 1955 года Мумм, Шичау и Ваннсак совершили бескровный переворот в Демократической партии, отстранив от руководства нескольких членов партии, входивших в число ее основателей и захватив власть в исполнительном комитете. Салот Сар продолжал действовать за кулисами. Без сомнения, больше никто не предпринял такой меры предосторожности, как изменение имени. Любопытно, что спустя год кое-кто знал Сара под именем «Пол». Этим псевдонимом он пользовался в Париже, по крайней мере, один раз. Возможно, он использовал это имя знакомясь с Тиоунн Муммом.[74]

Ни один из тех, кто вспомнил Сара в этот период, не знал, чем он занимался или кто платил ему, ибо видимых источников материальной поддержки у него не наблюдалось. Как это часто случалось, Сар наслаждался разнообразием ролей. В его обязанности входило установление связи с радикальными демократами в Пномпене от имени Коммунистической партии Индокитая (без подтверждения его собственного членства в партии) и подготовка выборов 1955 года. Весьма вероятно, что в столицу его направили Ту Самут и Фам Ван Ба, чтобы он, используя свои знакомства с демократами, подтолкнул партию влево, одновременно продвигая дело группы Прачеачон, объединения-прикрытия, черпавшего силу в бывших партизанах и намеревавшегося принять участие в выборах. Несколько месяцев перед выборами Сар, вероятно, писал для радикальной газеты *«Саммаки»* («Солидарность»), редактором которой был его брат Салот Чхай.

Кроме того, Мумм и Сар разделяли собственно коммунистическую программу. Они надеялись подготовить почву для того, чтобы взять контроль над Камбоджей в свои руки. Не исключено, что это должно было совпасть со всенародными выборами во Вьетнаме, назначенными на 1956 год. Многие, включая американцев, ожидали, что на этих выборах победят коммунисты. В то время и Мумм, и Сар согласились с вьетнамским руководством недавно образовавшейся камбоджийской партией во многом так же, как их французские коллеги принимали рекомендации от Советского Союза. Члены группы Прачеачон также действовали в соответствии с руководящими указаниями Коммунистической партии Индокитая. Правда, в отличие от Салот Сара и Тиоунн Мумма эти люди происходили из рабоче-крестьянской среды, обладали боевым опытом и не имели никаких дипломов и связей с

камбоджийской элитой.[75]

Бывший одноклассник Салот Сара, Чхай Ят, вспомнил свою встречу с ним в Пномпене в 1954 году. Ят работал с фракцией Таня в Демократической партии и надеялся на то, что такие же сторонники Таня, как и он сам, могли бы кое-что сделать для будущего Камбоджи. Чхай Ята подозревали в коммунистическом уклоне, так что Салот Сар попытался убедить его, сказав, что «колесо истории» велело камбоджийцам дружелюбно относиться к вьетнамцам, «которые настолько сильнее». Кроме того, Сар продвигал идею Индокитайской федерации, одобрительно сравнивая ее с Советским Союзом и его сателлитами и даже с Соединенными Штатами. «Разве эти государства истребляют друг друга?» — задавал риторический вопрос Сар.[76]

Кенг Ваннсак также встречался с Салот Саром несколько раз в 1954–1955 годах. Он был поражен «сдержанностью и умом» своего бывшего протеже, его серьезностью и политической активностью. Всего этого он не заметил в Париже. Ваннсак и Сар трудились вместе: им нужно было усилить радикальные тенденции в партийной политике демократов и повысить образовательный уровень электората. Под этим подразумевалось объединение различных течений, находившихся в оппозиции французам, — тех, кто хотел сотрудничать с вьетнамцами, и тех, кто не доверял им; тех, кто был готов продолжать вооруженную борьбу, и тех, кто не желал этого делать; тех, кто хотел реформировать камбоджийское правительство, и тех, кто мечтал свергнуть его. В этом им стала помогать Кхьё Поннари, которая после возвращения из Парижа в 1951 году начала преподавать камбоджийскую литературу в одном из коллежей в Такео.[77]

Во время предвыборной кампании 1955 года камбоджийским избирателям впервые стал доступен широкий спектр политических мнений. Такой ситуации в стране больше не возникало вплоть до выборов 1993 года, прошедших при поддержке ООН. На левом фланге находились законспирированная Коммунистическая партия Индокитая, ее авангардная группа Прачеачон и радикальные демократы, возглавляемые Тиоунн Муммом и Кенг Ваннсаком. Центральную позицию занимали сторонники Таня и другие члены Демократической партии, напуганные радикальными тенденциями. Справа располагались те, кто был связан с Либеральной партией и с антидемократическими группировками, сформировавшимися в начале 1950-х. Лучше всего была организована партия демократов, хотя в некоторых сельских районах, особенно на востоке и на юго-западе, унаследовав популярность вооруженного сопротивления, быстро пустил

глубокие корни Прачеачон.

Большинство наблюдателей считало, что появились условия для новой победы демократов на выборах. Подобная перспектива воодушевляла Ваннсака и его друзей, однако огорчала представителей более консервативно настроенной камбоджийской элиты, которые к этому моменту связывали свои политические успехи с королем. У этих людей отсутствовала цельная идеология; они рассчитывали на харизму Сианука, его враждебность по отношению к демократам и на то, что их поддержка приведет короля к власти. Они пришли из партий, никогда не получавших представительства в Национальном Собрании, и возмущались «монополией» демократов на власть. В декабре 1954 года они объединили свои силы для создания «неполитической» группировки, обещавшей хранить верность королю. В число известных участников этого объединения входили Нхек Тиулонг, Сам Сари, Лон Нол и Сисоват Сирик Матак.[78]

Все кандидаты, принимавшие участие в выборах, были настроены оптимистично, но лишь у Сианука имелся доступ к государственному аппарату принуждения. В сочетании с популярностью в сельских районах и его новым политическим мастерством это преимущество было решающим. В конечном счете, Сианук уничтожил всякую возможность политического плюрализма, вынудил своих противников уйти в подполье и способствовал выживанию камбоджийского коммунистического движения, единственной политической группировки, готовой действовать в условиях секретности.

Действия Сианука в предвыборной кампании 1955 года предвещали методы, которыми он будет пользоваться, управляя Камбоджей на протяжении последующих пятнадцати лет. В феврале при его поддержке был проведен референдум. Избирателей просили одобрить Королевский крестовый поход за независимость. Голосование проходило открыто, и те, кто был против короля, просто выбрасывали бюллетень с изображением Сианука, тем самым нанося оскорбление монарху, которое могло послужить основанием для ареста. После того как 95 % электората проголосовало в соответствии с его ожиданиями, Сианук решил выйти на политическую арену. Королевская власть в Камбодже была чисто формальной, ограниченной конституцией. Понимая это, Сианук отрекся от престола в пользу своего отца и начал свою кампанию в качестве «обычного гражданина».

Его действия стали для всех неожиданностью. Превратившись в частное лицо, Сианук надеялся столкнуть политические партии

между собой и навязать Камбодже бонапартистский консенсус. Для достижения этих целей он частично солидаризовался с демократами и Прачеачоном во взглядах на внешнюю политику. В апреле 1955 года Сианук посетил конференцию в индонезийском городе Бандунге, в которой принимали участие бывшие колонии, недавно добившиеся независимости. Вернувшись, Сианук объявил, что во внешней политике будет придерживаться позиции «неприсоединения», как того требовали демократы. Чтобы нейтрализовать консервативную оппозицию, принц также подписал с Соединенными Штатами соглашение о военной помощи.

Затем Сианук создал национальное политическое движение под названием *«Сангкум Реастр Нииом»* («Народная социалистическая община»), участникам которого не разрешалось вступать ни в какие другие политические партии. Чиновники стали массово присоединяться к нему. Сотни демократов, трудившихся в правительстве и отказавшихся присоединиться к Сангкуму, лишились своих постов, а те, кто работал на другие политические партии, преследовались и подвергались арестам. Радикальные газеты были закрыты, а их редакторы отправлены на несколько месяцев в тюрьму.

Кампания набирала обороты, и Сианук время от времени обвинял своих противников в сочувствии коммунизму, т. е. системе, которая, по его мнению, была чужда большинству кхмеров. После того как Сангкум одержал решительную победу на выборах, его газета расписала, какой стала бы жизнь в Камбодже, если бы к власти когда-нибудь пришли коммунисты: «Не останется ни одного счастливого. Все станут работать на правительство. Никто не будет ездить на машинах или велосипедах; людям запретят носить красивую одежду, все будут одинаково одеты в черное. Нельзя будет наслаждаться вкусной едой. Если вдруг вы съедите больше положенного, а правительство узнает об этом, вас схватят и расстреляют».[79] Это удивительное пророчество о практике социализма, написанное с определенной целью, начало сбываться в апреле 1975 года, когда отряды коммунистов освободили Пномпень и эвакуировали его население.

Для многих камбоджийцев демократы по-прежнему предлагали реальную альтернативу, с одной стороны, Сианук, а с другой — коммунистическому сопротивлению под руководством вьетнамцев. Когда предвыборная кампания набрала обороты, Кенг Ваннсак и другие демократы высказались против кумовства и коррупции, предупредив избирателей об опасностях союза с Соединенными Штатами. Кроме того, Ваннсак критиковал

доколониальную традицию абсолютизма в Камбодже. Толпы людей аплодировали ему. Кандидаты от Прачеачона были более сдержаны, однако делали упор на схожие проблемы и пользовались широкой поддержкой нескольких провинций.

Поскольку большинство кандидатов от Сангкума не были выдающимися личностями, Сианук понял, что победу никто не гарантирует. Поэтому он поручил своим людям арестовать Кенг Ваннсака и нескольких других политических лидеров накануне выборов. Ваннсака держали без суда и следствия несколько месяцев. Объединения Демократов были развалены, их кандидаты побеждены; некоторые устроители избирательной кампании убиты. Под угрозой ареста Тиоунн Мумм поспешно бежал во Францию. На Салот Сара никто не обратил внимания.[80]

Без использования подобной тактики кандидаты Сангкума получили бы, вероятно, лишь две трети мест в Национальном Собрании. Однако Сангкум заявил, что получил девяносто одно кресло и голоса 630 000 избирателей — больше 80 % проголосовавших. По официальным данным, за демократов проголосовало 90 000, а за Прачеачон — 30 000 человек. Эти цифры убедили Сианука в том, что теперь в Камбодже можно хозяйничать как в собственном поместье. Выборы ознаменовали собой окончание плюрализма в Камбодже и начало пятнадцатилетнего единоличного правления Сианука.[81]

В сентябре 1977 года, выступая с речью, в которой говорилось о победе камбоджийского коммунистического движения, Пол Пот взглянул на эти выборы с другой точки зрения, отметив, что «народные силы по всей стране поддерживали революцию и прогрессивную позицию против реакционеров и американского империализма. Однако люди не могли голосовать за прогрессивных представителей, потому что правящий класс прибегнул к своему обычному оружию — судам, законам, тюрьмам и прочим средствам подавления».[82]

За несколько последующих лет движение Сангкум и переменчивый Сианук, любивший быть в центре внимания, монополизировали политическую сферу в Камбодже. Как многие другие, Салот Сар воздерживался от подражания стилю Сианука. Действительно, стремление Сара не быть на виду, его нейтральное поведение и соблюдение партийной дисциплины были отчасти реакцией на пышность режима Сианука.

Превращение в учителя

После выборов Салот Сар остался без дела. Лот Суонг и Чеа

Сами беспокоились по поводу того, что у него нет работы. Дружба Сара с Кхьё Поннари во время избирательной кампании окрепла и превратилась в любовь: они поженились. Скромная церемония бракосочетания состоялась в июле 1956 года. К этому времени Поннари было уже за тридцать, она несколько лет работала учительницей. Ученики ее уважали, но некоторые современники не одобряли увлеченность карьерой, участие в политике и аскетизм. Поннари была маленького роста, изящной, даже элегантной женщиной, однако не носила украшений и не пользовалась косметикой. Она носила стрижку в «старомодном китайском стиле» и предпочитала одежду темных цветов. За глаза ее называли «старой девой». Лим Кёки, один из учеников Поннари в Лицее Сисовата в 1956 году, вспоминает, что за несколько месяцев до свадьбы «старая дева» начала «красить губы и носить кое-какие украшения». Какое-то время казалось, что она оттаяла и стала более понятной, контактной. «Она казалась такой счастливой, — говорил Лим, — и мы радовались за нее».

Нам ничего не известно о том, что привлекло Сара и Поннари друг к другу. По-видимому, их свадьба изрядно удивила общих знакомых. Немногие камбоджийские мужчины женились на женщинах старше себя, а женщины с таким социальным статусом, как у Поннари, по крайней мере, в 1950-х, редко выходили замуж за мужчин с настолько невзрачными перспективами и низким уровнем образованности. Возможно, Поннари и Салот Сара сблизила свойственная им обоим приверженность к утопичной политике и идея нелегальной деятельности, направленной на преобразование страны. Не исключено, что они надеялись работать в одной команде с Кхьё Тирит и ее мужем Иенг Сари, которые в скором времени должны были вернуться из Франции. В качестве более прозаического объяснения можно предположить, что Поннари, как и многие другие люди до и после нее, попала под обаяние Салот Сара и согласилась связать свою судьбу с тем, кто готов был отдать жизнь ради великой идеи. В свою очередь, Сара привлекли незаурядный ум и изысканные манеры Поннари. По воспоминаниям Чеа Сами, известие о свадьбе привело ее в восторг; она надеялась, что брак заставит Салот Сара остепениться и обустроиться.[83]

В то время Поннари преподавала камбоджийскую литературу в Лицее Сисовата. Примерно в это время Салот Сар начинает преподавать французский язык, историю, географию и право в недавно созданном частном коллеже Чамраон Вичеа («Прогрессивное знание») в Пномпене. Это последние известные нам сведения о том, что происходило с Саром вплоть до 1975 года, когда в партийных документах и признаниях неожиданно

обнаружились восторженные и благоговейные отзывы о нем. Интригует то, что во всех наблюдениях появляется схожий образ сдержанного, располагающего к себе учителя, любящего своих студентов, умеющего красиво, но просто говорить, честного, человечного, контактного и легко вызывавшего уважение к себе. Был ли этот образ естественным? Или же являлся просто маской? Или же и тем и другим? Сколько в нем было от воспитания Сара, его предпочтений и коммунистической подготовки? Эти вопросы стали ключевыми для понимания Салот Сара/ Пол Пота. В то же время на них невозможно ответить. Вероятно, Сар был умелым манипулятором, но этого уже не докажешь.

Многие воспоминания о Салот Саре связаны с его профессиональными качествами. Выбрав себе роль педагога, Сар воспользовался почитанием, которым исконно пользовались у камбоджийцев учителя. Это уважение вырабатывалось долгими столетиями, когда образование в Камбодже находилось в руках индуистских брахманов и буддийских монахов. Во времена Французской третьей республики (а именно тогда и рос Салот Сар) учителя занимали достаточно высокое положение в обществе. Бывший инженер сказал мне, что «в камбоджийской системе даже учитель математики преподает этику». По традиции студенты почитали учителей, равно как и старших родственников, получая взамен наставления. Старшие братья *(бонг)* и преподаватели, отвечавшие на это теплотой и добротой, встречались редко и уважались вдвойне. Салот Сару не удалось привлечь к себе внимание в качестве студента, но он добился быстрого успеха, став преподавателем «прогрессивного знания».

В 1959 году один из студентов Поннари, Йу Самбо, решил навестить ее с несколькими своими друзьями. К тому времени Поннари и Салот Сар проживали в южной части города неподалеку от Чамраон Вичеа. Самбо обнаружил, что в комнатах царила безупречная чистота. Мебели немного, зато вся она блестит. Книг тоже мало, а на стенах висело несколько «картин, изображающих сценки из китайской жизни». В тот день Самбо впервые встретился с Салот Саром. Он нашел, что Сар «хорошо выглядит с'аатс'ом,)… весьма дружелюбен… я смог почувствовать исходящее от него его добродушие *(чет л'оо*)… Я сразу же проникся его обаянием *(кхоондж куо ои сроланх)* и понял, что хотел бы стать его другом на всю оставшуюся жизнь». Гладкое лицо Сара, его низкий голос и спокойные жесты обладали завораживающим действием. Он казался человеком, способным «объяснять вещи так, что ты начинал мечтать о справедливости и всей душой ненавидеть коррупцию». Позже Самбо принимал участие в неформальных семинарах, на которых молодые люди —

младшие офицеры, учителя и студенты — обсуждали Камбоджу и свою роль в истории страны. По воспоминаниям Самбо, Сар руководил дискуссиями, не раскрывая своей политической принадлежности и яростно критикуя нечестность, процветавшую в правительственных кругах.[84]

Чамраон Вичеа обеспечил Салот Сара сценой для раскрытия его политических талантов и условиями для его подпольной партийной работы. Еще один частный коллеж, Камбудж'бот, в 1950–1960-х годах почти полностью укомплектованный коммунистами, был создан демократами в 1952 году после совершенного Сиануком переворота. Название коллежа в переводе означает «сын Кампучии». Этим псевдонимом пользовался принц Ютевонг, когда писал статьи для демократической прессы. Обе школы удовлетворяли потребности студентов, не сдавших экзамены в рамках государственной системы коллежей, унаследованной от колониальных времен. Тем учащимся, которым удавалось сдать экзамены по окончании обучения в коллеже (те самые, которые Салот Сар завалил в 1948 году), разрешалось поступать в лицей. Многие родители охотно платили небольшое ежегодное вознаграждение, надеясь обеспечить своим детям должности в государственном аппарате, которые обычно доставались выпускникам лицеев. Четырехгодичный курс обучения в Чамраон Вичеа заканчивало около трехсот студентов.[85]

Как появился коллеж — не известно. По словам Чхай Ята, в него вложили средства Лон Нол, принц Нородом Чантараингсей и другие личности, рассматривавшие подобное учебное заведение как способ помещения капитала и уравновешивания влияния демократов в Камбудж'боте. Возможно, Сар получил должность в коллеже благодаря школьной дружбе с братом Лон Нола Лон Ноном и связям своей семьи с Чантараингсеем. Никто посторонний не знал о работе Сара с коммунистами. Но даже если бы о них стало кому-то известно, их бы не восприняли всерьез. Тем не менее коллеж Чамраон Вичеа, как и Камбудж'бот, вскоре превратился в пристанище для радикалов, тех, у кого недоставало квалификации для преподавания в более престижной государственной системе, где к тому же больше платили.[86]

Вполне понятно, почему Сар решил стать учителем. Его всегда влекло к профессии, позволявшей играть разнообразные роли и скрывать политические симпатии за склонностью к нравоучениям, а амбиции — под маской молчаливого и скромного человека. Сложно представить себе другое занятие, которое он мог бы выбрать, преследуя такие цели. Сару не хватало образования, чтобы преподавать в государственной

образовательной системе. С другой стороны, он не желал продолжать учебу и не думал о том, чтобы стать рабочим, бизнесменом или чиновником. Без земли и капитала ему трудно было бы податься в помещики или предприниматели. Карьера в области леворадикальной журналистики грозила разоблачением и была чревата слишком многими опасностями. А вот преподавательская деятельность была подходящим выходом из положения. К тому же она обеспечивала прикрытие, необходимое Салот Сару для продолжения партийной работы и вовлечения молодежи в коммунистическое движение.

Он был талантливым, популярным педагогом, постепенно завоевавшим репутацию, которой пользовались его собственные наставники Кван Сифан и Ту Самут. Красочный портрет Салот Сара того времени представляет нам писатель-романист Сот Полин. В 1959 году он изучал у Сара французскую литературу.

«Я все еще помню, как Пол Пот преподавал на французском, — его речь была спокойной и музыкальной. У него имелась очевидная тяга к французской литературе в целом и к французской поэзии — в частности: Рэмбо, Верлен, де Виньи. Много лет спустя, находясь в Париже, я видел его выступление по телевизору и слышал, как он говорил по-камбоджийски. Несомненно, это тот же человек — его смех, его манера подбирать слова, его искренность… Он говорил быстро, не пользуясь записями, иногда подыскивая слова, но всегда без запинки, с полузакрытыми глазами, вдохновленный собственным же лиризмом… Студенты были покорены этим приветливым преподавателем, неизменно одетым в белую рубашку с короткими рукавами и темно-синие брюки».[87]

Другой студент, которому в 1962 году Сар преподавал историю вспоминал, что Сар преподносил предмет так, как требовал бы Сианук, отдавая принцу должное за то, что тот добился независимости для Камбоджи. Данный подход приветствовался на вступительных экзаменах в лицеи, которые студенты планировали сдавать в будущем. По воспоминаниям этого студента, Салот Сар говорил «мягко, медленно и понятно и на правильном французском». Он старался упростить свой синтаксис, чтобы студенты могли понять и точно воспроизвести его формулировки на экзаменах. «Он пользовался популярностью у студентов, считался хорошим и очень корректным в своих методах учителем».

Третьему студенту, Ом Наронгу, Сар преподавал французскую литературу в 1959 году. По воспоминаниям Наронга, Сар «учил, потому что хотел, чтобы мы это знали». В памяти студента сохранились частые улыбки Сара и его

неизменная, непритязательная одежда: «Он всегда носил белую рубашку с короткими рукавами, доходившими до локтей, и темно-синие брюки… Все знали, что он был коммунистом». Однако это не огорчало студентов, связывавших коммунизм с порядочной, антимонархической точкой зрения. Так или иначе Сар никогда не вводил радикальные идеи в процесс преподавания, приберегая их для групп, куда входили только посвященные. По-видимому, в 1950-е годы понятие «коммунист» в Камбодже зачастую ассоциировалось с людьми, имевшими простые вкусы, приличное образование и ненавидевшими коррупцию. По словам Наронга, «они были единственными, кто заботился о бедных».[88]

Партийный боец

К 1956 году Сар ловко оперировал уже несколькими масками. Он был известен членам Прачеачена как «Пол» и, возможно, под некоторыми другими именами и как «Салот Сар» — друзьям за пределами коммунистического движения. Он также работал с товарищами из Коммунистической партии Индокитая. Эта группа людей была гораздо меньше. Они охраняли своих камбоджийских лидеров Ту Самута и Сьё Хенга и закладывали основы для расширения Коммунистической партии Камбоджи и улучшения ее организации, ожидая на это разрешения от Вьетнама. Неизвестно, продолжала ли существовать под своим названием созданная в 1951 году Кхмерская Народно-революционная партия — это тоже одна из тайн, окутывающих историю коммунистического движения в Камбодже. Мей Манн, бывший член КПК, в 1997 году сказал Стиву Гедеру, что в 1950-х годах у партии «не было названия». Похоже на то, что ее роль взял на себя Прачеачон. Те, кому была известна вся правда о Саре, сами работали в условиях строгой секретности. Их мир псевдонимов, тайных встреч, пронумерованных баз и явочных квартир наводит на мысль о том, что быть коммунистом в Пномпене — захватывающее занятие, особенно для таких, как Салот Сар, связанных с элитой и защищенных от преследований полиции.[89]

После свадьбы Салот Сар отделился от своего брата и невестки, воспитавших его, хотя каждый год прилежно посещал буддийские церемонии почитания умерших, проводившиеся в родном Прексбауве. Последний раз он побывал там в 1959 году на похоронах отца. Он мало виделся и с Кенг Ваннсаком. Частично его отчужденность можно объяснить приездом из Парижа Кхьё Тирит и Иенг Сари в начале 1957 года. Какое-то

время Салот Сар и его жена жили вместе с ними и их маленькой дочерью Ванни.

Они вчетвером снимали дом к западу от дворца, принадлежавший семье сестер. Соседи были удивлены тем, что они отказались нанимать домашних слуг по идеологическим соображениям. Вскоре Сари начал преподавать в Камбудж'боте и с головой окунулся в тайную политическую деятельность.[90]

Сложно сказать, что повлекла за собой эта политическая работа, насколько важные позиции занимал Салот Сар и входил ли он в руководство коммунистического движения. Его имя никогда не фигурировало в связи с упоминанием Прачеанона. Хотя Сар был широко известен как человек прогрессивных взглядов, очевидно, им никогда не интересовалась полиция. В американском посольстве не было его биографических данных, хотя там хранились досье сотен людей, подозревавшихся в принадлежности к коммунистическому движению. В отличие от активистов других стран Сар не провел ни одной ночи в тюрьме.

Начиная с 1955 года Сар начинает делить большую часть своей тайной жизни с Нуон Чеа, коммунистом примерно одного с ним возраста. Наряду с Салот Саром/Пол Потом он удерживал важные позиции в коммунистическом движении вплоть до 1990-х годов. Нуон Чеа был выходцем из Баттамбанга китайско-кхмерского происхождения. Он родился в 1927 году в обеспеченной семье и получил имя Лау Бен Кон. Во время Второй мировой войны, когда Баттамбанг попал под контроль Таиланда, он приехал в Бангкок, где закончил среднюю школу под именем Лонг Руот. В 1945 году он поступил на юридический факультет Таммасатского университета в Бангкоке. Там он получал стипендию. Вскоре он стал членом Коммунистической партии Таиланда, не уведомив об этом свою семью. Возможно, на этот шаг его вдохновил двоюродный брат Сьё Хенг. Он тоже провел часть военного времени в Бангкоке и вступил в Коммунистическую партию в Баттамбанге в 1945 году. С того момента и до конца 1950-х годов Сьё Хенг был одним из лидеров коммунистического движения в Камбодже. Много лет спустя, уже после выхода из партии, в каком-то интервью он обмолвился, что в 1940-е годы восхищался коммунистами, покоренный их «безупречными аргументами» и считая, что вьетнамцы могли помочь освободить Камбоджу от французского гнета. Его молодого кузена привлекли к коммунизму похожие идеи, а также расцвет радикальных политических течений в Бангкоке после Второй мировой войны.[91]

В 1951 году Нуон Чеа присоединился к поддерживаемому вьетнамцами сопротивлению в Баттамбанге и стал членом

Коммунистической партии Индокитая. На протяжении нескольких лет он скрывал от семьи свои политические связи, говоря близким, что просто участвует в борьбе против французов. В 1952 году он предпринял поездку во Вьетнам и прошел там какую-то политическую подготовку. В апреле 1955 года, вернувшись в Пномпень, подобно Сару, он взял себе новое имя и «занялся секретной политической деятельностью».

Можно допустить, что Чеа и Сар начали думать о будущем партии и их собственном будущем еще тогда, когда они работали вместе. В то время достижения Чеа были напрямую связаны с Сьё Хенгом, а успехи Сара — с Ту Самутом. Самут отвечал за работу в городах, а Сьё Хенг — за сельский сектор. Логично предположить, что Чеа занимался делами на селе, а Сар действовал в городской среде, и что они поддерживали связь между различными зонами (Сар — с восточной, а Чеа — с северо-западной), где во время войны действовали их руководители. И действительно, в конце 1950-х Чеа провел какое-то время в Компонгчхнанге, где и познакомился со своей будущей женой, дочерью неграмотных крестьян.[92]

Дружба Сара с Чеа напоминала в своем развитии отношения Сара с Кенг Ваннсаком, Ту Самутом и Кхьё Поннари. Каждый из этих друзей был старше Сара. Всех их можно было бы назвать «интеллигентами», словом, которое Салот Сар, вероятно, не мог употребить по отношению к себе. Многие вспоминают Сари, Ваннсака и Нуон Чеа как влиятельных, резких людей. Ни одно из этих определений не удержалось за Саром. И все же именно Салот Сар стал «Братом номер один» в камбоджийском коммунистическом движении. Сар напоминал Хо Ши Мина и других коммунистических лидеров — безыскусностью и доброжелательностью, с одной стороны, и прагматизмом, притворством и амбициозностью — с другой. Он напоминал тех, о ком говорят: в тихом омуте черти водятся. Или романтика-радикала, получающего удовольствие от маскировки, неистово преданного партии, выдвинувшегося скорее благодаря верности и манерам, чем способностям. Третья возможность, прекрасно сочетающаяся с другими, заключалась в том, что в 1950-х годах вьетнамские наставники Сара и Ту Самут сочли его понятливым учеником, с которым было легче работать, чем с другими молодыми кхмерами, такими, как Иенг Сари.

Сплочение партии

Партийная работа в 1950-е годы заключалась в организации

сети активистов и подборе потенциальных кадров, не имевших мандата на революционную деятельность. Сеть старательно создавалась при помощи убеждения и образовательной работы. В Пномпене также предпринимались спорадические попытки мобилизовать малочисленный камбоджийский пролетариат, в который входили железнодорожники и портовые рабочие. На протяжении всей истории партии камбоджийские коммунисты настаивали на том, что пролетариат составляет авангард революции. Это мнение соответствовало марксистско-ленинскому учению. Однако вскоре стало ясно, что рабочих в стране недостаточно, чтобы возглавить революцию, так что вместо них авангардом стали члены коммунистической партии.

Кроме того, коммунисты в Камбодже прибегали к тактике единого фронта, когда это было нужно. Основная идея заключалась в том, чтобы временно объединиться с наибольшим количеством союзников, тем самым изолируя врагов. А получив власть, коммунисты могли разорвать отношения с союзниками. Главным врагом Камбоджи считались Соединенные Штаты, так что газеты Прачеачона, в которых Сианук не видел большой угрозы, поддерживали принца в его антиамериканских настроениях. Некоторые коммунисты открыто выступали как сторонники Сианука. Среди них были Кхьё Самфан, Хоу Йоун и Ху Ним, все — выпускники Коллежа Сианука в Компонгчаме, а также Чау Сенг, камбоджиец из Кохинхины, ездивший во Францию вместе с Салот Саром. Другие законспирированные члены партии, например сестры Кхьё и Сон Сен, делали карьеру в государственной системе образования.

Прачеачон сохранял легальный статус до 1962 года, однако существование Коммунистической партии Индокитая, якобы распущенной в 1945 году, по-прежнему держалось в тайне. Полиция Сианука сосредоточилась на преследовании членов Прачеачонской группы. Для коммунистов и сочувствующих часто проводились занятия в явочных домах Пномпеня и сельской местности.

В сельских районах, где во время Первой индокитайской войны движение достигло наибольшего размаха, камбоджийцы Коммунистической партии Индокитая пытались сохранить верность тем, кто боролся с французами. На селе успехи были неважными, поскольку в конце 1950-х Сьё Хенг утратил свой радикальный пыл. В 1956 году, устав от коммунизма, он вернулся из Вьетнама, однако продолжал оставаться лидером еще года два или три, выполняя приказы вьетнамцев. Это был период, когда вьетнамские коммунисты убеждали своих камбоджийских товарищей включиться в «политическую борьбу», что

способствовало массовым арестам. Многие бывшие бойцы сопротивления, включая Сьё Хенга, не видели смысла в безоружных нападениях на правительство Сианука и не слишком верили в то, что свержение принца как-то повлияет на ситуацию в стране.

Большинство новичков, привлеченных к движению в этот период, — а таковых было немного — являлись выходцами из образованных слоев населения. Приходили студенты коллежей и лицеев, преподаватели, городские рабочие и молодые камбоджийцы, проникшиеся радикализмом за время обучения за границей. Этих людей побудили присоединиться к коммунистическому движению такие учителя, как Салот Сар, Хоу Йоун и Иенг Сари. Молодежь оскорбляла авторитарная манера правления Сианука и несправедливости, творившиеся в камбоджийском обществе; некоторые из них восхищались Китайской революцией. Они считали, что Камбодже требовалось не освобождение от иностранного господства и американских «марионеток», а уничтожение существующего социального порядка и полное его обновление. Соединенные Штаты были для революции «врагом номер один», однако в Камбодже эта враждебность распространялась на Сианука и все, за что он стоял.

Социальный состав новичков порывал с сельскими традициями, однако в то же время позволял камбоджийской революции идти своим собственным путем, а не отвечать на военные трудности вьетнамцев, как это имело место в начале 1950-х, когда сельские районы Камбоджи ограничивались лишь борьбой с французами. Теперь камбоджийское движение могло развиваться подобно другим революциям, включая и вьетнамскую. Недавно образовавшаяся партия могла сосредоточиться на пропаганде среди городской интеллигенции, привлекая в свои ряды учителей, буддийских монахов и студентов лицеев. Такая работа идеально подходила Салот Сару. В 1977 году, когда партия полностью возродила ориентацию на сельское население, Пол Пот пожаловался, что около «девяноста процентов революционных сил на селе» дезертировали, были арестованы или убиты в 1959 году. Нет доказательств того, что лидеры партии, в большинстве своем устроившиеся в городах, сожалели об этом. Пока не пришло время отказаться от тактики единого фронта и заняться вооруженной борьбой, Пномпень оставался местом, где свершались и выигрывались революционные битвы. Кроме того, Пномпень дал Сару шанс выдвинуться.[93]

В свете этих фактов об отступничестве Сьё Хенга можно было сказать: нет худа без добра. После возвращения из Ханоя он уже

не занимался активной деятельностью. Какое-то время Сьё Хенг и Ту Самут жили в соседних домах в Пномпене под охраной молодых членов движения. У картежника и бонвивана Сьё Хенга эти условия вызывали недовольство; однако ввиду того, что ханойские руководители движения сделали из него лидера, Самут и его товарищи не могли заменить Сьё Хенга. Его ренегатство решило дело. В скором времени он возвратился в Баттамбанг и занялся мелкой торговлей. В течение, по крайней мере, двух лет Сьё Хенг вел политику вразрез с мнением своих бывших соратников в Пномпене, и сельский сектор движения, которому не придавалось особого значения, переживал спад. В истории партии варианта 1973 года отмечалось, что «комитет, ответственный за городское движение [группа, возглавляемая Ту Самутом при помощи Салот Сара] был переименован в комитет, ответственный за общее состояние дел в стране». В истории партии, появившейся в 1997 году, Нуон Чеа написал, что после дезертирства Хенга «партия лишилась секретаря, однако оставшиеся продолжали работать, стараясь пробудить массы».[94]

Во время избирательной кампании 1958 года Сианук разразился тирадами, обличающими коммунизм. Они постепенно прекратились в 1959 году, когда принце головой ушел в раскрытие заговоров, затевавшихся против него в Южном Вьетнаме и Таиланде с молчаливого согласия Соединенных Штатов, которым было все известно. Эти заговоры разъярили принца, и без того возмущавшегося поддержкой, оказываемой тайцами и Южным Вьетнамом Сон Нгок Таню. Бывший премьер-министр жил в изгнании в обеих странах с 1955 года и с одобрения Соединенных Штатов, недовольных «прокоммунистической» ориентацией принца, создал антисианукское военизированное объединение. Антиамериканские настроения Сианука и сильный гнев, который вызывали у него соседние режимы, обеспечили Салот Сару и его товарищам еще одну возможность сформировать единый фронт и действовать под покровительством Сианука.

Одним из следствий этого союза стало то, что «левые» газеты в Пномпене не только выступили с поддержкой внешней политики Сианука, но и поддержали просианукскую линию в вопросах политики внутренней. «Левые» интеллигенты наподобие Хоу Йоуна, Чау Сенга и Кхьё Самфана получили от принца благодарность за патриотизм и честность. Хоу Йоун был введен в правительство в качестве младшего министра, а в сентябре 1959 года начала издаваться «левая» газета Кхьё Самфана *L'Observateur* («Наблюдатель»), Коммунистам казалось, что подобная атмосфера благоприятствует созданию единого фронта.[95]

К тому моменту в Ханое дважды собирались съезды Вьетнамской рабочей партии для обсуждения просьб коммунистов Южного Вьетнама разрешить им начать вооруженную борьбу с проамериканским режимом Нго Динь Дьема. По предложению Ханоя южновьетнамские коммунисты еще раньше начали политическую борьбу, которая привела к тысячным арестам, тюремному заключению и смертным казням. Вьетнамская Рабочая партия осторожно одобрила эти просьбы, равно как и другие, полученные из Лаоса, где было сформировано прозападное правительство, пользовавшееся помощью США. Однако на данном этапе Ханой не был готов поддержать полномасштабное вооруженное сопротивление где бы то ни было, и нет доказательств того, что камбоджийское движение обращалось к Ханою с просьбой разрешить самостоятельные выступления. В то же время начало вооруженной борьбы в Южном Вьетнаме навело коммунистов в Ханое на мысль о том, что можно было бы возобновить старые связи с камбоджийскими коммунистами с целью поддержать войну.[96]

Отношения Сианука с левыми зависели от его изменчивого настроения и тактики стравливания радикалов и консерваторов. После смерти своего отца, во второй половине 1960 года, Сианук захотел стать главой государства. Этот процесс завершился к концу года. Принимая антиконституционные решения, Сианук понимал, что следовало бы нейтрализовать «левую» прессу. Когда начались споры о том, сколько часов следует выделять в камбоджийских школах на изучение французского языка, — Сианук, несогласный с позицией Кхьё Самфана, выступил против «левых». Через несколько дней Самфан был избит на улице полицейским, переодетым в гражданскую одежду. В своей газете *L'Observateur*он описал этот инцидент как «очевидно фашистский с империалистическим подтекстом». В августе, после демонстраций, организованных с одобрения Сианука и порицавших «левую» прессу, принц закрыл газеты и отправил в тюрьму редакторов. В число арестованных попал и Кхьё Самфан. Подозреваемых не выпускали в течение месяца. Разумеется, оставшиеся на свободе товарищи-коммунисты понятия не имели, как долго это будет продолжаться.

Камбоджийские коммунисты испытывали давление и со стороны Ханоя, чья поддержка вооруженной борьбы в Южном Вьетнаме означала возобновление там тактики единого фронта, сочетание вооруженных действий и методов политической борьбы, а также восстановление партий, существовавших в Лаосе и Камбодже во времена Первой индокитайской войны. На этот раз тактика вьетнамцев усложнилась по двум причинам. Во-первых,

борьба теперь разворачивалась на юге, а не на севере Вьетнама. Во-вторых, Кхмерскую Народно-революционную партию необходимо было восстанавливать, учитывая неформальный союз Ханоя с Сианук. Другими словами, партию нужно было возродить к жизни, поощрять к расширению, однако соблюдать секретность и не вступать в вооруженную борьбу. Камбоджийцы столкнулись с проблемой: возможность выбора между руководством Вьетнама и конфронтацией с вероятностью уничтожения. Унизительные аспекты первой альтернативы в 1960-х годах склонили камбоджийских коммунистов ко второй, грозившей гибельными последствиями. После 1960 года, когда Салот Сар вступил в недавно созданный Центральный Комитет Коммунистической партии Камбоджи, гнет этих обстоятельств лег на его плечи. Они досаждали ему до самого конца карьеры.

Камбоджийская партия обретает форму

В начале сентября 1960 года Вьетнамская Рабочая партия провела съезд в Ханое. Съезд постановил «освободить Юг от… американских империалистов и их приспешников». Для достижения этой цели предполагалось основать национальный фронт в Южном Вьетнаме и в то же время начать вооруженную борьбу в сельской местности.

Вступая во Вторую Индокитайскую войну, вьетнамцы хотели восстановить условия 1950 года, когда в помощь себе они создали коммунистические партии в Лаосе и Камбодже.

По словам Пол Пота и Нуон Чеа, через две недели после съезда камбоджийские радикалы — двадцать один человек — провели секретное заседание неподалеку от пномпеньского вокзала. Брат Тиоунн Мумма, Тиоунн Празит, занимавшийся активной пропагандой среди железнодорожников, добился разрешения воспользоваться небольшим зданием для проведения собрания. В 1977 году Пол Пот так описал этот «Партийный съезд»:

«Среди участников съезда были четырнадцать представителей крестьянства, ответственных за работу в различных сельских районах, и семь представителей городов, всего — двадцать один делегат… Участие двадцати одного представителя в Партийном съезде было вопросом жизни и смерти. Если бы враг раскрыл место проведения съезда, то все руководство Партии было бы уничтожено, революция подверглась бы серьезной опасности и ее будущее оказалось бы под угрозой».[97]

Вокруг этого заседания велись жаркие споры. После 1975

года представитель красных кхмеров объявил его Первым съездом Коммунистической партии Кампучии, однако в других документах оно названо вторым съездом — после первого, состоявшегося в 1951 году. Предпринятые впоследствии усилия умалить значение заседания 1951 года означали попытку отделить камбоджийское движение от его вьетнамского прошлого. Однако ни один из документов не говорит о том, что кажется очевидным случайному наблюдателю, а именно — что заседание 1960 года, как и другое, проведенное девятью годами ранее, были созваны по распоряжению Ханоя. Это подтверждается тем, что заседание состоялось вскоре после съезда в Ханое, равно как и тем, что в состав нового Центрального Комитета, объявленного на заседании в Камбодже, вошел Сон Нгок Минь, инкогнито посетивший вьетнамский съезд. Кроме того, в Комитет вошли Ту Самут, новый секретарь партии (переименованной в Рабочую партию Кампучии), «помощник» Самута Салот Сар и заместитель Самута Нуон Чеа, который на должностной лестнице стоял выше Сара. Эти четверо, как и должностные лица комитета Кео Меас и Сао Фим, уже являлись членами Коммунистической партии Индокитая. Единственным членом комитета, не входившим в партию, был Иенг Сари.[98]

В истории партии 1973 года утверждается, что этот съезд «одобрил политическую линию, стратегию, военные хитрости и марксистско-ленинские уставные документы для партии». Члены комитета были наделены региональными полномочиями. Существование партии и ее новое название по-прежнему держались в секрете. Название камбоджийской партии и ее действия на протяжении последующих двенадцати лет указывают на то, что она по-прежнему находилась под контролем вьетнамцев и подчинялась их распоряжениям. Впоследствии вьетнамцы, конечно, это отрицали, однако до конца 1960-х и, возможно, до 1972–1973 годов Коммунистическая партия Камбоджи никогда не проводила независимую линию.[99]

Должно быть, у Салот Сара, Иенг Сари и Нуон Чеа, которым было чуть за тридцать, дух захватывало оттого, что они заняли столь важные посты. Назначение Сон Нгок Таня в комитет носило символический характер; у Ханоя же не было возможностей следить за деятельностью новой партии. Более того, эти младшие товарищи несколько лет тесно сотрудничали с Ту Самутом и другими членами комитета. Тем временем давление на радикалов прекратилось, поскольку Сианук умерил свою антикоммунистическую кампанию, сделав несколько дружественных жестов в сторону «левых» интеллигентов. В 1962 году принц невольно попал в такт партийной политике единого

фронта, пригласив нескольких коммунистов, включая Кхьё Самфана, баллотироваться в Национальное Собрание.[100]

Гибель Ту Самута

Заручившись поддержкой «левых» интеллигентов, Сианук провел первую половину 1962 года в нападках на коммунистов — особенно на группу Прачеачон, которая проигнорировала его приказ самораспуститься. Существование этой группы мешало его стремлению к абсолютной власти. В январе были арестованы представитель Прачеачона Нон Суон и четырнадцать активистов движения, работавших на селе. Их задержали без предъявления обвинений. Через две недели был арестован Чоу Чет, редактор газеты *«Прачеачон»*. С тех пор она больше никогда не выпускалась. В мае состоялся суд над Нон Суоном и арестованными вместе с ним участниками группы. Их приговорили к смерти. Позже смертные приговоры были заменены длительными сроками тюремного заключения. Прачеачонская группа распалась, чего добивался Сианук. Ту Самут и его сторонники лишились своей организации-прикрытия, однако они уже не были обязаны сохранять связь с открытым коммунистическим движением. Сложившаяся ситуация отвечала их склонности к нелегальной деятельности. Единственными кандидатами на выборах в июне 1962 года оказались представители от Сангкума.

Хотя по Прачеачонской группе был нанесен сокрушительный удар, Рабочая партия Кампучии по-прежнему оставалась в тени. Ее вожди опасались репрессий Сианука. В 1978 году министр иностранных дел Вьетнама Нгуйен Ко Тач в одном из интервью сказал, что в 1960–1962 годах Коммунистическая партия Камбоджи была «парализована недоверием и беспорядком». Отчасти эту беспомощность можно отнести за счет совета вьетнамцев продолжать политическую борьбу — это было равносильно самоубийству. Подобные инструкции и непредсказуемое поведение Сианука выбили у камбоджийской партии почву из-под ног.

Ситуация осложнялась тем, что в июле 1962 года исчез секретарь партии Ту Самут. Члены партии предполагали, что он был убит полицейскими Сианука. Если агенты Лон Нола действительно арестовали Самута, вероятно, они не поняли, что он за птица. В любом случае, от него они ничего не узнали о Рабочей партии, ибо после исчезновения Самута никаких арестов не последовало. Однако у товарищей не было возможности узнать о его судьбе. На их взгляд, исчезновение Самута грозило бедой.

Годы спустя Нуон Чеа написал: «Ночь, когда исчез Ту Самут, ужаснула меня», а Ворн Вет признался: «Когда дедушку Ту схватили… Братья [лидеры партии] отступили и ушли в подполье *(доокчулсомнгат),* перестали показываться, прекратили работать открыто».[101]

Обстоятельства этого дела до сих пор не ясны, хотя с 1979 года вьетнамцы утверждают, что Ту Самут был убит с молчаливого согласия Пол Пота. Эту версию поддерживал Бен Кирнан, назвавший участие Пол Пота «наиболее вероятным» объяснением исчезновения Самута. Эта точка зрения может считаться объективной лишь в том случае, если Пол Пот пришел к власти в 1960 году. Вполне вероятно, что Сар мечтал убрать провьетнамски настроенного Самута. Его ликвидация открыла бы Сару путь к вершинам партийной карьеры. На самом же деле, как мы увидим, всю деятельность самого Салот Сара до 1967 года пронизывали провьетнамские настроения, к тому же ему удалось сохранить доверие вьетнамцев вплоть до 1970-х годов.

Сианук не взял на себя ответственность за убийство Ту Самута, хотя в 1990 году некий аноним из Пномпеня сообщил, что Самута схватили полицейские, связали его, обвесили камнями и выбросили из каноэ в Меконг. С другой стороны, телохранители Самута утверждали, что его предал Сьё Хенг, к тому времени якобы вернувшийся в столицу. Один из них вспомнил, как Хенг сказал: «Если мы уничтожим [Ту Самута], коммунизм в Камбодже никогда не победит». Возможно, эти люди, в 1957–1958 годах бывшие телохранителями самого Сьё Хенга, знали, что Самут похищен. Если поразмыслить, причастность Салот Сара к предательству Ту Самута кажется маловероятной.[102]

Беседы с монахами и студентами

После исчезновения Самута Салот Сар стал временно исполнять обязанности секретаря в Центральном Комитете партии, тогда как Нуон Чеа остался заместителем. Кроме занятий в Чамраон Вичеа Сар иногда вел полулегальные семинары, где речь велась о гражданском достоинстве, справедливости и коррупции. На обсуждения приходили монахи, студенты, военные и служащие. Сок Чуон, который к тому моменту уже десять лет был буддийским монахом, посетил один из таких семинаров в конце 1962 года. Поскольку несколько месяцев спустя Салот Сар ушел к партизанам, воспоминания Чуона — последние сведения, которые мне удалось раздобыть о том периоде жизни Салот Сара.

Он вел двойную жизнь: кому-то известный как прогрессивный учитель, а кому-то — как один из руководителей коммунистического движения. Проведение семинаров держалось в тайне; участники приглашались лично. Здание, в котором велись занятия, охранялось полицейскими и «агентами», симпатизировавшими Салот Сару. Аудитория состояла из тридцати монахов из трех пномпеньских храмов и, вероятно, двадцати других участников, которых Чуон запомнил как «учителей и студентов».

Главное место на этой встрече отводилось лекции Салот Сара, которую Чуон помнил очень ярко даже почти тридцать лет спустя. Привыкший к буддийским церемониям, Чуон оценил речь Салот Сара как «гармоничную и убедительную; он умело пользовался примерами и легко располагал к себе». Во время этой лекции Сар попросил аудиторию «рассмотреть кхмерское общество». Он упомянул, что правительство взимаете камбоджийцев налоги, когда они рождаются, когда женятся и когда умирают. «Никто не может ничего сделать, — говорил Сар, — до того, пока правительство не получит свою плату». Даже монахи требовали денег за свои книги с проповедями («Разве Будда что-нибудь продавал?» — обратился Сар к аудитории.) Сар заявлял, что правительство насквозь прогнило *(пукролуй)* и повергало народ в еще большую нищету. Он рассказывал о «новом обществе», где не нужно будет платить тунеядцам, потому что трудиться придется всем (он предрекал годы своего правления, когда всем перестанут выдавать жалование, ибо деньги попросту исчезнут из обращения). Чтобы проиллюстрировать изъяны жизни в Камбодже, Сар привлекал внимание своей аудитории к королевским танцорам *(ерей суон)* и находившимся на иждивении во дворце женщинам *(йей акар),* обвиняя их в том, что они «жили за счет народа». Он забыл упомянуть о том, что сам вырос в этой среде. Бестактный выбор объектов для нападок наводит на мысль о том, что к 1962 году Салот Сар либо отрекся от семейных уз, либо вспомнил о своих детских обидах. В глазах людей, ничего не знавших о его происхождении, он выглядел героическим, обезличенным борцом за великое дело. Встречу предваряли слухи о его репутации, «по секрету» распространявшиеся среди людей. По воспоминаниям Чуона, «он не назвал нам своего имени, но все мы уже знали, кто он такой».[103]

Эти семинары служили продолжением лекций Салот Сара в Чамраон Вичеа, а также напоминали дискуссионные группы в Париже и работу в рамках тактики единого фронта в 1954–1955 годах. На встрече 1962 года, которую посетил Сок Чуон, никого

не агитировали вступать в Рабочую партию. Вместо этого Сар пытался всколыхнуть сознание людей, обострить их восприятие и продемонстрировать самого себя в качестве образца уравновешенности, красноречия и преданности. С подобными речами он выступал перед сторонниками в 1980-х и в 1990-х, уже после крушения режима.

Люди, к которым Салот Сар обращался в 1960-х, дали камбоджийскому коммунистическому движению многих новобранцев. Монахи, учителя, студенты были знакомы с буддийской риторикой и восприимчивы к моральным проповедям. Они считали себя элитой с высокими морально-этическими нормами. Возможно, они ощущали свое превосходство над простыми кхмерами; в конце концов, студенты и монахи работали не за деньги — монахам даже не разрешалось прикасаться к ним. Кроме того, студенты и монахи не имели семьи, которая оказывала бы им поддержку. В отличие от других государственных служащих преподаватели не обладали возможностями брать большие взятки, но зато могли влиять на умы молодежи. В общем и целом, монахи, учителя и студенты гораздо лучше понимали социальные проблемы, чем другие категории населения, к которым мог взывать Салот Сар. По этим причинам многие из них стали идеальными новобранцами.

К концу 1962 года Хоу Йоун, Кхьё Самфан и некоторые другие члены партии также вели подобные семинары. Они пользовались недовольством Сианука и широко распространенным в народе желанием получить порядочное правительство, справедливость и социальные перемены. Они тоже высматривали новичков. В Чамраон Вичеа студент по имени Сьет Чхае контролировал некий студенческий союз, участники которого, как он писал позднее, «занимались революционной деятельностью». Под этим подразумевалось, что Сьет Чхае подобно Салот Сару пробуждал сознание людей и собирал их в нелегальные автономные группы. Похожие обязанности выполнял в Лицее Юкхантор Чхим Самаук (Панг). В дискуссионных группах других лицеев, собиравшихся после занятий, стали широко обсуждаться политические вопросы. Полиция знала об этих сборах, однако не трогала участников, считая их безобидными; другие встречи проводились тайно.[104]

Вскоре подобные усилия со стороны учителей являвшихся членами партии, принесли свои плоды. В начале 1963 года студенты лицеев в Сиемреапе, крайне недовольные продолжительным преследованием со стороны полиции, устроили демонстрацию перед полицейским участком. На их знаменах было написано «Сангкум прогнил!» и «Сангкум

несправедлив!» Вскоре похожие демонстрации прошли в Пномпене и Компонгчаме.

Сианука не было в стране, когда до него дошли новости об этих демонстрациях. Рассерженный, он послал в Камбоджу телеграмму, требуя расследования. Лон Нол расценил просьбу принца как приказ убрать тех людей, которых он считал коммунистами. Когда в начале марта Сианук вернулся в столицу, Лон Нол предоставил ему список из тридцати четырех фамилий людей, занимавшихся подрывной деятельностью. Там вперемешку перечислялись имена журналистов, активистов и не принадлежащих к коммунистам либералов вроде Кенг Ваннсака. В числе прочих назывались Салот Сар и Иенг Сари — возможно, потому, что они преподавали в «левых» школах.[105]

К тому времени Сар и Сари занимали достаточно высокие посты в партии. Их положение подтвердилось на специальном съезде партии, который состоялся вскоре после демонстрации в Сиемреапе, но до возвращения Сианука. На съезде Сар заменял Ту Самута в качестве секретаря партии. Нуон Чеа занимал второе место, хотя, вероятно, был не против занять первое; на третьем месте стоял либо Сао Фим, либо Иенг Сари. Последние исследования, выполненные на основе источников, созданных вьетнамскими коммунистами, предполагают, что пробиться к верхушкам партийной иерархии Чеа мешали слухи, распространяемые Салот Саром. Сплетни передавали, что Чеа, якобы получил недавно какую-то сумму денег от своего двоюродного брата Сьё Хенга. С другой стороны, сам Чеа в 1997 году заявил, что «Прачеачонская группа обвинила меня в предательстве из-за того, что я был родственником Сьё Хенга». Чеа обсудил эту проблему с Салот Саром, который «собирался стать секретарем и предложил мне место своего заместителя». В истории партии варианта 1974 года отмечалось, что на съезде перед партией были поставлены новые задачи и намечены новые направления работы. Однако это утверждение вызывает сомнения с учетом ограничений политической борьбы и численной слабости партии. Действительно важное решение съезда состояло в том, что он закрепил за Салот Саром, Нуон Чеа и Иенг Сари позиции в партийной иерархии, которые они удерживали в течение многих лет. Кроме того, в Центральный Комитет попал и Сон Сен, учившийся с ними во Франции.[106]

Таким образом, в список Лон Нола были занесены три члена партии из Центрального Комитета (Салот Сар, Иенг Сари, Сон Сен) и двое членов партии, знакомых с организацией внутрипартийной работы (Чоу Чет и Сьет Чхае). Чоу Чет уже покинул город, а Сьет Чхае посоветовали уйти от партийных дел.

В свою очередь, Салот Сар и Иенг Сари решили уехать из столицы и искать убежища на востоке. По словам Кенг Ваннсака, Сар мечтал выбраться из Пномпеня и последовал совету Ваннсака, который предложил ему присоединиться к бывшим кхмерским бойцам около Тбунгкхмума на севере Компонгчама. На самом деле Сар, вероятно, скрыл от Ваннсака, не посвященного в партийные секреты, точное название своего будущего убежища. Это был вьетнамский военный лагерь, известный под названием «База 100» на вьетнамско-камбоджийской границе. Нуон Чеа, который знал, как туда добраться, доставил на место Сара и других членов партии из Пномпеня. В беседе с югославскими журналистами 1978 года Пол Пот сказал: «Я больше не мог оставаться в Пномпене. Я должен был присоединиться к партизанам. Я соблюдал хорошую конспирацию. Однако полиция Лон Нола меня выследила. Они знали обо мне, однако не знали точно, кто я такой. В Пномпене я отвечал за движение в столице; кроме того, я осуществлял контакты с сельской местностью».[107]

Сбежав из Пномпеня, Салот Сар оставил двойную жизнь, которую вел с тех пор, как начал преподавать в Чамраон Вичеа. Он наконец мог сбросить маски. Его больше не сдерживали карьера, семейные узы или трудности политики единого фронта. Теперь он целиком отдавал себя революции. Потеряв свободу передвижения по стране, Сар обрел нечто большее — возможность без оглядки высказывать свои взгляды и вести агитацию.

Отдавшись целиком и полностью революции, Сар надел новую маску. После 1963 года его личность, высказывания и поведение слились с камбоджийским коммунистическим движением и статусом «дядюшки-секретаря» *(омлекха)* или «Брата номер один»*(бонгтимуой)*. Как бы там ни было, после марта 1963 года личность Салот Сара окуталась еще большим туманом, что, соответственно, затруднило работу над его биографией.[108]

Глава 4
«Красные кхмеры», 1963–1970

В течение семи лет после побега из Пномпеня Салот Сар постоянно переезжал с места на место, скрываясь во временных лагерях на востоке и северо-востоке Камбоджи. Единственная передышка случилась в 1965–1966 годах, когда он провел несколько месяцев в Северном Вьетнаме и Китае. Большую часть времени Салот Сар, Иенг Сари и другие члены Центрального Комитета информационно были отрезаны от мира. Новости периодически просачивались к ним через партийных курьеров (известных как *нир'сей* или «верные люди») и радиопередачи из Китая и Вьетнама. Эта изоляция оказала влияние на их решения.

После 1963 года Сар и его друзья перестали вести споры с политическими противниками, поскольку в партизанских лагерях таковые попросту отсутствовали. Они постоянно варились в собственном соку, что усиливало их паранойю и самоуверенность. Большую часть времени они проводили в поисках мнимых «врагов» *(кхманг)* и придумывании неосуществимых проектов будущего счастья. Между этими воздушными замками и реальной ситуацией не было ничего общего. Но эта колоссальная разница не бросалась партийным лидерам в глаза. Говоря о том, что теория подчиняется практике, они не имели в виду заботу о нуждах простых смертных. Они не считали нужным общаться с народом и интересоваться его жизнью, скорее даже наоборот: по мнению коммунистов, люди обязаны подстраиваться под теоретическую базу.

Возможно, в этот унылый период у Салот Сара усилилось ощущение собственной исключительности. Идеи Сара получали одобрение у подчиненных: его высокий статус вынуждал их проявлять должное почтение. Более того, поскольку у Сара не было ни территории, ни населения, которыми можно было управлять, он совершил мало практических ошибок. Он жил в мире фантастических грез и развивал утопичные идеи. Все члены партии, с которыми он встречался, были, в некотором смысле, его учениками. Можно даже сказать, что он управлял школой, в которой преподавал. В этой школе не было ни инспекторов, ни родителей, ни внешнего начальства, за исключением, пожалуй, Вьетнамской рабочей партии в далеком Ханое.

Изолированность, относительная безопасность и ощущение собственной значимости оказывали решающее влияние на формирование политики, которой после прихода к власти,

руководствовались вожди Камбоджийской коммунистической партии. Они верили в скорый захват власти, но это случилось только в 1970 году, когда был свергнут Сианук. Но даже после этого красным кхмерам *(кхмер крохом;* по-французски — *Khmers rouges),* как всегда называл их Сианук, понадобилось еще пять лет, чтобы установить полный контроль над страной. Их победа в 1975 году стала неожиданностью.[109]

В этот период Салот Сар переосмысливал значение событий, случившихся за рубежом. Наибольшее интеллектуальное воздействие на него оказала Культурная революция в Китае, разразившаяся в 1966 году и под различными названиями продолжавшаяся вплоть до смерти Мао Цзэдуна. Это массовое движение, в значительной степени организованное самим Мао, было нацелено на ускорение реализации его навязчивых идей о непрерывной революции, классовой борьбе и наделении бедняков властными полномочиями. Китайское общество было мобилизовано на уничтожение многих институтов, созданных самим режимом, включая, если говорить кратко, руководство коммунистической партии. Когда Культурная революция вышла из-под контроля, Мао направил ее в новое русло, однако многие другие вехи его политики остались прежними вплоть до начала 1980-х.

Салот Сар посетил Китай, когда эта революция находилась на начальном этапе своего развития. Он был поражен увиденным. Некоторые меры, применявшиеся в то время в КНР, — например, частичная эвакуация городского населения, «штурмовые атаки» и отказ от воинских званий — впоследствии переняли сами красные кхмеры. Вычищение «классовых врагов» в китайском стиле также получило широкое распространение в Демократической Кампучии, а экономические амбиции Камбоджи заявлялись как «Большой скачок» *(маха лут плох),* термин, позаимствованный из непомерной программы индустриализации, к осуществлению которой Китай приступил в 1950-е годы. Неясно, дошли ли до Сара сведения о том, что Культурная революция обернулась настоящей катастрофой. Точно так же он мог никогда не узнать и о том, что «Большой скачок» в Китае не удался, не говоря уже о Сталинской коллективизации в 1930-х. Ключевым мероприятием визита Сара в Китай в 1966 году стала его встреча с К'анг Шенгом, одним из старейших членов партии и главой секретной полиции Мао. Между Шенгом и Саром установились дружеские отношения.

Дома на Сара повлияла переброска его штаба из Компонгчама в отдаленную провинцию Ратанакири на северо-востоке Камбоджи. Это произошло после его возвращения из

Китая, было сделано по совету вьетнамцев и, несомненно, с их одобрения.

Однако самое серьезное влияние на Салот Сара оказала война во Вьетнаме. По меньшей мере, три события в политической жизни Камбоджи стали следствием этой войны. Во-первых, Сианук, страшившийся победы коммунистов и одновременно желавший ее (ибо начал ненавидеть Соединенные Штаты), решил, что удержать Камбоджу подальше от войны и гарантировать ей выживание можно было при помощи союза с Северным Вьетнамом и с Фронтом национального освобождения (ФНО) в Южном Вьетнаме. В ноябре 1963 года Сианук отказался от любой военной помощи американцев. В 1964 году он подписал секретное соглашение с вьетнамцами, по условиям которого войскам вьетнамских коммунистов разрешалось размещаться на территории Камбоджи и перемещаться по стране при условии, что они будут уважать ее жителей. Взамен вьетнамцы обещали сохранить независимость Камбоджи и неприкосновенность ее границ после окончания войны. По мере углубления военного конфликта базы в Камбодже приобрели решающее значение для вьетнамцев, а в конце 1966 года вьетнамские отряды стали получать оружие из Китая через камбоджийский порт Сианукvилль (Компонгсом). Таким образом, пытаясь перехитрить более крупные державы и избежать конфликта, Сианук нарушил нейтралитет и тем самым втянул Камбоджу в войну.

Второе последствие войны во Вьетнаме — и побочный эффект действий Сианука — состоял в том, что вьетнамцы просили камбоджийских коммунистов оказать им военную и материально-техническую поддержку. Несколько сотен кхмерских коммунистов переправились в Северный Вьетнам для прохождения там военной и политической подготовки. Сианук об этом ничего не знал.

Третье последствие войны выразилось в нарастающем недовольстве среди камбоджийской элиты. К концу 1960-х представители элитных слоев общества активно возмущались политикой Сианука и вовлечением Камбоджи в войну. Многих детей из обеспеченных семей, проходивших через растянутую систему образования, не радовала перспектива остаться после окончания обучения без работы. Ответом Сианука на этот глухой ропот стал удар по инакомыслящим. Подобные действия еще больше возмутили студентов. К 1969 году тысячи молодых людей покинули города, чтобы присоединиться к коммунистическому сопротивлению.[110]

Заложник вьетнамцев

В конце 1963 года один из коммунистов узнал Салот Сара. Его видели в восточной провинции Камбоджи, в Компонгчаме, недалеко от границы с Вьетнамом. К концу 1964 года несколько товарищей повстречали его в одном из лагерей того региона, известном под кодовым названием «База *(мунти)* 100». Согласно одному документу, этот лагерь находился на территории Вьетнама, согласно другому — на востоке Компонгчама. Вероятно, местонахождение базы время от времени менялось, и она перемещалась вдоль границы в зависимости от военных действий. Салот Сар оставался здесь вплоть до конца 1965 года, когда состоялась его поездка во Вьетнам и Китай. За эти два года он почти ничего не достиг и зависел от людей, впоследствии ставших его врагами.

В конце 1964 года молодой коммунист по имени Чхим Самаук приехал из Пномпеня на Базу 100. Как и многие близкие товарищи Салот Сара, он потом попадет в центр допросов S-21. Самаук оказался в числе многих «врагов», оставивших несколько тысяч страниц признаний, вырванных под пытками и подтверждавших целый ряд фиктивных обвинений. Эти документы проливают свет на жизнь участников коммунистического движения. Заключенным не имело смысла это скрывать. В признании, сделанном в 1977 году, Чхим Самаук, например, вспомнил следующее:

«Я встретил Брата номер один на Базе 100. Я был очень взволнован и счастлив, потому что даже представить не мог, что он окажется там. В то время я еще не различал Братьев [т. е. руководителей партии]. Спустя какое-то время я узнал, кто был Братом номер один и Братом Ваном [Иенг Сари]… Я видел, как Братья [Сари Сари] составляют документы, готовят трафареты *(сденгсил)* и печатают листовки. Я очень хотел учиться у них. Через некоторое время я уже помогал им, составляя и издавая секретные документы самостоятельно. Я был очень счастлив на Базе 100 в 1964–1965 годах. Там не было никаких проблем, сбивавших меня столку. Я верил, что создавал себя [т. е. новую, революционную личность] и делал успехи».[111]

На Базе 100 работал фельдшером еще один молодой член партии, находившейся под началом Иенг Сари. В своем признании он отметил, что охранявшие базу вьетнамцы не разрешали камбоджийцам выходить за ее пределы. Психологическое воздействие подобных условий на этих гордых людей трудно переоценить. В 1964–1965 годах на Базе 100 находилось одновременно не больше двадцати камбоджийцев. Лишь трое из нихбули «военными». Среди камбоджийцев были такие стойкие приверженцы партии, как Кео Меас, Ней Саран (Я),

Сок Кнол, Сао Фим, член Центрального Комитета, ответственный за восточную часть страны, и жена Чоу Чета Им Наен (Ли). На Базе 100 она готовила еду для Сара и Сари. В награду за «революционный пыл» Сари в 1966 году принял ее в партию.[112]

Несмотря на все препятствия, Салот Сар и его товарищи продолжали планировать революцию. В конце 1964 года Сар провел на базе учебно-подготовительную встречу. В партийном документе 1978 года говорится, что «на собрании… было решено противостоять любому возможному ходу американцев». Это в интервью Стиву Гендеру в 1980 году подтвердил бывший член партии. По их мнению, действуя против Сианука, американцы могли поддержать Лон Нола или высланного Сон Нгок Таня. При таком раскладе коммунисты не смогли бы рассчитывать на союзнические связи Сианука с Китаем и Вьетнамом и им пришлось бы столкнуться с перспективой смешанной вооруженной и политической борьбы. Именно к этому решению партия придет незадолго до того, как Лон Нол станет премьер-министром при новом режиме Сианука.[113]

Строить планы и грезить об успехе — вот все, что могли делать кхмеры. С Базы 100 камбоджийская революция казалась далекой. Начать с того, что Коммунистическая партия Камбоджи не была вооружена. Стесненные, угрожающие малярией условия, в которых Салот Сар, Сон Сен, Иенг Сари и горстка других коммунистов жили два года, возможно, объясняют, почему Пол Пот впоследствии не упоминал никаких партийных инициатив того периода. В своем пятичасовом выступлении в 1977 году, объявляя о существовании партии, он ограничился упоминанием двух событий в Пномпене, случившихся без контроля партии.

Первое из них он назвал «великим». Имеется в виду решение Сианука отказаться от военной помощи США, принятое им в ноябре 1963 года. Правда, имени Сианука Сар не упомянул. Вторым событием стала демонстрация перед Американским посольством в марте 1964 года, когда несколько тысяч студентов, солдат и других камбоджийцев заявили протест против американской бомбардировки камбоджийской деревни рядом с вьетнамской границей. На самом деле демонстрации проходили с одобрения Сианука и застали столичных коммунистов врасплох. Ворн Вет, принимавший в них участие, позже заметил: «Я никогда не мог представить себе, что могло развиться движение такого масштаба; сами по себе революционные силы были неспособны на такое».[114]

В 1965 году Салот Сар покинул Базу 100, направившись во Вьетнам и Китай. Возможно, предпринять эту поездку его попросили ответственные лица из Вьетнамской Рабочей партии. В

Камбодже он отсутствовал больше года. Поездкой в Китай и Вьетнам завершился период его жизни, о котором он впоследствии не любил вспоминать. Должно быть, во время пребывания на Базе 100 он был близок к отчаянию, несмотря на всю внешнюю браваду. Безусловно, Сар тосковал по временам, когда он мог свободно перемещаться по стране. Жизнь была не в пример легче, а непрекращающиеся споры, казалось, приближали в ту пору революцию.

Поездка во Вьетнам

Салот Сар, Кео Меас и несколько других камбоджийских коммунистов, включая Ум Ненга (Ви), ветерана Прачеачона, находились в Северном Вьетнаме и Китае в период с июня 1965 по сентябрь 1966 года. Жена Иенг Сари, Кхьё Тирит, в 1981 году заявила, что они с мужем тоже входили в состав делегации. Однако их участие ничем не подтверждено.[115]

Салот Сара и его соратников вызвали на север вьетнамцы, чтобы обсудить с ними обострение войны и возросшую роль камбоджийских коммунистов. Необходимо было договориться о тактике и подходящей политической линии. Кроме того, вьетнамцы хотели познакомиться с преемником Ту Самута; камбоджийские коммунисты, перебравшиеся в Северный Вьетнам в 1954–1955 годах, тоже жаждали увидеть Сара.

В Ханое членов делегации приняли со всем возможным почтением. Салот Сар выступил перед своими соотечественниками с лекциями о ситуации на родине и с некоторыми из них обсудил «вопрос о названии партии» (в 1960 году она была переименована в Рабочую партию Кампучии). Сару доставила удовольствие встреча со старыми парижскими друзьями Юн Соёрном и Рат Самоёном. Еще один его товарищ, уже по Вьетминю, Кео Мони, вспоминал, что Сар пробыл во Вьетнаме «около девяти месяцев» и прошел там несколько курсов подготовки для кхмеров, направленных на согласование действий членов партии во Вьетнаме и в Камбодже. Кео Мони также утверждает, что Пол Пот привез с собой документы «по организации партии, политики, борьбы и экономики». Когда дружелюбие постепенно сошло на нет, Салот Сар и его товарищи задумались над тем, сколько камбоджийцев вроде Кео Мони получали политическую и военную подготовку в Северном Вьетнаме. Для чего готовят этих людей? Насколько далеко простирается их верность вьетнамцам?[116]

Делегаты также приняли участие в секретных беседах с

представителями Вьетнамской коммунистической партии. Эти обсуждения проводились под руководством генерального секретаря партии Ле Дуана. Многие годы единственная запись об этих разговорах содержалась в так называемой «Livre noir» («Черной книге»), полемическом документе, созданном (возможно, Пол Потом) двенадцать лет спустя, в 1978 году, когда отношения Камбоджи с Вьетнамом достигли наивысшего накала. Как таковой текст, несомненно, пристрастен и отражает многие навязчивые идеи Пол Пота. Однако вьетнамские документы, касающиеся визита камбоджийских коммунистов и изученные в 1990-х годах Томасом Энджелбертом и Кристофером Гоша, показывают, что трактовка событий в «Livre noir», в общем, правильна.

«Livre noir» нападает на бывших ханойских шефов камбоджийской партии. Гнев Пол Пота не обязательно означает, что его заявления ложны. Однако, несомненно, он писал про себя и про делегацию так, чтобы по описанию миссия выходила более самостоятельной, успешной и важной, чем она была в действительности.[117] Так, например, в «Livre noir» утверждается, что Ле Дуан резко критиковал кхмеров за излишнюю независимость. «У Коммунистической партии Кампучии была собственная политическая линия, — продолжает Пол Пот. — Благодаря этой линии революционное движение в Кампучии и взмыло вверх. Это тревожило вьетнамцев, потому что… если бы революция в Кампучии развивалась и укреплялась независимо, они не смогли бы держать ее под контролем».

Согласно «Livre noir», потом Ле Дуан представил кхмерам документ «на вьетнамском языке», в котором их призывали «отказаться от революционной борьбы [в интересах Камбоджи] и дождаться победы вьетнамцев». Это вполне может быть документ, процитированный Энджелбертом и Гоша, в котором утверждалось, что «независимость [Камбоджи] не означает разрыв и создание отдельного движения; вместо этого можно было бы использовать Сианука для обращения к народу от имени движения, или движение могло бы использовать имя Сианука в качестве прикрытия для призыва [к массам], хотя ведущая роль, сохранялась бы за нами».[118]

Далее в «Livre noir» говорится следующее:

«Споры по вопросу о партийной линии были крайне ожесточенными. Однако камбоджийская делегация сохраняла спокойствие и не сделала ничего такого, что вызвало бы раздражение… у вьетнамцев. После отъезда Секретаря Пол Пота в Кампучию вьетнамцы остались со знанием того, что Коммунистическая партия Кампучии будет придерживаться своей

линии, заключающейся в проведении вооруженной борьбы, сочетая ее с борьбой политической».[119]

В «Livre noir» смешаны желаемое и действительное. Текст на вьетнамском, предложенный кхмерам, вызывающее поведение Ле Дуана и нежелание кхмеров раздражать вьетнамцев — все это звучит правдоподобно. Однако утверждение, согласно которому у камбоджийцев было открытое «столкновение» с Вьетнамом, а Сар проводил независимую линию или подал идею о независимости во время своего визита, по своей сути противоречиво. Коммунисты стали сочетать вооруженную борьбу с политической уже ближе к концу 1967 года, причем никаких действий, вытекавших из этого решения, не предпринималось вплоть до января 1968 года. В «Livre noir» Салот Сар, поделился своими мыслями, которые у него возникли во время пребывания во Вьетнаме.

Беседы с Ле Дуаном были унизительны для Салот Сара, отсюда резкость и бравада двенадцать лет спустя. Вьетнамцы воспринимали его как вождя независимой партии. От него добивались такого же согласия, какого Сианук требовал от Лон Нола или сами вьетнамцы — от своего протеже Хенг Самрина после 1979 года. Если бы Салот Сар был таким упрямым, каким хотел казаться, вьетнамцы нашли бы кого-нибудь другого для руководства Коммунистической партией Камбоджи. Они не позволили бы ему поехать в Китай. Но поскольку Сар все-таки отправился туда и вернулся домой в качестве лидера партии, мы можем предположить, что он подавил свою гордыню и последовал советам Вьетнама.

Поездка в Китай

Во время поездки во Вьетнам Сар дал понять, что ему хотелось бы побывать в Китае — на тот момент в качестве преданного союзника Вьетнама в его войне с Соединенными Штатами. На получение разрешения от Пекина ушло несколько месяцев. В ожидании этого Сар занимался политической и военной подготовкой (и, возможно, изучал язык), о чем после 1977 года ни он сам, ни вьетнамцы предпочли не вспоминать.

Неизвестно, сколько времени он провел в Китае. Он никогда не говорил об этой поездке публично. Источники, в которых о ней упоминается, датируются 1978 и более поздними годами и по большей части имеют вьетнамское происхождение. По этим сведениям, Салот Сар был зачарован «Бандой четырех», группой высокопоставленных радикальных маоистов, пользовавшихся

огромной властью в 1970-х и заключенных в тюрьму вскоре после смерти Мао, в 1976 году. Эти запоздалые обвинения вьетнамцев совершенно несостоятельны, хотя бывший китайский дипломат в 1997 году заявил, что в 1966 году во время посещения Китая Салот Сара приветил К'анг Шенг, один из старейших китайских коммунистов, возглавлявший тайную полицию Мао. Вернувшись из Советского Союза в 1937 году, он прославился жестокими, имевшими серьезные последствия чистками. В 1965 году одна из его обязанностей заключалась в том, чтобы встречать приезжавших в Китай представителей многих коммунистических партий, зачастую подпольных. Хотя никаких записей бесед Шенга с Салот Саром не сохранилось, весьма вероятно, что Шенг похвалил радикализм революционной позиции Сара и указал ему на важность выявления и искоренения внутренних врагов.

В 1966 году разница в политических подходах Вьетнама и Китая еще не была труднопреодолимой, хотя вьетнамцы, отдававшие все силы борьбе с США, и терзались из-за расхождений между своими главными союзниками — Китаем и СССР. Более того, помощь Китая в войне во Вьетнаме была решающей, и Салот Сар приехал туда не как самостоятельный революционер, а как союзник Вьетнама, прибывший засвидетельствовать свое почтение.

По иронии судьбы, среди встретивших его в Китае оказались «капиталистические прихвостни» Лю Шаочи и Дэн Сяопин, которые вскоре будут дискредитированы. В то время они отвечали за межпартийные отношения. Незадолго до приезда Сара в Китай Лю посещал Камбоджу, чтобы снова подчеркнуть союз Китая с Сианук. А еще раньше сам Сианук встретил весьма теплый прием во время своего государственного визита в Китай. В этих обстоятельствах Сар вряд ли воспринимался как самостоятельный революционер. Маловероятно, что он доказывал необходимость вооруженной борьбы с принцем или просил у Китая помощи.[120]

Что касается китайцев, то Сар гораздо меньше занимал их, чем связи с Сианук и Северным Вьетнамом. Возможно, они считали, что каким-то способом Сар как-то мог бы помочь коммунистам одолеть американский империализм в Азии. Впоследствии Камбоджа могла бы даже стать социалистическим государством, а Салот Сар — прийти к власти под руководством вьетнамцев. Однако поощрять его в тот момент на проведение независимой линии значило провалить дело. Вместо этого Лю, Дэн и их подчиненные отнеслись к Сару с тем же покровительственным добродушием, которое возмутило его в Ханое. Китайцы наверняка велели Сару работать с Сианук,

поддерживать вьетнамцев и укреплять Коммунистическую партию Камбоджи. В то же время более радикальные китайские коммунисты пришли в восторг от силы его духа. Без сомнения, китайцы обошлись с Саром более учтиво, чем вьетнамцы. Возможно, подсознательно они разглядели в нем настоящего революционера, который мог им пригодиться позднее. К'анг Шенг, энергично поддерживавший «Банду четырех», придерживался именно такого взгляда.

Салот Сара поразил контраст между Китаем и Вьетнамом, а также приемом, оказанным ему в обеих странах. Китайская революция уже добилась успеха и вступала в новую фазу, тогда как Вьетнам порядком увяз в войне с Соединенными Штатами, и было непонятно, когда она закончится. Густонаселенные, полные энтузиазма китайские города и тщательно организованные компартией празднества, свидетелем которых стал Салот Сар, подействовали на него как глоток свежего воздуха после Базы 100, обидных замечаний Ле Дуана и тепличного индокитайского провинциализма. Размах, независимость и заряд социальной мобилизации в Китае поразили Сара точно также, как картина, увиденная им в 1950 году в Югославии. Именно китайскую победоносную революцию, а не вьетнамскую тяжелую, бесконечную борьбу Сар хотел перенести в Камбоджу.

В начале 1966 года, когда Сар еще находился в Китае, было выпущено новое издание афоризмов Мао Цзэдуна под названием «Маленькая красная книжечка». Тираж книги составил двести миллионов экземпляров — еще один пример размаха и доступности Китайской революции, если Салот Сару таковой требовался. Как коммуниста Сара привлекала роль, которую Мао отводил непрерывной классовой борьбе, воле отдельного революционера и беднейшим слоям крестьянства. Этими идеологическими постулатами Китай отличался от Вьетнама. Впоследствии на них и будет сделан упор в Демократической Кампучии. Кроме того, Сара притягивали законспирированные, основанные на классовом подходе объяснения китайской политики, которые были так дороги Мао. Как педагог Сар, конечно, восхищался живым, поучительным стилем «Красной книжечки», который прекрасно подходил малообразованному, не задающему вопросов населению. Любопытно, что афоризмы Мао никогда не публиковались на кхмерском языке — то ли ввиду большого значения союза Китая с Сианук, то ли потому, что, по мнению китайцев, революционный потенциал Камбоджи был невелик.

Еще одним документом, привлекшим к себе внимание в то время в Китае, стало обращение вице-премьера и министра

обороны, ревностного маоиста Линь Бяо. В этом продолжительном выступлении, текст которого был опубликован в сентябре 1965 года под заголовком «Да здравствует победа народной войны!», отстаивались некоторые маоистские идеи. К примеру, Линь говорил о том, что сельские районы всего третьего мира смогут окружить и задушить капиталистические города, как сделали это армии китайских коммунистов в 1940-х годах. Он также доказывал, что революции в странах третьего мира должны был и проходить за счет собственных движущих сил, а не под руководством более сильных и умудренных опытом зарубежных компартий. «Чтобы совершить революцию, вести народную войну и одержать в ней победу, — писал Линь, — необходимо придерживаться политики самообеспечения, полагаться на силу масс в своей собственной стране и готовиться… бороться самостоятельно, даже будучи лишенными всякой помощи».[121]

Выступление Линь Бяо было частью кампании Мао, нацеленной на возвращение господствующих позиций в Китае, которые он утратил после Большого скачка. Эта речь бросала вызов «ревизионистам» наподобие советского вождя Никиты Хрущева, защищавшего тезис о мирном сосуществовании с капиталистическим миром. Она оказала существенное влияние на коммунистические движения в Таиланде, Боливии и на Филиппинах. Идея Линь Бяо о местной революции (в Камбодже — это революция, независимая от Вьетнама) нашла отклику Сапот Сара. Кроме того, эта речь весьма расстроила политиков в Ханое, нуждавшихся в помощи Китая и Советского Союза для завершения войны с Соединенными Штатами.

Изменение тактики

За время отсутствия Сара ситуация во Вьетнаме резко обострилась. К концу 1965 года около трехсот тысяч американских солдат и их сопровождения прибыли в Южный Вьетнам и еще больше находилось в пути. Атаки американской и южновьетнамской пехоты сопровождались интенсивными воздушными бомбардировками. Бомбардировка границы Камбоджи с Южным Вьетнамом в начале 1966 года заставила вьетнамцев перенести Базу 100 несколько севернее. Теперь она находилась примерно в пятнадцати днях пути от своего прежнего местонахождения. Произошло это до возвращения Салот Сара в Камбоджу.[122]

Совершив пятнадцатидневный переход в северном направлении, измученный Салот Сар добрался до

полузаброшенной базы с кодовым названием База 102, где его дожидался Чхим Самаук. Позднее Самаук писал, что «в лагере было очень тихо. Там не было ни доктора, ни медикаментов». Он выходил Сапот Сара. Выздоровев, Сар отправился на другую базу в Ратанакири — Базу 104. Там он присоединился к своим товарищам по Базе 100, среди которых находились Кео Меас, Сао Фим, Сок Кнол, Сон Сен и Иенг Сари. Этот лагерь оставался его штабом до конца 1969 года, когда он предпринял поездку в Ханой.[123]

К концу 1966 года Сар освоился в своем новом штабе и провел учебно-подготовительную встречу для выработки партийной стратегии и тактики на грядущий год.

По словам Чхим Самаука, встреча часто прерывалась полетом «врагов», предположительно американского самолета-разведчика, патрулировавшего границу Камбоджи и Южного Вьетнама. События во Вьетнаме сделали эту встречу поворотным пунктом в истории Коммунистической партии Камбоджи: эти обстоятельства убедили Сара в том, что партия должна сменить тактику.

В сентябре 1965 года Коммунистическая партия Индонезии, крупнейшая партия в некоммунистическом мире, оказалась косвенно вовлечена в попытку переворота, в результате которой было убито несколько высокопоставленных армейских офицеров. Главе Индонезии, Сукарно, при этом не угрожали, однако армия сурово отреагировала на неудавшуюся попытку заговора. В период с октября 1965 по март 1966 года около полумиллиона подозреваемых коммунистов были убиты военными, местной милицией и разъяренными гражданами. Тысячи индонезийских коммунистов угодили в тюрьму. Коммунизм в Индонезии прекратил существование, и вскоре Сукарно утратил свои политические позиции. На его месте оказался человек, координировавший репрессии, — генерал Сухарто.

Новости о резне в Индонезии и отстранении Сукарно от власти достигли ушей Салот Сара, когда он еще находился в Китае. Они заставили его проявить большую осторожность в союзе с таким лидером, как Сианук, который мог предложить слабую защиту в случае, если бы «про-империалистическая» армия Лон Нола решила нанести удар. Однако вьетнамцы продолжали навязывать Салот Сару этот потенциально самоубийственный союз, хотя они не смогли бы спасти своих камбоджийских братьев, если бы стали мишенью Лон Нола. Было бы любопытно узнать, какую тактику подсказали бы Сару китайцы, у которых он гостил. В конце концов, они активно поддерживали индонезийских коммунистов.[124]

Между тем камбоджийцы готовились к выборам в Национальное Собрание 1966 года. Это были первые выборы с 1951 года, в организации которых не участвовал принц. С одобрения Сианука кандидатам было позволено бороться за голоса избирателей. Выборы приобрели общедоступный характер, за что некоторые авторы впоследствии их критиковали, усматривая в этом проявление господства «правых» на политической арене Камбоджи, хотя коммунисты — Кхьё Самфан, Хоу Йоун и Ху Ним — получили места в Национальном Собрании с огромным перевесом голосов. Эти выборы имели существенное значение для Коммунистической партии Камбоджи, поскольку по их результатам было сформировано собрание, не зависевшее от патронажа принца и, следовательно, ему не подчинявшиеся.

Перестав подчиняться Сиануку, в октябре 1966 года Национальное Собрание избрало премьер-министром Лон Нола, заклятого врага коммунистов. Разумеется, коммунисты вскоре отказались от идеи создания единого фронта с Сиануком и пномпеньскими радикалами. Поскольку у руля встал Лон Нол, ожидалась новая волна репрессий против коммунистов.

События во Вьетнаме, Индонезии и Камбодже диктовали коммунистам в 1966–1967 годах определенную тактику. В ответ на эти события Сар и его соратники на учебно-подготовительной встрече 1966 года приняли два важных решения: во-первых, они переименовали партию из Революционной Рабочей партии в Коммунистическую партию Кампучии (КПК) и, во-вторых, перебросили некоторые партийные кадры в удаленную провинцию Ратанакири. Некоторые авторы оценивают изменение названия партии как пощечину Вьетнаму, так как в семантическом смысле Вьетнамская Рабочая партия становилась ниже КПК. В действительности вьетнамцев и камбоджийцев в Ханое не проинформировали об изменении названия партии; в документах, отсылавшихся во Вьетнам, камбоджийцы использовали прежнее название партии. В партийных кругах вьетнамцы и камбоджийцы называли себя просто коммунистами и точно также обращались друг к другу, и партийные флаги, вывешивавшиеся на собраниях, были у них одинаковыми. Оттого что камбоджийцы втихомолку объявили себя коммунистами, тактика и стратегия вьетнамцев не претерпела никаких изменений. Однако похоже, что лидеры красных кхмеров втайне наслаждались своим повысившимся семантическим статусом.

Кроме того, присвоение партии нового названия позволило Салот Сару восстановить свой контроль, который мог ослабеть за время его поездок, и сплотить рассредоточенные, споривше друг с другом партийные группировки. Чтобы заручиться поддержкой,

Сар сообщил другим членам партии, что он рассказал о них китайцам и те одобрили их. Так или иначе, это было самое знаменательное мероприятие, проведенное им после почти годичного перерыва.

Более важным, чем изменение названия партии, был переезд в Ратанакири. Вероятно, этот шаг был вызван желанием укрыться от воздушных бомбардировок американцев и уберечь Базу 100 от вторжения южновьетнамских и американских войск. На самом же деле несколько партийных лидеров было переброшено из сельских районов Камбоджи, населенных крестьянами-буддистами, в малонаселенный мир племенных меньшинств, говоривших на разных диалектах и занимавшихся подсечно-огневым земледелием.

Следующие четыре года Иенг Сари и другие высокопоставленные члены партии жили и работали среди этих людей. По мере того, как на их землю проникали дороги, каучуковые плантации, поселенцы и лесники, враждебность жителей Ратанакири, Кратьэх и Мондолькири по отношению к правительству в Пномпене росла. «Они ненавидели всех кхмеров», — вспоминал впоследствии один из членов партии. Годы, проведенные Саром и Сари в этом регионе, напоминали время, которое Хо Ши Мин провел среди национального меньшинства на северо-западе Вьетнама в период Второй мировой войны, и время, проведенное Мао Цзэдуном в Янанев 1937–1945 годах. Эта передышка дала камбоджийским коммунистам время подумать о будущем. На бумаге они могли разделить страну на пронумерованные административные секторы *(домбон)* и вдобавок придумать цифровые коды для административных и военных подразделений, которые появятся в начале 1970-х годов и будут существовать в период Демократической Кампучии. Пока шло время, коммунисты привлекли в партию несколько сот представителей племен. «Одна из их сильных сторон», как заметил Сьет Чхае, состояла в том, «что они верили в Революционную организацию» — под таким названием партию знали те, кто не являлись ее членами. Возможно, это решение местных жителей объяснялось тем, что в их глазах атаки партии на правительство имели смысл, а вожди коммунистов показались им искренними и приятными людьми. В 1968–1970-х годах северо-восток был местом сосредоточения коммунистического сопротивления.

В свете учения марксизма племена имели идеологическое значение. Не зная денег, рынка и государства, они жили по законам солидарности и взаимопомощи. По мнению камбоджийских коммунистов, племена джарай, тапуон и брао —

если перечислить лишь три из них — жили в условиях «примитивного коммунизма», который в марксовой схеме исторического развития, впоследствии одобренной Сталиным, предшествовал рабовладельческому и феодальному строю. Племенные жители были «благородными дикарями», не испорченными социальной дифференциацией или деньгами. Кроме того, в представлении маоизма, они были «бедными и пустыми» вместилищами коммунистического учения. Это сочетание сделало племенных жителей помощниками городских интеллигентов, стоявших у истоков коммунистического движения. Многие из «дикарей» впоследствии стали верными телохранителями, курьерами и членами партии.[125]

Лидеры красных кхмеров извлекли еще одну пользу из своего пребывания в лесах Ратанакири. Осознанно или нет, Салот Сар, Иенг Сари и другие члены партии подстраивались под героические стереотипы индуистской и буддийской мифологии, глубоко укоренившиеся в душах камбоджийцев. Согласно этим представлениям, бандиты, изгнанные принцы и религиозные аскеты, живя в лесных чащах, набирались сокровенной мудрости, добродетелей и овладевали боевыми искусствами. И все это делалось лишь для того, чтобы затем стать на вид неуязвимыми предводителями. Коммунисты, конечно, знали об этой мифологии, однако невозможно сказать, какое влияние она оказала на их поведение. Для многих камбоджийцев леса таили в себе всевозможные опасности и страшную духовную силу. Люди, жившие в лесах (*прей;* это слово также означает «дикий»), считались обладателями смертоносных магических способностей. Придя к власти, красные кхмеры воспользовались этими мифами.[126]

Самлаутское восстание

В начале 1967 года жесткая правительственная политика разожгла крестьянское восстание на западе Баттамбанга, вблизи деревни Самлаут. Неприятности начались еще в 1965–1966 годах, когда крестьяне тайно продали, по меньшей мере, четверть излишков риса Северному Вьетнаму и силам ФНО, стоявшим вдоль границы. Иначе говоря, правительству для отправки на экспорт оставалось лишь три четверти. Поскольку экспортные пошлины были традиционным источником доходов, Сианук был вынужден что-то предпринять, дабы избежать подобных потерь в будущем. Он начал отправлять в сельские районы «команды действия» с военным эскортом для закупки необработанного риса по ценам ниже тех, которые предлагали вьетнамцы.

В начале 1967 года, пока принц находился за границей, премьер-министр Лон Нол решил сосредоточить усилия по сбору экспортного риса в Баттамбанге, где всегда были самые высокие урожаи. Его «команды действия» оказались на редкость неутомимыми и жестокими, и вскоре между агентами правительства и крестьянами начались столкновения. В некоторых случаях сопротивление поощрялось местными коммунистами. Красные кхмеры распространяли листовки с нападками на Сангкум и обвиняли Лон Нола и Сианука в том, что они «продались Соединенным Штатам». В тех районах провинции, которые в 1950-х стали оплотом воевавших с французами партизан, враждебность по отношению к Лон Нолу, губернатору Баттамбанга в то время, имела глубокие корни. Недовольство на местах усиливало негативное отношение к Пномпеню. Обостряли напряжение и правительственные «команды действия», разыскивавшие «коммунистов» и избивавшие их.[127]

В начале апреля 1967 года свыше двухсот местных жителей, некоторые с антиамериканскими знаменами в руках, напали на посты камбоджийской армии около Самлаута. Лидеры коммунистической партии, находившиеся на далеком северо-востоке, не знали о готовящемся нападении, однако здешние радикалы, возмущенные действиями правительства, несомненно, подстрекали людей к бунту. Крестьяне убили двоих солдат и бежали, похитив несколько ружей. За несколько дней восстание охватило соседние деревни. Ответ армии не заставил себя ждать. Сотни подозреваемых в ходе облавы были пойманы, избиты и допрошены. Многие же оставили свои дома и укрылись в лесах, когда армейские подразделения врывались в деревни в поисках жертв, козлов отпущения и добычи.

Вернувшись из-за границы, Сианук одобрил репрессивную тактику Лон Нола и набросился на «левых», открыто действовавших в Пномпене. Сианук ошибочно считал их идейными вдохновителями восстания. Есть некоторые свидетельства, указывающие на то, что такие личности, как Кхьё Самфан, Ху Ним и Хоу Йоун, подбивали студентов в северо-западных районах страны на демонстрацию против военного «угнетения», однако члены партии, работавшие подпольно были лучше информированы. Нет доказательств того, что «левые» интеллигенты организовали крестьян в Баттамбанге. Сианук, раньше благоволивший к этим трем людям, теперь угрожал им арестом. В течение месяца Йоун и Самфан покинули столицу. Их поклонники, особенно в студенческих кругах, предполагали, что они были убиты (когда позднее в том же году к ним присоединился Ху Ним, их стали называть «Тремя призраками»).

Студенты ожесточились по отношению к принцу. Компартия поддерживала идею мученической гибели своих соратников, на самом деле пряча их вплоть до свержения Сианука.[128]

С Самлаутом разбирались несколько месяцев. Особенно ожесточенные бои шли возле горы Вайчап, бывшего укрытия партизан, куда, спасаясь от преследований Лон Нола, стеклись радикалы. В лесах восставших преследовали сотни местных жителей, из которых сформировали отряды милиции, раздали палки и топоры и велели «охотиться на красных». За несколько отрезанных голов, доставленных властям, выдавались награды. В этой травле погибло больше тысячи человек. Многие из тех, кому удалось выжить, озлобились на всю оставшуюся жизнь. Насилие продолжало вспыхивать в регионе до конца года, хотя Сианук объявил, что восстание «закончилось» в июле. Убийства напоминали резню в Индонезии (разве что размах был куда меньше) тем, что послужили поводом разделаться с «коммунистами» и остались безнаказанными.

Самлаутское восстание показало Сиануку, что камбоджийских крестьян, этих, казалось бы, добрых и верных детей, можно было вынудить на мятеж тиранической политикой и радикальной пропагандой. Поскольку принц предполагал, что камбоджийские коммунисты были марионетками Вьетнама, он решил, что восстание прошло при поддержке вьетнамцев. Противники Сианука из пномпеньской элиты рассматривали эти беспорядки как доказательство его беспомощности перед лицом реальной коммунистической угрозы. Руководство коммунистов, разбросанное по разным районам и скрывавшееся в Пномпене, на востоке и где-то еще, оценило Самлаутское восстание по-своему.[129]

Как я уже отмечал, местные коммунисты, подстрекаемые лидерами из Пномпеня, использовали восстание на его раннем этапе. Однако эффективность репрессий Сианука убедила лидеров партии (по крайней мере, в Пномпене, где за партийную деятельность остался отвечать Нуон Чеа) в том, что они рискуют выдать себя и потерпеть поражение, если решат поддерживать сопротивление дальше. Это объяснение было подкреплено Муол Самбатом (Нхим Росом) в признании, сделанном в 1978 году. Самбат был ветераном Коммунистической партии Индокитая и в 1960-х как раз находился в Баттамбанге. В краткой хронологии, подготовленной для признания, Самбат писал:

«2/67: Массы возмутились и убили полицейских шпионов. Потом враги нападали на людей, конфликтовавших с ними, до тех пор, пока не случилось [само] восстание.

4–5/67: Организация [т. е. руководство партии] приказало

это [борьбу] прекратить. Брат Куу, презренный Сай (Руос Мау) и презренный Суй встретились в доме Брата Куу».[130]

В июле, продолжил Самбат, какой-то «брат» (предположительно, Конг Сопал, один из старейших революционеров, носивший псевдоним Куу), которого в 1965 году Нуон Чеа отправил на северо-запад, сказал, что угроза нового насилия со стороны врага приведет к тому, что партия изберет «в 1968 году политику вооруженной борьбы». Возможно, Муол Самбат написал эти строки уже с позиций настоящего, поскольку, как мы увидим, решение изменить партийную политику было принято ближе к концу того года.

В связи с Самлаутским восстанием Сианука огорчали новости о том, что «Маленькая красная книжечка» пользовалась популярностью в школах, где преподавание велось на китайском языке, а ее французский перевод получил признание в нескольких монастырях в Пномпене. Обеспокоенный возможной атакой на него при поддержке Китая, Сианук устроил облаву на подозреваемых радикалов. Как утверждается, прокитайски настроенные студенты и другие активисты были убиты полицией, и к сентябрю 1967 года Ху Ним, последний радикал, остававшийся в Национальном Собрании, был вынужден уйти к партизанам. До конца года за ним последовало свыше ста сочувствующих учителей и студентов. Немногим из них удалось пережить чистки эпохи ДК.[131]

В истории Коммунистической партии Кампучии настал один из опаснейших моментов. После подавления Самлаутского восстания Сианук нанес удар по городской сети партии. Перед ней замаячила перспектива уничтожения, поскольку не хватало средств для продолжения политической борьбы и в то же время не было оружия, чтобы начать вооруженное восстание. В конце 1967 года вожди партии решили какое-то время комбинировать обе формы, т. е. прибегать к насилию для защиты партийных руководителей, но продолжать политическую борьбу до тех пор, пока силы партии не восстановятся. В своем выступлении в сентябре 1977 года Пол Пот заявил, что в 1967 году «враг [по-видимому, вооруженные силы Сианука] колебался и был не способен встретиться с революционными силами лицом к лицу». В действительности все было наоборот, и Пол Пот во многом это признал, связав этот будто бы победоносный этап революции с необходимостью внести изменения в тактику партии. «Если бы мы не взялись за вооруженную борьбу, — сказал он, — мы не смогли бы защитить силы революции».[132]

Должно быть, эти противоречия мучили Сара, когда в конце 1967 года он организовал учебно-подготовительную встречу на

северо-востоке. Цель собрания заключалась в том, чтобы «организовать сопротивление обходной стратегии врагов». Вероятно, участников встречи проинформировали о возросшей военной роли Коммунистической партии Камбоджи в свете оказания поддержки Вьетнаму. Кроме того, на встрече была одобрена политика смешанной вооруженной и политической борьбы, а также предоставления самостоятельности региональным командирам. Сар был просто вынужден пойти на это, поскольку не имел возможности поддерживать связь с другими базами. В его распоряжении находились лишь курьеры. По сути, Сар решил не выходить из подполья и позволить другим красным кхмерам делать все, что в их силах. Первым делом следовало раздобыть какое-нибудь оружие.[133]

Вооруженная борьба, 1968–1970

В начале 1968 года у войск, находившихся под руководством коммунистов, происходили частые столкновения с армией Сианука, милицией и полицией. В конце января, незадолго до Тетского наступления в Южном Вьетнаме, несколько незначительных столкновений произошло в Баттамбанге. Впоследствии дата одного из этих столкновений, которое произошло в бухте Дамрам 17 января, стала праздноваться как день создания Революционной армии. Согласно одному документу, датирующемуся 1977 годом, в этом инциденте приняло участие где-то «от десяти до двадцати» бойцов. Небольшие стычки между армейскими подразделениями и племенами возникали и на северо-востоке. Сообщалось, что похожие столкновения имели место и в других районах страны. В большинстве случаев бои были спровоцированы правительственными войсками. Сианук и Лон Нол подталкивали их к наступлению на красных кхмеров. В остальных случаях группы коммунистов устраивали засады на небольшие правительственные отряды и похищали у них оружие.[134]

В это время Салот Сар организовал на базе в Ратанакири встречу, специально посвященную военной подготовке. Это была первая встреча подобного рода. Сам Сар не имел ни военной подготовки, ни боевого опыта. Однако войска Лон Нола находились поблизости, и Сар не мог уронить свой авторитет. На повестке дня наверняка стояли два вопроса: роль партии в Тетском наступлении вьетнамцев и желание Сианука восстановить отношения с Соединенными Штатами.

В январе 1968 года американский посол в Индии Честер

Боулз посетил Пномпень. Он стал первым с 1964 года высокопоставленным американцем, появившимся в Пномпене. У красных кхмеров, находившихся на северо-востоке Камбоджи, не было возможности узнать, что обсуждали Боулз и Сианук (среди прочего американцы требовали, чтобы Сианук разрешил американским войскам начать преследовать «по пятам» отряды вьетнамских коммунистов вдоль вьетнамско-камбоджийской границы), но они подозревали, что Сианук может предать их. Тактика принца, при которой поиск союза с американцами становился частью антирадикальной кампании, делала его еще более ненадежным, чем когда-либо.[135]

Споры по поводу основных причин Тетского наступления во Вьетнаме, которое было якобы инициировано Северным Вьетнамом и ФНО в феврале 1968 года с целью поднять общенациональное восстание против США и проамериканского режима в Южном Вьетнаме, ведутся до сих пор. Коммунисты верили в то, что восстание победит и Америка запросит мира.

На самом деле наступлению не удалось вызвать общенациональное восстание, несмотря на психологический успех, выразившийся в том, что оно ускорило отступление американцев из Вьетнама. Одно из последствий наступления заключалось в следующем: вместо сил ФНО, — наголову разбитых в ходе операции, в Камбодже вскоре появились отряды из Северного Вьетнама. Это событие, с одной стороны, привело к усилению напряжения между силами коммунистов и армией Лон Нола, а с другой — к более систематическому сотрудничеству между вьетнамскими войсками и местными красными кхмерами.[136]

В период с начала 1968 года и до конца 1969 Сар снова исчез из виду. Сьет Чхае, который находился вместе с ним на северо-востоке, позже вспоминал: «Братья часто уезжали по делам, и их не было месяцами». Судя по более поздним действиям Сара, в ходе этих поездок проводились беседы с партийными кадрами и бойцами, нацеленные на укрепление боевого духа, кроме того, им разъяснялась тактика и стратегия партии.

Безрадостные воспоминания Сара об этом периоде звучат искренне и указывают на то, что большую часть времени он провел в бегах.[137] К примеру, в 1972 году он описал трудности, с которыми его силы столкнулись на раннем этапе боев с армией Сианука:

«В некоторых районах, там, где враг давал бой, мы были отрезаны. Нам не хватало людей. Наша экономика находилась в плачевном состоянии. Мы были лишены военной силы. Неважно, как далеко простирались леса, все равно мы не находили себе

пристанища. Сильных людей враг уничтожал, а слабыми управлял. Враг знал леса. Где бы мы ни появлялись, он это знал. Кое-где у нас было немного оружия, но мы не владели территорией, и в нашем распоряжении не было людей».[138]

Как часто говорил Пол Пот, ранний этап революции «проводился с пустыми руками». Эта фраза не выглядит преувеличением в свете высказанного им в 1977 году утверждения о том, что в 1968 году Центральный Комитет охранялся четырьмя вооруженными людьми. Хотя к началу 1970 года партизанские силы под предводительством коммунистов сильно отравляли жизнь правительственным чиновникам, баланс военных сил по-прежнему был в пользу пномпеньских отрядов. По иронии судьбы, вьетнамцы, сами получавшие оружие из-за границы, должны были поощрять кхмеров добывать его самостоятельно, и в то же время настаивать на повиновении Вьетнаму. Привлекательность Камбоджи в глазах вьетнамцев (впоследствии это привлечет и внимание Соединенных Штатов) объяснялась тем, что через ее территорию проходили торговые маршруты в Южный Вьетнам. Пока этим поставкам угрожали Лон Нол, Сианук и американские бомбардировки, камбоджийские коммунисты и их сторонники играли полезную роль, обеспечивая караульных, рабочих и носильщиков.

Союз Коммунистической партии Камбоджи с Вьетнамом оставался в силе. В середине 1968 года Кео Меас, один из высокопоставленных членов партии, был отправлен в Ханой с бумагами, предназначенными для находившихся там камбоджийских коммунистов. Три из этих документов — посвященные Самлауту, народной войне и размышлениям на тему мировой революции — рассматривались на пятнадцатидневной учебно-подготовительной встрече камбоджийских коммунистов в Ханое. На закрытии встречи один из членов вьетнамской партии сказал присутствовавшим кхмерам, что им еще не пришло время возвращаться домой и что камбоджийской революции придется подождать освобождения Южного Вьетнама.[139]

Сианук теряет власть

По иронии судьбы, пока красные кхмеры боролись за то, чтобы остаться на плаву, отступая под натиском армии Лон Нола, их главный противник, Нородом Сианук, находился примерно в том же положении. Вначале 1969 года его режим одолевал ряд «противоречий» *(тумноах),* и, не зная об этом, он подвергся

«исправлению идеологических и практических ошибок», проведенному коммунистами. Как сказал Оук Боун Чхоём Сержу Тиону в 1981 году, «Сианук начал нападать на движение, чиновники конфисковали землю… Мы воспользовались этим, чтобы вести пропаганду против него». Вооруженное сопротивление режиму Сианука привело к военным репрессиям, которые, в свою очередь, ввели в сопротивление еще больше людей. Доходы правительства падали, поскольку из-за военного времени каучуковые плантации давали меньше продукции и все больше и больше риса продавалось на черном рынке. Население продолжало расти, тогда как налоги зачастую не собирались. Когда Вторая индокитайская война, которой принц всеми силами старался избежать, все-таки захватила территорию Камбоджи, небольшая армия партизан начала убивать от двадцати до тридцати камбоджийских солдат в месяц. Ситуация в стране стала слишком сложной — Сианук был не в состоянии ею управлять. Он никогда не был хорошим слушателем и в ответ произносил все более длинные речи, снимал фильмы и искал новых заграничных союзников.[140]

К этому времени у Сианука едва ли оставались какие-то влиятельные друзья. Один западный дипломат заметил, что за всю свою карьеру ему не доводилось еще наблюдать такого огромного разрыва между правителем страны и ее средним классом. Для красных кхмеров принц стал неотделим от Лон Нола. Кампании Сианука против радикально настроенных студентов, жестокое подавление Самлаутского восстания и дипломатическое сближение с Соединенными Штатами превратили возможность создания единого фронта в весьма отдаленную перспективу. Между тем поддержка принца со стороны элиты продолжала слабеть по причине падения доходов. «Золотая молодежь», разочарованная неспособностью Сианука обеспечить правосудие и рабочие места, стала сочувствовать коммунистам. Другие, не настолько политизированные, устали от бесконечных монологов принца, от его самолюбования и отталкивающего окружения.

В середине 1969 года Сианук возобновил дипломатические отношения с Соединенными Штатами, тем самым потеряв поддержку немногочисленных радикальных сторонников, которые у него еще имелись. Возможно, он надеялся на то, что американцы окажут ему военную помощь и не допустят дальнейшего проникновения вьетнамских коммунистов на территорию Камбоджи. Но у нового американского президента Ричарда Никсона были другие планы относительно кхмеров.

Никсон являлся активным сторонником вывода американских

войск из Вьетнама. Чтобы провести эту операцию, он начал бомбардировки баз вьетнамских коммунистов и их войск в Камбодже. Сведения об этих бомбардировках, начавшихся в марте 1969 года, держались в тайне от американского народа. Знал ли об этом Сианук или его поставили перед фактом, остается загадкой. В любом случае, бомбардировки продолжались больше года. На территорию Камбоджи было совершено свыше трех тысяч воздушных налетов. Народное возмущение нарастало. Тысячи молодых людей и девушек уходили к партизанам. В периоде 1968 по 1970 год количество вооруженных партизан увеличилось более чем вдвое; к 1970 году около четырех тысяч камбоджийцев противостояли лучше вооруженной, но не слишком хорошо обученной пномпеньской армии. Еще одним последствием американских бомбежек стало продвижение вьетнамских войск вглубь Камбоджи: они спасались от ударов с воздуха. Шаг за шагом Камбоджа втягивалась в Индокитайскую войну.

Премьер-министр Лон Нол и его амбициозный заместитель принц Сисоват Сирик Матак поддерживали бомбардировки. Оба они хотели, чтобы вьетнамцы убрались из Камбоджи. На публике Сианук и вьетнамцы делали вид, что вьетнамских баз на территории Камбоджи не существует. При личных встречах они притворялись, что их союзнические отношения остаются в силе, даже с учетом того, что армия Сианука под командованием Лон Нола атаковала красных кхмеров, а, значит, косвенно задевала и вьетнамцев. В начале 1970 года в некоторых районах страны красные кхмеры сражались под вьетнамским командованием. По сути дела, Соединенные Штаты и Северный Вьетнам воевали друг с другом на территории Камбоджи. Политика нейтралитета, которой придерживался Сианук, трещала по швам. Игра, которую он вел начиная с 1955 года, была проиграна. Сирик Матак и Лон Нол начали плести заговор, чтобы свергнуть Сианука.[141]

Салот Сар едет на север

«К концу 1969 года, — говорится в «Livre noir», — делегация от Коммунистической партии Кампучии отправилась в Ханой для переговоров с вьетнамской партией». Перед отъездом Сар передал бразды правления в своем штабе Нуон Чеа. Несколько признаний, вырванных в центре S-21, подтверждают отъезд Сара, однако ни в одном из них не раскрываются причины, по которым он предпринял эту поездку. Маловероятно, чтобы Сар покинул Камбоджу без вызова вьетнамцев, которые, видимо, хотели посоветоваться с ним насчет следующего этапа войны и растущей

враждебности правительства Камбоджи. Также не исключено, что Сар хотел использовать эту возможность для того, чтобы попросить военной помощи. Поскольку он скорее всего проделал путешествие во Вьетнам пешком, его визит не был связан с похоронами Хо Ши Мина в октябре 1969 года.[142]

Подробные сведения об этой поездке можно почерпнуть лишь из «Livre noir». Пол Пот утверждал, что ему отдали приказ прекратить борьбу. Такое заявление предполагает, что в то время он был более откровенен с вьетнамцами, чем в 1965 году, и что некоторые просьбы — а Сар мог потребовать большей самостоятельности — возмутили соратников в Ханое. Вьетнамцы наверняка отвергли обе просьбы, но, не имея никакой замены висевшему на волоске Сианука, они сохранили союзнические отношения с мятежной партией Сара. В «Livre noir» утверждается, что вьетнамцы, находившиеся в Камбодже, «скрывались в районах, контролируемых Коммунистической партией Кампучии», повторяя с точностью до наоборот то, что делали Сар и Иенг Сари в 1963 году. Отсюда следует, что вьетнамцы нуждались в камбоджийцах больше, чем те — в покровительстве Ханоя. Хотя эта ситуация была обычной темой бесед в доверенных партийных кругах вплоть до 1978 года, во время поездки Сара в Ханой открыто это не обсуждалось. Если бы Сар высказал подобные требования в 1969 году, пусть даже сгоряча, он услышал бы разгневанный ответ, который, как он говорит в «Livre noir», и прозвучал. Если бы он сделал эти требования частью последовательной, независимой программы, вероятно, вьетнамцы сняли бы его с поста секретаря партии. Другими словами, хотя «Livre noir» довольно точно описывает психологического состояние Сара в 1978 году, его поведение и заявления примерно до 1972 года нельзя считать независимыми. В самом деле, если бы отношения между Камбоджей и Вьетнамом были настолько плохи, как это описано в «Livre noir», сомнительно, чтобы Салот Сар поехал в Ханой и даже остался там на несколько месяцев. Возможно, во время своего визита в Ханой Сар счел оскорбительным то, что вьетнамцы вновь не смогли по достоинству оценить его личную значимость, страдания его сторонников и уникальность камбоджийской революции.[143]

Тем временем события в Пномпене стремительно развивались. В январе 1970 года Сианук отправился во Францию проходить ежегодный курс лечения, тем самым начав свою ссылку, которая продлится несколько лет. Перед отъездом он был морально раздавлен встречей с враждебным Национальным Собранием. Отчасти для восстановления контроля и отчасти в самом деле боясь вторжения вьетнамцев, Сианук попросил Лон

Нола усилить давление на силы коммунистов. Пока принц находился за границей, вьетнамские отряды в Камбодже оказались отрезаны от обозов. Также в результате прошедших при поддержке правительства восстаний пострадали дипломатические миссии вьетнамских коммунистов в Пномпене.[144]

19 марта 1970 года Национальное Собрание Камбоджи проголосовало за отставку Сианука. Переворот прошел без крови, хотя демонстрации в поддержку Сианука, состоявшиеся чуть позже в нескольких провинциях, были жестоко подавлены. За два дня до переворота Лон Нол приказал всем вьетнамским отрядам покинуть территорию Камбоджи в течение сорока восьми часов. Не удивительно, что вьетнамцы проигнорировали требование. Однако это донкихотское приказание отражало широко распространенное в народе неприятие вьетнамцев. В момент переворота принц был на пути домой и находился проездом в Москве. Ошеломленный и разъяренный, он отправился, как и было запланировано, в следующий пункт своей поездки — в Пекин.

Похоже, переворот застал Салот Сара и его руководителей врасплох, хотя в «Livre noir» утверждается, что Сар предвидел это событие за шесть месяцев до того, как оно произошло, а Нуон Чеа в написанной в 1997 году истории партии заявляет, что с 1967 года политика партии основывалась на возможности переворота, организованного «правыми». Если Сар действительно предвидел переворот, то его длительное отсутствие в Камбодже в 1969–1970 годах трудно объяснить. В «Livre noir» также говорится, что в начале 1970 года Сар ездил из Ханоя в Пекин «для консультаций» и, таким образом, находился в китайской столице, когда случился переворот. Более вероятным кажется, что Сар выехал из Ханоя вместе с вьетнамским премьером Фам Ван Донгом, спешно вызванным в Китай и прибывшим в Пекин два дня спустя после приезда туда Сианука.[145]

В «Livre noir» утверждается, что Салот Сар убедил китайского премьер-министра Чжоу Эньлая в том, что Сианук должен занять наступательную позицию по отношению к Лон Нолу и косвенно — к Соединенным Штатам, возобновив антиамериканскую политику, от которой отказался год назад. Согласно другим источникам, Фам Ван Донг убеждал принца сопротивляться, обещая ему возвращение к власти «в течение сорока восьми часов». Таким образом, совет Сара Эньлаю, если он действительно был дан, повторял слова Фам Ван Донга. Чтобы доставить удовольствие Сиануку и защитить камбоджийских коммунистов, китайцы и вьетнамцы скрыли от принца факт присутствия Сара в

Пекине. Сианук еще несколько лет не отождествлял Сара с личностью лидера партии.

Антивьетнамские разглагольствования в «Livre noir» не могут скрыть того, что в апреле 1970 года привело Салот Сара в восторг: его войска теперь находились в полноценном военном союзе с вьетнамцами. Им предстояло лишить Лон Нола власти. Надеждам красных кхмеров больше не мешали трудности тайного союза между вьетнамцами и Сианук. Теперь коммунисты могли призывать новобранцев, подтвердив свою верность принцу, и в то же время брать оружие и перенимать боевой опыт Вьетнама. Вскоре после переворота несколько сотен хорошо подготовленных кхмеров выехали из Северного Вьетнама к себе на родину, чтобы принять участие в борьбе. Многие из них прожили во Вьетнаме целых пятнадцать лет.[146]

Салот Сар знал о том, что армия Лон Нола не чета вьетнамской. Он также подозревал (или, возможно, ему сказали), что после окончания войны вьетнамцы не станут предоставлять Сианук реальную власть. Впрочем, в то время Сар верил в то, что присутствие Сианука в качестве главы единого антиамериканского фронта обеспечит коммунистам международную поддержку. Уродливое противоречие между союзом с Вьетнамом, с одной стороны, и оппозиции камбоджийскому «феодализму», с другой, теперь исчезло. Впервые после 1953 года Салот Сар мог думать о реальном захвате власти. В годы подпольной борьбы его товарищи жили надеждой. Мысль о том, что его мечта может стать явью, воодушевила Сара, когда он уезжал из Ханоя в Камбоджу. Находясь не у дел почти семь лет, Салот Сар возвращался к настоящей революционной борьбе.

Глава 5
Приход к власти, 1970–1976

Решение сформировать Национальный фронт во главе с Сиануком имело для карьеры Салот Сара два последствия. Одно из них состояло в том, что после семи лет жизни в подполье, он в свои сорок пять лет стал военным вождем камбоджийских коммунистов, участвовавших в общенародном объединении. Другое последствие заключалось в усиленной военной поддержке, которую стали оказывать вьетнамцы. Эти два фактора означали, что он получал возможность контролировать рост Коммунистической партии Камбоджи. Одновременно его люди могли проходить подготовку под руководством закаленных в боях вьетнамцев.

Салот Сар не вышел из подполья, и лишь больше года спустя его узнали как должностное лицо Сианукского Национального фронта. Внутри страны власть была возложена на одного из «Трех призраков» — Кхьё Самфана, который якобы действовал от имени Сианука. Вьетнамские коммунисты в свою очередь открыто признали их союз с принцем, однако ни словом не обмолвились о своих отношениях с камбоджийскими коммунистами и о пребывании вьетнамских войск на территории Камбоджи.[147]

Моделью для этих запутанных договоренностей — метко названных Элизабет Беккер «зеркальным залом» — послужил Фронт национального освобождения в Южном Вьетнаме. Его социалистическая программа и связи с Северным Вьетнамом скрывались от вьетнамской общественности и даже от некоторых самых преданных участников фронта. Сианук, укрывшийся в Пекине в компании шеф-поваров, придворных и прихлебателей, являлся с самого начала подставным лицом. Китайские покровители, включая премьер-министра Чжоу Эньлая, сердечно поддерживали его, а фронтовые газеты, финансировавшиеся и издававшиеся Китаем, создавали такое впечатление, что партизаны в Камбодже сражаются за принца.[148]

По подсчетам американской разведки, на момент переворота у красных кхмеров было меньше трех тысяч вооруженных людей. Немногие были организованы в подразделения крупнее взвода, и мало кто из них был подготовлен к боевым действиям. Их знание марксизма-ленинизма было фрагментарным, и немногие имели даже отдаленное представление о международных аспектах движения. В начале 1970 года они были небольшими группами разбросаны в лесистых приграничных областях Камбоджи — в

Компонгспы, Кампоте, Баттамбанге, Кратьэх и на северо-востоке.

Салот Сар возвращается домой

Пока «Брат номер один» находился во Вьетнаме и Китае в 1969–1970 годах, партийным штабом на северо-востоке руководил Нуон Чеа. Иенг Сари отвечал за дополнительную базу в Ратанакири. Вскоре после переворота, но еще до того, как Салот Сар вернулся домой, в лагерь Сари прибыли вьетнамские офицеры, чтобы просить у камбоджийцев помощи. Согласно признанию Кхеанг Сим Хона, «они просили поддержки для своих бойцов, просили помочь с кадрами всех уровней и нашего содействия в строительстве госпиталя. [Иенг Сари] пытался уклониться от этих просьб, но у него не получилось, и командир вьетнамской дивизии, утверждавший, будто сотрудничает с Салот Саром, заночевал на базе и не ушел».

Согласившись удовлетворить просьбы вьетнамцев, кхмеры позволили им обучать своих солдат. В других районах страны вьетнамцы действовали более грубо. Не посовещавшись с местными камбоджийскими коммунистами, они агитировали жителей камбоджийских деревень «бороться за Сианука» и начинали командовать молодежью, которую удавалось собрать. Они надеялись воспользоваться неразберихой, возникшей после переворота, и популярностью Сианука, рассчитывая на то, что при таких условиях их базы и пути снабжения в Камбодже останутся в безопасности. На этом раннем этапе сопротивления, как писал Бен Кирнан, «революционное управление было, по сути, творением вьетнамских коммунистов и кхмеров, работавших… с ними».[149]

Тем временем, по сведениям «Livre noir», Салот Сар и его соратники, направлявшиеся из Пекина в Камбоджу, были тепло приняты в Ханое. Впоследствии Пол Пот писал, что на одном из банкетов в Ханое, который устроили в честь их приезда, «камбоджийскую делегацию все время осыпали похвалами… Вьетнамцы ощущали крайнюю необходимость в дружбе с камбоджийцами, в их помощи и содействии». Ближе к истине было прямо противоположное мнение. На самом деле, Пол Потсам во многом это признал, написав, что на данном этапе вьетнамцы предложили ему смешанное боевое командование, пять тысяч ружей и поддержку в виде международной пропаганды. От этих предложений он не мог отказаться. Однако в 1978 году он написал, что отказался быть подчиненным и твердо заявил об этом вьетнамцам. «Для тех, кто отвечал за Вьетнам, —

фантазировал Сар, — проблема освобождения Южного Вьетнама была не самой важной. В их глазах *проблема Камбоджи была куда более существенной*»(курсив добавлен автором).[150]

В апреле 1970 года Сар отправился из Ханоя в Камбоджу по Тропе Хо Ши Мина. Путешествие заняло полтора месяца. Двигаясь на юг через Северный Вьетнам, Лаос и северо-восток Камбоджи, Сар наверняка был поражен увиденным. Потропе громыхали тысячи грузовиков с оружием, боеприпасами и другими поставками для войск вьетнамских коммунистов; через регулярные отрезки пути были оборудованы стоянки. Водители иногда подвозили Сара и его товарищей. В остальное время они шли быстрым шагом под прикрытием леса, страдая от малярии и бомбежек. Позднее Чхим Самаук говорил о том, что они останавливались в «более чем двадцати местах» и время от времени отбирали у местных жителей слонов, чтобы продолжать путь. Должно быть, для Салот Сара это было захватывающее путешествие. Он прибыл на границу Лаоса и Камбоджи к концу мая. По словам Чхима Самаука, во время перехода Сар дважды болел: первый раз малярией, а второй — отравившись ядовитыми «павлиньими грибами» *(псуткнгаоук)*. На лаосско-камбоджийской границе Сар официально поздравил с возвращением камбоджийских добровольцев, разделивших с ним тяготы пути из Ханоя, а затем вместе с ними отправился в партийный штаб на северо-востоке.[151]

В «Livre noir» утверждается, что поначалу в Камбодже Сар отбивался от требований вьетнамцев сотрудничать с ними. Заявления вьетнамцев о том, что Иенг Сари согласился удовлетворить их просьбы (это подтверждается в признании Кхеанг Сим Хона), объявляются в «Livre noir» «ложью». Весомость этого доказательства говорит о том, что Сар поддержал идею помощи вьетнамцам и одобрил принятое ранее Иенг Сари решение принять их помощь.

На этом этапе камбоджийской революции у Сара не было выбора. Вскоре после своего прибытия на Базу 102 Сар той же тропой отправил Иенг Сари в Ханой, чтобы сделать его партийным связным. Там он присоединился к Кео Меасу, направленному с тем же заданием в Ханой в 1969 году. Это событие, подтверждаемое многими источниками, указывает на то, что красные кхмеры по-прежнему в полной мере — тактически и тайно — сотрудничали с Северным Вьетнамом.[152]

Сразу после свержения Сианука, пока Салот Сар еще находился в Пекине, в нескольких провинциальных городах разразились восстания в поддержку принца, организованные и раздутые камбоджийскими коммунистами и членами

вьетнамской партии. Демонстрации отразили неподдельный шок, испытанный многими кхмерами, лишенными единственного политического лидера, которого они когда-либо знали. Выступления были безжалостно подавлены армией и полицией Лон Нола. До конца войны в поддержку Сианука в Камбодже не состоялось больше ни одной демонстрации. Зато после восстаний сотни молодых кхмеров ушли к партизанам, чтобы «воевать за Сианука». Большинство из них вскоре попало под смешанное командование вьетнамских и кхмерских коммунистов.

Вторжение США и Южного Вьетнама в Камбоджу в апреле-мае 1970 года побудило камбоджийских коммунистов расширить антиамериканскую пропаганду. Зависимость режима Лон Нола от американского военного снаряжения и от политической поддержки американцев была на руку коммунистам. С другой стороны, многие беспартийные, особенно в городах, считали теперешний конфликт продолжением более раннего вторжения Северного Вьетнама в их страну. Тысячи молодых людей добровольно записывались в отряды Лон Нола, наивно надеясь за несколько недель освободить Камбоджу. Сотни из них вскоре погибли или были ранены. В октябре 1970 года Лон Нол переименовал страну в Кхмерскую республику, поставив точку на традиции монархического правления, существовавшей в Камбодже около двух тысяч лет. После этого борьба между правительством и коммунистами продолжалась еще четыре с половиной года.

В этих условиях красные кхмеры перенесли свой штаб поближе к центральному командованию вьетнамцев. Теперь штаб кхмеров находился около Пномсантука на границе провинций Кратьэх и Компонгтом. Вскоре после этого Сар созвал руководящих членов партии из других районов страны на учебно-подготовительную встречу, совпавшую с девятнадцатой годовщиной партии. На встрече были уточнены функции руководящего состава партии и обсуждался союз партии с Северным Вьетнамом.

Некий документ, перехваченный в Кратьэх и, возможно, созданный в ходе этой встречи, пестрит записями типа «революционная этика», «краткосрочная стратегия» и «солидарность с Вьетнамом». Документ озаглавлен «Схема революции». Но дальше следует малопонятное заявление о том, что «революционеры находятся посередине. Революционные организации стоят за революционерами, а массы окружают организации». Здесь, вероятно, имелось в виду, что партийная элита — Салот Сар и его ближайшие соратники — были надежно укрыты, могущественны и хорошо охранялись. В следующем

параграфе, озаглавленном «Поведение революционера», отмечается: «Революционер должен быть добр и проявлять сочувствие по отношению к народу; революционер должен всегда использовать добрые слова в беседах с людьми. Эти слова не должны причинять вреда, они должны располагать слушателей к говорящему, звучать вежливо в любых обстоятельствах, нравиться всем и каждому и радовать слушателей». Заманчиво полагать, что эти предложения исходили от Салот Сара, чьим манерам данные рекомендации, похожи, соответствовали.[153]

В следующем месяце, согласно «Livre noir», Салот Сара и Нуон Чеа вызывали на встречу с высшим командованием вьетнамских коммунистов для обсуждения «проблемы укрепления солидарности и сотрудничества». Это обсуждение, которое со стороны вьетнамцев якобы приняло форму требований, продолжалось в течение недели. По сведениям «Livre noir», двое камбоджийцев с гордостью отказались от дальнейшей помощи вьетнамцев.[154]

И вновь «Livre noir» переворачивает все с ног на голову. В 1970 году вьетнамцы расширили свою поддержку камбоджийским коммунистам и способствовали уничтожению армии Лон Нола как военной силы. Несмотря на искажающий смысл подход «Livre noir», становится ясно, что к середине 1971 года, если не раньше, советы вьетнамцев и зависимость от них стали вызывать возмущение у руководителей красных кхмеров. Поскольку у них не было возможности выразить свои чувства открыто, они продолжали маскировать их. Время от времени между красными кхмерами и вьетнамцами случались ненамеренные столкновения, однако первые все еще нуждались в военной помощи и техническом содействии последних. Более того, вьетнамцы по-прежнему были гораздо сильнее красных кхмеров и не торопились уходить.

Национальная Демократическая Революция

В 1971–1972 годах с Лон Нолом в основном сражались вьетнамцы и камбоджийцы под их командованием. За это время военные силы камбоджийских коммунистов выросли и стали лучше организованы. Уверенность людей окрепла. В июле 1971 года на «встрече партшколы для всей страны» в партийном штабе в «лесу Северной Зоны» собралось более шестидесяти членов партии. На заседании председательствовал Салот Сар. Он назначил членов расширенного Центрального Комитета и объявил, что Коммунистическая партия Камбоджи вступила в

новую фазу своей истории, а именно — в национальную демократическую революцию, нацеленную на свержение феодализма и империализма.

Встреча предоставила лидерам красных кхмеров возможность показать контроль над партией и сопротивлением. Некоторые направления новой политики были разъяснены в теоретическом журнале партии, выпущенном в этом же году. Здесь довольно бессвязно излагалась история «строительства партии» начиная с 1963 года, когда Салот Сар стал секретарем Центрального Комитета. Здесь отмечалось, что революция должна «соответствовать нашей стране», и говорилось, что вожди партии, должны руководить «всеми аспектами революции». Впоследствии делегаты утверждали, что на встрече звучали выступления, побуждавшие к быстрой коллективизации и критиковавшие вьетнамцев. Беженцы, в 1972–1974 годах перебравшиеся из юго-западных районов Камбоджи в Южный Вьетнам, сообщали, что с конца 1971 года партийные кадры в Камбодже стали больше напирать на лозунг «Камбоджа для камбоджийцев».[155]

Тот факт, что Сар мог созвать руководителей партии из многих регионов (к примеру, Ху Ним и Чоу Чет прибыли на встречу с юго-запада страны), предполагает, что он не чувствовал угрозы со стороны Лон Нола. Впрочем, пока проходила встреча, Лон Нол начал амбициозное, хотя и плохо реализованное, наступление, известное под названием «Ченла II», и «все члены партии, особенно отвечавшие за военный сектор, поспешно уехали, чтобы бороться с врагом». К декабрю 1971 года наступление захлебнулось, и силы Лон Нола были разгромлены. Больше всего ущерб армии Лон Нола нанесли вьетнамские части. После поражения его армия перешла в оборону, позволив красным кхмерам сосредоточиться на социальной политике, наборе новых бойцов и подготовке.

В нескольких документах, созданных камбоджийскими коммунистами после «Ченла II», утверждается, что они сами одержали победу в войне. Так, например, на учебной встрече, состоявшейся в декабре 1971 года, один из выступавших (возможно, сам Салот Сар) отметил следующее:

«Если мы примем во внимание размеры вооруженных сил, их мощь — самолеты, тяжелые орудия, военные суда — выставленную против нас, то враги окажутся гораздо сильнее нас. Тогда почему же мы разбили врагов [в ходе «Ченла II»]? Эта важнейшая победа была победой воли, преобразованной в атаки на неприятеля… Эти штурмовые атаки *(вай самрок)* стали победой для бойцов, политики и экономики».

Кое-кто из участников встречи мог воспринять отсутствие

упоминания о союзе с Вьетнамом как безобидную попытку укрепить уверенность красных кхмеров. Однако другие делегаты могли принять восхваления кхмерского героизма за чистую монету и поддержать «штурмовые атаки» на врагов, проблемы и кризисы, с которыми сталкивалась «революционная организация» *(ангкар падеват)* по мере того, как партия оформлялась в независимое объединение. Именно на эту аудиторию и было нацелено выступление Сара. Подобно Сианук и Лон Нолу, Салот Сар неоднократно повторял или намекал на то, что в действительности камбоджийцы превосходили чужаков и были невосприимчивы к иностранному влиянию.

Это позволяло ему отринуть зарубежные модели и утверждать, что революция отличалась самостоятельностью, а также предсказуемостью.[156]

Ввиду ослабевания угрозы со стороны армии Лон Нола Салот Сар и Коммунистическая партия Камбоджи занялись политическими и организационными делами. В январе 1972 года Сар писал: «У нас есть воля к победе. Но этого недостаточно. Нам нужны правильный курс, правильная политика и правильные методы». Без них, подчеркнул Сар, «революция была похожа на слепого, переходящего с места на место». Вербовка и подготовка членов партии стала еще одной насущной необходимостью. Не менее необходимым было пробуждение сознания у рабочих и крестьян, которым было предназначено вести революцию. В другом документе того же периода указывается на то, что, хотя 80–90 % камбоджийцев «любят революцию», им нужно объяснить, что в ней хорошего. «Крестьяне и рабочие должны учиться, — как заметил один из членов партии, — вертеть колесо истории *[конг правать'сасс]».*

Хотя членам партии предписывалось хорошо обращаться с народом, который являлся «основой революции», надлежащим образом, нередко бойцы, входя в камбоджийские деревни, вели себя грубо. Много лет спустя один беженец из Компонгспы так описывал это: «В 1972 году красные кхмеры захватили мою деревню. Я не знаю, как они там оказались. Я просто увидел их, когда они вошли. Понятия не имею, где они жили. Я лишь видел, как они ходили вокруг; они не сказали мне, где они живут. Они могли зайти и дать тебе указания насчет того, что делать и как жить… Ты не мог отказаться делать то, что тебе велели».[157]

Между тем правительство Лон Нола переживало упадок. Когда в Пномпень хлынули сотни тысяч беженцев, работа городских служб разладилась и качество жизни в городе ухудшилось. Несколько сельских районов недалеко от столицы были захвачены, отбиты и обстреляны артиллерией обеих сторон.

Похоже, началась полномасштабная гражданская война. Войска коммунистов были более дисциплинированы, чем отряды Кхмерской республики, однако и те, и другие грабили гражданских лиц, досаждали им и устраивали на них облавы. Зато ни одна из сторон не брала пленных. К концу 1971 года малонаселенные части страны отошли коммунистам, как и густонаселенные районы на юго-западе. Территория, подконтрольная республике, сокращалась, здесь процветала коррупция. Губернаторы провинций и военные офицеры продавали продовольствие, оружие и медикаменты противникам. Во многих подразделениях армии Лон Нола платежные ведомости раздувались за счет приписок, чтобы получить дополнительную помощь от американцев. У коммунистов такой проблемы не возникало: они все воевали даром.

Соединенные Штаты, в свою очередь, с головой ушли в отступление из Южного Вьетнама. Политика Никсона в Камбодже была нацелена на то, чтобы отстрочить победу коммунистов и тем самым дать американским войскам благополучно выбраться из Вьетнама. Для выполнения этой задачи Никсон выбрал Лон Нола, а тот действовал медленно. К концу 1971 года американцы и их союзники терпели в Камбодже поражение, однако при этом гибли одни камбоджийцы. Бессильная камбоджийская элита, сидевшая в городах, утратила всякую надежду; беднейшие слои крестьянства были доведены до отчаяния; экономика страны находилась в упадке.[158]

После учебно-подготовительной встречи 1971 года Салот Сар создал особую административную зону к югу и западу от Пномпеня, включившую в себя сектора 15 и 25. Руководить новой зоной он назначил своего давнего товарища Сок Туока (Ворн Вета). В своем признании, сделанном семь лет спустя, Вет высказал предположение о том, что Сар хотел усилить авторитет красных кхмеров и уменьшить власть членов вьетнамской партии и камбоджийцев, прошедших подготовку в Северном Вьетнаме. Проблема, с которой он при этом столкнулся, заключалась в малочисленности хорошо обученных местных кадров.

Партийные школы в Камбодже были основаны в 1972 году. Молодые люди и девушки привлекались туда на местном уровне как бойцы и члены партии. В то же время многие утратившие иллюзии учителя, инженеры и студенты из Пномпеня стекались в «освобожденную зону» и поступали на службу партии. Двое молодых преподавателей, Ит Сарин и Куонг Лумфон, а также французский социолог Серж Тион оставили ценные свидетельства о тамошней жизни. Во время короткого посещения Тион был поражен тем, как много ему разрешили посмотреть. Ему оказали

хороший прием, и он уехал, убежденный в том, что там создается действительно новое общество. Двое камбоджийцев покинули зону с другими впечатлениями. После нескольких месяцев обучения они вернулись в Пномпень, потрясенные непреклонностью и пылом своих товарищей-коммунистов.[159]

Большую часть 1972 года Салот Сар провел в своем штабе на севере. В марте 1972 года в Китае было объявлено, что Сар возглавляет военное управление вооруженными силами Национального фронта Сианука. Его заместитель Нуон Чеа был назван руководителем политического управления армией. Не похоже, чтобы в обязанности Сара входило ежедневное принятие военных решений; это оставили командирам в регионах. Несомненно, Сар был ответствен за стратегические решения, такие, как, например, отказ от прекращения огня, предложенного в 1972 году Северным Вьетнамом и Кхмерской республикой, «стратегические штурмовые атаки» на Пномпень в 1973–1974 годах и последнее наступление на столицу в следующем году.[160]

После 1971 года классовый анализ камбоджийского общества в партийных документах становится более настойчивым. В них подчеркивалось, что новых членов в партию нужно привлекать из беднейших слоев крестьянства, из бедняков и середняков, а также из рабочих. Считалось, что упор на эти социальные категории гарантирует исчезновение феодальных и капиталистических элементов. Превосходство рабочих и крестьян, как и превосходство самого коммунизма, было предметом веры, хотя пророки этой веры — Маркс и Ленин — никогда не назывались и редко цитировались. Партийные документы являлись регалией нового, всемогущего режима, который претендовал на тотальный контроль. Те, кто теперь пришел к власти, происходили из других слоев общества, чем те, кто правил прежде, однако вскоре они начали действовать по тому же принципу: к примеру, казнили и репрессировали неугодных.

Цель партийных документов состояла в развитии «революционного сознания» слушателей. Как таковые, они отражали преподавательское прошлое Салот Сара, а так-же его влияние в партии. Воочию видится, как он читал эти проповеди в партийных школах: с минимумом жестов, без конспектов, наизусть, и в его низком, чуть глуховатом плавном голосе звучало истинное приглушенное красноречие *(воха)*.[161]

От прекращения огня — к бомбардировкам

Как мы увидели, успехи красных кхмеров всегда зависели от

событий, происходивших во Вьетнаме. Вплоть до конца 1972 года войска Салот Сара вооружали, обучали и нередко возглавляли вьетнамцы. Успех красных кхмеров — или отсутствие такового — в значительной степени контролировался вьетнамцами.[162]

Теперь на переговорах между американцами и вьетнамцами в Париже, шедшими с 1968 года, вьетнамские делегации увидели кратковременную выгоду в том, чтобы принять предложение США о прекращении огня в Индокитае. Американцы очень хотели достичь соглашения до ноябрьских президентских выборов в США. Так что время работало на вьетнамцев. Большая часть американской армии была выведена из Вьетнама. Остатки предполагалось вывести после вступления, в силу соглашения о прекращении огня. В этот момент вьетнамцы могли приготовиться к атаке на Сайгон, не опасаясь угрозы американской интервенции, и сосредоточиться на подрыве южновьетнамского режима. Американцы заявили, что в случае отказа подписать соглашение бомбардировки возобновятся. В январе 1973 года вьетнамцы согласились принять условия американцев.

Для Камбоджи это соглашение означало, что вьетнамцы отведут большую часть своих войск с ее территории. Вьетнамцы убеждали Салот Сара присоединиться к соглашению о прекращении огня, но тот почти наверняка отказался. В «Livre noir» он утверждает, что именно так и сделал. Подобное давление американцы оказывали и на Лон Нола, чье правительство дискредитировало себя скандалами, неверными решениями и военными поражениями. Лон Нол неохотно согласился в надежде положить конец войне. Соглашение о временном прекращении огня вступило в силу в конце января 1973 года, но практически сразу было нарушено.[163]

Согласно «Livre noir», Сар и его соратники отвергли просьбы вьетнамцев по нескольким причинам. Во-первых, решили, что способны выиграть войну самостоятельно. Во-вторых, они не желали возвращаться к политической борьбе без военной поддержки Вьетнама. Это означало сговориться с Лон Нолом разделить власть с его войсками в сельской местности и возродить легенду о том, что лидером фронта являлся Сианук. Ни один из этих сценариев не прельщал красных кхмеров. Они предпочитали гражданскую войну, бомбардировки и подпольную деятельность.[164]

Кроме того, они рассматривали соглашение Вьетнама с Соединенными Штатами как предательство. В конце концов, с 1963 года они честно выполняли свои обязанности, когда речь заходила о Вьетнамской войне. Им не хватало политически

подкованных кадров, чтобы управлять территорией, оставленной пномпеньским режимом, и военного штаба, который координировал бы действия крупных подразделений. Кроме того, они нуждались в оружии и боеприпасах, чтобы осуществить наступление на Пномпень. Вдобавок из-за отказа прекратить военные действия они оказались совершенно беззащитны перед воздушными бомбардировками Соединенных Штатов.[165]

Идеальный вариант

После того как вьетнамцы ушли из Камбоджи, между некоторыми их подразделениями и камбоджийскими войсками произошли небольшие столкновения. Камбоджийцы были рассержены тем, что вьетнамцы захватили с собой свою боевую технику и снаряжение. Камбоджийские коммунисты из Ханоя, которых красные кхмеры всегда подозревали в двуличии, попали под наблюдение. С 1970 года они были бойцами, специалистами и военными советниками. В некоторых районах они провели полезную политическую работу. Однако начиная с 1972 года их стали тихо разоружать и удалять от власти. Как вспоминал один из них, «на учебно-подготовительных сессиях они называли нас «ревизионистами»… Нас отстранили от работы; некоторых отправили выращивать перец или пасти скот». На других были устроены отдельные засады. В начале 1973 года некоторые из них спаслись бегством, примкнув к вьетнамским отрядам, покидавшим Камбоджу. Оставшиеся были казнены красными кхмерами.[166]

В начале 1973 года войска камбоджийских коммунистов атаковали правительственные подразделения по всей стране, чтобы установить контроль над территорией и запустить в действие свои социальные программы. Особенно пристальное наблюдение велось за юго-западными районами страны. Принятые здесь меры включали внедрение кооперативных (коллективных) хозяйств, принудительное выдворение некоторой части населения, подавление буддизма, формирование молодежных групп, для чего детей забирали из семьи, искоренение народной культуры и введение «дресс-кодов», согласно которым каждый должен был постоянно носить повседневную крестьянскую одежду (она представляла собой хлопчатобумажную робу черного цвета). В результате жестокости, с которой проводилась эта политика, более двадцати тысяч камбоджийцев нашли убежище в Южном Вьетнаме. Эта политика вытекала из решений, принятых Салот Саром на учебно-

подготовительной встрече в 1971 году. Безусловно, она реализовывалась с его одобрения, причем после апреля 1975 года — в общегосударственном масштабе и с большим радикализмом, вылившимся в отмену денег, рынка, школ и эвакуацию целых городов и крупных городских центров.[167]

Упрямство камбоджийских коммунистов побудило Соединенные Штаты нанести бомбовые удары по красным кхмерам. Камбоджа стала «идеальным вариантом», если цитировать одного американского чиновника. Бомбардировки начались в марте 1973 года и были остановлены решением американского Конгресса пять месяцев спустя. За это время четверть миллиона тонн взрывчатых веществ было сброшено на страну, которая не воевала с Соединенными Штатами и на территории которой не было американских солдат. Предположительно, бомбы сбрасывались на военные комплексы и деревни, где, как считалось, укрывались отряды коммунистов. При этом использовались устаревшие карты, тогда как картографическое отображение самих бомбардировок показывает, что они сосредотачивались на густонаселенных пригородах Пномпеня. Количество погибших в результате бомбежек так и не было точно подсчитано. Высказываются разные предположения — от тридцати тысяч до четверти миллиона жертв. Свыше десяти тысяч убитых из них воевали на стороне коммунистов.

Последствия бомбардировок для сельских жителей были просто катастрофическими. Некоторые ученые доказывают, что американские бомбардировки помогли красным кхмерам заполучить тысячи преданных и горящих жаждой мести новобранцев. Существуют кое-какие свидетельства, подтверждающие это мнение. Совершенно ясно, что, помимо прочего, бомбардировки ускорили разрушение крестьянского общества и облегчили коммунистам путь к установлению политического контроля. Вдобавок они подтолкнули десятки тысяч сельских жителей к переселению в города. Этих запуганных мужчин и женщин камбоджийские коммунисты считали не людьми, а «врагами». Предубежденность партии против городского населения еще больше возросла. В конечном итоге, воцарившийся хаос сыграл на руку коммунистам. Однако, если рассматривать непосредственные последствия, своими бомбардировками американцы все же достигли желаемого результата: коммунисты больше не окружали Пномпень со всех сторон. Война продолжалась еще свыше двух лет.[168]

В конце февраля 1973 года, когда бомбежки американцев усилились, Сианук покинул Пекин и исчез. Сопровождаемый своей женой принцессой Моникой (Monique) и Иенг Сари, он

совершил продолжавшуюся месяц поездку, во время которой по Тропе Хо Ши Мина он переместился в Северную Камбоджу, а затем западнее — в Ангкор; в поездке его снимали и фотографировали китайские кинооператоры. Принц и его жена находились в Камбодже в течение трех недель. Этим покровители Сианука в Пекине и Ханое хотели продемонстрировать заинтересованность в принце как в политической силе. Кроме того, поездку и отснятый материал можно было использовать для того, чтобы повысить престиж единого фронта, показать его стремление к национальной независимости и препятствовать принятию мандатов Кхмерской республики в Организации Объединенных Наций. Возможно, вьетнамцы использовали эту поездку и для выражения своего неодобрения независимой, антисианукской политики, которой следовали красные кхмеры. Так или иначе, принц играл предписанную ему роль. Так же поступали и лидеры Коммунистической партии Камбоджи. Глядя на фотографии и кинопленку, отснятые в ходе поездки, невозможно было догадаться, что для коммунистов Сианук оставался неизменным «врагом номер один», что Салот Сар руководил Коммунистической партией и что среди тех, кого обнимал принц, находились люди, которых несколько лет спустя он приговорит к смерти. Сианук и коммунисты, напряженно улыбавшиеся друг другу, предприняли совместную поездку.[169]

На границе Камбоджи с Лаосом принца приветствовали «Три призрака» — Кхьё Самфан, Хоу Йоун и Ху Ним. Они сообщили ему, что отвечали за сопротивление. Через два дня, в штабе партии в северной зоне, Сианук также встретился с Кхьё Поннари, Сон Сеном, секретарем северной зоны Кой Туоном и Салот Саром, державшимся наравне со своими соратниками. Не зная, кто он такой, невозможно было догадаться о его высоком положении. Наверное, эта шарада забавляла Сара. Кроме того, он хотел понаблюдать за Сиануком вблизи, не раскрывая своего инкогнито. Он даже развлекался, наблюдая за своими подчиненными.

Салот Сар со своими подчиненными и гостями позировал для фотографов на фоне водопадов, лесных просек, ангкорских храмов и во время фольклорных представлений. Принц и его жена ходили в свежевыстиранных крестьянских костюмах. Войска восставших, на всякий случай переброшенные в северную зону, были строжайше проинструктированы, не вступать в разговоры с Сиануком в неформальной обстановке. Впоследствии принц пожаловался на то, что во время визита он был изолирован от своих «детей».[170]

Сложно представить, что скрывалось за всеми этими

улыбками, объятиями и позированием перед фотокамерами. Сианук находился не в том положении, чтобы задавать какие-то прощупывающие вопросы. Руководители партии не горели желанием делиться с ним своей социальной программой и называть имена партийных функционеров. Опасаясь связей Сианука, разговаривали в основном о дипломатических аспектах войны. Позже Сианук, например, утверждал, будто Кхьё Самфан сказал ему, что вьетнамцы недавно «разорвали» союз с камбоджийскими коммунистами.

Чтобы представить освобожденные зоны в привлекательном виде, Салот Сар и его коллеги субсидировали концерты популярной музыки, призвали несколько монахов (или солдатов, переодетых монахами), чтобы принцу было с кем поболтать, разместили его в комфортабельном доме, который его жена назвала «нашим Белым домом в освобожденной зоне», и обращались с ним как с наносящим визит главой государства. Возможно, Сианук подозревал, что «Три призрака» являлись лишь ширмой, прикрывающей других, менее симпатичных ему людей. Он не верил красным кхмерам, когда те убеждали его в своей преданности и говорили, что народ Камбоджи сражается с его именем на устах. Но делал вид, будто принимает все за чистую монету. Что еще ему оставалось? Принц находился полностью в их руках. Этот визит Сианука окутан каким-то ореолом мрачности, как это чувствуется по оставшимся фотографиям и фильмам. Все было ложно, за каждым словом приходилось следить. За исключением горстки остававшихся в тени лидеров, все остальные находились под наблюдением, подозрением и контролем. В этом смысле визит Сианука предвосхищал политическую атмосферу Демократической Кампучии.[171]

Подготовка к последнему штурму

После отъезда Сианука Салот Сар с головой ушел в решение военных вопросов. Военные операции приняли форму трех последовательных штурмовых атак в 1973,1974 и 1975 годах, нацеленных на захват Пномпеня. Первая атака, отраженная благодаря американским бомбардировкам, проходила под командованием Салот Сара. Последовавшее за этим нападение на Компонгчам также не увенчалось успехом. Обе атаки доказали, что камбоджийские коммунисты превратились в дисциплинированную боевую силу, способную причинить серьезный урон. Согласно подсчетам, в распоряжении коммунистов находилось примерно шестьдесят тысяч

вооруженных мужчин и женщин.

Первое наступление было драматичным и дорого обошлось восставшим. В мае — июле 1973 года их войска ринулись вперед, подталкиваемые мечтой освободить Пномпень и разгромить Соединенные Штаты. Потери, которые понесли коммунисты, главным образом, в результате американских бомбежек, были самыми большими за всю войну. Одной из причин выбора подобной стратегии могло стать желание Сара ошеломить вьетнамцев, захватив Пномпень до освобождения Сайгона. Однако это лишь домыслы. Наверняка известно, что в мае 1973 года число зафиксированных «военных столкновений» достигло своего пика. Большая их часть произошла вблизи столицы. В июле американские самолеты Б-52, вылетевшие с острова Гуам, и истребители-бомбардировщики Ф-111, вылетевшие из Таиланда, сбрасывали бомбы на цели, расположенные в менее чем пятнадцати милях от Пномпеня. Территория вокруг города была вся изрыта снарядами. Под прикрытием с воздуха войска Лон Нола сражались довольно хорошо. Воздушные налеты могли продолжаться месяцами, однако они были остановлены по решению Конгресса: конгрессменов ужаснуло бессмысленное разрушение, к тому же они откликнулись на антивоенные настроения в США. После прекращения бомбардировок и наступления сезона дождей подразделения повстанцев, осаждавшие столицу, отступили. Жителей Пномпеня охватила небольшая паника. По словам одного автора, «крушение Камбоджи», свидетелями которого стали десятки западных журналистов, «отсрочилось».[172]

Наступление на Компонгчам было предпринято, вероятно, затем, чтобы воспользоваться сложившимися обстоятельствами. Находившиеся неподалеку вьетнамские отряды ничем не помогли камбоджийским коммунистам. В какой-то момент войска красных кхмеров продвинулись на несколько сотен метров вглубь центра города. При отступлении они прихватили с собой несколько тысяч местных жителей, следуя обычаям войны, характерной Для доколониальной Юго-Восточной Азии, совпадавшим с их собственной политикой «истощения народонаселения, на которое опираются враги». Эти действия предвещали то, что армия красных кхмеров сделает в Пномпене и других крупных и мелких городах Республики в 1975 году.[173]

Отступление вьетнамцев в 1972–1973 годах усилило антивьетнамские настроения у камбоджийских коммунистов. В 1972 году Коммунистическая партия Камбоджи организовала демонстрации против вьетнамских войск в тех районах, где размещались последние. Иногда члены партии называли

вьетнамцев «врагом, переходящим из поколения в поколение». Насколько пристально за этой кампанией следил ЦК партии, определить невозможно, однако один из членов комитета, Та («Дедушка») Мок, военный секретарь на юго-западе страны, несомненно, являлся яростным противником вьетнамцев. Другие члены партии, в частности, начальник Мока Чоу Чет, занимали более умеренную позицию. С другой стороны, отступление вьетнамцев позволило камбоджийцам открыто критиковать их и казнить тех, кто обучался во Вьетнаме и не ушел вместе с вьетнамцами.[174]

20 мая 1973 года, в период, когда бомбардировки американцев усилились, во многих районах, контролировавшихся коммунистами, прошла коллективизация. Частная собственность была упразднена, а людей согнали в группы по несколько семей. Коллективизация должна была гарантировать достаточное количество продовольствия для военных сил восставших, внедрить социалистические институты и развивать независимый революционный стиль действий. Проводя социалистические мероприятия, красные кхмеры надеялись подчеркнуть резкое различие между штурмовыми атаками Китая и более осторожной политикой вьетнамцев.[175]

В начале 1974 года силы повстанцев перегруппировались и окружили Пномпень в ходе подготовки ко второй штурмовой атаке. Поскольку их больше не устрашала перспектива американских бомбардировок, коммунисты стали чаще атаковать город. Им не удалось захватить столицу — второе наступление закончилось в апреле 1974 года. Однако к концу года они перекрыли дорогу из Пномпеня в портовый город Компонгчам. Теперь снабжать столицу всем необходимым нужно было по воздуху или через Меконг. Конвои, сопровождавшие грузы по реке, обстреливались из артиллерийских орудий, минометов и стрелкового оружия.

Военные столкновения стали происходить еще чаще, чем в 1973 году, и войска республики сражались лучше, чем раньше. Обе стороны несли существенные потери. Восставшие столкнулись с плохим снабжением и ослаблением политической поддержки в тех районах, где они поспешно насаждали жестокие программы социального контроля. Как и бомбардировки американцев в 1973 году, эти программы заставили тысячи сельских жителей искать пристанища в Пномпене. К концу года население столицы превысило два миллиона человек.

Двадцать третья годовщина основания Коммунистической партии Камбоджи праздновалась 30 сентября 1974 года в городе Амлеанг (провинция Кандал). За торжественной встречей,

проводившейся по этому поводу, наблюдал шпион, подосланный правительством Лон Нола. Его рукописный отчет всплыл в 1980 году; он был найден в бывшем центре допросов, принадлежавшем красным кхмерам и известном как Туолсленг. Это донесение вызывает интерес по двум причинам. Во-первых, там утверждается, что Салот Сар (названный «секретарем партии») посетил торжество, однако, по-видимому, не выступал там. Главное обращение было озвучено Хоу Йоуном. Он писал историю партии и назвал ее предшественниками Демократическую партию и движение Иссарак, а не сопротивление французам, которым руководили вьетнамцы.

Во-вторых, список присутствовавших на праздничной встрече указывает на то, какими уверенными стали красные кхмеры к сентябрю 1974 года: члены Центрального Комитета и несколько военных командиров посетили полуоткрытую встречу в двадцати милях от Пномпеня! Учебно-подготовительное заседание, куда были приглашены лишь члены партии, в донесении не упоминается, возможно, потому, что агент республики не смог туда попасть.[176]

Вскоре после празднования годовщины Салот Сар сильно заболел: «половина тела онемела», как впоследствии писал Чхим Самаук, «онемела и одна сторона лица, у него озноб». Так продолжалось несколько дней. Самаук снова выходил Сара, как и в 1966 году. Пока Сар находился у власти, он болел по несколько раз в год, страдая от приступов малярии и кишечных расстройств.[177]

В 1974 году красные кхмеры распространили пересмотренную и исправленную историю своей партии. Большая часть текста не отличалась от предыдущего варианта, захваченного солдатами Лон Нола в 1973 году. Впрочем, отражая растущее отчуждение между Коммунистической партией Камбоджи и Вьетнамом, в новом документе умалялось значение периода, прошедшего под влиянием вьетнамцев. Ссылки на Ту Самута и Сьё Хенга, а также на Маркса и Ленина были пропущены. В пересмотренном издании подчеркивалась самостоятельность камбоджийской революции — тема, часто возникавшая в годы пребывания партии у власти. Интересно, что о времени, проведенном Салот Саром на Базе 100, во Вьетнаме и в Китае, когда революция в Камбодже как раз застопорилась, не упоминалось в обоих изданиях, однако «уроки», завершавшие оба документа, звучат одинаково. Задачи, на выполнение которых должна вдохновлять история партии, остаются неизменными: организовывать, обучать, пробуждать политическое сознание, выбирать хороших вождей и т. д.[178]

Ближе к концу 1974 года Чоу Чет, секретарь юго-западной зоны, встретился с Салот Саром в сельской провинции Компонгчхнанг, где тот координировал планы третьей штурмовой атаки, намеченной на 1975 год. В 1977 году Пол Пот объявил, что решение об этом последнем наступлении Центральный Комитет принял на заседании в июне 1974 года. «Мы отважились на это наступление, — писал Пол Пот, — потому что полностью контролировали и ситуацию противника, и свою собственную». Другими словами, правительство Лон Нола валилось с ног от усталости, а американцы ушли. Вскоре после своей победы Пол Пот расхвастался, сказав, что «ни один человек в целом мире не верил в нас. Все твердили, что нападение на Пномпень станет нелегким делом, что атака на американских империалистов — задача трудная; нам не хватало оружия и боеприпасов. Никому и в голову не приходило, что мы можем это сделать».[179]

Последний штурм был запланирован на сухой период 1975 года. В конце 1974 года Сар посетил воинские подразделения, чтобы «проследить за подготовкой и размещением войск» перед наступлением.[180] Его стратегия всегда была нацелена на то, чтобы сначала изолировать Пномпень и лишь потом добить противника. В 1975 году сложились подходящие условия для выполнения этого замысла. К концу 1974 года все дороги, ведущие к столице, были перерезаны, и в ночь на 1 января силы повстанцев начали обстрел города. Республиканские войска, находившиеся на восточном берегу Меконга, вскоре отступили в Пномпень. В этом же месяце восставшие привезли из Китая плавучие мины и запустили их в Меконг. После затопления нескольких кораблей правительство запретило судоходство по этой реке. Тогда Сар сказал своим отрядам, что «существует возможность одержать полную победу над врагом».

Примерно в это же время Центральный Комитет решил, какие действия предпримут коммунисты после победы. Самое важное мероприятие заключалось в эвакуации населения Пномпеня и всех других городов, находившихся под контролем республики. Городских жителей, число которых превышало два миллиона человек, предполагалось переселить в сельскую местность, где они не представляли бы угрозы для партии и, теоретически, могли заняться производительным трудом. Подобное рассредоточение «врагов» поражало своей простотой. Тогда же ЦК решил отменить деньги, рыночные отношения и частную собственность по всей стране. Членов партии известили об этих решениях лишь накануне последнего штурма.[181]

В феврале и марте американские грузовые самолеты еще доставляли в столицу Камбоджи рис и боеприпасы, однако в

конце марта Пномпеньский аэродром попал под ракетный и артиллерийский обстрел, и воздушное сообщение прекратилось. Несмотря на лоббирование преемника Никсона Джеральда Форда, американский Конгресс отказался оказывать дальнейшую помощь Кхмерской республике. Попытки в последний момент сблизиться с Сианук тоже провалились. В начале апреля удрученный Лон Нол сбежал из столицы.[182] Несколько дней спустя на вертолетах были эвакуированы американский посол Джон Гюнтер Дин, персонал посольства и иностранцы, пожелавшие покинуть Пномпень. Чуть больше чем за два часа 276 человек, 82 из которых были американцами, уехали из столицы. Для Салот Сара и его сторонников, стоявших на подступах к городу, эта эвакуация не означала отъезд остатков американской миссии; нет, она символизировала окончательное поражение «самой крупной, самой губительной империалистической державы в мире», причем нанесенное красными кхмерами. Руководители Коммунистической партии Камбоджи отнесли победу за счет своего мастерства, жертвенности, силы, скрытой усталости американцев, помощи вьетнамцев и неизлечимой болезни Кхмерской республики.[183]

17 апреля войска камбоджийских коммунистов — тяжело вооруженные, молчаливые и, что тревожило, с огромным числом молодежи — появились на бульварах Пномпеня и собрались в центре города. Горожанам, заполонившим улицы, чтобы приветствовать коммунистов, красные кхмеры казались пришельцами с другой планеты. Победители, в свою очередь, смотрели на городских жителей с затаенным презрением, ведь они были «врагами» *(кхманг)* и «капиталистами»*(най тун),* отказавшимися присоединиться к революции. В течение двадцати четырех часов молодые бойцы приказали всем жителям Пномпеня покинуть город.

Красные кхмеры считали, что победа принадлежала армии, партии, а также рабочим и крестьянам. Те, кто не внес в это вклад, были объявлены врагами. После победы им не могло быть пощады. О моральной стороне дела никто не помышлял. Тех, кто приветствовал победу коммунистов, подобная политика целенаправленной ненависти привела в замешательство. Большинство жителей Пномпеня составляли сильно нуждавшиеся беженцы из деревень. Они были готовы помогать красным кхмерам. Теперь, когда война закончилась, все жаждали мудрого руководства и справедливости. Однако, как в 1977 году заявил Пол Пот, победа была обеспечена «классовой и национальной ненавистью», а не перспективой строительства справедливого и счастливого общества. Исходя из этих представлений, ненависть

следовало поддерживать, а с врагами обращаться так, как они того заслуживали. Неожиданно они превратились в «новых людей», или «людей 17 апреля». Это означало, что они сделались париями безо всяких привилегий и прав.

Салот Сар, творец штурма Пномпеня, не появлялся в городе в течение недели после захвата, пока люди, которые могли его узнать, не были отосланы с глаз долой. Из всех решений, принимавшихся камбоджийским правительством за последние 30 лет, решение о принудительной эвакуации городского населения имело самые серьезные последствия. Для руководителей красных кхмеров это стало не столько жестоким и необдуманным мероприятием, сколько демонстрацией независимости и продолжением победоносной кампании. С этого момента в Камбодже запрещалась всякая иностранная продовольственная помощь. Нуждавшиеся люди отказались перейти на сторону победителей. В городе было полно людей, выступавших против революции. Им нельзя было доверять. Поэтому новой Камбодже предстояло начинать все с нуля, в опустевшем городе.

Последовавшие за этим события были описаны многими из тех, кому удалось остаться в живых. Сотни тысяч мужчин, женщин и детей выгнали из города и заставили плестись пешком. За несколько следующих недель тысячи из них умерли от потери сил, солнечных ожогов и голода. Особенно страдали старики и маленькие дети. В давке и неразберихе члены семей теряли друг друга, порой это было к лучшему. Через неделю в столице, Баттамбанге и в других городах, раньше контролировавшихся республикой, не осталось никого.

Салот Сар возвращается в Пномпень

Салот Сар появился в Пномпене 23 апреля, его прибытие держалось в тайне. На протяжении последних двенадцати лет он вел войну против этого города и всего, что он олицетворял. Победа, которую коммунисты стали называть «славным 17 апреля», подорвала авторитет Пномпеня. Должно быть, Салот Сар с трудом сдерживал восторг, пока объезжал столицу и видел тлеющий мусор, дохлых кошек, заброшенные магазины, опустевшие дома и безлюдные улицы. Он остановил империализм, пока тот еще не успел пустить глубокие корни. Он заставил американцев уйти. Два миллиона врагов революции были рассеяны по сельской местности. «Агенты ЦРУ» и «американские марионетки», скрывавшиеся среди врагов, были изгнаны. Впервые почти за двадцать лет никто больше не угрожал

Салот Сару. Его партия пришла к власти. Победа стала доказательством того, что тактика и стратегия, которой следовали коммунисты, верны. Но даже с учетом этого секретарь партии продолжал скрываться. На вокзале Сар устроил временный штаб и организовал оборону по всему периметру обезлюдевшего города.[184]

Сар не стал выяснять, что стало с его братом Лот Суонгом и женой брата Чеа Сами. По-видимому, уже с 1960 года они прекратили что-либо значить для него. Кроме того, у него накопились куда более важные дела. В свою очередь, Суонг и Сами ничего не знали о высоком положении Сара. Он исчез из города еще в 1963 году, и с тех пор о нем ничего не было слышно. 18 апреля вместе с сотнями тысяч других жителей Пномпеня они отправились в ссылку. Старший брат Сара, Салот Чхай, тоже был с ними. Больше месяца они шли пешком в восточном и северном направлениях. Условия были ужасными, и Чхай, как и многие другие изгнанники, умер в пути. Суонг и Сами добрались до своей родной провинции Компонгтом и стали заниматься там крестьянским трудом. Благодаря тому, что они не высовывались и скрывали свои дворцовые связи, им удалось выжить.[185]

Для Салот Сара апрель и май 1975 года пролетели, как один день, за бумажной работой, болезнью и официальными заграничными визитами. Осуществление власти требовало других талантов, чем те, что были необходимы для ее захвата. Однако Салот Сар верил, что штурмовые атаки и революционный пыл, которые привели его к победе, обеспечат ему такие же успехи и в мирное время. Он также считал, что для руководства государством, построенным с нуля, человеку требовались сверхчеловеческие способности. Должно быть, время от времени Сар улыбался, делая перерыв в работе. Однако многочисленные дела утомляли его. «Он работал целый день, — вспоминал впоследствии Чхим Самаук. — Обычно засиживался до одиннадцати или до двенадцати, а иногда и до часу ночи». Коммуникации находились в примитивном состоянии, и поставок не хватало. По словам Чоу Чета, «мухи летали повсюду; никто не знал, откуда бралась вода, которую мы использовали». Не хватало порой самого необходимого, в аппарате царила полная неразбериха.

Более того, Салот Сар и его соратники по-прежнему испытывали страх перед врагами. Они не доверяли «новым людям», иностранцам или кому бы то ни было, не входившему в партию. От напоминаний прошлого следовало избавляться. В мае 1975 года свыше ста офицеров республиканской армии было собрано в Баттамбанге. Им велели готовиться к возвращению

Сианука. Их загнали в грузовики, увезли в глушь и расстреляли. Та же участь ждала многих служащих Кхмерской республики, включая рядовых солдат. В других районах страны, особенно в восточных, тысячи бывших офицеров и чиновников были помещены в тюрьму и находились там больше года.[186]

Коммунистическое руководство беспокоили и другие проблемы. К примеру, армия красных кхмеров была по-прежнему раздроблена на региональные подразделения, централизованное управление ею еще не было установлено. Еще одной проблемой была неуверенность руководства относительно намерений Вьетнама и Таиланда. Вдобавок ко всему нужно было расселить и контролировать целых два миллиона «людей 17 апреля». Во многих сельских районах царил беспорядок, причем именно тогда, когда нужно было собирать урожай риса. Поразительно, как новый режим вообще выжил.

В мае 1975 года, американское грузовое судно «Маягез» было задержано камбоджийскими властями вблизи побережья Камбоджи и освобождено только после того, как американцы нанесли бомбовые удары по камбоджийским портам. Сар в то время был «полностью измотан головными болями, болями в ушах, руках и ногах; он не мог есть». Эта болезнь продолжалась «три-четыре дня»; когда Сар выздоровел, кризис с «Маягез» уже миновал.[187]

Вскоре после этого Сар приветствовал в Камбодже несколько сотен китайских специалистов, прибывших поддержать его режим. В конечном итоге, в Камбоджу приехало работать несколько тысяч китайцев, однако их пребывание в стране никогда открыто не признавалось. Сар также посетил Ханой. Он пробыл там «пять-шесть дней» вместе с Нуон Чеа, присутствие которого указывает на то, что в Ханое обсуждались партийные дела, равно как ситуация на границе, экономические отношения, договор о дружбе и отвод вьетнамских войск с территории Камбоджи. Сара сопровождал Чхим Самаук. На короткое время Сар вернулся в Пномпень, а затем отправился в Пекин, где его сфотографировали с Мао Цзэдуном и сказали, что Китай обеспечит Камбодже экономическую и военную помощь на сумму в один миллиард долларов. В то время ни о визитах Сара в Китай, ни о помощи китайцев в прессе не сообщалось. Из Китая Сар совершил непродолжительную поездку в Северную Корею. Там ему обещали военную помощь. По возвращении в Пекин он прошел курс лечения.[188]

До конца 1975 года Сианук оставался номинальным главой государства; однако партийные лидеры, никогда ему не доверявшие, не пытались вернуть его на родину. Под давлением

китайцев, которые хотели, чтобы с принцем обращались должным образом, в сентябре 1975 года красные кхмеры разрешили Сианука вернуться в Камбоджу. Какое-то недолгое время Сианук прилежно работал над предписанными ему протокольными заданиями. Через неделю после его прибытия вьетнамцы вновь открыли свое посольство в Пномпене. Возможно, назначение послом Вьетнама в Камбодже Фам Ван Ба, который двадцать два года назад ввел Салот Сара в Коммунистическую партию Индокитая, казалось вьетнамцам каким-то священнодействием. Сведений о реакции Пол Пота на появление в Камбодже человека, который в свое время был его руководителем, не сохранилось.[189]

У вьетнамцев были причины стремиться к примирению: в апреле-мае 1975 года камбоджийские подразделения атаковали и оккупировали несколько вьетнамских островов в Таиландском заливе. По-видимому, это было частью попытки пересмотреть морские границы Камбоджи и предъявить требования на нефтяные месторождения в береговой зоне. Вьетнамцы, ответившие захватом, по меньшей мере, одного камбоджийского острова, не хотели идти на территориальные уступки, но в то же время перспектива открытой конфронтации их не прельщала.[190]

В августе 1975 года Салот Сар в сопровождении небольшой группы партийных товарищей посетил бывшую военную мастерскую к западу от Пномпеня. Машинное оборудование здесь обслуживалось бывшими инженерами республиканской армии и несколькими китайско-кхмерскими ремесленниками — все они были «людьми 17 апреля» — набранными вскоре после освобождения благодаря опыту и навыкам. Политика такого набора действовала несколько месяцев. В 1989 году один из ремесленников красочно описал этот визит:

«Салот Сар вошел в мастерскую и попросил нас собраться вокруг него. Он спросил, есть ли у нас какие-нибудь идеи насчет создания и разработки новых машин. Он сказал, что, поскольку Камбоджа использует устаревшую технологию, у нас до сих пор нет новых машин. Он говорил медленно и показался нам прямым, честным и добрым человеком. Он держал в руке маленький веер, время от времени раскрывал его, обмахивался и складывал, словно персонаж из китайской оперы. Он говорил, расхаживая взад и вперед, обмахиваясь веером, — было так жарко! Он открывал и складывал веер [и указывал им на нас] вот так, для выразительности. На нем была простая черная одежда; никакого галстука или шарфа».[191]

Эти наблюдения перекликаются с отзывами людей, знавших Сара как учителя. Способ, которым представлялся Сар, — медленно произносимые слова, веер, полузакрытые глаза —

кажется театральным и фальшивым, словно под этой маской скрывается безнравственная личность. Считать так было бы ошибкой, поскольку подобное мнение не учитывает кхмерскую традицию спокойного авторитаризма, обнаруживающуюся в буддийской и светской манере преподавания, которая в сочетании с видимой теплотой Салот Сара/Пол Пота делала его таким привлекательным. Своим дружелюбным поведением и самообладанием он добивался уважения и вдохновенного повиновения. Его выступления перед небольшими группами людей зачастую звучат более резко, чем те, которые он произносил перед более многочисленными собраниями. Однако при этом никогда не создавалось впечатления, что он повышает голос или теряет самообладание. Тиоунн Мумм, часто видевший Сара в этот период, описал его, процитировав характеристику, которую Г. Аксельрод дал Ленину: «Он был революционером двадцать четыре часа в сутки, а когда спал, ему снилась революция».[192]

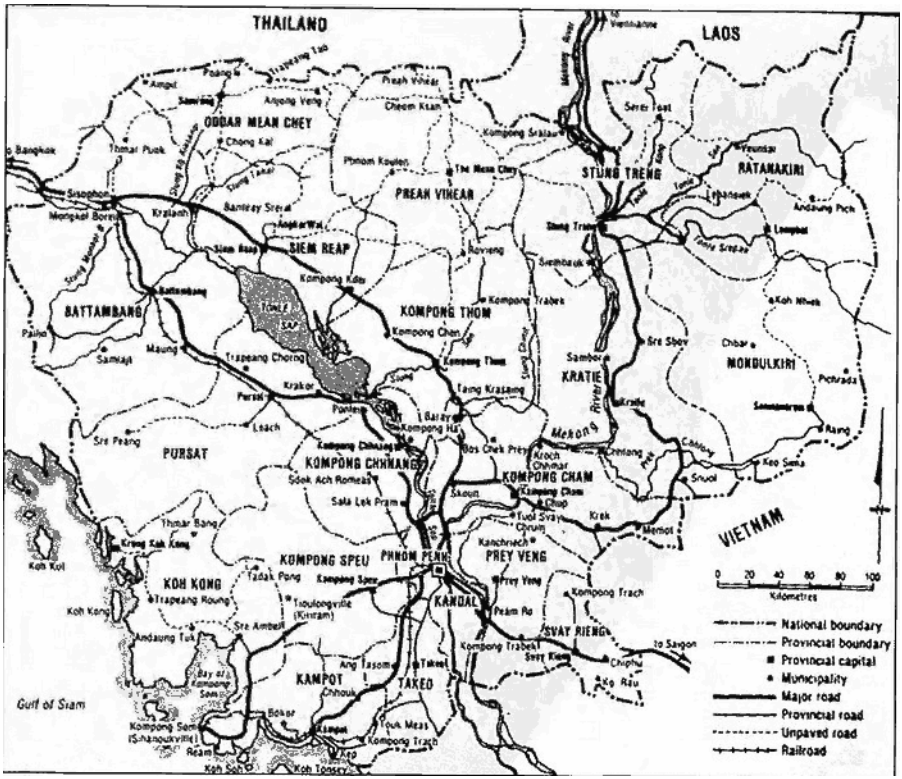
Создание Демократической Кампучии

Революционные движения плохо подходят на роль действующих режимов: революция — это болезненный и противоречивый процесс. В конце концов, революционные движения сосредотачиваются на захвате государств, а не на управлении ими; они ведут к войне. Революционерам, по большей части, недостает навыков, которые есть у управленцев, и они пренебрежительно относятся к «правительству». Эти препятствия, стоявшие на пути нормального управления страной, по сути, не помешали лидерам Камбоджи считать, что революционный задор и поражение, нанесенное американцам, были лучшими верительными грамотами, чем любой опыт государственной службы. Их настойчивое желание продолжать бой и поддерживать ненависть в сочетании с недостаточным опытом привело к гибельным последствиям.

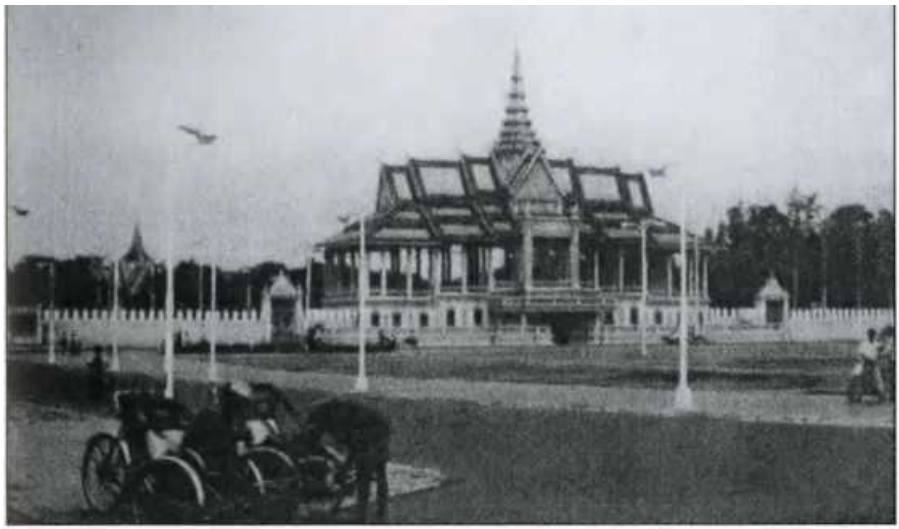
Коммунистам потребовалось больше года на формирование правительства. До этого они принимали секретные решения. Однако, к счастью, семнадцать важнейших документов этого периода все-таки дошли до нас. Это были протоколы заседаний постоянного партийного комитета, проводившихся с октября 1975 по июнь 1976 года. На тот момент было подготовлено лишь пять копий протоколов; в них отражено менее 10 % заседаний, состоявшихся за указанные восемь месяцев. Но даже с учетом этого ограничения протоколы позволяют бросить беглый взгляд

на крошечное руководство Камбоджи и пролить свет на его деятельность после освобождения Пномпеня.[193]

Пол Пот в Пномпене, декабрь 1978



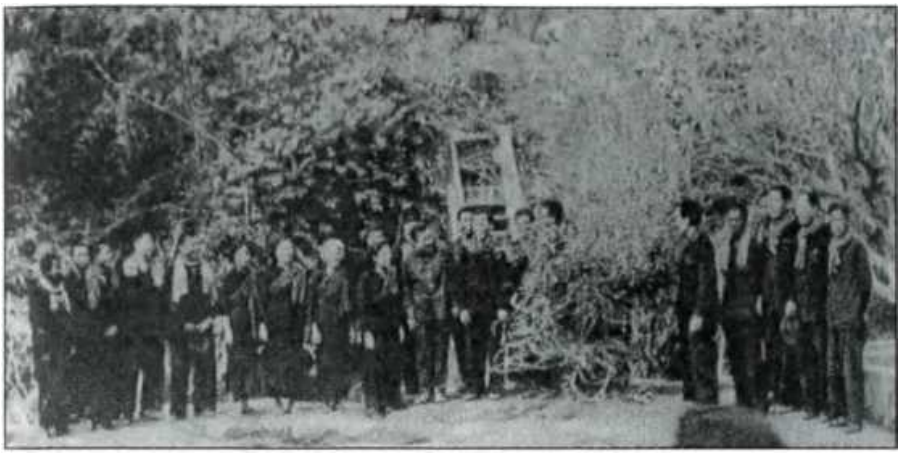
Камбоджа (карта)



Павильон Чан Чхая, Королевский дворец, Пномпень

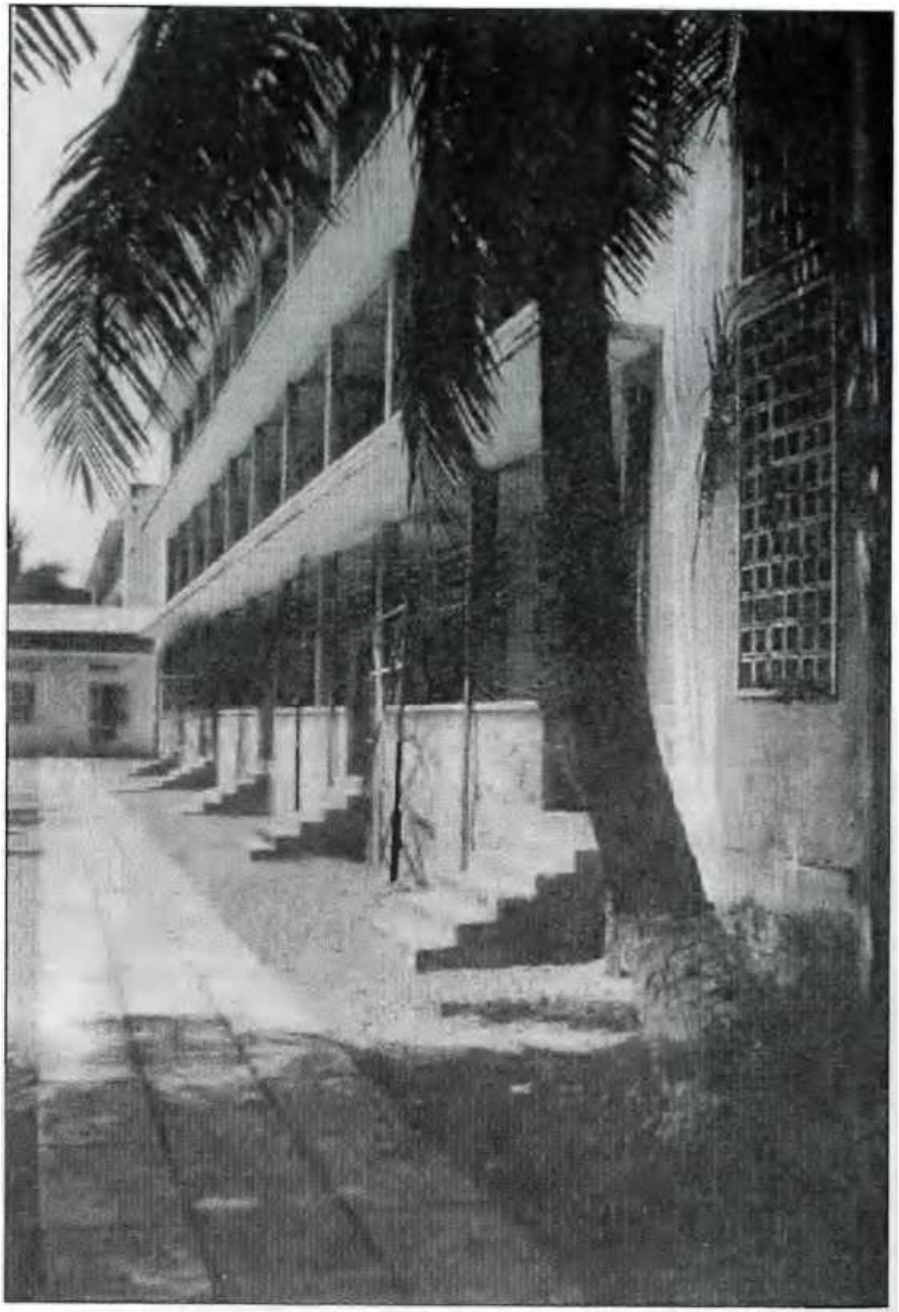
Памятник Независимости, Пномпень, 1971

Вид Пномпеня с воздуха, с бывшим Королевским дворцом на переднем плане, 1970

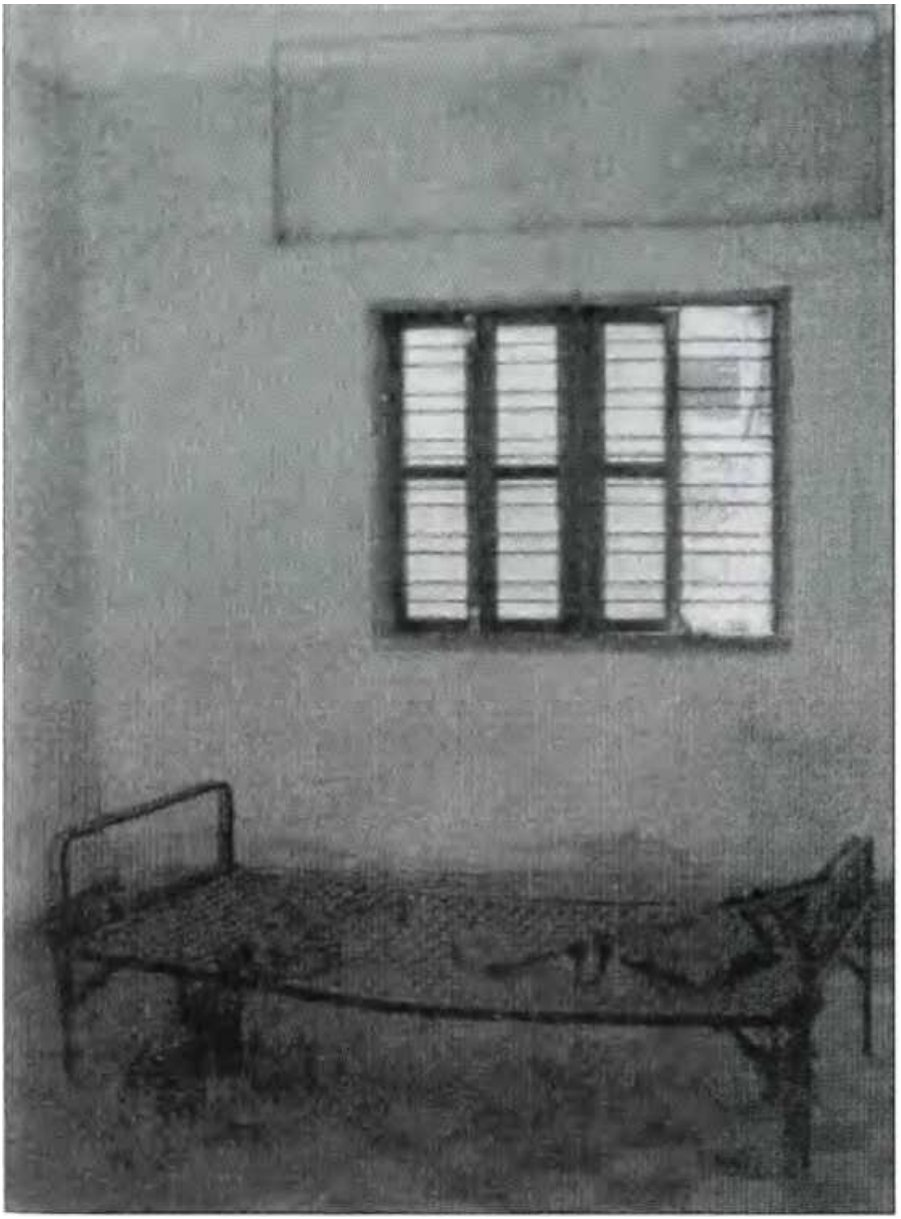


Пол Пот и его жена Кхьё Поннари с принцем Сианук в Пномкулене, Камбоджа, 1973

Пол Пот на театрализованном представлении для Сианука, 1973



Туолсленг



В помещении для допросов в Туолсленге

Пол Пот в Пекине в октябре 1977 с китайским премьером Хуа Гофеном

Пол Пот с китайской оперной труппой, Пекин,

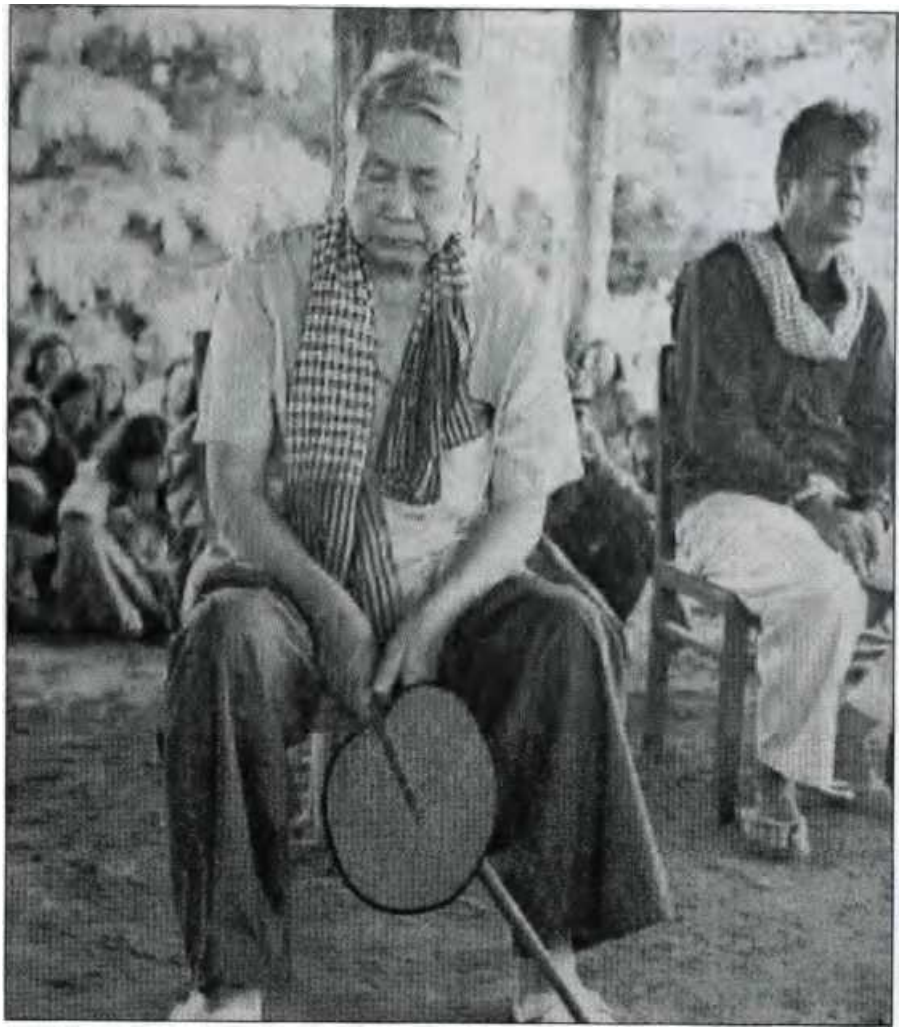
октябрь 1977

Пол Пот дает интервью, Таиланд, январь 1980

Пол Пот в Таиланде, начало 1980-х

Пол Пот на тайской границе, 1979

Пол Пота ведут к стулу во время суда над ним, который состоялся в камбоджийских джунглях 25 июля 1997



Пол Пот сидит и слушает, как его обвиняют в убийстве соотечественников

Пол Пот идет давать интервью в октябре 1997

Пол Пота уводят после интервью

Большая часть текстов звучала помпезно. В нескольких местах Салот Сар или один из его коллег говорили о неповторимости камбоджийской революции и выражали надежду на то, что более многочисленные нации будут учиться на революционном опыте Камбоджи. Причиной такого настроения стало отсутствие информации о внешнем мире. Сар и его соратники не читали газет и мало что знали о событиях за рубежом. Они подпитывались своими собственными документами, разговорами, радиопередачами и материалами других компартий. Поскольку в Камбодже революция победила, красные кхмеры полагали, что похожее произойдет и в других странах.

В вынесенной на заседание комитета 9 октября 1975 года повестке значились следующие пункты: «распределение заданий и рабочих дел», «повсеместные мероприятия» и «обсуждение ряда особых заданий». Коммунистическая партия, скрытая за вывеской Революционной Организации (именно под этим названием ее знали камбоджийцы) по-прежнему официально пряталась за Национальный фронт Сианука, которой якобы являлся главой государства. Целый набор разнообразных масок, подпольные

клички и тайные заседания защищали Салот Сара от обвинений простых людей. Члены партии, на которых были возложены новые обязанности, работали инкогнито. Сложная система скрывала реальное распределение государственных должностей, при помощи чего высокопоставленные члены партии разделили зоны патронажа и контроля.[194]

На одном из заседаний, состоявшихся в октябре 1975 года, одиннадцать мужчин и две женщины были назначены на должности, напоминавшие министерские. «Товарищ секретарь» Салот Сар стал отвечать за экономику и оборону; «товарищ заместитель секретаря» Нуон Чеа — за организационную работу в партии и сферу образования; Иенг Сари назначили заведовать иностранными делами, касавшимися как государства, так и партии. Кхьё Самфан остался осуществлять связь с Национальным фронтом, т. е. с Сианоуком. Ему также поручили следить за «бухгалтерской отчетностью и ценообразованием в торговле». Эта обязанность перекликалась с той должностью, которую он занимал в правительстве в 1960-е годы. Кой Туон стал ответственным за внутреннюю и внешнюю торговлю, а Сон Сен — командовать охраной и военным Генеральным штабом. Кроме того, новые назначения получили Ворн Вет (промышленность, железные дороги и рыболовство), Соё Ва Си (политические функции Центрального Комитета), Нон Суон (сельское хозяйство) и Чхим Самаук (премьер-министр). Сём Сон, впоследствии ставший послом в Северной Корее, отвечал за информационную секцию ЦК. Жена Иенг Сари, Кхьё Тирит, стала отвечать за социальное обеспечение, а жена Сон Сена, Юн Ят, — за культуру, образование и пропаганду.[195]

Похоже, революционеры распределили «министерские портфели» так, как это делалось до революции. Хотя восемь из этих тринадцати должностных лиц сохраняли свой авторитет в движении Пол Пота и в 1990-е годы, пятеро из них погибли в ходе чисток в 1976–1978 годах. Другими словами, Салот Сар/Пол Пот позаботился о том, чтобы примерно треть его кабинета была убрана в течение трех последующих лет, что указывает на неустойчивость его власти. Некоторые из убитых, например, Чхим Самаук и Ворн Вет, на протяжении многих лет были его ближайшими товарищами.

В остальных октябрьских протоколах обсуждалась роль наблюдателей, которую следовало сыграть членам постоянного комитета партии. В них подчеркивается необходимость «строить и защищать» *(косанг нунг капеа)* страну, необходимость организации национальной армии и отправки людей за границу для прохождения технического обучения. Хотя Вьетнам и Таиланд

в тексте не упоминались, в договорах акцентировалась важность защиты от нападения наземных и морских границ Камбоджи, а также защиты партии от врагов.[196]

Роль Сианука в рамках нового правительства была неясна; но пока китайцы поддерживали принца, красным кхмерам было трудно предпринимать против него какие-либо действия. Однако в январе 1976 года в Пекине после продолжительной болезни скончался самый давний покровитель Сианука — китайский премьер-министр Чжоу Эньлай. К тому моменту были обнародованы Конституция Демократической Кампучии и новые уставные документы партии, хотя новое правительство еще не приступило к работе. Сианук оказался в неопределенном положении.

В начале марта принц решает уйти в отставку, хотя его об этом не просили. Постоянный комитет собрался для того, чтобы решить его будущее. На том же заседании обсуждалась проблема «восточной границы». Интерес представляют два документа, отражающие это заседание.[197] Дискуссию о судьбе Сианука открыл Кхьё Самфан, сказав, что принц направил «организации» два письма на французском языке. В первом говорилось, что он уходит в отставку по состоянию здоровья, а в другом, адресованном камбоджийскому народу, его отставка датировалась 20 марта 1976 года, днем, на который были назначены выборы в национальный совещательный орган под названием Собрание народных представителей.

Добровольный жест Сианука, вероятно, направленный на то, чтобы угодить красным кхмерам, взбесил их вождя, который посчитал, что принц высокомерно отнесся к ним. «Комментарии Организации», последовавшие за выступлением Самфана, предоставляют редкостную возможность мельком увидеть невежливого «Брата Пола». Заявления об отставке, заявил Сар, бессмысленны. В конце концов, «Сианук не сейчас уходит в отставку; он уже сделал это в 1971 году», т. е. тогда, когда Иенг Сари отправился в Пекин наблюдать за принцем. Сар видел две причины отстранить Сианука от должности. Первая заключалась в «классовых противоречиях между ним, его женой и революцией». «Он не может жить с нами», — сказал Салот Сар. Во-вторых, присутствие принца неизменно мешало красным кхмерам. По словам Сара, партия больше не нуждалась в Сиануке, и принц сам понимал, что с ним все «кончено». С другой стороны, размышлял Сар, если держать принца в Пномпене, то таким образом можно проучить вьетнамцев, «которые говорят нам, что мы леваки». Если Сианук покинет страну по собственному желанию, продолжал Сар, это может «привести в замешательство

китайцев», но если он останется, на его жалобы можно еще целый месяц не обращать внимания. Все-таки принц был «патриотом», решил Сар. Сар предложил, чтобы Самфан встретился с Сианук. При личной встрече его можно было притворно похвалить, велеть забрать прошение об отставке и не возобновлять его до тех пор, пока не потребуется. Партии было важно, чтобы принц хранил молчание.

Спустя два дня Самфан сообщил, что Сианук «ползал на коленях и умолял» позволить ему уйти в отставку, утверждая, что и не думал своими добровольно написанными письмами сбивать организацию с толку. Принц был напуган. Предвкушая победу, Салот Сар предложил не разрешать Сианук выезд из страны. Вместо этого Совет министров Национального фронта должен был ратифицировать его отставку. От принца потребуется сделать заявление о том, что он поддерживает режим, и эти слова будут записаны на магнитофон. Сианук был «старым тигром, все еще нагоняющим на кого-то страх», признал Сар, но раз уж он присоединился к революции, убивать его не стоило. Сианук вышел в отставку 2 апреля 1976 года. Последующие тридцать три месяца он провел под домашним арестом на территории Королевского дворца в Пномпене.[198]

Между заседаниями по поводу участи Сианука постоянный комитет собирался и для обсуждения Вьетнама, войска которого все еще оккупировали территорию Камбоджи на северо-востоке. Руководителей партии расстраивали не юридические последствия вторжений вьетнамцев для ситуации с границами (которые, как утверждали вьетнамцы, были проведены «империалистами»), а тот факт, что вьетнамцы постоянно проникали на территорию Камбоджи. Лаосский прецедент («Вьетнам контролировал революцию в Лаосе и захватил его территорию; мы получили много уроков от Лаоса») обескуражил кхмеров, однако тогда все же сохранился хрупкий мир.[199]

Один из выступавших на этом заседании отметил, что Сианук спутался с Францией, Соединенными Штатами и Китаем и был «не способен отдалиться» *(дохминруок)*. То же самое относилось и к Камбодже после освобождения («мы еще не отдалились»), хотя ее руководитель, с которым она была связана (возможно, Вьетнам), не был назван. Чтобы решить эту проблему, сказал докладчик, Камбодже нужно было искать собственных сателлитов, «в Африке, например. Немного погодя мы станем гораздо сильнее, и революция в Юго-Восточной Азии — тоже. Мы можем решить эту проблему [Вьетнама]. Если революция в Юго-Восточной Азии окажется успешной, мы сможем бороться [за лидерство?]. Наши друзья понимают нас. Они помогают нам.

Если мы будем действовать правильно, то сможем оказывать влияние на страны, которым не хватает достижений нашей Партии». Под «друзьями» в этой фантазии подразумевались те люди в Китае и Северной Корее, которые поддерживали ускоренные, независимые революционные войны в Таиланде, Бирме и Малайзии. В случае их победы, а Сар свято в это верил, Вьетнам был бы окружен. В противном случае Вьетнам занял бы господствующее положение в регионе. К счастью, «в этот момент», сказал Салот Сар, «Вьетнам очень озадачен», и поэтому по тропе революции Камбоджа «двигалась быстрее» Вьетнама. Оптимистические представления Сара насчет коммунистического движения в других странах Юго-Восточной Азии показывают, насколько скудную информацию он получал со своими соратниками. В их руки попадал лишь материал, созданный коммунистами, в котором говорилось о том, что вся Юго-Восточная Азия, как и остальной мир, находилась на пути к революции. На самом деле коммунистические движения, на поддержку которых Салот Сар, по-видимому, рассчитывал, были слабыми, плохо организованными и изолированными от мира вооруженными силами тех режимов, которые они безнадежно хотели свергнуть.

Появление Пол Пота

За несколько дней до этих дискуссий Центральный Комитет партии собрался обсудить выборы в Собрание народных представителей. Салот Сар отметил, что, хотя за образец принимались выборы в капиталистических странах, выборы в Камбодже проводились, главным образом, для того, чтобы «враги не могли воспользоваться преимуществами против нас». Выборы организовывались для мирового сообщества. Ни о какой пользе, которую они могли принести народу,[200] не упоминалось.

«Людям 17 апреля» голосовать не разрешалось. Все 250 кандидатов проходили по спискам от крестьян, солдат и рабочих, а не от конкретных районов. Профессиональная принадлежность некоторых кандидатов просто озадачивала. Так, например, Кхьё Тирит и Юн Ят назвались «работницами с пномпеньского завода». «Работников с каучуковых плантаций» представляла еще одна неясная фигура — Пол Пот, который вскоре будет назван премьер-министром Демократической Кампучии.

Хотя известно, что Салот Сар прибегал к псевдониму «Пол» еще в 1950-х и снова начал им пользоваться в 1975 году на заседаниях ЦК, никаких указаний на добавление «Пот» до 1976

года не обнаруживается. Так что первое публичное появление «Пол Пота» произошло в ходе объявления имен кандидатов. Насколько его товарищи по партии оказались готовы к появлению нового человека и к исчезновению Салот Сара, остается неясным. В Париже старый друг Пол Пота Тиоунн Празит сообщил сторонникам нового режима, что «Пол Пот» родился на границе Камбоджи с Вьетнамом, сражался с японцами и работал на Мемотской каучуковой плантации. Хотя и заманчиво рассматривать это объяснение как попытку сбить людей столку, возможно, Празит, не располагая более полной информацией, просто сфабриковал биографию Пол Пота. Более вероятно, что ему рассказали эту «легенду», скрыв реальные сведения. В этом случае интригует тот факт, что Сар решил особо не распространяться о подробностях своей жизни — например, о времени, проведенном на восточной границе в 1953–1954 годах, о тех двух годах, когда он был полузаложником вьетнамцев на Базе 100, находившейся поблизости от Мемотской плантации, — и в то же время скрыл свое настоящее имя и деятельность в качестве лидера Коммунистической партии Камбоджи. Возможно, новое имя было взято для того, чтобы провести своеобразный ритуал, отражавший изменение статуса. В 1977 году посол Камбоджи в Пекине сказал одному из посетителей, что «товарищ Пот всегда пользовался этим именем; товарищ Салот Сар погиб на войне». [201]

Это непостижимо, но характерно для Салот Сара — прибегать к псевдониму как раз тогда, когда можно было ожидать, что он выйдет на публику под своим именем или под каким-нибудь псевдонимом, который будет известен обычным людям (как «Хо Ши Мин», например). Ни один из других членов правительства не взял себе новое имя, хотя свои настоящие имена они тоже не разглашали.

Возможно, любовь Пол Пота к анонимности проистекала из осознанного желания создать непритязательный и незапятнанный образ, подобно образам Сталина и Хо Ши Мина, которые ради революции отказались от всего, включая прошлую жизнь. «Пол Пот» был олицетворением революции, это было революционное имя (как «Хо» или «Сталин») без индивидуального прошлого.

Собрание народных представителей сформировалось в середине апреля 1976 года. Оно утвердило новое правительство Демократической Кампучии и разошлось на неопределенный срок.[202]

Приступив к управлению Демократической Кампучией, Пол Пот ощущал себя так, словно выполнил свое предназначение. Он получил все, о чем мечтал, когда в 1952 году стал коммунистом.

Возможно, он чувствовал себя непобедимым; кроме того, его могло страшить то, что ждало его впереди. Безусловно, он достиг предела своих способностей, служивших ему верой и правдой, пока он имел дело с небольшими группами людей, которые, как и он сам, мало читали и не обладали опытом в управлении и налаживании промышленности. Тем не менее Пол Пот и его товарищи по коллективному руководству с энтузиазмом принялись за осуществление программы по преобразованию своей страны. В апреле 1976 года бедствия, которые обрушатся на коммунистический режим и миллионы кхмеров, еще не заявили о себе.

Глава 6
Степной пожар, 1976–1977

Лишь немногие из оставшихся в живых свидетелей 1975–1979 годов сегодня называют это время периодом «Демократической Кампучии». Вместо этого они говорят о *самай а-Пот* («эпохе презренного Пота»), постфактум придавая этому периоду личностный оттенок. Важно оценивать эту тенденцию персонификации периода правления Пота вместе с его собственными попытками обезличить свое руководство партией. [203]

В 1976–1977 годах Пол Пот был в основном озабочен сохранением власти, что предполагало некоторые изменения в той тактике, которая помогла ему свергнуть Кхмерскую республику. Вместе с тем он остался таким же подозрительным и даже после победы считал, что враги повсюду. Действовать открыто, думал он, означало подвергнуть себя опасности. Его было невозможно застать врасплох, сидящим без дела. В документах ДК мы не видим даже намека на какие-либо неформальные аргументы Пол Пота, застольные беседы или обрывки его разговоров. Протоколы заседаний постоянного комитета, которые помогают осветить 1975 и первую половину 1976 года, после этого времени оказываются недоступными. После сентября 1976 года Пол Пот и его коллеги все больше начинают опасаться заговоров против себя. В ответ они становятся еще более труднодоступными.[204]

Как и прежде, Пол Пот демонстрировал непревзойденное мастерство в общении с небольшими группами людей, однако младшие по званию соратники теперь встречались с ним гораздо реже. После победы коммунистов «Брат Пол» стал премьер-министром. Несмотря на все разговоры о коллективизме в Камбодже, эта победа сделала его «Братом номер один». С точки зрения коммунистов, победа доказала правоту Пол Пота, сточки зрения же буддистов, его теперешнее положение соответствовало заслугам. С какой стороны ни посмотри, авторитет Пол Пота вырос, и до него стало труднее добраться.

Секретность по-прежнему привлекала Пол Пота. Кроме того, она рассматривалась как неотъемлемая часть партийной жизни. Нуон Чеа разъяснил это марксистско-ленинской делегации издании, посетившей Пномпень в 1978 году. Искренность Чеа можно объяснить тем, что он считал этот разговор конфиденциальным и никак не ожидал, что его замечания на эту

тему будут опубликованы. «Секретная работа, — сказал он, — является существенным условием всего, что мы делаем. К примеру, назначение товарищей на руководящую работу проводится втайне. Сведения о том, где живут наши руководители, не разглашаются… Пока существует классовая борьба и империализм, секретная работа будет оставаться основной. Лишь благодаря секретности мы сможем сохранять контроль над ситуацией и одержать победу над врагами, которые не смогут выяснить, кто есть кто».[205]

В 1976–1977 годах Пол Пот занимался, главным образом, разработкой «Четырехлетнего плана строительства социализма во всех областях» и чистки рядов партии от «врагов», которая большей частью происходила в партийном центре допросов, известном под названием S-21. Эти программы совпадали с приоритетной целью Пол Пота «строить и защищать страну». Для строительства страны было важно нести ответственность за ее экономическое развитие; чтобы ее оборонять надо было уничтожить врагов государства. Впоследствии в неровных результатах своего всеобъемлющего, радикального Четырехлетнего плана Пол Пот обвинял «врагов», как сделали Сталин и Мао Цзэдун, когда с реализацией их грандиозных планов экономического развития возникли проблемы. Более того, скорость, с которой этот план приводился в действие в Камбодже, напрямую соотносилась с крайней необходимостью нанести поражение «врагам» до того, как они смогут заняться саботажем. Как говорил Пол Пот, «враги атакуют и мучают нас. С востока и запада они настойчиво продолжают наносить удары и беспокоить нас. Если мы окажемся медлительными и слабыми, нам не поздоровится».[206]

План и чистки были также связаны с усилившейся конфронтацией Камбоджи с Вьетнамом. Этот тлеющий конфликт, подогревавшийся вылазками камбоджийцев на территорию Вьетнама в 1975–1976 годах, разразился в апреле 1977 года и привел к последовательным вторжениям вьетнамцев. Противоположные доказательства указывают на то, что Пол Пот, всегда относившийся к Вьетнаму с недоверием, не хотел полномасштабной войны и надеялся, что Вьетнам оставит Камбоджу в покое. Однако в противоборство с Вьетнамом Пол Пота все-таки втянули военные командиры, непримиримая позиция вьетнамцев относительно проблемы границ (совпадавшая с непримиримостью самого Пол Пота) и его покровители в Пекине, считавшие Вьетнам сателлитом Советского Союза, этаким бельмом на глазу и неблагодарным подчиненным. Надвигавшиеся военные действия, равно как и дефекты плана,

помешали его воплощению в жизнь и усилили чистки. В 1976–1977 годах Пол Пот рассматривал этот план и чистки как лучший способ строительства общества, способного противостоять вьетнамцам.

Четырехлетний план

21 августа 1976 года Пол Пот созвал заседание «партийного центра» (Центрального Комитета), чтобы представить Четырехлетний план строительства социализма в сфере сельского хозяйства, промышленности, здравоохранения и социального обеспечения, образования и т. д. Вступление плана в действие было намечено на начало 1977 года. На самом деле он вступил в силу на «заседании по сельскому хозяйству» в конце 1975 года, которое состоялось после консультаций партийного центра и различных зон. Об этом вновь заговорили на более длительном заседании, собранном в конце июля. В обоих случаях Пол Пот представил план как свершившийся факт; вопрос об обеспечении либо обсуждался приглушенно, либо не обсуждался вовсе.

По сути дела, план был нацелен на построение социализма в Камбодже за четыре года. Для этого предполагалось провести коллективизацию сельского хозяйства и промышленности, а также расходовать средства, вырученные от экспорта сельскохозяйственной продукции, на финансирование сельскохозяйственного производства, легкой и, в конечном итоге, тяжелой промышленности. По иронии судьбы, накопление капитала должно было происходить в обществе, где деньги, рынок и частная собственность были отменены.

В плане воплотились четыре навязчивых идеи Пол Пота: коллективизм, революционная воля, автаркия и переход власти к беднякам. Пол Пот рассматривал этот документ как средство, при помощи которого Камбоджа могла ускоренным путем прийти к социализму. Невыполнимость и абсурдность большей части предложений, содержавшихся в плане, отражают слепую веру в возможность успеха тех, кто этот план составлял. Когда эгоцентричный режим в Камбодже стал ускоренным образом добиваться выполнения показателей плана, это привело к гибели десятков тысяч граждан. В борьбе за выполнение плановых показателей низшие партийные кадры и должностные лица, опасавшиеся репрессий, требовали невыполнимого от подчиненных — людей, от имени которых революция якобы и проводилась.

План был рассчитан на основе данных 1960-х годов. Его

составители не обратили внимания ни на демографические и экологические изменения, произошедшие с той поры, ни на разрушения, которые принесла с собой гражданская война. План никак не был связан с длительными исследованиями. Вместо этого он отражал замечание одного камбоджийского чиновника, сделанное им в конце 1975 года: «Когда у народа пробуждается политическое сознание, он может сделать все что угодно… Наши инженеры не в состоянии сделать то, что способен сотворить народ». Создатели плана считали, что достижение плановых показателей станет легким делом для народа, который расправился с американским империализмом. Одна «штурмовая атака» была не хуже другой.[207]

После апреля 1975 года камбоджийцев неоднократно побуждали «строить и защищать»*(косангнунгкапеа)* свою страну. Слово «независимость» *(аекареач)* часто употреблялось вместе со словом «господство» *(мочас-кар),* чтобы выразить национальный идеал. Для десятков тысяч молодых камбоджийцев понятия «независимость-господство», обозначавшие ответственность за будущее и отказ от прошлого, несомненно, были привлекательны. Также их волновало чувство собственного достоинства и значимости, новое для Камбоджи. После такой сокрушительной победы Камбоджа стала неповторимой, и иностранные модели развития ей не подходили. Беседуя с лаосской делегацией в декабре 1975 года, Иенг Сари точно заметил: «В настоящее время наш камбоджийский народ сам правит своей судьбой, твердо удерживая в своих руках революционное управление и строительство нового общества». Преимущество Камбоджи по сравнению с Лаосом, тесно связанным с Вьетнамом и вьетнамским коммунизмом, было яснее ясного.[208]

По мнению Пол Пота, «независимость-господство» должно было вырасти из экономической самостоятельности. Как ему представлялось, экономическую независимость Камбоджа обретет, зарабатывая иностранную валюту на экспорте сельскохозяйственной продукции. Циникам такой подход мог показаться чем-то сродни поборам в колониально-зависимой стране, где отсутствовали материальные стимулы. Разница заключалась в том, что эти сделки должны были обогащать не угнетателей, а бедняков и безземельное крестьянство, которые превратились в хозяев страны. Поскольку денежное обращение было отменено, вся иностранная валюта, как считалось, будет напрямую приносить пользу народу. «Остатки капитализма» (и неравенства) не выживут без денежного обращения.[209]

Пол Пот хотел запустить этот процесс немедленно. Позволить экономике бесконтрольно развиваться в течение года, считал Пол

Пот, означало возродить капитализм, а этого допускать нельзя. В преамбуле к плану он отмел возможные возражения, в том числе и те, которые касались выгод более медленного развития, заявив: «Мы намерены быстро возродить страну и построить социализм — тоже». Камбоджа была несопоставима с более осторожными государствами. «У нас иной характер, — сказал Пол Пот. — Мы движемся быстрее».[210]

Тем не менее на пути достижения «независимости-господства» возникло много препятствий. Камбоджа не располагала экспортными минералами, у нее было мало квалифицированных рабочих и еще меньше технократов, кроме того, промышленный сектор находился в зачаточном состоянии. Экспорт ограничивался сельскохозяйственной продукцией. Самым важным экспортируемым продуктом был рис. Он стал ключевым моментом Четырехлетнего плана. Пол Пот придавал этому злаку почти метафизическую ценность, тесно связывая его с недавно наделенными властью сельскими бедняками. Еще до обнародования плана партия запустила в массы лозунг «Три тонны [необрушенного риса, риса-сырца] с гектара», который вскоре превратился в национальную идею. Сам лозунг, хотя это и не признавалось, перекликался с кампанией, запущенной в Китае вице-премьером Хуа Гофеном ближе к концу 1975 года. Цифра в три тонны с гектара указывает на то, что руководители Камбоджи еще не выработали собственных сельскохозяйственных лозунгов и политики — то, что было достаточно хорошо для Китая, должно подойти и Камбодже.

Эта спешка и необдуманность неудивительны. Едва ли кто-нибудь из лидеров партии когда-либо выращивал, пересаживал и собирал рис, чтобы прокормить семью. Хотя они и знали, что три тонны с гектара нельзя собрать в ходе несогласованных «штурмовых атак», даже для запланированных показателей эта цифра была нереально завышена. До 1970 года на полях Камбоджи в среднем собирали меньше тонны риса-сырца с гектара. Большая часть этого риса была посредственного качества и выращивалась на семейных наделах без удобрений и применения машинной техники. Лозунг партии требовал, чтобы средний урожай в Камбодже увеличился втрое, причем не за счет более развитой технологи или материальных стимулов, а как свидетельство коллективной революционной воли народа и переключения военного рвения на экономическую сферу. «Сможем мы выполнить План или нет? — задавал Пол Пот риторический вопрос. — Ответ состоит в том, что мы сможем выполнить его по всем статьям *и доказательством этому* служит наше политическое движение» (курсив добавлен автором).[211]

Самые высокие показатели по сельскохозяйственному производству планировалось получить на северо-западе страны, в провинциях Баттамбанг и Пурсат. В проекте плана один из партийных представителей назвал эту зону «полем битвы номер один». В этой зоне планировалось увеличить площадь земель, с которых собиралось по два урожая риса в год, с 60 000 гектаров в 1977 году до 200 000 гектаров в 1980, что должно было обеспечить 40 % всего двойного урожая риса в стране. Свыше 140 000 гектаров необрабатываемой и непродуктивной земли нужно было распахать и засеять. В итоге северо-западу было предназначено обеспечивать 60 % камбоджийского экспортного риса в 1977–1980 годах.

Большую часть сельскохозяйственных работ на северо-западе выполнял почти миллион «людей 17 апреля», выселенных из Пномпеня и Баттамбанга. На протяжении двух последующих лет этих мужчин и женщин заставляли расчищать рисовые поля, рыть каналы, строить дамбы и деревни, отвоевывая пространство у малярийных лесов. Десятки тысяч людей умерли от недоедания, болезней, казней и переутомления. Их гибель, когда о ней стало известно властям в Пномпене, стала лишним доказательством того, что где-то действовали «враги». «Новых людей» можно было уничтожать без сожаления из-за их многочисленности и из-за того, что они были «классовыми врагами» революции. Многие уцелевшие вспоминают ужасный афоризм, издевательски сказанный о них партийными кадрами: «Не дорого досталось — не жалко потерять».[212]

Как надеялся Пол Пот, в результате резкого увеличения урожаев риса по всей стране Камбоджа будет производить 26,7 миллиона тонн риса-сырца, напомнив тем самым изобилие ангкорских времен, обеспеченное, по мнению Пол Пота, государственным управлением. Считалось, что масштабные ирригационные работы сделают эту цель достижимой. Около половины произведенного риса нужно было сохранить на семена, пищу, а также для «резервов и социального обеспечения». Реализация экспортного излишка должна была принести Камбодже 1,4 миллиарда долларов. Этот доход, в свою очередь, предназначался для закупки сельскохозяйственных машин, инструментов, удобрений и инсектицидов, которые помогли бы расширить сельскохозяйственное производство. Примерно две трети вырученного от продажи риса дохода предполагалось направить в зоны, где выращивался рис, а остатки держать в резерве для приоритетных национальных целей. Ожидалось, что расходы на оборону за четыре года вырастут до 37 миллионов долларов, из которых 23 миллиона должно было пойти в юго- и

северо-западную зоны, граничившие с Таиландом. На более позднем этапе иностранную валюту планировалось использовать для финансирования промышленного строительства'.[213]

К несчастью, риса-сырца в 1976–1977 годах было произведено гораздо меньше, чем ожидалось, особенно на северо-западе, где почти все запасы риса, предназначенные для внутреннего потребления, были записаны партийными работниками как излишки и исчезли в неизвестном направлении. Какая-то часть этого риса ушла на экспорт в Китай. К концу 1976 года большинство «новых людей» на северо-западе страдали от голода. В 1977 году ситуация ухудшилась, когда тысячи людей умерли от истощения, а другие перестали хорошо работать из-за болезней и нехватки еды. Известия об этой ситуации доходили до «вышестоящей организации» с опозданием, и поскольку несогласие с мнением организации приравнивалось к государственной измене, в докладах с мест никогда не критиковался план или его создатели. Вместо этого наверх всегда шли хорошие новости, вызывавшие у верхушки партии безосновательный оптимизм, тогда как на самом деле показатели производства риса падали.[214]

Более половины таблиц в Четырехлетием плане было связано с рисовой кампанией. Другие сельскохозяйственные культуры — джут, кукуруза, кокосовые орехи, табак и хлопок — тоже были упомянуты, однако им уделялось меньше внимания. Как-никак ожидаемый от этих культур доход (29 миллионов долларов) едва дотягивал до 2 % того, который планировалось получить. В общем и целом, части плана, не относившиеся к рису, по-видимому, писались в спешке и были плохо продуманы. Судя по всему, текст плана был составлен так, чтобы отразить приоритетные цели партийных лидеров, сделавших ставку на рис.

Об инфрастуктуре сельского хозяйства говорилось вскользь. Производство «натуральных удобрений» (отходов жизнедеятельности людей и животных) должно было увеличиться от 5,6 миллионов тонн в 1977 году до 8,9 миллионов тонн в 1980, хотя за счет чего это будет происходить, непонятно. Как ожидалось, новые заводы будут давать несколько тысяч ирригационных насосов. Откуда возьмутся материалы для этих насосов, фонды и рабочая сила, не уточнялось. В другой таблице отмечалось, что в 1979 году Камбоджа «приобретет завод по производству ДДТ», но как и на какие деньги это будет осуществлено — об этом тоже умалчивалось. Точно так же, там, где шла речь о необходимости увеличения поголовья тяглового скота и прочего домашнего скота, а также расширения рыбных промыслов, обращалось мало внимания на финансирование,

потребности в рабочей силе, ветеринарию или снижение риска. Навязчивой идеей Пол Пота стал рис. «Если у нас есть рис, у насесть все», — было передано по радиостанции «Пномпень» еще в мае 1975 года. При чтении плана создавалось ощущение, что он просто пропитан революционным пылом. Если сравнивать это «рвение» с гибельными результатами плана, то его можно было бы считать синонимом дилетантства, невежества и принятия желаемого за действительное.[215]

Кроме того, в плане говорилось о промышленном и технологическом развитии. На первом месте стояла легкая промышленность, которая должна была финансироваться за счет экспорта сельскохозяйственной продукции. В плане мало что было сказано о том, какие товары должны занять приоритетное место или откуда появятся сырье и рабочая сила. Вместо этого указывалось на то, что будут созданы отрасли, «производящие товары, предназначенные для повседневного использования, например… одежду, москитные сетки, одеяла, циновки, обувь, шляпы, столы, буфеты, стулья, тарелки, горшки, сковороды, ложки, баки для воды, кувшины… чашки, зубные щетки, зубную пасту, расчески, ножницы, мыло, полотенца, медицинское оборудование, муслин, хлопок-сырец, алкоголь, ножи, топоры, серпы, плуги, одежду, кожу *и т. д.*» (курсив добавлен автором). Этим сваленным в одну кучу «производствам» было предназначено давать «60–100 %» продукции к 1980 году. О приоритетах и распределении ресурсов ничего сказано не было.

«Строительству тяжелой промышленности» в Четырехлетием плане было отведено побольше места, хотя и предполагалось, что индустриализация начнется лишь после завершения Четырехлетнего плана. Рассуждая на эту тему, лидеры партии рисовали в воображении светлые картины будущего, в котором бурно развивающийся промышленный сектор обслуживался возросшим пролетариатом. Как ни крути, рядом с рисовыми полями на гербе Камбоджи появились и заводы с дымящими трубами, к тому же треть кандидатов в Национальное Собрание числилась «рабочими». Роста промышленности нужно было достичь без оглядки на ресурсы, финансы и возможности. И вновь отсутствие у партийных лидеров знаний, касающихся промышленности, и их отказ от услуг экспертов означало, что их плановые предложения обречены на провал, за исключением тех, которые можно было выполнить при техническом содействии других стран. По большому счету, именно так и произошло: помощь Китая и Северной Кореи способствовала обновлению дореволюционного производства и созданию нового. Кроме того, в плане говорилось о непроверенных нефтяных месторождениях,

угольной промышленности («если у нас есть хотя бы какой-нибудь уголь, мы найдем его») и строительстве «чугуноплавильного завода заграничного стандарта», несмотря на то, что в стране не было разработанных месторождений железной руды. Камбоджа никогда не располагала собственными ресурсами для индустриализации.[216]

Завершающие разделы плана, по-видимому, писались совсем второпях. Например, в разделе «Торговля» «импорт» состоит из «болтов и гаек, запасных деталей, промышленного оборудования и сельскохозяйственных машин, товаров, необходимых для жизни людей, и материалов для национальной обороны». В разделе «Туризм» значится лаконичное замечание: «Должны организовать: гостиницы, водоснабжение, электричество… места отдыха». В разделах по здравоохранению и социальному обеспечению подчеркивалась важность традиционных знахарей *(круу кхмер),* использовавших местные лекарства. Предпочтение, отданное традиционной медицине, отражало триумфаторские настроения режима, перекликалось с политикой задействования «фельдшеров» в Китае и рассматривалось как способ экономии денег. Последствия плохо продуманной медицинской программы оказались плачевными. В воспоминаниях уцелевших людей то и дело встречаются наводящие ужас рассказы о самоуверенных, неподготовленных практикующих врачах в сельской местности, многим из которых было меньше пятнадцати лет, и о том, как режим настаивал на дореволюционных (а в действительности — доколониальных) методах лечения, не уделяя должного внимания гигиене и диагностике. Во многих районах заболевшие люди получали меньше еды, чем те, кто мог работать. Реальные дела подменялись громкими словами. В разделе «Общая гигиена», к примеру, план предлагал «развить массовое движение за общую гигиену в каждой сфере», однако подробности при этом опускались.

В плане подчеркивалась важность ускорения темпов коллективизации. Это напрямую связывалось с общественным благосостоянием. «В 1977 году будет два десерта в неделю. В 1978 — один десерт каждые два дня. А в 1979 сладкое будет каждый день и т. д.» Это жуткое обещание было единственным материальным стимулом, фигурировавшим в плане.

Один из аспектов коллективизации, о котором в плане умалчивалось, состоял в развитии сети общепита. Людей заставляли принимать пищу в больших столовых, а не дома, с семьей. В результате проведения этой политики, начатой с 1977 года, семьи лишались еды и возможности ее готовить, а также общаться за столом. По словам партийного представителя,

«капиталистическая структура», при которой родственники ели вместе, по-прежнему существовала в Китае и Северной Корее и замедляла дальнейшие революционные успехи этих стран. «Пока существует капиталистическая система, — заявил этот человек, — она будет… оставаться препятствием на пути социалистической революции».

Связь между семьей, институтом частной собственности и контрреволюционными идеями была установлена в XIX веке бессменным коллегой Маркса Фридрихом Энгельсом. Впрочем, кхмеры XX столетия так и не поняли, каким образом совместная семейная трапеза подвергает опасности революционный процесс и как люди, чей ежегодный доход в дореволюционные времена не превышал ста долларов, могут быть причислены к «капиталистам» или «буржуазии». Это великодушно — утверждать, что общие обеды, как и вся эта политика, вводились для пользы простых кхмеров. Однако более вероятно, что она была нацелена на укрепление контроля над народом.

Самый короткий раздел в плане — всего три страницы — отводился «культуре, грамотности, искусству, технологии, науке, массовому образованию, пропаганде и информации». Коммунисты отвернулись от «двухтысячелетней истории», отвергли многогранную камбоджийскую культуру, все это время доставлявшую удовольствие и привилегированным слоям общества, и простым людям. Высокая культура, доступная и крестьянам, включала сложные танцы, инструментальную и вокальную музыку, высокоразвитые навыки декоративного искусства (отразившиеся в плетеных тканях, бронзовых изделиях, резьбе по дереву и росписях буддийских храмов), а также давнюю традицию устной и письменной поэзии, не говоря уже о «феодальном» величии Ангкора. Сюда входили и утонченные буддийские поучения, толкования священных текстов и обширная коллекция ориентированных на морально-этические вопросы стихов, известных как *чбаб*.

Руководители Демократической Кампучии, находясь в эйфории от поражения американцев и лозунгов в духе «Три тонны с гектара», считали, что этим периферийным сторонам бытия не следует уделять внимание до тех пор, пока не будут решены проблемы экономики. Это довольно великодушное толкование. Более вероятно, что они презрительно или с опаской относились к индивидуальным удовольствиям, которые культура, в широком смысле этого слова, всегда предлагала простым кхмерам.

Бесспорно, малоимущие камбоджийские крестьяне в течение нескольких сотен лет обходились без науки, технологии, грамотности, массового образования, пропаганды и информации.

Они находили удовольствие в своей повседневной жизни, используя такие элементы, как семейные отношения, религию и ритуалы, дружбу, путешествия «дикарями» (дао лень), совместные трапезы и болтовню. Вероятно, они не употребили бы слово *вапп'тоа* («культура») для описания того, что делали, однако наслаждались культурой «сверху», посещая буддийские церемонии, публичные чтения стихов и принимая в своей деревне членов королевской семьи.

Камбоджийские сельские бедняки были готовы принять революцию, однако многие из них не желали менять уклад своей размеренной жизни. Исключение составляли безземельные крестьяне, подростки и те, кто принял учение марксизма-ленинизма. Крестьяне предпочли бы трудиться, используя новейшие достижения науки и техники, сохранив при этом свой культурный багаж, особенно в тех случаях, когда «культура» спускалась к ним «сверху». Не правда ли, в людях, незнакомых с нищетой и сельской жизнью, но строивших на пустом месте государство, чувствуется нечто зловещее, даже отталкивающее? Коммунисты пытались насильно превратить аграрную страну в индустриальную, не имея для этого ни знаний, ни ресурсов. Действуя якобы во благо сельских жителей, они требовали от крестьян невозможного, при этом запрещая людям пользоваться выгодами, которые дает образование, а также лишая их радостей семейной жизни.[217]

Революционная культура резко порывала с прошлым. Обсуждая план, представитель партии зашел так далеко, что заявил следующее: «Если бы мы избрали [дореволюционную] «культуру» [в качестве основы для образования], это обернулось бы смертельной катастрофой для Партии». Эти идеи перекликались с теми, что в то время занимали умы китайцев. Единственным проявлением культуры, упомянутым в плане, были революционные стихи и песни, хотя еще до этого в плане говорилось о «книгах для чтения» как об элементе повседневной жизни наряду с *«легким изучением* политики и культуры» (курсив добавлен автором). Что касается стихов и песен, то в них должны были «описываться достойные образцы… строительства социализма».[218]

По поводу образования в плане отмечалось, что лозунгом Камбоджи станет «половину работай, половину учись» (как в Китае), что начальное образование будет введено «начиная с 1977 года», а среднее — «одновременно… *в некоторой степени*» (курсив добавлен автором). Когда-то увлекавшиеся книгами лидеры партии были заинтригованы идей «неграмотной» практики. В действительности, хотя в период Демократической

Кампучии и было выпущено несколько базовых учебников, до 1978 года в стране было открыто, по-видимому, считанное количество начальных и ни одной средней школы. Предложения плана относительно среднего образования были полной утопией, тем не менее программы по истории вызывают некоторый интерес. На уроках истории должно было рассказываться о «революционной борьбе народа, революционной борьбе за страну, за демократию, социалистическую революцию и за строительство социализма».[219]

На последних страницах плана снова говорится о значении партии для Камбоджи и важности партийного центра для партии. «Решающий фактор — это Партия… Если Центр охватит все, все охватит и Партия… тоже сделают армия и народ».

Понятно, что Четырехлетний план был сделан наспех и кое-как, страдал наивностью и недостатком информации. Его можно рассматривать почти как ритуальное представление, часть превращения Камбоджи в настоящее коммунистическое государство. При ознакомлении с планом складывается такое ощущение, что он был написан в качестве подражания другим социалистическим странам, а не с серьезной целью улучшить материальное благосостояние камбоджийского народа. Это была грубая, бестолковая и, возможно, отчаянная попытка Пол Пота «ухватиться за колесо истории» — любимое выражение красных кхмеров — чтобы получить контроль над будущим Камбоджи.

Кризис сентября — октября 1976

В начале сентября 1976 года умер Мао Цзэдун, и 18 сентября, вдень похоронной церемонии в Пекине, Пол Пот в очень пылких выражениях отдал ему дань уважения. При этом он впервые публично заявил, что Камбоджей управляет «марксистско-ленинская» организация, добавив, что из теоретических трудов Мао можно было много чего почерпнуть. Это единственный эпизод в работах Пол Пота, где он признается в том, что читал коммунистическую литературу.[220]

Два дня спустя за предательство был арестован партийный секретарь с северо-востока Ней Саран (Я). Еще один стойкий приверженец партии — Кео Меас — был арестован 25 сентября. Ктому времени было объявлено об уходе Пол Пота с поста премьер-министра по состоянию здоровья. На посту премьера его заменил Нуон Чеа. Поскольку Пол Пот вернулся к работе в октябре, отставка действительно могла объясняться плохим здоровьем вождя партии. Не исключено, что она была как-то

связана с кризисом наследования в Китае. Однако, скорее всего, Пол Пот вышел в отставку для того, чтобы сбить с толку и подтолкнуть к действиям врагов партии, которых можно было сокрушить, когда они открыто заявят о себе. Тот факт, что об отставке было объявлено на радиостанции «Пномпень» и стало известно за границей, говорит о том, что Пол Пот надеялся частично шокировать и иностранные державы '.[221]

К концу сентября политический кризис набрал силу. Основой для него послужило, очевидно, незначительное расхождение мнений по поводу даты основания Коммунистической партии Камбоджи. В сентябрьском номере журнала партийной молодежи была опубликована десятистраничная статья, восхвалявшая двадцать пятую годовщину партии и датирующая ее истоки 1951 годом, когда шла Первая индокитайская война. Статья расходилась с мнением Пол Пота, хотя, возможно, была им же и «подброшена», чтобы «выкурить противников из норы». Как мы уже видели, в партийных документах 1974 года «первым» был назван партийный съезд, состоявшийся в 1960 году, что предвещало пересмотр истории партии в пользу Пол Пота. Кроме того, на заседании постоянного комитета в марте 1976 года в этой связи было замечено следующее: «Не использовать 1951 год — сделать окончательный разрыв». В октябре 1976 года, после того как Кео Меас и Ней Саран попали в S-21, появилась статья, занимавшая тридцать одну страницу. В ней начало партии связывалось с ее «первым» съездом 1960 года и отмечалось, что «следует переделать историю Партии в нечто незапятнанное и безупречное», т. е. без вьетнамского компонента.[222]

Маловероятно, чтобы Кео Меас, находившийся под домашним арестом, готовил заговор с целью свержения Пол Пота. С Ней Сараном больше неясностей, поскольку его сохранившееся признание очень фрагментарно. К тому же было известно, что после 1975 года он поддерживал обширные связи с вьетнамцами. Лишь его Пол Пот назвал предателем в интервью Нейту Тейеру в 1997 году. Кео Меас был удален из партии, видимо, потому, что у него сохранились сторонники среди радикалов 1950-х, недовольных Пол Потом и чрезвычайной политикой, отразившейся в Четырехлетием плане. Впоследствии Иенг Сари говорил о «государственном перевороте» сентября 1976 года. Но если даже попытка переворота и была совершена, то не похоже, чтобы в ней были замешаны вооруженные силы, ибо никто из важных военных чинов не попал в S-21 в период с сентября до конца года. Более вероятно, что Пол Пот выступил против двух беззащитных старейших членов партии, чтобы вселить страх в подчиненных, а также укрепить свой личный контроль над

партийным аппаратом.

Изначально Пол Пот намеревался представить Четырехлетний план и, возможно, объявить о существовании партии на государственных празднествах в честь годовщины партии 30 сентября 1976 года. Однако торжества не были проведены, и о существовании партии не было объявлено еще год. Четырехлетний план никогда не был обнародован. Вместо празднования очередной годовщины создания партии Пол Пот занялся истреблением врагов в рядах партии и разбирательством с враждебным Вьетнамом.

Чистки в Демократической Кампучии, 1975–1977

Самый обширный документальный источник для изучения Демократической Кампучии и ее самое тревожащее наследие представляет собой архив из 4000 признаний, собранных в период с 1975 до начала 1979 года включительно в центре для допросов в Туолсленге. Центр размещался на территории бывшей средней школы в южной части Пномпеня. Документы из этого многотомного архива указывают на то, что около 14 000 мужчин, женщин и детей прошли через S-21 с конца 1975 до начала 1979 года. Всего лишь горстка приближенных подверглась допросам, пыткам и казням. В 1975 году в этом центре было зарегистрировано лишь 200 человек, в 1976 здесь находилось 1622 узника, тогда как в 1977 их было уже 6300 человек. Хотя записи 1978 года неполны, по-видимому, в тот год в центре было зарегистрировано по меньшей мере 5000 заключенных. Выжила лишь половина из них: по какой-то причине такие альтернативы смертной казни, как тюремное заключение или «перевоспитание», которые так широко применялись в коммунистическом Вьетнаме и Китае, в Камбодже никогда серьезно не рассматривались. Эти 4000 признаний вызывают мрачное, угнетающее чувство. Некоторые из них занимают всего-навсего три-четыре страницы, зато другие состоят из нескольких дел общим объемом в несколько сотен страниц. Во всех этих досье признаются преступления, совершенные против партии. Зачастую арестованные сознавались в сотрудничестве с зарубежной разведкой. Это напоминало СССР во время сталинских чисток 1930-х годов. На самом деле, вполне вероятно, что партийные лидеры в Камбодже посчитали сталинские чистки важнейшим средством укрепления власти и потому воспользовались подобными методами.[223]

Исследователи, работающие с этим архивом, приходят в ужас

при виде такого огромного количества боли, жестокости и загубленных невинных жизней.[224] Эти признания вряд ли можно считать объективными историческими источниками: как-никак все они были вырваны под пытками. За все время никто не был оправдан. Во многих текстах демонстрируется искренняя преданность Коммунистической партии Кампучии. По меньшей мере несколько жертв (но кто конкретно?) были неповинны в заговоре против партии, тогда как другие (также невозможно определить) — наоборот. На автобиографические сведения, содержащиеся во многих из этих документах, полагаться особо нельзя, хотя личные сведения, касавшиеся дореволюционной карьеры авторов признаний, довольно точны. Ввиду того, что заключенные должны были полностью признать свою вину, тексты их признаний не помогают выявить степень подрывной деятельности того или иного заключенного, хотя, вероятно, самые длинные принадлежали тем, кого подозревали в наиболее серьезных преступлениях. Некоторые из этих признаний после 1979 года были забракованы. Главная ценность данных документов состоит в том, что они служат доказательством непрекращавшихся фобий руководства камбоджийской партии. В общем и целом они являются удручающим свидетельством того, насколько красные кхмеры были заражены жестокостью и недоверием. Впрочем, то, что представляло собой угрозу партии или являлось доказательством неверности ей, постоянно менялось. Подобно всем контрреволюционерам, враги партии были движущимися целями.[225]

Центр S-21 официально финансировался, и в интересах чиновников было сохранять доверие своих вождей. Это означало, что признания, дела и секретные бумаги должны были писаться в Туолсленге. Затем руководителю S-21 Каинг Кек Йё (Дуч) надлежало отсылать их своему начальнику Сон Сену (Кхьё), который передавал их в К-1, партийный штаб. Признания, считавшиеся особенно интересными, нередко перепечатывались через копирку, чтобы получить несколько экземпляров. Дело становились толще; все больше и больше подозреваемых привозили в центр, оформляли, допрашивали и «сокрушали»*(комтек)*. На местах, т. е. в зонах, трех независимых свидетельств того, что кто-то служит в Центральном разведывательном управлении США (ЦРУ), было достаточно для ареста, и если расспросы порождали еще больше сомнений, узника увозили в Туолсленг. Трудившиеся неподалеку рабочие, смутно представлявшие, что там происходит, описывали центр для допросов как «место [куда люди] входят и никогда не выходят*(конлаенхчоулминдаелчень)*».

В центре S-21 работало более ста мужчин и женщин. Допросы обычно вели молодые малообразованные крестьяне; многие из них были курьерами или бойцами в 25-м *домбоне* на заключительном этапе гражданской войны. Некоторые из них приступили к работе в центре лишь после нескольких недель политподготовки. Машинистки, архивисты, фотографы, электрики также работали в этой конторе, равно как и несколько бывших преподавателей, которые были способны записывать допросы, «получать ответы для Партии» (как выразился один из них) и анализировать тенденции. Самым печально известным из этих учителей был начальник центра — Дуч, мужчина китайско-кхмерского происхождения из Компонгтома, который раньше отвечал за безопасность в особой зоне. Подчиненных он всегда держал в страхе, а начальство — радовал. Благодаря этому он пережил период ДК в отличие от, по меньшей мере, шестидесяти человек из штата центра, которые были казнены по разнообразным обвинениям.[226]

Те, кого привозили в центр в конце 1975 и начале 1976 года, в большинстве своем оказывались бывшими солдатами Лон Нола, камбоджийцами, получившими образование во Вьетнаме, случайными иностранцами либо бывшими революционерами, которые мешали членам партии, работавшим в сельской местности.

В мае 1976 года одна из воинских частей, размещавшаяся в Пномпене, то ли по ошибке, то ли намеренно, взорвала несколько артиллерийских орудий недалеко от штаба партии. По-видимому, солдаты хотели, чтобы их демобилизовали и позволили вернуться домой. Самой важной фигурой среди допрашиваемых оказался комиссар Пром Сомбат (Чан Чакрей), тридцатитрехлетний бывший монах, которому вскоре был присвоен номер в виде римской цифры «I». Это было сделано в ходе расследования «заговора», количество участников которого к концу года достигло двадцати. Чакрей признался в том, что работал на ЦРУ, вьетнамцев и Кхмер Серей («Свободных кхмеров»), проамериканскую, антисианукскую группировку, активно действовавшую в дореволюционное время. Некоторые из этих признаний (но какие?) могли оказаться правдой, однако Чакрей также утверждал, что Кхмер Серей пользуется поддержкой советских и вьетнамских коммунистов. Это абсурдное утверждение являлось типичным из тех, которые затем передавались Пол Поту и другим руководителям партии.

Арест Чакрея подтолкнул Дуча составить докладную записку на имя «Уважаемого старшего брата» (возможно, Сон Сен), указывавшей на то, что, по его мнению, было сговором

вьетнамских коммунистов и ЦРУ, участвовавших в заговорах против партии. Эти связи стали лейтмотивом признаний, сделанных в 1977–1978 годах. Особое подозрение пало на членов партии из восточной зоны. Как предположил Стив Гедер, это произошло потому, что члены партии этой зоны, во главе которых стоял партийный секретарь Сао Фим, хотели занять более решительную оборонительную позицию по отношению к Вьетнаму. Пол Пот и его товарищи все еще надеялись на то, что Вьетнам падет сам.[227]

Избавление от друзей

В сентябре 1976 года, когда Ней Саран и Кео Меас попали в Туолсленг, процедура допросов и содержание подозреваемых еще не была налажена. Арестованные думали, что в конце концов их могут освободить. Все-таки они являлись старыми друзьями «Брата номер один». Их отношения с вождем партии завязались еще в начале 1950-х.

В 1950-х годах Кео Меас был партийным активистом в Пномпене. Кроме того, он провел какое-то время на Базе 100 и вместе с Салот Саром ездил во Вьетнам и Китай в 1965–1966 годах. В то время Сар пользовался кодовой кличкой «Поук». В 1968 году Меас вернулся во Вьетнам и в качестве связного работал бок о бок с Кхьё Тирит и Иенг Сари.

Его признание состоит из нескольких писем, обращенных к «Поуку» (Пол Поту). В них он клятвенно заверяет, что ни в чем не виновен, и отчаянно пытается вернуть расположение вождя, объясняя споры «1951–1960 годов». Так, например, 24 сентября он вспомнил разговор, который состоялся в 1964 году. Пол Пот сказал ему следующее: «Во Франции было несколько таких кхмеров, которые не смогли стать настоящими кхмерами». Эта обрывочное замечание, относившееся, возможно, к Тиоунн Мумму, не было продолжено, так как Меаса подвергли новому наказанию. Он утверждал, что был верным кхмером, и пытался привлечь внимание Пол Пота («Я написал вам письмо несколько месяцев назад. Вы получили его?»). В 1966 году, когда, вероятно, они возвращались домой из Китая, Пол Пот сказал Меасу: «Наша Камбоджа хочет полностью отделаться от Вьетнама и Советов». Меас согласился с этим, однако его признание становится более взволнованным, когда его обвинили в создании новой, провьетнамской партии. «Я чувствую, что эти обвинения абсурдны, — писал Меас. — Они необъяснимы. Я… не делал ничего такого… Это очень серьезно. Если товарищ Поук не

простит меня, тогда мне останется лишь смерть». Он не дождался в ответ от своего друга ни слова.[228]

Ней Саран также близко общался с Пол Потом, находясь на Базе 100, и во время гражданской войны занимался активной деятельностью на северо-востоке. От его признания уцелели лишь чрезвычайно интересные фрагменты. Через десять дней после ареста Саран добавил к своему признанию: «Принуждения во время написания не было… Однако хочу дать понять, что с 28 сентября я отвечал под жестокими пытками». Эти предложения были вычеркнуты Дучем, заметившим: «Не используй это… слово. Ты не имеешь права сообщать такие вещи Организации». Однако вскоре после этого Ней Саран, не веривший в то, что партия причастна к выбиванию из него ложных признаний, заявил: «Если вы хотите заставить меня отвечать, тогда пытайте, и я заговорю».

Это было слишком даже для Дуча. В служебной записке от 1 октября, предназначенной для того, кто отвечал за допрос Ней Сарана, он написал: «Организация решила, что, если этот человек продолжит запираться… его следует наказать и не позволять больше дурачить нас… Организация считает [его поведение] вызывающим по отношению к Партии». В заключение служебной записки Дуча подчиненным разрешалось «применять к Ней Сарану «горячие» методы в течение длительного срока» и было добавлено, что «даже если это убьет его, это не будет нарушением правил Организации». После этого Сарана допрашивали еще неделю, а потом казнили.[229]

По мнению Дуча — и, вероятно, Пол Пота — Кео Меас и Ней Саран были замешаны в своеобразном заговоре, уходившем корнями в 1950-е. До конца 1976 года среди арестованных их ранга оказались бывший член ЦК Кео Мони, вернувшийся из Ханоя в 1970 году, несколько должностных лиц из восточной зоны и бывшие участники Прачеачонской группы. Посол Камбоджи в Ханое Сьен Ан, который находился в Париже вместе с Пол Потом и учился в Лицее Сисовата вместе с Иенг Сари, был вызван домой для консультаций, арестован и казнен. То же самое произошло и с его женой. В ее признании утверждалось, что ее муж узнал о «Марксе-Ленине» от Иенг Сари, когда много лет назад они вместе учились. Судя по всему, дружба или длительное сотрудничество с лидерами партии не гарантировало выживания. Не гарантировала спасения и верность партии, воспринимавшаяся как улица с двусторонним движением.[230]

Пол Пот и «Микробы»

Ближе к концу декабря 1976 года, когда в S-21 скопилось порядочное количество папок с делами, Пол Пот собрал членов партии на учебно-подготовительную встречу. В его тоне слышалось разочарование, а само выступление изобиловало упоминаниями «врагов» и «предателей», которые задали тон чисткам 1977 года. Триумфальный оптимизм, звучавший в более ранних выступлениях Пол Пота, исчез, уступив место более приглушенным, зловещим интонациям. В одном из отрывков выступления говорилось о «болезни в Партии»:

«Мы не можем точно поставить диагноз. Болезнь должна возникнуть, чтобы ее можно было изучить. Из-за того, что накал народной революции и накал демократической революции был недостаточен… нам не удается найти микробы *(мерок),* заразившие партию. Они скрыты от глаз. Однако благодаря дальнейшему развитию нашей социалистической революции, которая проникает в каждый уголок Партии, армии и все больше затрагивает народ, мы можем выявить эту заразу. Он будет вытеснен… социалистической революцией… Если мы будем ждать дальше, микробы могут причинить нам непоправимый вред».[231]

Угроза, о которой продолжил говорить Пол Пот, заключалась во внутрипартийных противоречиях между коллективизмом и индивидуализмом, между руководством партии и любым человеком, который выступал против него. «Если мы попытаемся похоронить их, — предупреждал Пол Пот, — они разрушат нас изнутри». Отдельных личностей можно было выжечь из государства тем же самым «революционным накалом», неусыпной бдительностью и непрекращающейся классовой борьбой. Это должно было продолжаться до тех пор, пока руководители партии досконально не изучили бы биографию всех и каждого и не укрепили бы свой контроль над «штурмовыми атаками». Однако как можно было распознать «врагов» даже с учетом этой информации? Пол Пот дал не особо ценные указания на этот счет:

«Затаились ли еще в Партии изменнические, засекреченные элементы или же они исчезли? Благодаря *нашим наблюдениям за последние десять лет* становится ясно, что они никуда не делись. Это потому, что они постоянно проникают в Партию. Кое-кто действительно предан, чья-то верность колеблется. Враги могут легко проникнуть. Они остаются — пусть даже один или два. Они остаются» (курсив добавлен автором).[232]

Пол Пот ничего не сказал о том, как собирается действовать в соответствии со своими «наблюдениями», однако те, на кого он смотрел во время выступления, чувствовали себя очень неуютно.

Кризис, заявил Пол Пот, еще больше повысил важность секретной работы. Этим утверждением он оправдал свое решение не объявлять о существовании партии внешнему миру:

«Сложившаяся в стране ситуация в достаточной мере подходит для того, чтобы Партия стала действовать открыто… Дружественные партии просили нашу Партию выйти из подполья. Враги тоже хотят, чтобы мы это сделали. Так они получат возможность беспрепятственно следить за нами. Выход Партии из подполья ставит проблему дополнительной защиты руководства. В сентябре и октябре [1976 года] мы думали о том, чтобы заявить о себе в открытую, однако тогда обнаружились документы, доказывающие, что враги пытались нанести нам поражение… Если Партии предстояло бы выйти из подполья, *между определенными людьми* возникли бы дополнительные противоречия» (курсив добавлен автором).[233]

Неужели Пол Пот считал, что некоторые из этих «врагов», или «определенных людей», слышали его слова? Он не торопился установить их личности. Знал ли он врага в лицо? Ему приходилось притворяться, что так и было, однако он явно нервничал, и его напряженность передалась аудитории. «Кому же можно доверять?» — этим вопросом, задавались слушатели Пол Пота. Человеку, сидящему рядом со мной? Но почему? Должно быть, им также было известно, что именно Пол Пот, а не они, контролировал аппарат террора, позволявший коммунистам удерживать власть. Иначе говоря, они должны были бояться еще больше, чем сам Пол Пот.

Партия, продолжил Пол Пот, росла слишком быстро, и в нее затесалось много ненадежных людей. Кадров, на которых можно было бы положиться, катастрофически не хватало: лишь за половину коллективов в стране отвечали члены партии, а в некоторых областях ответственные должности были доверены «людям 17 апреля». Пол Пот обвинил этих «капиталистов» в недовыполнении производственного плана. Поэтому пришло время расширить и очистить партию, чтобы ускорить темпы революции. Этого можно было достичь при помощи борьбы «против классов любого рода в камбоджийском обществе», повторной проверки биографий, перемещения членов партии из одной зоны в другую и подчеркивания достоинств коллективных приема пищи, труда и принятия решений.

Чистки среди интеллигенции

В январе 1977 года в Пномпене были арестованы два

высокопоставленных деятеля партии — Тоуч Фоён и Кой Туон (Кхуон). Туон, уроженец восточной части и бывший лицейский преподаватель с большим опытом работы на севере, занимал должность министра торговли, однако, возможно, находился при этом под наблюдением. Тоуч Фоён, выпускник лицея Сисовата, в 1950-е обучавшийся во Франции, эффективно следил за общественными работами.[234]

Оба этих человека в течение многих лет вращались в партийных кругах и чувствовали себя там как рыбы в воде. У них имелись друзья и за пределами партии. Они были знакомы с Ней Сараном, Чаном Чакреем и другими, впоследствии арестованными членами партии. Эти связи в конце концов и «стали доказательством» вины. Их тоже нужно было арестовать и тем самым ликвидировать «все цепочки предателей» *(кхсаекбот)*. Вероятно, оба присутствовали на декабрьской встрече и могли оказаться двумя из «определенных людей», упомянутых Пол Потом. После того как на допросах их довели до полного изнеможения, Туон и Фоён признались в создании «сетей ЦРУ». Одним из главных последствий ареста стала чистка, проведенная среди их знакомых, многие из которых относились к партийной интеллигенции. В облаве, которую в 1978 году устроил Дуч, он особенно выделил интеллигентов, «притворявшихся прогрессивно мыслящими и проникших в партию для сбора информации». Вскоре после этого произошла перетряска руководящих кадров партии, работавших с Кой Туоном. В начале 1977 года тридцать два человека из этой группы были отправлены в S-21.[235]

Пока Тоуч Фоёна и Кой Туона с пристрастием допрашивали, Пол Пот посетил северо-запад страны. Бывший боец, Чхит До, вспоминал о том, как встретил Пол Пота в Сиемреапе на «заседании, посвященном очищению структуры власти Кампучии». «Когда он говорил, он казался славным парнем, но то, что случилось потом, было вовсе нехорошо», — сообщил До.[236]«То, что случилось потом» почти во всем северном и северо-западном регионе — это замещение «вычищенных» членов партии, занимавших военные должности и отвечавших за политработу на местах, партийцами, переведенными с юго-запада и находившимися под контролем Та Мока. Члены партии из юго-западных районов, такие, как сам Та Мок, имели репутацию особенно жестких и ретивых исполнителей. Вскоре они стали карающим мечом Демократической Кампучии. Неспособность «новых людей» принести доход, которого от них требовало партийное руководство, считалась намеренной. Члены партии, отвечавшие за катастрофу, «объективно» — по партийной терминологии — считались «вредителями», «врагами» и

«предателями».

К середине 1977 года работа «бюрократии смерти», как назвал ее Энтони Барнетт, была вполне отлажена. Тюрьма стала неотъемлемой частью правящего режима. Больше признаний стало печататься на машинке, а не писаться от руки, стали использоваться магнитофоны, а улучшенное делопроизводство позволяло делать в признаниях перекрестные ссылки. Как неизбежное следствие, раскрывалось еще больше «заговоров». Деятельность S-21 набрала обороты, и ее было уже невозможно остановить. Документы центра подпитывали паранойю партийного руководства. Кроме того, они вели к новым арестам, после появлялись новые документы и т. д. В 1977–1978 годах были арестованы многие люди, находившиеся в довольно тесных отношениях с самими лидерами партии. Опытные высокопоставленные деятели партии, например Сьет Чхае, Руос Мау, Суа Ва Си и Мау Кхем, были убраны вместе со своими родственниками и знакомыми. Поскольку многие из них тесно сотрудничали с Пол Потом, остальные близкие помощники секретаря партии, знакомые с «предателями», тоже были преданы смерти. Талантливые резервы, способные довести революцию до конца, иссякали. Уменьшалась и возможность доверять кому бы то ни было. По мере того, как Пол Пот и его соратники усиливали свою власть, их цели становились все более расплывчатыми. Они были одержимы идеей очистить партию и установить в стране «социализм», но перестали видеть другие важные задачи — если вообще когда-либо принимали их во внимание. Достижение их целей едва ли было возможно, даже и огромной ценой, не начни партийное руководство бессрочную конфронтацию с Вьетнамом, что и произошло в середине 1977 года.[237]

Подробности личной жизни

Едва ли какие-нибудь детали личной жизни Пол Пота в период Демократической Кампучии отражены в доступных источниках. Мы знаем, что его серьезно охраняли, что он часто менял свое местопребывание и редко появлялся на публике. Точное местонахождение его резиденций неизвестно, однако один современник, пожелавший сохранить свое имя в тайне, главной резиденцией Пол Пота назвал дом «неподалеку от Памятника Независимости», находившийся среди группы особняков, окруженных высоким забором. Это был его Кремль или Тайный (Скрытый) город. По иронии судьбы, это была та часть города вблизи дворца, где в 1930-е годы подрастал Салот

Сар (и Сианук, раз уж на то пошло). Нам известно, что в резиденции была проточная вода и электричество, потому что после отключений электричества подсобные рабочие были за это казнены. Среди персонала, обслуживавшего резиденцию Пол Пота, находились шоферы, охранники, механики, машинистки и повара. Что любопытно, многие из них являлись представителями племенных меньшинств. Это наводит на мысль о том, что с 1960-х годов они сумели завоевать доверие.[238]

Пол Пот всегда боялся, что его убьют. Когда он должен был выступать на партийных собраниях, перед встречей с ним все приглашенные тщательно обыскивались. Пол Пот часто болел, и постоянные проблемы с желудком заставили его думать, что повара пытались его отравить. Вероятно, большую часть времени, как и всегда, он тратил на просмотр папок с делами и беседы со своими близкими соратниками. Он работал до глубокой ночи, разбираясь с грудой дел, доставленных из S-21 и прибывших из различных министерств и зон. Сквозь призму этих документов он и смотрел на мир. При этом Камбоджа виделась ему разделенной на концентрические круги с партийным руководством в центре.

В конце 1976 года в Камбоджу приехала из Франции мать Кхьё Поннари и Кхьё Тирит. Тирит часто отправляла своих детей к бабушке, которая, как и мать Нуон Чеа, революцию не любила. Покушения революции на семейные устои возмущали ее. Когда в начале 1977 года от болезни скончалась не участвовавшая в революции сестра Тирит и Поннари, Тират, Тирит подумала, что ее убили, и потребовала расследования. Тирит и жена Сон Сена Юн Ят занимали в правительстве второстепенные посты, равно как и дети Иенг Сари и несколько его родственников со стороны жены. У Юн Ят имелся доступ к признаниям из центра S-21. Таким правом обладало еще всего лишь полдюжины высокопоставленных должностных лиц. С другой стороны, Кхьё Поннари не занимала никаких официальных должностей и, по-видимому, большую часть времени была нездорова. На одной из встреч в 1978 году, ее приветствовали как «мать революции» *(ме падеват)*. После этого она пропала. Широкое распространение получило мнение о том, что она сошла с ума. Нам неизвестно, как эта болезнь и затем исчезновение супруги повлияли на Пол Пота.[239]

Война с Вьетнамом

Как мы уже видели, столкновения с силами вьетнамцев начались сразу после захвата власти. Острова завоевывались и отбивались обратно, и вьетнамские войска медлили уходить с

территории Камбоджи, особенно на северо-востоке. В центре этих разногласий находилась уязвленная камбоджийская гордость, подозрения насчет того, что Вьетнам пытается руководить Камбоджей, и конфликт по поводу морских границ. Последнее обстоятельство было решающим, поскольку известно, что в прибрежной зоне находятся довольно крупные нефтяные месторождения. Камбоджийцы требовали от вьетнамцев соблюдения соглашения относительно «существующих границ», подписанного в 1960-х годах. Однако вьетнамцы больше не желали соблюдать эти соглашения, поскольку «новые явления» (месторождения нефти) заставили их пересмотреть данные ранее обещания. Камбоджийцы сочли этот ответ предательством и отказались вести переговоры.

Еще одной проблемой, ухудшавшей отношения между Камбоджей и Вьетнамом, стали намерения последнего относительно «Индокитая», неизменно досаждавшие первой. «Специальные отношения», установившиеся к 1976 году у Вьетнама с Лаосом, отдавали гегемонией и по отношению к кхмерам. Точно так же обстояло дело и с «братскими» отношениями, которые, по утверждению вьетнамских коммунистов, имелись у них с лаосскими и камбоджийскими товарищами. Многим кхмерам казалось, что эта дружба таит в себе угрозу, а большинство вьетнамских коммунистов беспокоилось о том, как бы китайцы не предложили им такую же тесную связь. Можно назвать еще несколько причин экономико-политического характера, однако и без того понятно, что упорное желание Пол Пота добиться «независимости-господства» объяснялось попыткой спастись от руководства и советов вьетнамцев. Ощущая поддержку Китая, он дал выход своей ненависти к вьетнамцам и подбил остальных камбоджийцев сделать то же самое.[240]

В 1975–1976 годах на вьетнамско-камбоджийской границе происходили разрозненные стычки, о которых широко не сообщалось. Чоу Чет впоследствии писал о вьетнамских «клюющих атаках… вдоль границы» в 1976 году и о вторжениях на северо-востоке. Власти красных кхмеров пристально следили за этими событиями, на что указывает телеграмма одного военачальника, отправленная на имя «Брата Пола» в ноябре 1975 года. К середине 1976 года пограничные инциденты стали не такими частыми. Отношения Вьетнама и Камбоджи оставались нейтральными, но прохладными, даже тогда, когда враждебность к Вьетнаму стала темой учебно-подготовительных встреч коммунистов, а сговор с Вьетнамом — лейтмотивом признаний, вырванных в S-21.[241]

К концу 1976 года руководство Камбоджи, заручилось у Китая обещаниями расширенной военной помощи, без которых не могло, да и не очень хотело начинать наступательные операции против Вьетнама. Эта помощь была оказана вследствие ухудшения китайско-вьетнамских отношений.

Не совсем ясно, кто и когда начал военные действия. Свидетельства указывают на то, что первые крупномасштабные нападения на Вьетнам красные кхмеры осуществили на юго-западе. Что вьетнамцы намеревались делать с Камбоджей — понять невозможно. Анализ ранних этапов войны затрудняется и тем, что вплоть до последних дней 1977 года ни одна из сторон открыто не признала, что война вообще ведется.

Переход к более агрессивной политике по отношению к Вьетнаму в Камбодже произошел в начале 1977 года, когда появилась директива от «870», т. е. от постоянного комитета партии, предписывавшая членам партии на местах устраивать облавы на вьетнамцев и передавать их органам госбезопасности. В 1977 году вьетнамцев в Камбодже оставалось немного. Большинство из них было депортировано на родину еще при Лон Ноле или после апреля 1975 года. Оставшихся, (а зачастую ими оказывались вьетнамские женщины, которые были замужем за кхмерами), преследовали и убивали. В марте вооруженные силы Камбоджи на востоке были сняты с выполнения сельскохозяйственных работ и переброшены в приграничные регионы, что предвещало нападение. Вскоре после этого камбоджийцы пересекли границу с Вьетнамом в нескольких местах на юго-западе. Вероятно, по времени эти атаки совпали со второй годовщиной освобождения Сайгона. Вьетнамские города Чаудок и Хатьен были обстреляны артиллерией кхмеров, а на границе произошли небольшие столкновения, которые повлекли за собой серьезные жертвы среди гражданского населения и неподготовленной милиции. Многие из погибших являлись этническими кхмерами, которых пропаганда Демократической Кампучии обещала освободить от вьетнамцев. На тот момент ни об одном из нападений не сообщалось ни в Камбодже, ни во Вьетнаме. Предложение прекратить огонь, с которым вьетнамцы выступили в июне 1977 года, было отвергнуто, и камбоджийским подразделениям в восточной зоне тайно посоветовали готовиться к крупномасштабным наступательным действиям.[242]

Еще больше Вьетнам стал беспокоить Пол Пота в июле 1977 года, когда вьетнамцы подписали союзный договор с Лаосом. К тому времени документы, полученные из S-21, подтвердили подозрения Пол Пота касательно того, что Коммунистическая партия Камбоджи нашпигована вьетнамскими агентами. В этих

документах особенно много говорилось о «врагах» в восточной зоне, где война с вьетнамцами велась наиболее ожесточенно. В августе и сентябре артиллерийские подразделения камбоджийцев обстреливали вьетнамскую территорию. Несколько нападений было совершено около Тайнина. Самое крупное из них произошло тогда, когда участники одной из бригад красных кхмеров глубоко проникли на территорию вьетнамской провинции, вырезали несколько сотен мирных жителей и угнали пленников и скот на свою территорию. Возможно, эта атака стала попыткой партийцев восточной зоны, находящихся под руководством Сао Фима, доказать свою верность партийному центру. Она также продемонстрировала похвальную агрессивность, на которую указывал Пол Пот на предстоящем обсуждении в Пекине. Пробные нападения вьетнамцев начались якобы в то же самое время, «вдоль всей границы».[243]

Новое руководство Китая было недовольно тем, что камбоджийские коммунисты продолжали скрывать существование своей партии и требовали независимости от международного коммунистического движения. Безусловно, китайцы, возможно вместе с северными корейцами, и были теми «друзьями», которые в 1976 убеждали Пол Пота вывести партию из подполья. После казни Кео Меаса в 1976 году осталось мало внутренних причин, побуждавших партию играть в открытую. Возможно, китайцы усиливали свое давление на Пол Пота по мере расширения военных действий. Так или иначе, Пол Пот объявил о существовании Коммунистической партии Кампучии в пятичасовом выступлении, записанном для радиостанции «Пномпень». Это произошло 27 сентября 1977 года, как раз в тот момент, когда его армии вторгались в Тайнин. Трансляция выступления Пол Пота состоялась три дня спустя, в день празднования семнадцатой годовщины создания партии. В это время Пол Пот уже два дня как находился в Китае.[244]

За несколько дней до радиотрансляции на зданиях правительственных учреждений вывесили транспаранты, в которых сообщалось о существовании партии. Кроме того, для напоминания об очередной годовщине распространялись свежеотпечатанные экземпляры «Интернационала». Нет доказательств того, что празднества проводились и в сельской местности.[245]

Раскрытие

В выступлении Пол Пота содержались идеи насчет истории

Камбоджи и Коммунистической партии Кампучии. Он рассматривал камбоджийскую историю через призму неумолимого прогрессивного перехода от рабовладельческого общества через стадии феодализма и капитализма к 1960 году, когда вскоре после его вхождения в ЦК партии разразилась национальная демократическая революция. Здесь Пол Пот следовал схеме эволюции, применимой к любой стране мира. В общих чертах эта схема была описана Марксом и обрела законченный вид благодаря Сталину. Отличительным элементом полпотовского прочтения истории стало упоминание имен лишь нескольких людей. Его собственное имя в речи не фигурировало, равно как имена Сианука или соратников Пол Пота, за исключением верных Нуон Чеа и Кхьё Самфана. Те, которых он упомянул, — Лон Нол, Сим Вар, Сирик Матак, американский посол Джон Дин и т. п. — оказались уже поверженными, несуществующими «врагами партии». Живые враги (Вьетнам, предатели внутри партии), партийные лидеры и потенциальные союзники (Сианук, Китай) названы небыли.

В самом подробном отрывке выступления повествуется о национальной демократической революции (1960–1975). На двадцати девяти страницах, раскрываются успехи и стратегия Коммунистической партии Кампучии без упоминания о каких-либо ее интеллектуальных корнях или помощи иностранных держав — возможно, это и было проявлением стремления к «независимости-господству». Вместо этого здесь перечисляется несколько решений, якобы принятых самостоятельно на партийном съезде в 1960 году, и подчеркиваются несколько *idees fixes* Пол Пота. Согласно одной из этих идей, землевладельцы были существенным компонентом сельской жизни в Камбодже «феодального» периода. Отсюда делался вывод о том, что уничтожение землевладельцев означало и ликвидацию несправедливости. На самом деле, как мы уже видели, крупное частное землевладение в Камбодже было редкостью. Другая идея Пол Пота заключалась в том, что всеобщую коллективизацию будут приветствовать «более 90 %» кхмерского народа. Третья идея подразумевала, что камбоджийское общество буквально обуревали «противоречия» (это с учетом того, что почти каждый житель страны был довольным жизнью сторонником партии). Камбоджийскую историю можно воспринимать только в контексте этих противоречий и классовой борьбы, передавшей власть в руки беднейших слоев крестьянства: «Всем нам известно об ангкорском прошлом. Ангкор был построен в период рабовладения. Рабы построили его под гнетом тогдашних эксплуататорских классов ради удовольствия короля. Если наши

люди способны возвести Ангкор, то они могут сделать все, что угодно».

Свою речь Пол Пот закончил обсуждением периода, наступившего после 1975 года. Он указал на то, что недостатки проявились в революции лишь после того, как она достигла успеха. Он упомянул «гнусную горстку реакционных элементов», продолжавшую действовать в камбоджийском обществе. Вместе с тем он сказал, что эти элементы составляли всего лишь «2 %» населения (вероятно, 140 000 мужчин и женщин). Оставшиеся 98 %, «громадная производительная сила», были освобождены и включены в революцию. Четырехлетний план партии в выступлении упомянут не был, хотя Пол Пот добавил, что уровень жизни в стране снизился «всего лишь для 5 %» населения, а для остальных он поднялся до «уровня крестьян-середняков». Это утверждение бросает вызов сотням интервью, которые дали те, кто выжил. Говоря о внешней политике, Пол Пот отметил, что «политическая система Демократической Кампучии… не позволяет нам проявлять агрессию». Читая между строк, мы увидим, что Пол Пот противопоставлял Камбоджу Вьетнаму.[246]

Вскоре после трансляции записи этого выступления радиостанцией «Пномпень» Камбоджа получила поздравления из Северной Кореи, Китая, Вьетнама, Лаоса и Румынии. Вьетнамское национальное радио неуклюже заметило, что вьетнамцы «всегда считали *особые отношения с…* Кампучией своим священным делом» (курсив добавлен автором). Имея таких друзей, думал Пол Пот, Камбоджа расправится с врагами.

Во время трансляции своего выступления Пол Пот находился в Пекине. Элегантный, одетый в китайского стиля костюм, он впервые появился на публике в качестве премьер-министра и секретаря компартии Кампучии. Была ли эта поездка настолько триумфальной или Пол Пот действовал под давлением обстоятельств? Этот визит напоминал поездки Сианука в Китай в 1960-е годы, когда принц искал помощи, чтобы защитить Камбоджу от проамериканского южновьетнамского режима. Появление Пол Пота на публике стало ценой, уплаченной за союз с Китаем против Вьетнама. История повторялась. Демократической Кампучии оставалось существовать чуть больше года.[247]

Глава 7
Развал, 1977–1979

Пребывание Пол Пота в Китае и Северной Корее

28 сентября 1977 года, перед прибытием Пол Пота в Пекин, 100 000 зрителей, махавших бумажными флажками, были выстроены вдоль улицы Чанган по дороге к Вратам Небесного мира. Расточительные приготовления напоминали подготовку Сианука к приему важных иностранных визитеров. Впервые Пол Пота принимали подобным образом {1 О визите Пол Пота в Китай см. N. Chanda. Brother Enemy, p. 98 и далее. Этот визит примерно совпал с первой годовщиной ареста Банды четырех, а также, как мы теперь знаем, с борьбой за лидерство между Хуа Гофеном и Дэном Сяопином. Посмотрев фильм о приеме Пол Пота в Китае, Сианук (в книге Prisonnier des khmers rouges, p. 217–218) безнадежно заметил, что такой прием «своим великолепием превосходил все, что я когда-либо видел». Идентификация Салот Сара с Пол Потом стала результатом сравнения фотографий и совпадающих деталей, прозвучавших в краткой биографии, переданной по радио во время визита Пол Пота в Северную Корею (анализируется ниже).}.

В аэропорту кхмерскую делегацию встретили китайский премьер Хуа Гофен и Дэн Сяопин. Фотографии, сделанные во время встречи, позволили зарубежным аналитикам утверждать, что Пол Пот — это Салот Сар. Во время визита в Китай его сопровождали Иенг Сари, Ворн Вет, Тиоунн Тоён (министр здравоохранения ДК) и еще несколько младших по рангу штатных сотрудников.

Камбоджийцы оставались в Китае до 4 октября. Из Пекина они отправились в Северную Корею. И в той, и в другой стране их время было заполнено церемониями, банкетами и выступлениями. Хотя в своих выступлениях Пол Пот и не говорил конкретно о Вьетнаме, он действительно подчеркивал неприкосновенность границ Камбоджи и ее национального суверенитета. Он также вновь заявил о своем восхищении Мао Цзэдуном и его идеями перманентной революции и классовой борьбы. В ответной речи Пол Поту Хуа Гофен похвалил Демократическую Кампучию за ее «правильную линию… с опорой на массы, сохранением независимости и упорным продолжением вооруженной борьбы», тогда как в своей передовой статье одна из

китайских газет назвала дружбу Китая с Камбоджей «нерушимой». До этого данное определение употреблялось лишь применительно к союзу Китая с Албанией. Как предположил Наян Чанда, Пол Пот чувствовал, что левая фракция во властных структурах Китая поддержит его радикальную внешнюю политику и конфронтацию с Вьетнамом. В действительности китайское руководство испытывало, по-видимому, смешанные чувства к Пол Поту: с одной стороны, китайцы восхищались его рвением и храбростью, но в то же время его наивное триумфаторство доставляло им беспокойство.[248]

Пол Пот в неофициальных беседах упоминал о конфликте с Вьетнамом. Он верил, что возрастающая сила про-китайских азиатских компартий, включая партии Таиланда, Бирмы, Малайзии и Индонезии, работает на Камбоджу. Он выразил уверенность в победе. Одной из причин, побудивших его совершить поездку в Китай, стала убежденность в том, что помощь китайцев укрепит военную мощь Камбоджи или, по крайней мере, заставит вьетнамцев быть осторожнее. Он никогда не рассматривал варианты в виде поражения, компромисса или переговоров.[249]

Еще одним основанием для поездки стало намерение Пол Пота продемонстрировать «человеческое лицо» страны и опровергнуть обвинения в нарушении прав человека, терроре и голоде, которые раздавались в Таиланде и на Западе. С этой целью к визиту Пол Пота китайцы выпустили глянцевый журнал под названием «Демократическая Кампучия движется вперед» и документальный фильм, снятый ранее в том же году. И в журнале, и в фильме были показаны рабочие места, бурно развивающаяся промышленность и новые ирригационные дамбы; сытые и довольные рабочие обычно улыбались. Кроме того, «раскрывавшаяся» Камбоджа приглашала к себе сочувствующих иностранных гостей и хотела установить дипломатические отношения с Бирмой, Таиландом и Малайзией — странами, в которых, как частным образом утверждал Пол Пот, развивались революционные движения.[250]

В Северной Корее награду Пол Поту вручил корейский лидер Ким Ир Сен (Kim Il Sung). В день прибытия Пол Пота северные корейцы передали по радио его биографический очерк. Это были первые биографические сведения о Пол Поте, достигшие внешнего мира. В очерке говорилось, что он родился в 1925 году. Было сказано, что начальную школу он посещал в 1930–1935, а «начальное и среднее обучение» датировалось 1940–1948 годами. В 1937–1939 годах Пол Пот, по-видимому, работал в хозяйстве своих родителей. «До Второй мировой войны», сообщалось в

тексте, «он развил в себе любовь к родине и своему народу, а обсуждения патриотической борьбы и чтение прогрессивных книг зародили в нем ненависть к врагам народа». До 1940-х в Камбодже было трудно отыскать какие-либо «прогрессивные книги», однако трудолюбивая, ориентированная на будущее молодость (а также работа в крестьянском хозяйстве, чего в 1980–1990-х не вспомнил ни один из братьев Пол Пота) была подходящей основой для революционера.[251]

В 1949–1952, говорилось в очерке, Пол Пот «участвовал в организации кружка по изучению марксизма-ленинизма среди студентов коллежа» в неназванной стране, а потом отправился в «джунгли… во время вооруженной борьбы с Францией». Далее в очерке перечислялись должности, которые Пол Пот занимал в Коммунистической партии Кампучии с момента партийного конгресса в 1960 году и до избрания премьер-министром. Однако для своего собственного народа Пол Пот продолжал оставаться загадочной фигурой. На кхмерском языке его биография по радио не прозвучала.

Война Камбоджи с Вьетнамом

По возвращении в Пномпень участники кхмерской делегации узнали, что вьетнамские войска недавно пересекли границу Камбоджи в отместку за нападения камбоджийцев на Тайнин. Вьетнамцы явно приурочили некоторые свои атаки к визиту Пол Пота в Китай: этим они хотели выразить неудовольствие и показать свою военную мощь.[252] Конфликт обеих сторон по-прежнему держался в тайне от внешнего мира. Чтобы понять причины, по которым разразилась война между Камбоджей и Вьетнамом, мы должны взглянуть на историю и геополитику данного региона и оценить влияние, оказанное на него расколом между СССР и Китаем, а также испортившимися китайско-вьетнамскими отношениями.

Начиная с XVII века, если не раньше, отношения с Вьетнамом стали главным направлением внешней политики большинства камбоджийских правителей. Удобное расположение, малочисленность населения и ресурсы сделали Камбоджу лакомым кусочком для вьетнамцев. Вместе с тем культурные различия между Камбоджей и Вьетнамом до последнего времени были самыми глубокими во всей Юго-Восточной Азии. Столетиями презрение вьетнамцев и недоверие кхмеров окрашивали отношения между двумя этими народами и затрудняли их взаимопонимание.

В рамках коммунистического движения Пол Пота и его соратников обучали вьетнамцы. Компартия Камбоджи выкристаллизовалась под руководством вьетнамцев, причем произошло это с целью поддержки войны Вьетнама с Соединенными Штатами. Когда Камбоджа одержала свою собственную победу, красные кхмеры объявили о независимости от Вьетнама, вычеркнув его из истории партии и начав совершать жестокие набеги на его территорию. Имеющиеся свидетельства указывают на то, что патронаж вьетнамцев всегда возмущал лидеров Камбоджи. Одержав победу, они сочли себя неуязвимыми.

В глазах вьетнамских коммунистов Камбоджа никогда не обладала особенной важностью, разве что как территория, прикрывавшая Южный Вьетнам от капиталистического Таиланда. Корректные, но прохладные отношения с красными кхмерами устраивали вьетнамцев, перед которыми стояли грандиозные задачи реконструкции и политической унификации после войны с Соединенными Штатами. В свете непримиримой позиции красных кхмеров относительно границ, а также последовавших за этим подрывной деятельности камбоджийского меньшинства в Южном Вьетнаме и вооруженных нападений в следующем году, Камбоджа стала проблемой, требовавшей военно-политического решения. С учетом баланса сил унижение Камбоджи стало делом времени.

Вражда Камбоджи и Вьетнама была и частью более крупного полотна. Китайско-вьетнамские отношения ухудшались уже на протяжении нескольких лет. Китай оскорбляло присутствие на его южных границах союзника «ревизионистского» Советского Союза, вьетнамцев задевало, что на их западных границах находится союзник Китая, т. е. Камбоджа. Китайско-вьетнамские отношения во многом напоминали отношения вьетнамцев с Камбоджей. Недоверие вьетнамцев к Китаю подпитывалось ощущением преследования — тем же самым, которое чувствовали по отношению к Вьетнаму красные кхмеры. Камбоджийцы выискивали прецеденты империалистического поведения вьетнамцев в XIX веке во многом так же, как вьетнамцы искали в тысячилетней истории примеры попыток китайцев установить над ними свое господство. Точно так же традиционное мнение китайцев насчет неуправляемости и ненадежности Вьетнама было похоже на то, которое сформировалось у Вьетнама относительно Камбоджи. Ирония судьбы состояла еще и в том, что борьба Пол Пота за покровительство иностранных государств (например, Вьетнама) напоминала действия камбоджийского короля Нородома в 1869-х годах, когда он приветствовал французский протекторат, а также более поздние меры, принятые Сиануком и

Лон Нолом, при столкновении с вьетнамской угрозой. В 1978 году Пол Пот заявил зарубежным гостям, что он «строил социализм, никому не подражая», но подобно своим предшественникам он стал жертвой прошлого Камбоджи и ее географического расположения. Пол Пот и его соратники были окружены численно превосходившими войсками Вьетнама. Пол Пот считал, что на протяжении всей истории лишь внешние силы спасали Камбоджу от вьетнамской агрессии. И также, как Сианук и Лон Нол, он переоценил дружеское расположение соседей.

По мере того, как Камбоджа и Вьетнам все ближе подходили к непрерывным военным действиям и разрыву дипломатических отношений, высокопоставленные чиновники метались между Пекином, Ханоем и Пномпенем. Толку от этих визитов было мало, хотя поездка китайского вице-премьера Чен Юнгуя в Камбоджу представляет сюжетный интерес.

Чен Юнгуй был членом Политбюро китайской компартии с репутацией верного маоиста. Он посетил Камбоджу в конце 1977 года якобы для того, чтобы передать камбоджийцам опыт Дацхайской (Тайчайской) сельскохозяйственной бригады из Северного Китая, которую он контролировал в 1960-х и достижения которой неоднократно превозносились в кампаниях, проходивших под лозунгом «Учись у Дацхая». Во время визита в Камбоджу Чен Юнгуй посетил сельскохозяйственные угодья (повсюду его сопровождал Пол Пот) и похвально отозвался о внутренней политике Камбоджи, назвав ее «совершенно правильной». На публике он почти ничего не сказал о поддержке Камбоджи в ее конфликте с Вьетнамом.[253]

Однако постоянное присутствие Пол Пота рядом с Чен Юнгуем указывает на то, что он делал все возможное, чтобы продемонстрировать свое уважение и крайнюю заинтересованность в военной помощи китайцев. Кроме того, своим неожиданным появлением на полях в компании Чен Юнгуя Пол Пот рассчитывал показать членам партии, что он руководил страной и имел могущественных друзей.

Информация о визите Чена в Камбоджу добыта из официальных заявлений и радиотрансляций. Однако об одном коротеньком забавном эпизоде мы узнаем из признания Чоу Чета, сделанного спустя четыре месяца после визита китайского вице-премьера. В этом эпизоде Пол Пот ведет себя неожиданным образом, а живописность революционной картины немного тускнеет.

Чоу Чету (Си), партийному секретарю западной зоны, революционеру, исполнилось тогда пятьдесят три. В 1950-х он работал с Пол Потом в Пномпене, но уцелел в чистках 1976 года.

В конце 1977 года он как раз выздоравливал от нескольких болезней, возможно, поразивших его из-за страха подвергнуться чистке. И тут в его кабинете в Компонгчхнанге собственной персоной появляется «Брат номер один». Как вспоминал Чет:

«Та Чай [Чен Юнгуй] вскоре собирался совершить экскурсию. Меня попросили сопровождать его в поездке по Компонгчхнангу… Когда я узнал о том, что Та Чай собирается совершить поездку по моей зоне, я удостоился чести принимать его, поэтому работал днем и ночью, ездил повсюду. Принимая [Чен Юнгуя], я пришел в полный восторг и позабыл о «Брате номер один», [Ворн Вете] и [Иенг Сари]. Я пошел прямо в первом ряду, даже впереди «Брата номер один». То, что я говорил, не подходило революционному лидеру. Мои слова не вписывались в протокол… Как только Та Чай, еще не отдохнувший от поезда, пошел взглянуть на рис, я все равно сразу же попросил у него дружеского совета. В этот момент «Брат номер один» рассмеялся». [254]

Описанная Чоу Четом сцена словно сошла со страниц журнала «Демократическая Кампучия движется вперед». Утром 10 декабря кортеж, сопровождавший китайских гостей, Пол Пота и других высокопоставленных партийных деятелей, приехал в колхоз в местечке Пномпопок в провинции Компонгчхнанг, преодолев меньше десяти километров от ближайшей железнодорожной станции в Ромеасе. Рядом с «седанами», на которых прибыли гости и важные чиновники, был припаркован китайский грузовик (или, возможно, пара джипов). Приехавшие на этом грузовике охранники уже распределились по местности. В ожидании именитых гостей руководители зоны, в чистых крестьянских рубахах и искусно связанных хлопчатобумажных шарфах *(крама),* простояли уже несколько часов. Сам участок и сытые, улыбающиеся работники выбирались и приводились в порядок заранее. Участок был образцовый, компактный, золотистый, площадью в один гектар. Вскоре после прибытия гостей работники должны были начать молотить рис-сырец в стиле Дацхайской штурмовой атаки, возможно, под какую-нибудь революционную песню. Все ждали, что Пол Пот и «Тай Чай» скажут несколько слов и дадут команду к действию. Вместо этого их ждало корявое, спонтанное представление, устроенное Чоу Четом, когда этот революционер средних лет, чрезмерно взволнованный присутствием вице-премьера Китая и, возможно, до безумия запуганный Пол Потом, что-то бормоча и запинаясь, вмешался и испортил все представление. Это и вызвало снисходительный смеху Пол Пота.[255]

Через несколько месяцев от комедии не осталось и следа: Чоу

Чет был арестован, и его заставили описывать, как он всю свою жизнь предавал партию. В его многотомном «признании», содержалась проницательная оценка Демократической Кампучии. Признание было составлено в форме беседы, якобы состоявшейся у Чоу Чета с неким вьетнамским агентом в конце 1976 года. На самом деле его замечания, по-видимому, отражали услышанное от несчастных товарищей по партии. Он писал: «[Я сказал, что] правящий режим был крайне диктаторским, слишком суровым и жестоким, из тех, что выходили за пределы понимания и сознания людей. Поэтому многие из них ворчали и стонали по поводу того, что много работают и мало с этого имеют, что разлучены со своими семьями, не могут отдыхать, никогда не веселятся и т. д.»[256]

Невозможно сказать, знал ли Пол Пот о таком широком недовольстве. Не исключено, что он рассматривал войну с Вьетнамом как способ сплотить народ и утихомирить волнения. Он считал, что вьетнамская «агрессия» была связана с «предательскими элементами» внутри камбоджийской компартии. Люди, не согласные с политикой красных кхмеров, становились «врагами», среди которых чаще всего фигурировали ЦРУ, КГБ и вьетнамцы. Те, кто соглашался с руководством или не высовывался лишний раз, оставались в живых — на некоторое время.

Война начинается

Атаки вьетнамцев в декабре 1977 года были на тот момент самыми серьезными. Их войска продвинулись на 20 километров вглубь Камбоджи и добрались до города Свайриенг. В Livre noir утверждается, что вьетнамцы отправили в Камбоджу пятьдесят тысяч солдат. Возможно, вьетнамцы надеялись, что это заставит Камбоджу отказаться от военных операций (еще несколько тысяч камбоджийских солдат двинулось на Вьетнам, оставив границу незащищенной) и согласиться прекратить огонь.[257]

31 декабря 1977 года, когда вьетнамские подразделения все еще находились на территории Камбоджи, Демократическая Кампучия разорвала дипломатические отношения с Ханоем, перечислила по радио весь перечень «агрессивных действий» вьетнамцев и начала антивьетнамскую пропаганду. Решение о прекращении дипломатических отношений было принято 25 декабря, когда Центральный Комитет решил направить подкрепление из столицы в районы, атакованные вьетнамцами. Подготовка документов, необходимых для объявления разрыва

дипломатических отношений с Вьетнамом и для оправдания этого, заняла у чиновников из Министерства иностранных дел (Б-1) сорок восемь часов.[258]

Через неделю вьетнамцы отступили, забрав с собой тысячи военнопленных. С ними отправилось немало гражданских лиц, которым предложили убежище во Вьетнаме. Радиостанция «Пномпень» объявила это отступление «исторической победой». Точно так же было сделано и в Livre noir с целью скрыть промах Пол Пота и его военачальника Сон Сена. Чтобы обелить себя, оба частным образом утверждали, что «враги» партии позволили вьетнамским войскам отступить. Так были созданы условия для проведения новых чисток в восточной зоне, куда вьетнамцы проникли глубже всего и где старейшие члены компартии уже давно подозревались в измене. До начала чистки, но, возможно, уже решив ее провести, Пол Пот посетил восточную зону, чтобы похвалить своих полководцев за проявленный героизм. Успокоить людей перед тем, как нанести удар, — эта тактика была у Пол Пота одной из любимых.[259]

Вьетнамцы вторглись в Камбоджу, намереваясь подтолкнуть ее к переговорам; но вместо этого воткнули палку в осиное гнездо. Теперь лидеры Камбоджи были убеждены в том, что Вьетнам хотел завоевать их страну. Они начали готовиться к священной войне. В январе и феврале 1978 года военные подразделения красных кхмеров неоднократно вторгались в слабо защищенные районы Вьетнама, убивали местных крестьян, поджигали дома и грабили лавочников. В другое время красные кхмеры обстреливали из артиллерийских орудий приграничную зону вьетнамцев. Предложения последних относительно переговоров категорически отвергались. В своей речи от 17 декабря 1978 года Пол Пот процитировал «мнение мировой общественности» и сказал: «В большинстве своем она убеждена в том, что [мы]… одержим победу и изгоним вьетнамцев, потому что уже разгромили американских империалистов». Он надеялся на то, что после этого от Пекина поступит новая помощь.[260]

Американские чиновники рассматривали конфликт между Камбоджей и Вьетнамом в контексте китайско-советского раскола. 8 января 1978 года советник американского президента Збигнев Бжезинский назвал этот конфликт «симулированной войной» («proxy war») между СССР и Китаем. В феврале китайцы ускорили отправку военной помощи в Пномпень и начали собственную пропаганду против Ханоя. Вьетнамское правительство стало преследовать этнических китайцев и укрепило свои отношения с Советским Союзом. Вьетнамцы также пришли к политическому решению «проблемы» Камбоджи. Оно

состояло в том, чтобы подстрекать противников Пол Пота выступить против него. Кроме того, вьетнамцы начали обучать камбоджийцев, находившихся во Вьетнаме. Их готовили для участия в военных операциях и для того, чтобы они составили ядро нового режима в Камбодже. К середине февраля 1978 года радиостанция «Ханой» стала отзываться о политике Камбоджи как о «варварской», как об отражении «фанатичного национализма» и «средневекового сельского мышления». В этот момент планы Ханоя относительно Камбоджи стали напоминать замысловатые фантазии, которые еще с середины 1976 года начали выдумывать Дуч и его подчиненные.[261]

Открытие дверей

В ответ на действия Вьетнама Пол Пот начал искать друзей за границей, приглашать иностранных гостей в Камбоджу, незначительно поднимать уровень жизни людей. Кроме того, он гарантировал сомнительную политическую амнистию людям «17 апреля» и продолжил искоренение врагов. Его новая политика подразумевала и более гостеприимное отношение к зарубежным гостям. В период с ноября 1977 и до конца 1978 года Камбоджу посетили официальные делегации из Бирмы, Малайзии, Таиланда, Румынии, Югославии и скандинавских стран. Из Югославии в Камбоджу приехала группа телевизионщиков и репортеров, а из других государств, включая Австралию, Бельгию, Данию, Францию, Италию, Японию, Норвегию и США, прибыли делегаты от прокитайских марксистско-ленинских партий. Гостям показывали Ангкор и образцовые сельскохозяйственные участки. Большинство из них встречалось с Иенг Сари, а некоторые — с Нуон Чеа и Пол Потом. Вдобавок теперь лидеры красных кхмеров обменивались по почте поздравлениями с главами других государств и прокитайскими компартиями по случаю национальных праздников, а также отвечали на предложения об оказании политической поддержки. Частью политики «открытых дверей» в Демократической Кампучии стала и публикация материалов на французском, английском и кхмерском языках.

В этот период Пол Пот стал доступнее, чем когда-либо. В ходе этих контролируемых встреч он был неизменно приятен, но не слишком откровенен. В то же время, выбирая темы для разговоров с той или иной группой гостей, Пол Пот обнаруживал многие из своих предрассудков.[262]

Для югославской съемочной группы, гостившей в Камбодже, Пол Пот сделал короткое заявление. «Вы первыми узнаете мою

биографию», — с улыбкой сказал он югославам. И вновь, как и в сообщении, переданном по корейскому радио, он скрыл свои дворцовые связи, свое настоящее имя и блестящее образование. Зато в этот раз он признал, что учился в Европе и работал в Югославии. Пол Пот добавил, что после возвращения домой он преподавал «историю, географию и гражданское право в одной частной школе». В это время, добавил он, «полиция Лон Нола следила за моей деятельностью. Они знали о моем существовании, но не знали меня в лицо». Говоря о своей политике, он упомянул: «Мы хотим покончить со всеми следами прошлого». Один из его бывших студентов из Чамраон Вичеа, Сот Полин, работавший таксистом в Париже, сразу же узнал Пол Пота, как только его интервью было показано по французскому телевидению. Узнал Пол Пота и его старый наставник Кенг Ваннсак. Один из югославов заметил другу, что на всей отснятой пленке улыбался лишь Пол Пот.[263]

Для того чтобы строить социализм и защищать Камбоджу от Вьетнама, Пол Пот и его соратники готовы были сотрудничать с кем угодно. Для нападения на Вьетнам им следовало объединиться с менее страшными врагами, например с камбоджийцами, находившимися в противоречии с партией. Это означало смягчение враждебного отношения к «новым людям» и отмену карантина, в который попадали камбоджийцы, возвращавшиеся из-за границы. Это делалось якобы для блага революции.

В 1976–1977 годах в Камбоджу вернулось несколько сот хорошо образованных мужчин и женщин, большинство из которых являлись выпускниками университетов. Они приехали из Франции, Соединенных Штатов и других стран. Многие из них сочувствовали новому режиму, однако те, кто не вызывал доверия, а в их число попали все вернувшиеся из Соединенных Штатов, были казнены вскоре после приезда. Уцелевших отсылали на фабрики, а в конце 1976 года — на сельскохозяйственные работы в специальном лагере в западной провинции Компонгчам. Условия в этом лагере были суровее, чем в остальных местах, и все же здесь было лучше, чем в других районах страны. Многих интеллигентов унижали тем, что заставляли выполнять черную, грязную работу. Других задевали лекции о «Марксе-Ленине» (безо всяких объяснений эти имена возникают во многих партийных текстах), которые читали полуграмотные люди. В середине 1978 года некоторых вернувшихся перевезли в Пномпень, где неплохо кормили. С ними занимались Иенг Сари и Кхьё Самфан. В октябре из этой группы отобрали пятнадцать человек для создания факультета в

технологическом университете под руководством Тиоунн Мумма. Туда было зачислено триста учащихся в возрасте от десяти до шестнадцати лет. Разрабатывались планы, по которым в 1979 году в Камбодже предполагалось снова ввести денежное обращение и смешанную экономику.

Частью политики «открытых дверей» стало создание начальных школ. Выжившие вспоминали, что детей «новых людей» в эти школы не принимали. Появились искусно сделанные и напечатанные на хорошей бумаге учебники по географии и арифметике. Кое-где людям позволялось носить одежду ярких цветов (если удавалось найти такую) вместо унылых черных пижам, которые в 1975–1977 годах носил весь народ. Рабочим давалось больше времени на отдых. В мае 1978 года была отменена классификация граждан на «полноправных», «кандидатов» и «депозитариев» («depositöes»), действовавшая с 1975 года, а в течение нескольких последующих месяцев были амнистированы некоторые категории врагов, хотя большинство камбоджийцев об этом не знало. Никаких мер относительно смягчения правил коллективных трапез не принималось. Также ничего не было сделано для возрождения религиозных обрядов и укрепления семейных отношений за счет сокращения числа кооперативов, рабочих бригад и военных объединений. Вместо этого дифирамбы коллективному образу жизни зазвучали еще громче. Кроме того, произносились слова о том, что камбоджийский коллективизм одолеет индивидуалистический характер Вьетнама.[264]

Примерно в это время Центральный Комитет распространил среди членов партии один разъяснительный документ, в котором сообщались подробности амнистии многих потенциальных «врагов», остававшихся на свободе. В прошлом эти люди якобы были связаны с ЦРУ, вьетнамцами и КГБ. В извращенном MnpeS-21 считалось, что они уже известны партии. И вот теперь партия готовилась простить их. Амнистия даровалась не всем. Те, кто работал на службы иностранной разведки в 1946–1967 годах, т. е. с момента начала Первой индокитайской войны и до организации вооруженной борьбы, прощались, если могли доказать, что с тех пор не принимали участия в каких-либо предательских действиях. На тех же условиях отпускались те, кто совершил преступления во время периода вооруженной борьбы (1967–1970) и те, чьи преступления датировались 1970–1975 годами. По сути, этот документ даровал амнистию людям, связанным с режимами Сианука и Лон Нола. Однако те, кто начиная с апреля 1975 года «упорно продолжал объединяться в борьбе против Коммунистической партии Кампучии, власти

рабочих и крестьян, социализма и коллективизма, кто воевал против камбоджийского народа и Демократической Кампучии… будут осуждены, ибо они решили присоединиться к предателям». Это относилось к членам партии.[265]

Режиму, гордившемуся своими «штурмовыми атаками» и «сокрушением врагов», чувство милосердия было незнакомо, однако в комментарии к указу, опубликованному в *«Тунгпадеват»*, приостановлению чисток и прощению возможных преступников давалось равнодушное разумное объяснение. Тем, кто как-то навредил партии в период с 1975 года и теперь был согласен «выйти, чтобы раскаяться и выполнять свои обязанности», наказание, по-видимому, не грозило: «Это делается в соответствии с партийной *линией спасения человеческих жизней,* потому что, если мы беремся за одного, это затрагивает не только его, но и других. Так что мы хотим расширить число друзей и одновременно сократить число врагов» (курсив добавлен автором).[266] Этот тревожный отрывок подкрепляется одним подозрением, которое возникает в ходе анализа признаний из S-21: возможно, три четверти людей попали туда не за свою деятельность, а за свои связи. Из-за малого количества подготовленных кадров большинство членов партии знали друг друга. Если ты знал врага или состоял с ним в родственных связях — этого было достаточно для того, чтобы лишиться жизни.

Возможно, красные кхмеры полагали, что амнистия восстановит доверие к их режиму, породив ощущение благополучия, которого так недоставало людям. Может быть, они думали, что амнистия подтолкнет людей, не любивших режим, к объединению против Вьетнама. Более циничное толкование этого шага состоит в том, что при помощи амнистии коммунисты рассчитывали избавиться от врагов, которые, получив «прощение», продолжали оставаться контрреволюционерами. Другими словами, тем, кто был действительно невиновен, нечего бояться. А расправиться с теми, на ком лежала вина, — с тысячами неизвестных противников — было делом времени.

Нападение на врагов

Несмотря на успешные чистки, проведенные в 1977 году и так ярко описанные во многих партийных документах, «микробы» по-прежнему заражали организм Камбоджи. Они проникли в армию, кооперативы, министерства. Их деятельность была заметнее всего там, где среди населения распространялись идеи «индивидуализма». Некоторые из них, как утверждалось, были

«систематически левыми», другие — «систематически правыми». Вознаградить партию, о которой говорили, что «у нее столько глаз, сколько чешуек у ананаса», могла ее бдительность. В начале 1978 года была запущена политика розыска новых автобиографических заявлений. Кконцу года «люди 17 апреля» вновь оказались под наблюдением. Репрессивный аппарат режима не мог замедлить свою работу или изменить ее направление только из-за объявления какой-то там «амнистии».

В сущности, деятельность центра S-21 по сравнению со всеми остальными учреждениями страны была налажена лучше всего. В первой половине 1978 года сюда попало 5760 заключенных — примерно столько же, сколько за весь 1977 год. С июня по декабрь их число не уменьшилось. Большинство арестов было связано с чистками на востоке, которые начались в мае 1978 года и продолжились до октября включительно, затронув военных, «новых людей» и тех, кто готовился к вторжению вьетнамцев там, где оно ожидалось. Партийный секретарь зоны Сао Фим в июне покончил жизнь самоубийством; его родственник Муол Самбат (Нхим Рос), секретарь северо-западной зоны, был арестован и помещен в Туолсленг. К середине 1978 года партия заменила немалую часть своих войск, которым не удалось вытеснить вьетнамцев, верными партии подразделениями, переброшенными из центра и с юго-запада. Два года спустя бывший член партии так описал этот процесс Стивену Гедеру: «Потом мы стали предателями. Мы все сделали правильно, а потом пришли они и всех поубивали. Мы боролись с вьетнамцами, а они убивали нас за то, что мы не воевали с вьетнамцами».[267]

За несколько последующих месяцев военная инфраструктура восточной зоны была развалена в результате чистки. Эта чистка напоминала репрессии, пронесшиеся по советской армией в 1930-х. Около 100 000 людей, большую часть которых составляли члены партии, солдаты и их семьи, было собрано и предано смерти. Нечто похожее, только с меньшим размахом, произошло и на северо-востоке, в старой опорной области, где в 1978 году местные партийцы были заменены выходцами с юго-запада. В обеих зонах сотни тысяч других людей были эвакуированы на север и северо-запад, чтобы препятствовать захвату этих территорий вьетнамцами. В ходе этих операций погибло чрезвычайно много народа.

Катастрофа на востоке была изучена Беном Кирнаном, о ней вспоминали и многие из тех, кто остался в живых. Это событие имеет огромное значение, потому что Пол Пот в конечном итоге порвал со своим революционным прошлым, связанным именно с востоком. Он захотел забыть о когда-то близких отношениях с

Сао Фимом и днях, проведенных на Базе 100. Он сделал так, чтобы все думали, будто у него никогда не было длительных отношений с Вьетнамом и Вьетнамской коммунистической партией. Устраивая чистку на востоке, Пол Пот перекраивал историю и собственную биографию. Возможно, он обвинял «восток» — этакую смесь Вьетнама и своей доверчивости — в неприятностях, досаждавших его стране. Безусловно, этот регион поплатился более жестоко, чем любой другой — и получил достаточное влияние, когда в 1979 году при содействии вьетнамцев была создана Народная Республика Кампучия (НРК). [268]

Среди других высокопоставленных партийных деятелей, затронутых чисткой в 1978 году, оказались Ворн Вет, заместитель премьер-министра, отвечавший за экономику, Чоу Чет, секретарь западной зоны, и Муол Самбат, секретарь северо-западной зоны. Все эти люди были тесно связаны с Пол Потом и Нуон Чеа в 1950-х. В конце 1978 года в признаниях стало упоминаться имя Сон Сена, начальника генерального штаба, члена партийного центра и человека, отвечавшего за S-21. В июле он посетил Китай в качестве министра обороны. Тот факт, что этот человек вдруг оказался знакомым военных и ветеранов партии, попавших в чистку, не удивляет, однако вероятность его вины чрезвычайно мала. Пламя, охватившее партию, продвигалось все ближе и ближе к центру, и если бы вьетнамцы помедлили со своим нападением, вероятно, именно Сон Сена и других, кто стоял рядом с верхушкой власти, «призвали учиться». [269]

Считал ли Пол Пот этих бывших своих близких соратников действительно виновными? Биограф Сталина Роберт Таккер, исследуя советские чистки 1930-х годов, задавался похожим вопросом: «Что заставляло Сталина верить безосновательным обвинениям?» Таккер доказывает, что «лишь веря в предательские замыслы жертв… [Сталин] мог примириться с их нежеланием преклоняться перед ним». Для обвинения Пол Пота в таких же репрессиях этого объяснения недостаточно, однако вероятно, что он считал предателями людей с другими стратегическими взглядами или тех, кто не желал умерить свои личные амбиции. Они предавали тот сплав революции и партии, с которым Пол Пот и Нуон Чеа («организация») себя отождествляли. Существование врагов было необходимо для классовой борьбы. В свою очередь классовая борьба являлась важнейшим элементом маоистской теории перехода от социализма к коммунизму. Противоречия в народе двигали партию вперед. Для сохранения движущего импульса нестабильность была просто необходима. Подозрения подпитывали вождей партии, и они гордились своей

способностью раскрывать заговоры. Подозреваемые в предательстве и обеспечивали ту неустойчивость, в которой нуждалась нация, чтобы двигаться дальше. Однако был ли хотя бы один из них действительно виновен — выяснить очень сложно. [270]

Культ личности?

Разрозненные свидетельства указывают на то, что во второй половине 1978 года сложились условия для возникновения культа личности Пол Пота. Если бы его режим продержался чуть дольше, то под влиянием культа личности его немногословная, секретная манера управления могла стать более персонифицированной и усилить преемственность с предыдущими нереволюционными режимами. Подобно многим коммунистическим лидерам — здесь приходят на ум Мао, Кастро и Тито — Пол Поту приходилось бороться с обожествлением, исходившим от некоторых его соратников. Как ни крути, именно благодаря его дальновидной тактике и стратегии Камбоджа вырвалась из-под контроля Соединенных Штатов и их феодальных марионеток; именно «Брат Пол» уничтожил врагов партии, хранил бдительность, заключил союз с Китаем и являлся идейным вдохновителем Четырехлетнего плана. Товарищи по партии считали, что именно ему нация обязана своими достижениями. Другим казалось, что так говорить гораздо благоразумнее: они хотели удержаться на своих постах. Кроме того, они видели, как часто Пол Пот прибегает к террору.

В признаниях 1977–1978 годов Пол Пот стал называться замысловатей, чем прежде. Вместо «Брата Пола» и «Брата номер один» премьер-министра (кстати, так Пол Пота в признаниях никогда не называли) стали именовать «Дядюшкой-секретарем» *(ом лекха),* «партийным центром» *(мокчимпак),* «руководящим аппаратом»*(кбалма-син)* и «организацией» *(ангкар)*. К середине 1978 года большие портретные фотографии Пол Пота были развешены в коллективных столовых по всей стране — и его братья узнали, что во главе страны стоял маленький Сар, которого они в последний раз видели в 1950-х годах. В некоторых документах упоминания о руководстве партии стали заменяться на фразы о его «дальновидном руководстве». [271]

Однако культ личности в Камбодже так никогда полностью и не расцвел, потому что самореклама давалась Пол Поту нелегко, а частые появления на публике, вытекавшие из такого культа, шли вразрез с его манией преследования. По-видимому, он чувствовал, что его открытость имела тактические преимущества

в объединении страны против Вьетнама. Возможно, на эти преимущества ему указали советники из Китая и Северной Кореи, питомцы общества, где почитание героев было нормой.

Наиболее конкретное доказательство культа личности представляют собой написанные маслом портреты Пол Пота, найденные в центре S-21 в начале 1979 года. На некоторых из них Пол Пот изображен до плеч; на одном, скопированном с фотографии 1973 года, он стоит спиной к водопаду. По словам Онг Тонг Хоёнга, работавшего в созданном позже Музее геноцида, эти портреты были написаны одним из заключенных. Его держали в S-21 больше двух лет, пока в январе 1979 года он «не сбежал». В 1979 году посетителями тюрьмы были также обнаружены формы для бетонных бюстов Пол Пота. Один из них был отлит из серебра. По утверждению австралийского журналиста Джона Пилджера, эти бюсты были изготовлены еще одним уцелевшим узником Туолсленга.[272]

В разговоре с Дэвидом Эшли в 1996 году выживший заключенный из S-21 Ванн Нат, нарисовавший в тюрьме несколько портретов Пол Пота, вспомнил, что к концу 1978 года появились планы создания более величественной скульптуры в честь Пол Пота:

«Мы должны были придумать революционный монумент. Сначала рисунок показали Нуон Чеа, который его одобрил. Потом набросок предполагалось показать Пол Поту, чтобы получить и его одобрение. Скульптурная композиция напоминала китайские и корейские памятники и изображала Пол Пота во главе шеренги людей. Его правая рука была выброшена вверх, а в левой он сжимал экземпляр революционных сочинений. Фигура Пол Пота была единственной, наделенной индивидуальностью. Позади него стояло несколько людей, изображавших прогрессивное развитие революционной борьбы: они начинали стопоров и ножей, а заканчивали современным оружием и Б-40 [ракетная пусковая установка]. [Начальник S-21] сказал, что планировалось разрушить храм в Ватпноме, а на его месте воздвигнуть этот монумент. Если бы вьетнамцы не напали, думаю, что это действительно бы случилось».[273]

По сравнению с продуманными культами, окружавшими Сталина, Мао и Ким Ир Сена, на фоне основательно организованного антиличностного культа Хо Ши Мина и угодничества перед Сианук и Лон Нолом, в этих фотографиях, статуях и портретах Пол Пота есть что-то от эксперимента, импровизации и искреннего преклонения. Похоже, что сотрудники S-21 заставили заключенных делать статуи и писать портреты Пол Пота без указаний лиц сверху. Когда режим

потерпел крах, Пол Пот быстро восстановил свою анонимность. Можно представить себе его облегчение. Даже в то время, когда он находился у власти, биография «Брата номер один» ни разу не транслировалась по радиостанции «Пномпень» и не публиковалась в «Тунг Падеват». Его фотографии не появлялись в партийной литературе. Никакие анекдоты о детстве Пол Пота, его преподавательской карьере и времени, проведенном среди партизан, не попали в камбоджийский фольклор. В Камбодже не устраивались посвященные Пол Поту представления, не звучали песни о нем и не издавались его «мысли». С другой стороны, если принять во внимание его всеохватывающий контроль над партией, склонность подавлять любое несогласие и уничтожать каждого, в чьей популярности чудилась угроза, становится ясно, что, отказываясь от собственного культа, он устранял всех конкурентов. Возможно, он расценивал популярность коммунистов вроде Хоу Йоуна и Саб Фима как попытку отстранить его от власти. Вновь напрашиваются параллели со Сталиным, однако безликий стиль Пол Пота был узнаваемо кхмерским. Его нападки на «индивидуализм», возможно, были вполне искренними.

Анонимность Нуон Чеа тоже вдохновляла Пол Пота. В эпоху Демократической Кампучии «Брат номер два» никогда не говорил о себе публично. В беседе с датской делегацией, вторя одному из высказываний Пол Пота, Чеа указал на то, что «секретная работа была основной». Он добавил, что «руководящий аппарат необходимо защищать любой ценой… пока руководство здесь, Партия не умрет». «Секретная работа» подразумевала неожиданный переезд из одной резиденции в другую, использование курьеров, жизнь под охраной, проверку пищи на наличие яда и т. п. Чтобы проиллюстрировать значение анонимности, Нуон Чеа, возможно, бессознательно, забыл упомянуть Пол Пота. С другой точки зрения, это прекрасное доказательство того, что культ личности в то время не существовал.[274]

За исключением Нуон Чеа, Пол Пот был наименее доступным камбоджийским лидером со времен Второй мировой войны. С учетом огромной власти, которой эти два человека обладали в 1975–1979 годах, мы должны признать, что их недоступность была намеренной. Скрытность обеспечивала безопасность и возможность маневрировать. В каком-то смысле оба они вели жизнь секретных агентов, даже отвечая за семь миллионов людей. Режим секретности лишал врагов уверенности и убеждал друзей и последователей в том, что все свое время они отдают революции. Возможно, так оно и было, особенно с учетом того,

что квинтэссенция революции, как заявил Чеа датским делегатам, удерживалась у власти. Впрочем, их стремление остаться в тени имело различные последствия. Пол Пот был основной фигурой, вызывавшей доверие и любовь. Многие камбоджийцы, видевшие Пол Пота лично, считали его воплощением образцового поведения — самообладания, изящества, добросердечия. Иностранцы, которых приводили восхищаться камбоджийскими лидерами как «личностями» (или по крайней мере отмечать их достоинства), находили Пол Пота неприятным, лицемерным и неуловимым. Нуон Чеа также избегал публичности. За исключением отдельных упоминаний о «чрезмерной эмоциональности», промелькнувших в 1980-х, и сообщений о том, что в годы власти он помогал жителям своей родной деревни в Баттамбанге, никаких других свидетельств о его личной жизни не осталось.

В сентябре 1978 года Пол Пот созвал национальный партийный съезд. Мероприятие растянулось на неделю.

Его посетило около шестидесяти человек. «Брат номер один» сидел на возвышении. Места по бокам от него занимали Нуон Чеа и Та Мок, секретарь юго-западной зоны. Именно он обеспечил приток новых кадров, занявших должности вычищенных членов партии. В выступлении Пол Пота был «очерчен новый четырехлетний план сопротивления вьетнамцам». В контексте «строительства нации» он «отметил необходимость создания образцовых кооперативов», которые смогли бы стать более или менее самостоятельными. Пол Пот нацелил одну треть камбоджийских кооперативов на достижение экономической независимости к 1980 году. Накануне коллапса Демократической Кампучии Пол Пот по-прежнему «учился у Дацхая» — или заставлял свою аудиторию так думать.[275]

Примерно в это же время на семинаре в Пномпене Пот Пот побеседовал с некоторыми возвращенными интеллигентами. Один из них рассказал Мари-Э. Мартин следующее:

«Он говорил *два дня.* Он хотел, чтобы государство превратилось в образец для подражания. Он требовал, чтобы урожаи [сельскохозяйственных культур] превысили урожаи в Японии. Он сказал, что Камбоджа была слаборазвитой страной, что ей необходимо быстро пробудиться, добиться успехов, совершить большой скачок. Сначала мы немного удивились, а потом его умелая речь вдохновила нас *(on s'est accrochö)»* (курсив добавлен автором)[276]'.

Подобным образом Пол Пот гипнотизировал небольшие аудитории на протяжении двадцати лет и с успехом продолжал делать это в 1990-х. Его способность очаровывать слушателей

была важнейшим элементом того арсенала, которым он пользовался как лидер. В 1991 году один камбоджийский чиновник, помнивший выступления Пол Пота, сказал, что больше всего поражала его «будничная» *(саманх)* манера разговора, «словно отца, говорившего с детьми».[277]

Многие оставшиеся в живых камбоджийцы вспоминали торжества по случаю очередной годовщины создания партии, в 1978 году охватившие всю Камбоджу. Они говорили, что тогда было достаточно (а иногда даже слишком много) еды. В Пномпене правительственным служащим показывали китайские и албанские фильмы и устраивали для них специальные застолья. По случаю праздника Пол Пот выступал на Олимпийском стадионе. Позже текст выступления был опубликован в «Тунг Падеват». В нем говорилось о неизбежности поражения вьетнамцев, дальновидности партии, достоинствах коллективизма и необходимости строительства социализма. «Если мы откроем дверь капитализму, — заявил Пол Пот, — мы потеряем страну». Под руководством партии, продолжил он, у «90 % населения» значительно улучшился уровень жизни. Мужчины и женщины, раньше не имевшие ни земли, ни еды и вынужденные «продавать своих сыновей и дочерей, едят три раза в день; сладкие десерты и сахар стали легкодоступны». Поскольку «99 % народа» объединились с партией, оставшиеся противоречия не имели значения. Проблема обеспечения средств к существованию решена, уверял Пол Пот. Однако он не привел никаких цифровых данных и ничего не сказал об экспорте риса. Теперь можно было сосредоточить усилия на других культурах и развитии промышленности.

Следующие несколько страниц речи Пол Пота, как и те разделы Четырехлетнего плана, где шла речь о промышленности, отмечены триумфальным стремлением принять желаемое за действительное. Несколько производств, о которых было сказано, что они «недавно созданы», на самом деле оставались еще от эпохи Сианука. Должно быть, те, кто отвечал за камбоджийскую промышленность, с облегчением слушали эти похвалы Пол Пота. Однако спустя два месяца директора предприятий, а также министр промышленности и его начальник Ворн Вет подверглись чистке. Предположительно, эти должностные лица не обратили внимания на новое звучание «Большого скачка»: теперь он должен был совершаться на основе промышленности, а не сельскохозяйственного сектора. Их могли обвинить в неспособности камбоджийских заводов работать по международным стандартам. Свое выступление Пол Пот завершил приветственными восклицаниями, поздравляя партию.

Он обещал своим слушателям «много новых достижений» и добавил, что «дружественные страны» внесут свой вклад в обеспечение безопасности Камбоджи.[278]

Выступление объяснило успехи режима Пол Пота. О войне с Вьетнамом говорилось с уверенностью в неизбежной победе Камбоджи. Вьетнам, сказал Пол Пот, не смог усвоить уроки истории, преподанные «Наполеону, Гитлеру и американским империалистам», которые докатились до позорного поражения. Возможно, аудитория верила ему или усиленно делала вид, что верила. Многие из присутствовавших были обязаны своими должностями именно Пол Поту. Может быть, как и Лон Нол, Пол Пот чувствовал себя неуязвимым. Не исключено, что, подобно Сианука, он ставил на какую-нибудь неожиданность (китайских «добровольцев»? крах Вьетнама?) В любом случае он не был в курсе событий и скрывал многое из того, что знал, или просто не хотел это замечать. Когда он выступал, его собственные войска изгоняли сотни тысяч людей из восточной зоны, а сотни партработников из этой зоны допрашивались и лишались жизни в S-21. На востоке и юго-западе вьетнамские самолеты сбрасывали бомбы на камбоджийские отряды. Отдельные территории в восточной части страны уже были захвачены вьетнамцами. Молодым необразованным камбоджийцам поручалась китайская военная техника, и их немыслимыми темпами обучали обращаться с нею. Многие из этих молодых людей — водители танков, пилоты, минометчики — погибли в результате несчастных случаев. В начале ноября Пол Пот попросил у китайской делегации прислать «добровольцев». Китайцы посоветовали ему полагаться на собственные силы и увеличили материальную помощь. Режиму Пол Пота оставалось существовать еще три месяца.[279]

Пол Пот на виду

Во второй половине 1978 года «Брат номер один» дал несколько интервью иностранным гостям. Большая часть этих материалов была опубликована, а также передана радиостанцией «Пномпень». Отдельные интервью были переведены на французский и английский языки в Министерстве иностранных дел. Как можно было ожидать, во всех интервью Пол Пот изображается милостивым покровителем единого фронта. Впрочем, в последние дни своего правления он дал два интервью людям, враждебно относившимся к его режиму. Первое — двум американским журналистам в конце декабря, а второе — принцу

Сианука в начале 1979 года.

Эти американцы — их звали Элизабет Беккер и Ричард Дадмен — стали первыми журналистами, не принадлежавшими к социалистическому движению, которые посетили Демократическую Кампучию. Они прибыли в Пномпень в обществе радикально настроенного профессора Лондонского университета Малькольма Калдвелла. Дадмен и Беккер жили в Камбодже и делали репортажи о войне в начале 1970-х. Калдвелл был активным сторонником Демократической Кампучии с момента ее основания, а также много говорил и писал в ее защиту. Кхмерские чиновники выбрали Дадмена и Беккер потому, что видели определенную ценность в освещении Камбоджи несоциалистическими СМИ и надеялись на их объективность (что и получили). Чиновники также приняли на веру то, что эти журналисты работали на всемогущее ЦРУ и во время приездов в Камбоджу следили за ними и писали рапорты. А вот Калдвелл был «другом». Главное последствие, вытекавшее из этой разницы, состояло в том, что Калдвелл был удостоен личной аудиенции у Пол Пота, тогда как Беккер и Дадмен были приняты вместе.[280]

Репортеры передали свои вопросы Пол Поту заранее, и в своем сводном ответе премьер-министр затронул некоторые из предложенных для обсуждения проблем (Дадмен был поражен ответом Пол Пота, как будто услышал его от «обструкциониста… словно он не должен был отвечать на наши вопросы… которые были довольно точно сформулированы»). Аудиенция состоялась в правительственной гостинице, бывшей Верховной резиденции, в северной части города. Дадмена и Беккер привезли туда на «Мерседесах». Оба они вспоминали, как Пол Пот, одетый в серебристый костюм в китайском стиле, сидел в кресле на слегка приподнятой платформе. Там же находились Тиоунн Празит, сопровождавший американцев в поездках по сельской местности, а также Иенг Сари и еще один переводчик. Эти трое все время стояли.[281]

Американской журналистке Пол Пот показался «элегантным, с приятным лицом, не то чтобы красивым, но привлекательным… У него была внешность здорового, спокойного человека…. изысканные, не грубые жесты и манеры». Дадмен нашел, что Пол Пот «довольно стройный, не такой коренастый, как большинство камбоджийцев». Дадмен также счел, что ситуация слишком уж контролируется, и был «не особенно впечатлен» Пол Потом, хотя, как и Беккер, он отметил его изящные, ухоженные, «почти паучьи» руки. Оба журналиста были возмущены тем, что Пол Пот ничего не сказал о нарушении прав человека, о Сианук и о личностях своих соратников, другими словами, обошел

молчанием вопросы, ответов на которые с огромным нетерпением ждали в Соединенных Штатах. Вместо этого, после того как присутствующие обменялись любезностями и попробовали сока, поданного в вычищенных апельсинах («там повсюду летали мухи», вспоминал потом Дадмен), Пол Пот ударился в часовой монолог об истории вьетнамской агрессии и добродетельности камбоджийцев. Он не упомянул ни о своих программах внутреннего развития страны, ни о чистках, ни о военных успехах вьетнамцев. Он ни словом не обмолвился о партии. Он настаивал на том, что Вьетнам лишен международной поддержки и его правительство находится на грани краха. Он ни разу не повысил голос — «Самое большее, — писала Беккер, — слегка кивал головой или постукивал по столу». Он говорил о «Варшавском пакте» как об угрозе Камбодже и размышлял о том, что этот документ мог спровоцировать контратаку со стороны антисоветской Организации стран североатлантического договора (НАТО). По-видимому, он развивал свои фантазии до окончания интервью. Вероятно, он надеялся на то, что журналисты были способны добиться американской военной помощи для Камбоджи. В свете теплого приема, которого удостоился в США прокитайский, антисоветский румынский диктатор Николае Чаушеску (не так давно посетивший и Пномпень), расчеты Пол Пота были не настолько надуманными, как казалось.

После завершения монолога Пол Пота Беккер и Дадмен могли задать вождю Кампучии несколько вопросов. Большая часть из них осталась без ответа. Отвечая на вопрос об одном из своих коллег в правительстве, Пол Пот сказал, что называть его имя — это не очень хорошая идея, потому что вскоре они могли начать партизанскую войну. Годы спустя Беккер написала, что она «поблагодарила, когда интервью было закончено». По крайней мере, захлестнуло ощущение нереальности, пронизывавшее все сказанное Пол Потом.[282]

После того, как Беккер и Дадмена отвезли обратно в гостиницу, в Верховной резиденции появился Калдвелл. Здесь он и Пол Пот, мужчины примерно одного возраста, говорили о политике в области сельского хозяйства и социалистической экономике. Калдвелл вернулся к Беккер и Дадмену, просто очарованный искренностью и дружелюбными манерами революционера. Делясь впечатлениями с Беккер, Калдвелл сравнил Камбоджу со своей любимой Шотландией. Журналисты и Калдвелл разошлись около одиннадцати вечера, чтобы сделать записи и подготовиться к отъезду, намеченному на следующий день.

Два часа спустя произошло совершенно непонятное: группа

вооруженных кхмеров ворвалась в гостиницу, и в последовавшей за этим шумной ссоре Калдвелл и, по крайней мере, один из незваных гостей были застрелены. На допросах в S-21 два не очень высокопоставленных члена партии в конце концов признались, что знали об этом преступлении, и косвенно указали на причастность к нему Сон Сена. Однако факты этого происшествия продолжают оставаться неясными. Одно маловероятное объяснение предполагает, что Пол Пот приказал убить Калдвелла, чтобы шотландские радикалы не смогли осудить камбоджийскую революцию. Однако беседа Калдвелла и Пол Пота была дружеской, и за считанные часы до гибели Калдвелл вернулся к себе в гостиницу, убежденный в справедливости дела Камбоджи. Более вероятно, как предположил Стивен Гедер, Калдвелл был убит противниками Пол Пота с тем, чтобы привести правящий режим в замешательство. Третью версию, согласно которой Калдвелл стал жертвой какой-то личной вражды между нижестоящими партийцами, также не следует сбрасывать со счетов.[283]

24 декабря Беккер и Дадмен выехали из Пномпеня в Пекин, как и предполагалось. Вместе с ними был отправлен и гроб с телом Калдвелла. На следующий день вьетнамцы начали массированное наступление на Камбоджу. В нем было задействовано четырнадцать дивизий — около 100 000 солдат. Хорошо обученные и тяжело вооруженные вьетнамцы вклинились в Камбоджу, отрезав друг от друга брошенные против них подразделения. Наступление пехоты поддерживалось вертолетами, самолетами с неподвижным крылом и тяжелой артиллерией. Камбоджийские войска храбро сражались и несли огромные потери, однако их обходили и обстреливали со всех сторон. 29 декабря Пол Пот встречал марксистско-ленинскую делегацию из Канады. В трехчасовом интервью он сообщил канадским делегатам, что вьетнамцам грозит «неизбежное поражение», добавив, что в войне замешан и «Варшавский пакт». 1 января 1979 года артиллерийскую канонаду можно было услышать в Пномпене. От обстрелов в коттедже Сианука дребезжали оконные стекла. 2 января вьетнамские коммандос форсировали Меконг на резиновых плотах в попытке похитить принца. Камбоджийские войска расстреляли их, а Сианука тотчас же эвакуировали на три дня на северо-запад. К тому моменту вьетнамские войска контролировали семь камбоджийских провинций к востоку от Меконга.[284]

Сианук возвратился в Пномпень 5 января. В этот же день Пол Пот распространил свое вдохновляющее заявление, призывающее к «продолжительной народной войне [с] советской

международной экспансией и Варшавским пактом». Позже в тот же день к принцу приехал Кхьё Самфан, чтобы передать ему приглашение Пол Пота на чай. Когда «Мерседес» Сианука остановился перед Верховной резиденцией, премьер-министр подошел к двери, чтобы приветствовать принца «легким поклоном». Оба мужчины были одеты в белые рубашки с короткими рукавами и темные брюки — в одежду, которую много лет назад Салот Сар предпочитал носить в Чамраон Вичеа. Впоследствии несколько раз Сианук вспоминал, что в тот вечер Пол Пот был «харизматичным» и «безупречным хозяином». Впоследствии принц сказал Наян Чанда, что «Пол Пот очень жесток, но, похоже, он не слишком меня ненавидит. Он действительно был очень мил».[285]

Сианук и Пол Пот провели вместе четыре часа. Они начали с короткой беседы. Потягивая апельсиновый сок, они вспоминал свою последнюю встречу в 1973 году. Пол Пот, к восторгу Сианука, уважительно называл его «ваше величество». Он извинился зато, что не обращался к принцу после освобождения Пномпеня. У него было столько работы; Сианук вежливо согласился. Затем Пол Пот предложил принцу совершить поездку в Соединенные Штаты через Пекин, чтобы помочь делу строительства социализма. Китайский реактивный самолет отправился бы из Пномпеня на следующий день, забрав Сианука и его окружение. Сианук согласился. Затем Пол Пот долго и с воодушевлением рассказывал Сиануку о ситуации на фронте, пользуясь при этом огромной картой. Он пообещал «разделаться» с вьетнамскими войсками за два месяца. И тогда, добавил Пол Пот, он будет счастлив приветствовать Сианука в Пномпене. Встреча и два представления закончились. Сианука отвезли домой на «Мерседесе». Его жена и теща были очень рады видеть его снова. Они думали, что принца убили.

Отлет состоялся в назначенное время. Оставалось меньше суток до того, как вьетнамские войска достигнут окраин Пномпеня. Самолет, на котором вылетел Сианук, был последним, покинувшим город. Вместе с принцем Пномпень покинули остатки его дипломатического корпуса. Китайцы, отправленные в Камбоджу вместе с военными поставками, были эвакуированы поездом за несколько дней до этого. 6 января настало время для эвакуации нескольких министерств, остальным было приказано покинуть столицу на следующий день. В восемь часов утра 7 января сотни низших чинов погрузили в поезд. Среди них было несколько вернувшихся домой, один из которых — И Фандара — впоследствии записал свои воспоминания. Из госпиталей принесли раненых солдат, и все, кто мог забраться в вагоны,

столпились вокруг. Около девяти часов утра, вскоре после отправления поезда, Фандара «увидел два вертолета, вылетавших из Пномпеня в том же направлении, что ехали мы. Я наблюдал за ними, пока они не исчезли за горизонтом». Вертолеты увозили Пол Пота и его близких соратников. Это был позорный отъезд, напоминавший эвакуацию американского посла Джона Гюнтера Дина в апреле 1975 года, всего лишь за неделю до первого «освобождения» Пномпеня.[286]

Глава 8
«Дедушка-87», 1979–1998

Нападение вьетнамцев заставило сотни тысяч камбоджийцев спасаться бегством, однако лишь у немногих из них получилось это сделать так же проворно, как ухитрился Пол Пот. Войска ДК, насчитывавшие свыше 30 000 мужчин и женщин, в сопровождении 100 000 деревенских жителей и новобранцев отступали лесами на северо-запад Камбоджи, поскольку вьетнамцы перекрыли главные дороги и заняли города. Тысячи камбоджийцев погибло в боях, а также от малярии и недоедания во время бегства из страны. К концу 1979 года почти все остатки армии Демократической Кампучии размещались в малярийных лесах вблизи от тайско-камбоджийской границы. Где находился Пол Пот большую часть этого года — неизвестно.

Во время вторжения вьетнамцев камбоджийские коммунисты покидали свои деревни и рабочие места, чтобы присоединиться к отступавшим колоннам или найти место, где можно было начать новую жизнь. Запоздавших с отъездом нередко убивали разъяренные местные жители. Вскоре сотни тысяч освобожденных людей заполонили дороги в поисках родственников, родных деревень, домов и имущества. Тысячи из них погибли скитаясь по стране пешком. Другие, измученные лишениями и привлеченные слухами о хорошей жизни в Таиланде, отправлялись на запад. В наступившем хаосе большая часть урожая риса осталась на полях, и во многих районах страны начался голод.[287]

Тем временем в Пномпене вьетнамцы создали подчиненное им камбоджийское правительство, которое провозгласило себя Народной Республикой Кампучия. Высшие посты в республике заняли кадры ДК, сбежавшие во Вьетнам в 1977–1978 годах, и кхмеры, сосланные туда еще в 1950-х. В течение нескольких последующих лет новый режим также предоставил несколько должностей не коммунистам, пережившим эпоху Пол Пота. Однако основные усилия новых управленцев в 1979–1980 годах были направлены на связи с Вьетнамом и предотвращение повторного прихода Пол Пота к власти. До 1989 года, когда вьетнамцы вывели свои войска с территории Камбоджи, Народную Республику охраняло около 200 000 вьетнамских солдат. Кроме того, за ней наблюдали вьетнамские партработники. Рядовые камбоджийцы почти не оказывали сопротивления вьетнамцам, когда те захватывали власть.

Новый режим в короткие сроки ликвидировал некоторые из

самых неприятных моментов, отличавших Демократическую Кампучию. К середине 1979 года новая власть снова организовала рынки, школы, больницы, разрешила свободу передвижения и семейное ведение сельского хозяйства. В 1980 году было снова введено денежное обращение и восстановлен буддизм, хотя в монахи теперь дозволялось принимать людей старше пятидесяти лет. В Камбодже поощрялись политический плюрализм и свобода самовыражения, однако большинство камбоджийцев было слишком занято налаживанием своей жизни и восстановлением семьи, чтобы это заметить. Большая часть из них считала, что новое правительство резко отличается от правительства Демократической Кампучии. Многие из тех, кто обнаруживал в заявлениях нового режима признаки марксистско-ленинской программы, решили уехать в Таиланд. Остальные покидавшие родину считали, что Камбоджа превратилась в колонию Вьетнама. Другие переламывали гордость, скрывали свои взгляды и работали бок о бок с вьетнамцами, чтобы вернуть Камбоджу к жизни. Новое правительство получало помощь от Советского Союза, его сторонников, а также из Индии, но, несмотря на поддержку, продолжало терпеть отчаянную нужду. Оказывать расширенную помощь Народной Республике Кампучия считалось нежелательным, потому что место Камбоджи в ООН сохранялось за Демократической Кампучией. Правительство ДК было единственным эмигрантским правительством, удостоенным такой чести. Вьетнамская оккупация Камбоджи привела к тому, что Соединенные Штаты, Китай и другие государства, враждебные Вьетнаму, наказали Камбоджу за действия вьетнамцев.[288]

К концу 1979 года Пол Пот вышел из подполья. Произошло это задолго до того, как его сфотографировали в укрепленном лагере в Восточном Таиланде. Он оставался там на протяжении 1980-х. В 1990 году лагерь стал известен как База 87. В этом названии заметен отзвук кодового имени «870», которым раньше пользовался Центральный Комитет. Время от времени Пол Пот появлялся в своем штабе в Камбодже. Из этих баз он наблюдал за восстановлением армии ДК.

Когда к концу 1979 года война с вьетнамцами утихла, более 100 000 красных кхмеров, половину из которых составляли рядовые бойцы и вспомогательный персонал, отступили на территорию Таиланда, где их на какое-то время приютили в наспех построенных лагерях для беженцев. К середине 1980 года войска ДК и те, кто жил под их защитой, были перегруппированы в свои собственные лагеря, где была установлена строгая дисциплина. Около 300 000 камбоджийским беженцам из остальных лагерей, в конечном итоге, было предоставлено

убежище в других странах, и они отправились туда начинать новую жизнь. Примерно столько же перебралось в лагеря для беженцев в 1990-х. Они не смогли найти себе пристанище за границей. Руководители лагерей ДК не разрешали спрашивать беженцев, желают ли они переселиться. Им не позволялось даже выходить за пределы лагеря.

В каком-то смысле это время, которое Пол Пот провел, скрываясь на границе Камбоджи с Таиландом, перекликалось с его более кратковременной высылкой на вьетнамскую границу в 1963–1965 годах. В обоих случаях выживание зависело от иностранцев, а камбоджийские кадры регулярно навещали его, чтобы получить инструкции и советы. Однако различия между этими периодами оказываются важнее сходства. В 1963 году, пока Салот Сар отсиживался на Базе 100, у него меньше двадцати человек. Спустя шестнадцать лет он командовал остатками национальной армии и имел около 100 000 сторонников. В 1963–1965 годах он стал заложником вьетнамцев, поглощенных крупной войной. После 1979 года он по-прежнему зависел от помощи извне, однако теперь получал ее от куда более могущественных и процветающих покровителей — Китая, Таиланда и Соединенных Штатов.

Эти государства поддерживали Пол Пота, потому что разделяли его враждебность по отношению к Вьетнаму. В январе 1979 года, через две недели после падения Пномпеня, тайское правительство, опасавшееся вторжения вьетнамцев, заключило сделку с Китаем. Тайцы обещали дать пристанище красным кхмерам (которых китайцы обеспечивали оружием и техникой), если китайцы прекратят оказывать поддержку компартии Таиланда, этому партизанскому движению, которое уже несколько лет беспокоило тайских военных. Соединенные Штаты, чья дружба с Китаем стала краеугольным камнем американской политики в азиатском регионе, не сделали ничего, чтобы помешать заключению этого соглашения и поддержали присутствие делегации Пол Пота в ООН. Поступая так, они втирались в доверие к Китаю и поддерживали антивьетнамские настроения среди американцев. К середине 1980 года разнородная группа камбоджийских беженцев, возглавляемых коммунистами, сформировала эмигрантское правительство, а разбитая армия готовилась стать эффективной боевой силой.[289]

Для Пол Пота иностранное покровительство и личная охрана означали, что он сможет восстановить былую военную мощь, реорганизовать своих сторонников и планировать возвращение к власти. Отказаться от иностранной помощи, не имея территориальной базы, значило совершить политическое

самоубийство, так что он поменял «независимость-господство» на возможность остаться в живых. С идеологической точки зрения, утрата независимости не была особенно болезненной в данных обстоятельствах, поскольку главная цель Пол Пота — прогнать вьетнамцев из Камбоджи — разделялась его главными покровителями.

Разоблачение истории Демократической Кампучии

Известия о жестокостях в Демократической Кампучии стали появляться с 1977 года, когда Франсуа Поншо, французский миссионер, бегло говоривший по-кхмерски, собрал и проанализировал рассказы беженцев и радиопередачи ДК. Его серьезная, страстная книга «Камбоджа: Нулевой год» была тепло встречена многими читателями. Однако те, кто считал, что эта книга служила антикоммунистическим целям Соединенных Штатов, отнеслись к ней скептически. Однако после 1979 года большая часть выводов Поншо подтвердилась. Сведения, содержавшиеся в его книге и полученные из последующих сообщений, ужаснули людей, считавших Камбоджу мирной страной, находившейся где-то очень далеко. Еще до конца года Народная Республика Кампучия сделала из центра для допросов S-21 Музей геноцида. В 1980 году первые документы были вывезены оттуда западными учеными. К тому моменту всем, за исключением горстки твердолобых сторонников Пол Пота, стало ясно, что камбоджийская революция была катастрофой, результатом которой стали миллионные жертвы. Разрушительная гражданская война, ошибочные суждения режима о камбоджийском обществе, его утопичная политика, его презрение к людям, его дилетантская технология и жестокие методы едва не уничтожили страну.[290]

Скольким людям стоил жизни этот режим? По скромным подсчетам, в 1975–1979 годах в результате проводившейся в ДК политики погибло от 800 000 (каждый десятый) до 1 000 000 (каждый восьмой) мужчин, женщин и детей. Сюда не входят камбоджийцы, убитые во время сражений с вьетнамцами. В большинстве случаев люди умерли от недоедания, переутомления и варварского лечения. Таким образом, в этих смертях были виноваты «штурмовые атаки» режима, безнаказанность, а также всеобщая паранойя, наделенных властью неграмотных молодых людей, определявшая образ мышления партийного руководства.

Около 100 000 мужчин и женщин или даже больше были казнены без суда и следствия. В сельских районах убийства

происходили чаще всего тогда, когда местные молодые партработники проводили в жизнь, как им казалось, линию партии. Некоторые из этих казней, были вызваны взрывом негодования. В то же время 14 000 мужчин и женщин, брошенных в застенки Туолсленга, «сокрушали» в более размеренной манере, иногда на протяжении нескольких месяцев.

Несмотря на то, что в 1997 году в интервью Нейту Тейеру Пол Пот лицемерно отказался это признать, несомненно, он знал о деятельности S-21 и наблюдал за ней. Возможно, он также располагал информацией об убийствах, недоедании и ужасных условиях на селе. В 1970–1980-х Пол Пот считал себя военным лидером и не хотел понимать волну смертей как результат своей политики. Вместо этого он приравнивал гибель людей к трудностям партии, к 1975 году неотделимых от его собственных или вызванных «врагами». О жертвах думали как о «слоях», а не как о людях. Впоследствии Пол Пот обвинял в «произволе» вьетнамцев и их агентов — людей с «телом камбоджийца и умом вьетнамца», предавших революцию. Когда журналисты насели на него, требуя оценить количество людей, погибших в результате его действий, Пол Пот уклонился от ответа, упомянув «несколько сот» жертв в одних случаях и «несколько тысяч» — в других.[291]

Устраивая в августе 1979 года заочный суд над Пол Потом и Иенг Сари, Народная Республика Кампучия воспользовалась ужасом, охватившим людей после того, как они узнали правду. На суде были представлены многочисленные красноречивые доказательства, и двоих подсудимых приговорили к смертной казни. Это наказание предложил адвокат, якобы защищавший их. В 1980-х западные правозащитники попытались привлечь Пол Пота к суду через Международный суд ООН в Нидерландах. Однако им не удалось этого добиться, поскольку тайцы не хотели выдавать его, а его покровители в Вашингтоне и Пекине были больше заинтересованы в наказании Вьетнама, чем в том, чтобы передать Пол Пота в руки правосудия.[292]

На какое-то время Пол Пот стал сенсацией в СМИ. Некоторые эксперты называли его «фашистом, совершившим геноцид» и сравнивали с Гитлером. Другие заклеймили его как «коммуниста, совершившего геноцид» и уподобили Сталину. Один журналист назвал его «чудовищем с лунообразным лицом». Эти сравнения мало что объясняли, зато к концу 1979 года имя Пол Пота знали все. Оно стало синонимом геноцида, хаоса и самого худшего страха — страха перед «коммунизмом».

Тем не менее Пол Пот сохранил многих своих сторонников. По мнению членов партии и солдат, он не мог совершить ничего дурного. В свою очередь, руководство в Пекине, отмежевываясь от

его «перегибов», считало его националистом, союзником и революционером. Тайцы полагали, что с ним неплохо работается и что он хороший военачальник. По мере того, как информация о годах пребывания Пол Пота у власти прибывала (она достигла пика в 1985 году в ярком фильме «Смертоносные поля»), Пол Пот стал мешать своим американским покровителям. Однако у них не хватило смелости оставить его, поскольку и у них рыльце было в пуху.

Конец Демократической Кампучии

Охватившее весь мир отвращение к Пол Поту привело к тому, что в 1981 году Соединенные Штаты и их союзники субсидировали создание антивьетнамского коалиционного правительства. Оно могло заменить делегацию красных кхмеров в ООН и обеспечить некоммунистическую окраску антивьетнамскому сопротивлению в Камбодже. В декабре 1981 года, пока эти договоренности находились на этапе предварительного обсуждения, Коммунистическая партия Кампучии была официально распущена по решению ее Центрального Комитета.

Однако ввиду того, что ни один из членов комитета не подвергся чистке, а некоторые даже сохранили свои прежние позиции в партии, можно говорить о том, что роспуск партии был осуществлен специально для зарубежной общественности. И действительно — в 1989 году один перебежчик заявил, что еще в 1984 году в партию набирались новые члены.

Коалиционное «правительство» было сформировано в середине 1982 года. В нем преобладали должностные лица из Демократической Кампучии. Этим они были обязаны своей военной доблести и покровителям ДК. Две другие фракции находились под руководством принца Сианука, который большую часть времени жил в в Пекине, и дореволюционного премьер-министра Сон Санна, который много лет провел во Франции. Некоммунистические фракции поддерживались камбоджийскими беженцами в Таиланде и на Западе. Демократическая Кампучия сохранила за собой должность министра иностранных дел (лишь она имела значение для эмигрантского правительства). Кроме того, ее дипломаты продолжили исполнять свои обязанности в ООН. Доверенный помощник Пол Пота Кхьё Самфан (который в 1979 году стал премьер-министром Демократической Кампучии) был иностранным представителем фракции. Иногда к нему присоединялся Сон Сен, в 1975–1979 годах отвечавший за S-21.

Самфан говорил о своей недавно проснувшейся симпатии к капиталистической экономике. Он также сообщил, что в период Демократической Кампучии его заставляли работать против воли. Эта история очень понравилась людям, которые хотели придать Демократической Кампучии «человеческое лицо». Однако она не убедила тех, кому было известно о длительных, близких, доверительных отношениях Самфана с Пол Потом и Иенг Сари, а также о его причастности к чисткам в Демократической Кампучии.[293]

Лидеры фракций презирали друг друга, а лидеры Пномпеньского правительства презирали всех троих. С вьетнамцами сражались, главным образом, войска Пол Пота, особенно в сезон дождей — в период с апреля по октябрь, когда дороги становились непроходимыми для вьетнамских грузовиков и танков. Отряды красных кхмеров были подготовлены и снаряжены лучше, чем те, которых поднимали на борьбу Сианук и Сон Санн. К тому же у них имелись более веские мотивы. Однако они не могли долго удерживать за собой какую бы то ни было часть территории Камбоджи, и вновь их отбрасывали к границе вьетнамцы вместе с отрядами Народной Республики Кампучия. Трем фракциям вооружение обеспечивали китайцы и тайцы, а некоммунистам финансовую и политическую помощь оказывали Таиланд, Китай и США. Верховная комиссия ООН по беженцам помогла наладить вдоль границы ряд лагерей для беженцев. Там находили кров и еду все камбоджийцы, включая красных кхмеров. В свою очередь, лагеря контролировались фракциями и стали источником человеческих ресурсов для их вооруженных сил.[294]

Кающийся оптимист, 1979–1981

В декабре 1979 года Пол Пот дал несколько интервью журналистам из Японии, Швеции, Китая и Соединенных Штатов. Самое большое интервью у него взяли четверо сочувствующих японских корреспондентов. Они встретились с Пол Потом «в его лагере в кампучийских джунглях», где оставались два дня. «С неизменной улыбкой на лице» он демонстрировал полнейший оптимизм. Пол Пот отрицал, что его войска были вытеснены из Камбоджи, утверждая, что свыше пятидесяти тысяч его солдат опутали Камбоджу, «как паучья сеть». Эти войска, заявил Пол Пот, недавно «вывели из строя» точно такое же количество вьетнамцев.

«Когда его спросили о множестве смертей, случившихся во время его пребывания у власти, Пол Пот невозмутимо ответил,

что «из-за каких-то ошибок в проведении нашей политики, направленной на то, чтобы обеспечить народу богатую жизнь, возможно, умерло [sic] всего лишь несколько тысяч кампучийцев». Он добавил, что вьетнамцы «перекладывают на него» ответственность за гибель «миллионов», хотя мор разразился по их вине. С 1976 по 1978 год «было совершено шесть переворотов против его правительства. «Если бы мы [не?] наказывали заговорщиков, могло умереть несколько тысяч людей», — сказал он». По переводу непонятно, наказывались заговорщики или нет. Единственно, о чем сожалел Пол Пот, вспоминая годы своей власти, — это об отмене денег. Это было «решительной мерой». Мимоходом он впервые признал, что его настоящее имя — Салот Сар.[295]

Несколько дней спустя Пол Пот встретил съемочную группу из Американской радиовещательной корпорации (Эй-би-си) и попросил оказать помощь в изгнании вьетнамцев из Камбоджи, где, по его словам, они устроили «настоящий геноцид». Пол Пот сказал, что считает их «безжалостней» Гитлера: «Гитлер убивал евреев и тех, кто был против него. Вьетнам убивает тех, кто сопротивляется ему, и невинных людей, которые к нему не присоединяются».[296]

Вскоре после этого радиостанция Демократической Кампучии объявила, что Пол Пот оставил пост премьер-министра и передал его Кхьё Самфану. Хотя причины этой кадровой перестановки и не сообщались, похоже, что она была вызвана категорической позицией общественности. Вытащить Пол Пота на свет божий было настоящей проблемой. Вплоть до 1997 года он больше не давал никаких интервью прессе. Несколько лет журналисты пытались поговорить с ним или сфотографировать его, но эти попытки были безуспешными. В 1990 году одна американская телевизионная сеть через тайских посредников предложила Пол Поту 300 000 долларов за интервью. Он отказался.[297]

Впрочем, в ходе одной из бесед со своими сторонниками, которая состоялась в январе 1981 года в Пноммалай, Пол Пот, по-видимому, отослал свою охрану. В интервью, взятом у него год спустя, один из приверженцев Пол Пота так описал эту встречу:

«Он сказал, что ему известно, что многие в стране ненавидят его и думают, что он виноват в массовых убийствах. Он сообщил, что знает о множестве жертв. Говоря это, он едва не потерял самообладания и не зарыдал. Он признал, что должен нести ответственность зато, что линия партии ушла слишком далеко влево, а он не проследил за происходящим должным образом. Он сказал, что был похож на отца, не знающего, что вытворяют его дети, и что слишком доверял людям. Например, он позволил

[Чхим Самауку] наблюдать заделами центрального комитета вместо себя, Савану — надзирать за интеллигентами, а [Сао Фиму] — заботиться о политическом образовании… Он чувствовал, что очень тесно связан с этими людьми, и полностью им доверял. Потом в конце… они все напутали… Они говорили ему, что все прекрасно, но тот или другой оказался предателем. В конце концов они сами стали настоящими предателями. Главная проблема заключалась в кадрах, воспитанных вьетнамцами».[298]

Это было мастерски устроенное представление. Слезное раскаяние Пол Пота, может, и убедило его слушателей. Но его оказалось недостаточно, чтобы заставить Пол Пота оставить политику или попросить кого-нибудь из его бывших соратников выйти в отставку. Возможно, он искренне сожалел о том, что погибло так много людей.

Тем не менее, его вера в дело, в жертву которому были принесены миллионы жизней, была непоколебима. Здесь так и напрашивается вопрос, почему человек, которого так легко и так много раз обманывали, должен оставаться у власти. Более того, огорчение, которое ему доставила «неправда», трудно совместить с его тактическим манипулированием истиной, касавшейся такого элементарного вопроса, как его собственная жизнь. В конечном итоге, если человек, сформировавшийся на вьетнамской границе в 1953–1954 годах и прошедший подготовку у вьетнамцев в 1960-х, в качестве «главной проблемы» называет «кадры, воспитанные вьетнамцами», то это почти оговорка по Фрейду.

Эта беседа, как и многие другие, по-видимому, достигла своей цели: она послужила делу коммунизма, породила и усилила верность слушателей к нему и укрепила их преданность его делу. Информатор добавил, что Пол Пот «казался очень милым. Он… обращался со мной, как с равным». И вновь, последовательно используя ролевые модели, прообразами которых стали Ту Самут, Тиоунн Мумм и Кхван Сифан, Пол Пот повел себя как простой человек. Это было такой редкостью для камбоджийских правителей, что слушатели попадали под его очарование.

Исчезновение из виду, 1981–1986

Ни одно выступление или письменную работу, датирующиеся периодом с начала 1981 и до конца 1986 года, нельзя суверенностью приписать Пол Поту. Мы располагаем лишь двумя его фотографиями этого периода, никакие подробности его

личной жизни нам неизвестны. Мы знаем, что большую часть этого периода он находился в тщательно охраняемых лагерях, за исключением небольшого промежутка времени, проведенного в больнице в Китае. Случилось это в 1985 году. Тогда еще в Бангкоке и других местах ходили слухи о его неизлечимой болезни. Его деятельность заключалась в преобразовании остатков армии Демократической Кампучии в партизанские отряды. Потом, после достижения успехов на фронте политической борьбы, предполагалось создать более крупные и лучше вооруженные подразделения. До 1985 года Пол Пот был абсолютным лидером своих вооруженных сил. Однако в августе того года было объявлено об «уходе на пенсию», совпавшем с его шестидесятилетием. Он стал директором Высшего института национальной обороны, о котором ничего неизвестно, и оставался им до «выхода в отставку» в 1989 году. Возможно, до 1997 года он оставался секретарем компартии, какой она была, и наверняка продолжал играть роль советника в военно-политическом аппарате красных кхмеров. Однако Пол Пот всегда был скрыт от посторонних глаз. На протяжении 1980-х он мистифицировал и держал в страхе своих противников: его невидимая жизнь воспроизводила ту тайную жизнь, которую вели многие наделенные волшебной силой герои из традиционной камбоджийской литературы. Как и его партизаны, он мог появляться (и исчезать) тогда и там, где ему вздумается.

На протяжении этого десятилетия большинство камбоджийцев старше двадцати лет ужасала перспектива возвращения Пол Пота к власти. Эти страхи, сковывавшие многих из них, возможно, были на руку Пол Поту. Он «возвращался» в Камбоджу с каждым неожиданным шумом, с каждой бандой партизан, кравшихся ночью по деревням, и с каждой взорванной миной. Тысячи китайских мин, размером с яблоко, были разбросаны его войсками по всей Камбодже — на рисовых полях и рыночных площадях, вдоль тропинок и на окраине деревень. Мины, закопанные на глубину одного-двух дюймов, взрывались, когда активировавший их вес (обычно это была нога человека) убирался. Все, что успевала слышать жертва, — громкий «щелчок». Взрывами этих мин были убиты и покалечены тысячи «врагов» — солдат, крестьян, женщин и детей. Этими жертвами становились по большей части «невинные люди, отказавшиеся присоединиться» к его движению. Именно в этом обвинял Пол Пот вьетнамцев. В 1990–1991 годах в переполненные, плохо оборудованные больницы Камбоджи каждую неделю поступало по восемьдесят новых пациентов, случайно покалеченных взрывом. Пол Пот остался равнодушен к их страданиям. Взрывы,

причинявшие людям увечья, продолжали часто раздаваться на протяжении всех 1990-х.[299]

Эти годы Пол Пот провел в компании своих самых преданных сторонников. Его оберегали от неприятных новостей и от противоречивых, неполитических перемен, охвативших мир в 1980-е годы. В его собственной жизни за это время произошли три важных событиях. Его жена Кхьё Поннари страдала нервным расстройством и в начале 1980-х ее госпитализировали в Пекин. В 1985 году Пол Пот женился во второй раз, получив на это разрешение Поннари. Его второй жене Меа Сон, также известной как Муон, на тот момент исполнилось почти тридцать лет. Она была родом из крестьянской семьи. В 1986 году она родила Пол Поту первого ребенка, девочку по имени Сит. После смерти Пол Пота Меа Сон сказала Нейту Тейеру, что он был «очень хорошим мужем… С тех пор, как я вышла за него замуж, я ни разу не видела, чтобы он делал что-то плохое». Дружная семья жила вместе на Базе 87; жена и дочь Пол Пота оставались с ним, когда он скончался. Люди, бежавшие за границу в 1980-х годах, сообщали, что Пол Пот очень любил свою маленькую дочь и порой нес ее на руках, идя на учебные занятия для партийных кадров и возвращаясь с них. В своем интервью Нейту Тейеру он с теплотой отзывался о дочери.[300]

Накопление сил для обороны

Завеса тайны, окутывавшая Пол Пота, немного приподнялась в 1988 году, когда в американское посольство в Бангкоке попал некий документ, занимавший тридцать девять страниц. Этот документ был создан в декабре 1986 года, а затем тайно вывезен из одного лагеря, принадлежавшего ДК. Изначально он задумывался как запись беседы с членами партии, однако охватывал много тем, и в нем прослеживалась история Демократической Кампучии. При этом анализировались ее «победы и ошибки». Хотя документ остался без подписи, стиль и тон, в котором он написан, указывают на то, что его автором мог быть Пол Пот.

Краткая история Демократической Кампучии (партия в тексте ни разу не упоминается) в изложении Пол Пота не преподносит сюрпризов, однако его риторические приемы и конспиративное настроение, равно как и обоснования «ошибок» *(кхох чхконг),* очень интересны.[301] Большая часть текста отведена нападкам на взгляды «других» *(ке)*. Эти «другие» не названы, однако ясно, что подними подразумевались некоммунистические элементы в

коалиции, а также внешние силы, критиковавшие Демократическую Кампучию за нарушения прав человека. К 1986 году не-коммунисты в коалиции пользовались существенной поддержкой камбоджийцев, проживавших за границей и в лагерях для беженцев в Таиланде. Пол Пот предупреждал своих слушателей об этой тенденции. Похоже, «другие» вели пагубную пропаганду против Демократической Кампучии, нападая на ее руководство и даже подбивая к устранению «П. П.», хотя «никогда не поднимался вопрос об увольнении Н. С. [Сианука] или С.С. [Сон Санна]». Это давление ослабляло поддержку фракции со стороны жителей Камбоджи. Пол Пот убеждал членов партии создать «идеологическую силу», при помощи которой можно было одолеть вьетнамцев и «других» с тем, чтобы они, руководящие кадры партии, смогли стать «хозяевами политического и идеологического поля боя». В беседе ни разу не говорилось о коалиции как о жизнеспособной политической группировке; другим ее участникам не следовало доверять. «Другим» никогда нельзя доверять.

Тактику единого фронта Пол Пот представил в резких и циничных выражениях. Чтобы «защитить камбоджийский народ», был разрешен ряд действий «в соответствии с политическим лозунгом «Нация, Демократия и Средства к существованию». Мы используем понятие «Средства к существованию» [т. е. поддержание скромного уровня жизни] как способ привлечь людей низкого социального статуса, понятие «Демократия» — чтобы мобилизовать средний слой людей, например, студентов и интеллигентов, и понятие «Нация» — чтобы как можно больше мобилизовать авангард». Аудитория Пол Пота знала, что этот лозунг, как и все остальные, являлся лишь средством достижения цели. Цель же состояла в возвращении власти.[302]

Обращаясь к истории Демократической Кампучии, Пол Пот отметил, что в 1975 году «впервые за более чем двухтысячелетнюю историю люди низкого социального статуса *[прачеачон мул'тан]* получили власть в государстве». Такого перехода власти в руки бедняков, добавил он, в мире не случалось никогда, «за исключением Парижской Коммуны в 1871 году», которая вскоре была «захвачена капиталистами».[303] Ничего не было сказано об образованных лидерах партии, никого из которых (кроме, возможно, Та Мока) нельзя было назвать «выходцами из низов». Пол Пот создавал у своих слушателей впечатление, что именно таким людям, как они, и принадлежала власть в Демократической Кампучии. Если опираться на свидетельства перебежчиков 1990-х, то получится, что в 1986 году Пол Поту внимали те, кому было около тридцати. Большинство

из них происходило из беднейших слоев крестьянства. В начале 1970-х они были солдатами *(йотеа),* а потом дослужились до командиров батальонов и бригад. Многие из них были завербованы на юго-западе в начале 1970-х годов.

Сражаясь с критицизмом и поднимая боевой дух, Пол Пот заметил, что годы власти Демократической Кампучии можно оценивать в контексте «наших побед» и «наших ошибок». Первых было больше. Линия Демократической Кампучии была, по его мнению, «совершенно верной». Четырехлетний план, к примеру, «продвигался вперед хорошо, с учетом того, что у нас было так мало капитала… [Мы] голодали, но делали все, чтобы вьетнамцы не смогли стать нашими господами». Пол Потумолчал о провале плана и о том, к каким огромным человеческим потерям он привел.[304]

Говоря об «ошибках», Пол Пот признал, что их «немало, как крупных, так и мелких. Это политические, организационные ошибки и ошибки, допущенные всеми нами». Ни одна из них не была точно названа, а ответственность за их совершение не возлагалась на конкретных людей, политическую группу, регион или направление политики. Главная ошибка, по словам Пол Пота, была неизбежна и, таким образом, ошибкой вовсе не являлась: «У низших классов, впервые получивших государственную власть… было мало опыта; три года [для них] это недостаточно, чтобы приобрести его». Неопытные люди («бедные и пустые»), разумеется, пользовались расположением режима именно потому, что они не были испорчены прошлым. Пол Пот умолчал о своем собственном недостаточном опыте управления. Вместо этого он отметил, что «мы все были *в чем-то неумеренны [лоёслох]»* (курсив добавлен автором). Примеры крайностей не последовали; слушатели на мгновение отвели глаза, отлично зная, что имел в виду Пол Пот. Они и были теми людьми, кто совершил либо санкционировал эти самые «ошибки». Спустя семь лет времени на сожаление не осталось. Как-никак, заметил Пол Пот, «в мировой истории не найдется страны, не делавшей ошибок».

Последовавшее затем «краткое обращение к всемирной истории» было упражнением в самооправдании, целью которого было удержать «врагов и других от изменения *[бонгвае бонгвил]* истории Демократической Кампучии» — по-видимому, посредством акцентирования нарушений прав человека или давних связей ДК с коммунистическим блоком. Воспроизводя некоторые из победоносных гипербол 1970-х, Пол Пот намекал на то, что Демократическая Кампучия по-прежнему оставалась самым прекрасным *государством* в мире. Одна за другой перечислялись такие страны, как Советский Союз, Китай,

Вьетнам, Соединенные Штаты, Великобритания, Франция и Австралия (!). Они получили краткую оценку и были названы «нуждающимися». Пол Пот отметил «трудности», с которыми столкнулся в период с 1917 до 1935 года (т. е. до начала сталинских чисток) Советский Союз. Китайская экономика после тридцатисемилетнего развития по-прежнему находилась на «низкой стадии». Истощенный гражданской войной Вьетнам, столкнулся с «неразрешимыми проблемами», потому что был «беднейшей страной в мире». Затем Пол Пот спросил: «А что Америка, Франция, Англия и Австралия — они хороши?» Едва ли. Их следует презирать из-за того, что их «настоящее лицо» было лицом «пожирателей земли, уничтожителей народов, мегаколониалистов… и попирателей человеческих прав». Сделав эффектную паузу, Пол Пот продолжил: «Подлинный характер Демократической Кампучии куда возвышенней, чем у этих стран. Демократическая Кампучия никогда не доходила до узурпации или до оккупации *[тёрум-лоп… тё чхлеан пеан]* кого бы то ни было».[305]

Представление о том, что Камбоджа «светлее солнца и безгрешнее Папы Римского», разделялось всеми камбоджийскими режимами, правившими ею после достижения независимости. Исключение составляла Народная Республика Кампучия и государства, пришедшие ей на смену. Они подчеркивали необходимость существования в том же мире, в котором жил Вьетнам. Действительно, представление Пол Пота, рассчитанное на поднятие духа аудитории, напоминало обращения Сианука, с которыми тот выступал в 1960-х годах, стой очевидной разницей, что собственное «я» Пол Пота, история его жизни и амбиции не так выступали на первый план.[306]

В заключительной части своей речи Пол Пот подверг критике концепцию «важных личностей» в истории *(исракчун),* обратившись к примеру Наполеона, «прах которого был помещен в памятник под названием Инвалиды». «Что представляла собой личность Наполеона? Он обрел власть в результате переворота, назвал себя императором и завоевал все страны Восточной и Западной Европы, распространяя неисчислимые бедствия, — без малейшего намека на нравственность».[307]

Затем Пол Пот упомянул четырех камбоджийцев, живших в XIX веке и оказывавших сопротивление французам. Отметив, что те не могли освободить страну, он снова сделал паузу, затем продолжил: «Если выбирать между этими героями и Демократической Кампучией, кто окажется лучше?.. Демократическая Кампучия гораздо лучше любого из этих исторических героев. Мы можем сказать, что на протяжении всей

более чем двухтысячелетней истории достоинства, качества, подлинный характер и ценность Демократической Кампучии оказываются лучшими».

Одна интересная деталь: в заключительной части речи Пол Пот, само воплощение Демократической Кампучии, упомянув о себе лишь мимоходом («П. П.») и ни разу не употребив слово «я», просил аудиторию сравнить государство, чьи триумфальные победу и будущее он олицетворял, лишь с горсткой сомнительных личностей XIX столетия и жестоким французским императором. «Демократическая Кампучия», как и сам оратор, была скромнее и нравственней, чем «пожиратели земли и мегаколониалисты». Даже со своими «ошибками», сказал Пол Пот, Демократическая Кампучия действовала лучше других социалистических стран. Вывод из этих сравнений был растолкован Пол Потом. Став добродетельными, они больше не нуждались в самосовершенствовании и перестали владеть прошлым, с которым им было необходимо распрощаться. Не прибегая к этому термину (и ни разу не сказав «я»), Пол Пот описал свое собственное просветление. Тем самым он продемонстрировал полное безразличие к происходящему в мире. Существовала ли вероятность того, что Пол Пот и его батальонные и бригадные командиры действительно готовились управлять страной в 1990-е годы?

Как и во многих случаях на протяжении всей карьеры Пол Пота, мы становимся свидетелями еще одного мероприятия в ходе которого он оказывается на виду и в тени, удерживающим контроль, но притворяющимся, что такого не было, изображающим из себя равного, но властвующим над жизнью и смертью каждого, кто его слушал. И при этом за тем или иным изысканным оборотом его речи скрывалась склонность к жестокости, самодовольству и террору, которую его слушатели, разумеется, одобряли.[308]

Решение камбоджийской «проблемы», 1986–1991

В конце 1980-х годов «холодная война» сбавила обороты, и центр расстановки сил слегка переместился в Юго-Восточную Азию. Это перемещение ускорило попытки камбоджийских фракций и иностранных держав положить конец гражданской войне в Камбодже и достичь понятного политического решения. Это было вызвано несколькими причинами. Самая важная из них — размывание коммунистической гегемонии в Восточной Европе в ответ на политику либерализации, которую проводил Михаил

Горбачев. Китайский режим тоже осторожно двигался к рыночной экономике. В экономическом смысле этот дрейф был связан с союзом китайцев и Соединенных Штатов. Тем временем в Таиланде власть постепенно переходила от фракции военных к гражданским политикам с коммерческим мышлением, не видевшим выгоды (за исключением выгод для военных) от оказания поддержки бесконечной гражданской войне и от постоянно напряженных отношений с Вьетнамом.

Влияние этих перемен ощущалось во Вьетнаме, Камбодже и вдоль тайско-камбоджийской границы. Одно из следствий — уменьшение экономической и военной помощи, оказываемой советским блоком Камбодже и Вьетнаму, а также возрастание расходов Вьетнама на содержание крупной действующей армии в Камбодже. Второе следствие заключалось в том, что Вьетнам, как и Китай, тоже искал способы перехода к рыночной экономике и хотел тратить меньше ресурсов на оборону. Наконец, вьетнамские руководители надеялись на то, что вывод войск из Камбоджи смягчит по отношению к ним позицию Соединенных Штатов. На протяжении 1980-х годов численность вьетнамских войск в Камбодже постепенно сокращалась. В сентябре 1989 года состоялась церемония вывода последних восьмидесяти тысяч вьетнамских военных из Камбоджи. Оставшиеся подразделения, присутствие которых держалось в секрете, состояли из технического персонала, которого не хватало армии Народной республики.[309]

По иронии судьбы, вывод войск усилил позиции правительства в Пномпене. Сначала оно с осторожностью начало отвечать на давление народа, желавшего ослабления правительственного контроля над экономикой и расширения круга разрешенных буддистских обрядов. Законодательные акты, принятые вскоре после вывода вьетнамских войск из Камбоджи, разрешили продавать и покупать недвижимость, сделали буддизм государственной религией, а возрастные ограничения на вступление в буддистское монашество были отменены. Эти три меры стали популярными, и их отмена вызвала бы бурю негодования. Возможно, в противовес этим реформам в 1989 году и было объявлено, что Пол Пот «уходит от дел».

В ответ на вывод вьетнамской армии войска коалиции попытались захватить важные позиции в Камбодже с целью формирования политико-экономической базы. В 1990 году войска коалиции заняли разрушенный город Пайлин на северо-западе страны и, что еще важнее, установили контроль над прилегающими к нему месторождениями драгоценных камней. Продажа рубинов и сапфиров обеспечила силам коалиции

капитал для закупки военной техники и оплаты поставок. Еще больше средств они выручили от продажи древесины и пиломатериалов тайским предпринимателям вдоль границы. По сути дела, к 1992 году фракция ДК, якобы являвшаяся частью коалиционного правительства в Камбодже, составила себе внушительный портфель иностранных инвестиций — с доходами от древесины, разработки месторождений драгоценных камней и недвижимости. Его стоимость превышала сто миллионов долларов, что сделало фракцию финансово независимой. Ее лидеры продолжали свои коммерческие отношения с Таиландом, а вдоль границы заключали сделки еще и с китайско-тайскими предпринимателями, имевшими удобные позиции на границе. Разумеется, решающее значение для красных кхмеров с 1979 года приобрела военная поддержка Таиланда.

В военном отношении в 1989–1990 годах между коалицией и силами Пномпеня царила отчужденность.

Тем временем переговоры между этими двумя группировками набирали силу. Отчасти они проходили под давлением Франции, Австралии и Индонезии, стремившихся найти выход из тупика, куда зашли Китай, Таиланд и США. В свою очередь эти покровители оказывали давление на коалицию, заставляя ее прийти к какому-нибудь компромиссу с правительством в Пномпене, премьер-министр которого, Хун Сен, добился значительной, хотя и неохотной, поддержки от общины камбоджийских эмигрантов.

К 1989 году о Камбодже стали думать как о стране, где действуют четыре фракции, способные пойти на переговоры друг с другом, а не два «правительства», втянутые в бесконечную гражданскую войну. Вероятно, сначала вьетнамцы советовали Пномпеню переждать сложившуюся ситуацию, как они делали сами. По сути, это означало, что Пномпеньскому правительству рекомендовали работать на подрыв коалиции и продолжать делать из Пол Пота дьявола. В свою очередь, фракция ДК старалась затянуть принятие какого-либо политического решения в ожидании того момента, когда ее войска совершат вторжение в сельские районы Камбоджи. Однако из безвыходного положения нашелся выход в 1990–1991 годах, когда разоблачение коммунизма в Европе побудило Вьетнам и Китай, продолжавших оставаться коммунистическими, надавить на своих непримиримых подчиненных в Камбодже, чтобы заставить их прийти к компромиссу. При этом предполагалось, что какую-то власть получат ставленники Китая и что Камбоджа перестанет угрожать существованию коммунистического режима во Вьетнаме.

В 1987–1990 годах представители фракций собирались на различных конференциях и встречах во Франции, Таиланде и Индонезии. Давление на камбоджийские фракции возрастало, от них требовали достичь какого-нибудь соглашения. Фракцию Сианука и красных кхмеров вынудили прекратить бесконечную гражданскую войну. Антимонархическую и антикоммунистическую фракцию Сон Санна заставили продолжать сотрудничество с идеологическими противниками. Государство Камбоджа теперь именовало себя Пномпеньским режимом, должно было перестать выставлять режим ДК в чудовищном свете и уступить часть своего национального суверенитета Соединенным Штатам. В этой игре, где был важен каждый бросок, Пол Пот ни разу не выступил публично, хотя ненадолго появился в июне 1991 года, когда переговоры между фракциями в Паттае (Таиланд) перешли в решающую фазу. Скрытое от посторонних, это присутствие на переговорах указывало на то, что его подчиненные (включая показных руководителей вроде Кхьё Самфана) не могли принимать важные решения, не проконсультировавшись с ним. Демократическая Кампучия отказалась от своего прежнего флага и чудовищного гимна; Народная Республика Кампучия сменила название на Государство Камбоджа и поменяла флаг. Пять постоянных членов Совета Безопасности ООН (Франция, Китай, СССР, США и Великобритания) пообещали оказать поддержку политическому компромиссу, а Соединенные Штаты предложили направить в Камбоджу специальную группу для наблюдения за переходом к избираемому многопартийному правительству. В 1991 году был создан Верховный национальный совет Камбоджи, в состав которого вошли представители трех коалиционных фракций и Государства Камбоджа. Считалось, что совет будет находиться в Камбодже под защитой ООН и действовать вплоть до национальных выборов, т. е. до конца 1991 года. Выполнение этих договоренностей особенно ускорилось после подписания Камбоджийского мирного соглашения. Оно было заключено в октябре 1991 года в Париже. Если верить сообщениям перебежчиков, во всей этой кутерьме Пол Пот демонстрировал сдержанный оптимизм, был «уравновешенным и себе на уме» и хранил невозмутимость.

Период ЮНТАК

На последующие два года для наблюдения за разоружением фракций, расселением беженцев и подготовкой к всеобщим

выборам в Камбодже был создан Временный орган ООН (ЮНТАК). В создании этого Временного органа принимало участие более 25 000 человек. На обеспечение его деятельности было потрачено свыше трех миллиардов долларов. Из всех мероприятий подобного рода это было самым дорогостоящим в истории Соединенных Штатов.[310]

Реакция красных кхмеров на Парижские соглашения и присутствие ЮНТАК была настолько неадекватна, что наводила на мысль о неспособности или о нежелании лидеров партии расхлебывать кашу, которую они же и заварили. У руководства партии практически не было опыта открытой легальной деятельности. Тем не менее они действительно надеялись, что ЮНТАК, как и было обещано, демонтирует инфраструктуру Государства Камбоджа, (поставив тем самым красных кхмеров в равные условия с прочими). Сон Сен и Кхьё Самфан были отправлены в Пномпень для проведения переговоров в конце 1991 года, однако вскоре покинули столицу после бунтов, устроенных против них Пномпеньским режимом.

В мае 1992 года Сон Сен был выведен из состава Центрального Комитета. Ему было запрещено консультироваться с должностными лицами из ЮНТАК. Возможно, это произошло потому, что Сон Сен поддерживал дальнейшее участие в процессе мирного урегулирования конфликта, который Пол Пот и его ближайшие соратники теперь рассматривали как уловку, способствующую уничтожению их движения. Сон Сен всегда находился под подозрением из-за своего интеллектуального превосходства и вьетнамского воспитания, которое ему дал Та Мок. Он так и остался в немилости и в 1997 году был убит по приказу Пол Пота. Это убийство лишило Пол Пота власти.[311] В конце мая 1992 года (не ясно, до или после отставки Сон Сена) красные кхмеры отказались впустить инспекторов ООН на контролируемые ими территории, таким образом выразив нежелание разоружаться. На тот момент триумвират в составе Пол Пота, Нуон Чеа и Та Мока, управлявший движением красных кхмеров с конца 1970-х, удерживал свои позиции и не хотел вести переговоры с «вьетнамскими марионетками» в Пномпене.

За время деятельности ЮНТАК отряды красных кхмеров совершили несколько жестоких нападений на мирных вьетнамцев, проживавших в Камбодже. В результате было убито свыше ста человек и еще больше ранено. Вероятно, руководство красных кхмеров надеялось на то, что эта резня вызовет волну насилия над вьетнамцами. Точно так же они считали, что их бойкотирование финансируемых ООН выборов повлечет за собой массовую неявку камбоджийских избирателей. Оба этих

заблуждения основывались, как предположил Дэвид Эшли, на «чрезмерно оптимистичном представлении о политической и военной силе движения», на умонастроении, которое многие годы поддерживало руководство движения.[312] Впрочем, коммунистам не удалось помешать присутствию ООН или сорвать национальные выборы, которые состоялись под наблюдением представителей ООН в июле 1993 года. Это противоречивое поведение красных кхмеров в период деятельности в Камбодже ЮНТАК обнаруживает их неспособность и нежелание приспособиться к новым развивающимся отношениям с властью и к изменениям в кхмерской экономике, начавшимся после вывода вьетнамских войск. Вместо этого радиопередачи красных кхмеров, за которыми пристально наблюдал и текст которых нередко собственноручно писал Пол Пот, представляли собой неизменный поток полемических высказываний антивьетнамской направленности. Из этих радиопередач вытекало, что вьетнамцы по-прежнему отвечают за политику в Пномпене и верховодят в ЮНТАК, работавшем исключительно на вьетнамские интересы.[313]

«Дедушка-87»

Мельком увидеть Пол Пота в конце 1980-х и начале 1990-х позволяют нам разрозненные образы, воспоминания и слухи: вот он несет на руках свою дочь, вот его отвозят в больницу в Пекин, вот он переезжает с одной военной базы на другую в белом фургоне с затемненными окнами. Попытки репортеров подобраться к нему поближе оканчивались неудачей вплоть до журналистского переворота, совершенного Нейтом Тейером в 1997 году. В 1989 году в одном пекинском фотомагазине Джеймс Прингл случайно наткнулся на фотографию семьи Пол Пота. Семья специально позировала для снимка. На нем отчетливо видно, что волосы Пол Пота поседели с того момента, как его фотографировали в последний раз (а это было десять лет назад). Но это все, что удалось добыть журналистам.[314]

Впрочем, рассказы перебежчиков 1990-х годов указывают на то, что идеи Пол Пота изменений не претерпели. Он продолжал придерживаться образа действий, отточенного еще в 1950-х. Чтобы понять, каким был Пол Пот в этот период, важно вспомнить, что он в той или иной форме тридцать пять лет без перерыва учил людей.

По описаниям перебежчиков, штаб Пол Пота — База 87 — представлял собой огороженное овальное пространство в нескольких километрах от тайско-камбоджийской границы на

территории Таиланда. Располагался он неподалеку от тайского города Трат. «Зона» площадью примерно 300 на 500 метров была обнесена двумя заборами из колючей проволоки. Охраняло ее более ста камбоджийских солдат. Доступы к этой территории контролировались армейскими подразделениями Таиланда. Здесь находился дом самого Пол Пота, отдельный дом для его жены и дочери, шесть бараков для приезжавших на занятия, кухня и кафетерий. Дом Пол Пота окружали маленькие будки охранников. Из всех дореволюционных камбоджийских учреждений именно База 87 больше всего была похожа на место обитания буддийских монахов. А политзанятия, если на то пошло, напоминали буддийские практики. Продолжая аналогию, можно назвать Пол Пота неким «лесным монахом», знатоком по части медитации.[315]

Вот в такой контролируемой обстановке «Дедушка-87», как стали называть Пол Пота, проводил периодические учебно-подготовительные встречи для командиров батальонов, бригад и дивизий красных кхмеров. Занятия продолжались по две недели. Учащиеся занимались восемь часов в день; от них также требовалось заниматься по пять часов дополнительно и посещать ежевечерние политические собрания. Занятия заканчивались двухдневным праздником, после которого учащиеся возвращались в свои воинские подразделения. Во время этих подготовительных курсов лекции читали высокопоставленные красные кхмеры, включая Сон Сена, Та Мока, Кхьё Самфана и Нуон Чеа, каждый из них — по своему профилю. Всеобщим любимцем был Пол Пот. «Веселый и теплый в общении со студентами; он читал лекции без записей», — как вспоминал позже один из бывших учащихся. В своих лекциях Пол Пот говорил о том, как Демократическая Кампучия вернет себе власть. Он также предлагал тактику на будущие месяцы. В зависимости от интерпретации внешних обстоятельств, предлагаемая им тактика изменялась от политической к военной и обратно. После 1988 года акцент сместился на политическую борьбу и победу в национальных выборах. После подписания Парижских соглашений База 87 была перенесена обратно на камбоджийскую территорию.[316]

Преподавательские методики Пол Пота варьировались от лекций до занятий в форме резких сократических вопросов и ответов, напоминавших монашеский стиль обучения. Основываясь на интервью перебежчиков, Роджер Норманд так описал одно из этих занятий:

«Как-то раз в марте 1988 года, рассказывая о внутренней ситуации в Камбодже, он прервал занятие и спросил: «Что мы

можем сделать для того, чтобы заставить народ любить нас?» Несколько бригадных и дивизионных командиров предположили, что для этого надо выставлять напоказ коррупцию в других фракциях и демонстрировать патриотизм красных кхмеров; другие отстаивали мнение о том, что ключевым моментом была экономика… Пол Пот все качал головой. Потом поднял руку командир какого-то батальона, сидевший в заднем ряду, и сказал: «Мы должны поставить себя в то же положение, в котором находятся беднейшие из бедных. Тогда люди соберутся вокруг и полюбят нас». «Да», — вскричал учитель, пришедший в восторг оттого, что один из самых неуспевающих учеников дал правильный ответ. «Да! Да!»»[317]

От своей коммунистической подготовки Пол Пот сохранил ориентацию на будущее, братское чувство и одержимость секретностью, тактикой и организацией. Ранние интеллектуальные влияния — Маркс, Ленин, Сталин, Мао — больше не упоминались, равно как и слова «партия», «социализм», «революция». Еще важнее то, что Пол Пот ничего не говорил о том, как возрожденная и обновленная Камбоджа будет в 1990-х или далее приспосабливаться к Юго-Восточной Азии. Описываемый им мир менялся в такой степени, в какой менялись его друзья и враги. Однако похоже, что в голове Пол Пота мир конца 1980-х и начала 1990-х ничем не отличался от мира, существовавшего в 1960–1970-х годах. В этом смысле полпотовское видение мира в контексте борьбы добра и зла напоминало лишенное чувства времени и не привязанное к контексту мировидение, воплощенное в индийских эпических поэмах наподобие «Махабхараты» и в буддистских методиках обучения.

Его наставления носили упрощенный и риторический характер. Никаких ссылок на письменные источники в них не давалось. Пол Пот был захвачен идеей «Камбоджи» и идеей восстановления того режима, который, на его взгляд, был единственным аутентичным и добродетельным из всех, что когда-либо знала Камбоджа. Словно какой-то настоятель затерянного в лесной глуши монастыря, отвечавший за практики, Пол Пот стремился очистить разум своих учеников от чуждых идей, которые могли отвлечь их от достижения «независимости-господства». Ожидалось, что после строгой дисциплины, недосыпания, многочасовых проповедей, самокритики и обсуждений командиры батальонов, бригад и дивизий передадут недавно приобретенное просветление бойцам своих подразделений, а затем — жителям камбоджийских деревень. И так будет продолжаться до тех пор, пока революционное сознание

(слово «революционное» держалось в тайне) не «дойдет» до всей Камбоджи, сделав нацию неуязвимой для нападения.

В 1990 году один из перебежчиков рассказал Кристофу Пешу о воздействии выступлений Пол Пота: «Пол Пот производит сильное впечатление на тех, кто слышит его впервые; после этого у них появляется желание вернуться… Те, кто посещает его семинары, чувствуют, что достигают просветления благодаря его учению… Он нам как отец… Любой бы обрадовался, случись возможность отдать несколько лет своей жизни для того, чтобы он прожил подольше».[318]

Как и предыдущие камбоджийские лидеры, Пол Пот с тревогой относился к перспективе политического плюрализма и считал соперничавших с ним политиков «врагами», мешающими Демократической Кампучии возобновить девяностовосьмипроцентное единодушие, царившее в стране до 1979 года. В 1985 году он поделился одной откровенной подробностью о партии: «Хотя мы и распустили Партию, те, кто был посвящен [здесь он показывает кулак], по-прежнему хранят верность ей. Мы надеемся и ждем, что из 80 000 непорочных членов партии, по меньшей мере, 50 % останутся верны своим клятвам. Помните о нашей силе!»[319]

Два года спустя в одном из заключительных выступлений перед своими учениками Пол Пот подробнее обычного остановился на роли, которую он продолжал играть:

> «Товарищи, я очень сожалею о том, что вы еще не достигли высокого уровня понимания. Меня беспокоит, что другие фракции обретут власть, поэтому, хотя я стар и хотел бы удалиться отдел, я должен продолжать укреплять ваши знания, прилагая к этому все свои силы. Не принижайте себя, но в то же время берегитесь вялости и чрезмерной самоуверенности. Любому придется много и упорно работать в области политики, чтобы достичь более высокого уровня [понимания], чем достиг я. Если вам этого не удастся, я не смогу умереть спокойно».[320]

Бывший ученик, рассказавший об этом выступлении, вспомнил, что, когда Пол Пот закончил говорить, многие его слушатели рыдали, а другие обещали сражаться и даже умереть за то, чтобы осуществить мечту Пол Пота. Мысль о том, что их наставник «еще не достиг высокого уровня понимания» наверняка поразила их как проявление самой скромности — так мог говорить лишь святой человек — а в свете очевидного просветления Пол Пота эта мысль уж точно показалась им

ошибочной.

В 1995 году в интервью Дэвиду Эшли бывший военный вспомнил еще одну учебно-подготовительную встречу, организованную Пол Потом, которая состоялась незадолго до подписания Парижских соглашений:

«Однажды во время недельных занятий в Таиланде… я спросил о 1975–78 годах, потому что у меня всегда спрашивали, почему он убил так много людей. Он сказал, что ситуация тогда была очень запутанная, у нас еще не было законов и порядка, мы были как дети, которые только учились ходить… Он сказал: «Я отвечал за все, так что вина лежит на мне, но, товарищ, покажи мне хотя бы один документ, доказывающий, что лично я был ответственен за эти смерти»».[321]

В конце 1997 года, за несколько месяцев до смерти Пол Пота один из его бывших телохранителей, Сим, беседовал о нем с журналистом Терри Мак-Карти. Он вспоминал 1993–1994 годы до того момента, когда у Пол Пота случился удар и он переехал в Анлонгвенг. Вот что записал Мак-Карти:

«Сим показал идущую в гору дорогу к остаткам дома Пол Пота и большой утес на краю обрыва. «Сюда он приходил и сидел здесь по вечерам, — сказал Сим. — Когда он был подавлен, звал меня, и я подходил и садился рядом с ним. Он пил дорогущий женьшеневый чай, держал бутылку тайского виски и обычно говорил о стране для бедных»».[322]

Сокращение численности красных кхмеров, 1994–1998

Согласно Парижским мирным соглашениям, подписанным в октябре 1991 года, покровители Пол Пота оставили его навсегда. Однако это несколько лет до Пол Пота не доходило. Он и его сторонники пытались выиграть время. Более крупным государствам всегда было легко «бросать» или «подбирать» Камбоджу и ее политиков. Постоянство покровительства этих держав и искренность их поддержки нередко вводили в заблуждение камбоджийских правителей. В этом смысле Пол Пот был самым последним в длинной череде послушных либо неосмотрительных правителей Камбоджи, вынужденных или страстно желавших согласиться с иностранным владычеством. В эпоху ДК эта зависимость являлась результатом неизменной уязвимости Камбоджи и, по иронии судьбы, следствием недостатков ее «независимого» коммунистического движения. На протяжении многих лет руководители Камбоджи заявляли, что их страна в действительности являлась островом. Это нравилось

некоторым слушателям и наделяло их необычайным рвением. Однако к концу XX столетия Камбоджа по-прежнему оставалась тем же, чем и несколько сотен лет назад, — маленькой страной, окруженной Таиландом и Вьетнамом, а до недавнего времени еще и ненасытным капиталистическим миром. Еще более интересный вопрос, на который невозможно ответить, — почему мечта о могуществе и изоляции Камбоджи так долго будоражила умы такого большого количества кхмеров?

Если сила и значение роли красных кхмеров уменьшались, то свою способность устрашать людей они сохраняли, не до конца утратив и запас своих партизанских сил. Отряды красных кхмеров продолжали совершать ужасные и молниеносные нападения на мирных вьетнамцев и в 1995 году похитили и убили троих иностранных туристов, вытащив их из поезда. Для объяснения подобных действий руководители движения использовали свою расистскую враждебность к Вьетнаму. Вдобавок их ненависть к Вьетнаму служила для того, чтобы заставить забыть о прошлом тех, кто выжил. В своих публичных заявлениях лидеры красных кхмеров уже не говорили об эпохе ДК как о периоде грандиозного социального эксперимента. «Трехлетний период», как он теперь назывался, стал благородным сдерживающим фактом, спасшим Камбоджу от захвата Вьетнамом. Выступая в 1990 году, представитель красных кхмеров объяснил: «Если бы мы были коммунистами, это означало бы, что мы встали на сторону вьетнамцев», — интригующее извращение того, что творилось на самом деле.[323] Больше того, «если бы мы не боролись», как заявил Пол Пот Нейту Тейеру семь лет спустя, «в 1975 году Камбоджа стала бы еще одним кампучийским Кромом». Он имел в виду дельту Меконга в Южном Вьетнаме, которая перешла под контроль вьетнамцев еще в XVII веке. Он повторил это незадолго до своей смерти в апреле 1998 года.[324]

В 1993–1994 годах посты в коалиционном правительстве в Пномпене были кое-как поделены между роялистами (известными под своим французским акронимом FUNCINPEC), победившими на выборах, и Народной партией Камбоджи (НПК) Хун Сена. Эта партия правила страной с 1979 года, проводя осторожную политику примирения с красными кхмерами. Последние в свою очередь стой же осторожностью (или цинизмом) старались придерживаться политики единого фронта, которая принесла им так мало выгоды — за исключением мира — во время периода ЮНТАК. Однако в 1994 году власти Пномпеня объявили красных кхмеров «вне закона» и возобновили военные действия против них.

Оглядываясь в прошлое, мы можем сказать, что именно в этот

момент движение красных кхмеров начало распадаться. Изменив тактику в подконтрольных районах, Пол Пот и его соратники стали проводить политику, основанную на диктаторстве крестьянства. Теперь, когда им не хватало заграничной поддержки, руководители движения действовали исходя из необходимости. Они также надеялись заложить основу победы, «очищая» ряды своих сторонников и восстанавливая условия времен вооруженной борьбы с Сианук и Лон Нолом. В 1997 году бывший военный сказал Дэвиду Эшли, что новая политика была «автономным решением Пол Пота, основанным на его опыте… Он вернулся назад, чтобы вновь приняться за старое».[325] В рамках этой жестокой политики были введены тяжелые наказания за торговлю с другими зонами. Эта политика вызвала возмущение в Пайлинском регионе, граничащим с более населенными районами Таиланда и в 1990-е годы начавшим процветать благодаря эксплуатации минеральных ресурсов. Буддийские храмы и рынки, быстро распространившиеся на территориях, подконтрольных красным кхмерам, были закрыты, а личное имущество коллективизировано. Кроме того, разрабатывались планы по ограничению сельскохозяйственных участков, которые обрабатывали крестьяне. Из-за длительного контакта с внешним миром, как считали руководители движения, оно заразилось вирусом всемирной коррупции. Характерно, что вину за это взвалили на посторонних. Как утверждалось водном документе, датирующемся 1994 годом, дела у красных кхмеров шли неважно, потому что «враждебные элементы» властвовали над людьми, политикой, экономикой, этикой и т. д.» Будучи неспособными либо не желая сотрудничать с открытым, многоликим миром, Пол Пот и его соратники перевели часы назад и попытались вновь развязать единственную выигранную ими войну. К счастью для остальной части страны, все условия, при которых красные кхмеры одержали в 1975 году победу, сейчас не существовали.

Новая политика оказала на сторонников движения катастрофическое воздействие. Перспектива возрожденного социализма, принудительной нищеты и бесконечной войны подтолкнула тысячи из них к выходу из движения. В 1996 году бывший член партии сказал Дэвиду Эшли следующее:

> «После выборов руководство стало говорить о борьбе «до конца света»; до следующих поколений. После выборов не было ясного представления о том, как будет закончена война и за что мы сражаемся… У Пол Пота и других очень хорошо получалось строить теории, но

когда дело доходило до главного вопроса — как закончить войну — у них не находилось на него ответа». [326]

Ближе к концу 1995 года Пол Пот, видимо, пережил инсульт, парализовавший левую половину тела. После инсульта он стал очень плохо видеть левым глазом. К тому моменту остатками красных кхмеров эффективно руководил Та Мок, но по основным вопросам по-прежнему консультировались с Пол Потом. Тем временем участники коалиции в Пномпене — Хун Сен и Нородом Раннаридх — стали открыто враждовать друг другом. Укрепляя свои и подрывая позиции соперника, они боролись за перебежчиков от красных кхмеров. Больше везло Хун Сену. В августе 1996 года Иенг Сари отказался от радикализма, с которым имел дело больше сорока лет, и перешел на сторону Хун Сена с условием, что получит королевское прощение и сможет остаться в своем поместье в Пайлине. В беседах с журналистами, борцами за права человека и исследователями Иенг Сари искусно отмежевывался от ужасов режима ДК. Тогда — это тогда, неоднократно повторял он. Сейчас есть сейчас. Войска, посланные из цитадели красных кхмеров Анлонгвенга для нападения на Иенг Сари, дезертировали в пути. За следующие два месяца красные кхмеры потеряли тысячи испытанных сторонников и потеряли две из трех главных опорных территорий. Ввиду упадка движения Пол Пот выступил против Та Мока (он стал вторым человеком в руководстве, сдвинув в этой позиции Нуон Чеа в 1995 году), Нуон Чеа и Сон Сена, обвинив их в контактах «с вьетнамцами» (т. е. с Хун Сеном) и посадив под домашний арест в бывший штаб Та Мока в Анлонгвенге.[327]

В этот момент Пол Пот попытался создать новое движение и привлечь к нему новых сторонников, включая военачальника Сароёна, в 1996 году поссорившегося с Та Моком. Используя этих новых подчиненных, Пол Пот начал долгий экскурс в прошлое. «Из-за того, что у Пол Пота были свои проблемы с камбоджийским обществом и мировым сообществом», как объяснил военный Кхем Нгуон Нейту Тейеру в июле, «он постоянно вел движение в темноту, в черную дыру, из которой не было выхода».[328]

К середине 1997 года Пол Пот выпал из времени и пространства. Последние несколько недель его руководства были просто ужасающими, а поведение перечеркнуло харизматичный образ добродушного человека, который он так долго культивировал, работая, главным образом, тайно. По-видимому, по приказу Пол Пота Сароён убил несколько членов безоружной делегации, присланной FUNCINPEC из Пномпеня в феврале 1997

года. Кроме того, за Сароёном еще «около двадцати» членов партии, убитых в Анлонгвенге. Он лично проконтролировал, чтобы дома людей, подозревавшихся в верности Та Моку, были сожжены.

В полночь 9 июня 1997 года Пол Пот приказал Сароёну и еще нескольким своим сторонникам убить Сон Сена, которого он подозревал в контактах с «вьетнамцами» через членов семьи, связанных с НПК. Зверское убийство Сон Сена, его жены и нескольких родственников, в том числе и маленьких детей (всего было убито четырнадцать человек) вызвало гневу тех членов партии в Анлонгвенге, которые еще не встали на чью-либо сторону в междоусобной грызне верхушки. «Увидев тела, — сообщил сторонник Та Мока Кхем Нгуон Нейту Тейеру в июле, — все наши товарищи, все движение в Анлонгвенге поняли, что подстроенное Пол Потом убийство Сон Сена было неправильным, несправедливым и варварским». Следующими могли стать Та Мок и Нуон Чеа, а вместе с ними и те, кто, как Кхем Нгуон, занял выжидательную позицию. В Анлонгвенге начала возникать оппозиция Пол Поту, а верные ему до тех пор военные подразделения перешли на сторону Та Мока. 13 июня Пол Пот сбежал вместе со своей семьей и горсткой приверженцев. Идти он совсем не мог, поэтому его несли в зеленом китайском армейском гамаке, подвешенном на бамбуковой жерди. Беглецов поймали 16 июня. Пол Пот находился «при смерти». 17 июня радиостанция красных кхмеров объявила его предателем.[329]

Следующие десять месяцев — вот все, что оставалось Пол Поту. По иронии судьбы, в это время он был больше на виду, чем в любой период своей жизни начиная с 1970-х годов — сначала на показательном суде, инсценированном Та Моком 25 июля в Анлонгвенге, а потом в трех интервью, которые его заставили дать американскому журналисту Нейту Тейеру, репортеру из Таиланда и камбоджийскому корреспонденту.

В конце июня, после поимки Пол Пота, должностные лица FUNCINPEC возобновили переговоры с Та Моком, которых так старался не допустить свергнутый вождь. Перспектива выстраивания огрубевших бойцов Та Мока рядом с войсками, верными FUNCINPEC, по-видимому, лишила Хун Сена присутствия духа. Он возглавил жестокий переворот, который состоялся 5–6 июня в столице и других районах страны. В результате этого переворота было убито свыше ста членов FUNCINPEC, а роялистская партия была устранена от власти.

В этих запутанных обстоятельствах в Анлонгвенге состоялся странный спектакль, когда Пол Пот и трое его соратников предстали перед народным трибуналом по обвинению в

государственной измене. На суд пригласили и американского журналиста Нейта Тейера, уже несколько лет поддерживавшего контакте красными кхмерами. Его пригласили вместе с телеоператором. Предавая Пол Пота суду и разрешая Тейеру заснять процесс, остатки красных кхмеров, вероятно, надеялись на международную поддержку. Однако, как впоследствии написал Тейер, «это тщательно срежиссированное представление вызывало в памяти куски снятых на зернистой чернобелой пленке фильмов о Китайской культурной революции», а записи суда указывают на то, что он был классическим элементом театра красных кхмеров. Собравшаяся в зале для заседаний на открытом воздухе толпа стала выкрикивать лозунги наподобие «Смерть презренным предателям! Смерть! Смерть!» и «Смерть предателю Пол Поту, чьи руки запачканы кровью!». Тейер сосредоточился на обвиняемом: «Брошенный на простой деревянный стул, сжимая в руках длинную бамбуковую трость и ротанговый веер, измученный, слабый и пытавшийся сохранить свое достоинство, старик смотрел, как рушится его жизнь, терпя абсолютное и окончательное поражение».[330]

Пожалуй, неудивительно, что Пол Пота не обвиняли ни в одном из преступлений, совершенных в 1970–1980-х годах. Вместо этого ему было предъявлено обвинение в убийстве Сон Сена. Его также судили за то, что он отнимал у людей собственность, приказывал сжигать их дома и побуждал своих обессиленных последователей вести бесконечную войну. Обвинения в этих действиях были составлены с использованием ярлыков противников красных кхмеров — «варварский», «фашистский», «недалекий» и «продажный».

За все время суда, пока представители различных «слоев» излагали материалы дела, Пол Пот ни разу не взглянул на своих обвинителей. За все время его ни разу не попросили высказаться. Молчание в ответ на поток обвинений зловещим образом напоминало его гордый отказ от противостояния Ле Дуану в 1965 году в Ханое и годы молчания, пока он прибирал власть к рукам. По завершению судебного процесса ему помогли встать со стула и отвели к белой «Тойоте». Пол Пот с трудом передвигал ноги.

Если бы не то, что происходило в 1970-х, если бы не наполненные жестокостью последние месяцы пребывания Пол Пота у власти и если бы не интервью, которые он дал перед смертью, было бы заманчиво завершить его биографию на этом моменте, образом немощного старика, нетвердым шагом отправлявшегося в строгую изоляцию. Однако жестокость действий, совершенных им в 1996–1997 годах, наводит на мысль о том, что его поступки 1970-х годов по своей сути являлись

такими же беспощадными. Сон Сен был не первым соратником Пол Пота, которого последний приказал убить. В действительности расположенность Пол Пота к террору, возможно, сделала столько же для сплочения красных кхмеров, сколько его благовоспитанная харизма и революционный пыл. Интервью с Пол Потом, в свою очередь, позволяют нам подслушать, как он просеивает пепел, оставшийся от его карьеры, все еще стремясь найти себе место в истории.

Тейер вернулся в Анлонгвенг в середине октября 1997 года. Ему через переводчика позволили наедине общаться с Пол Потом в течение двух часов. Это было первое интервью, которое «Брат номер один» давал кому-то с 1979 года. Вопросы Тейера касались эпохи ДК. «Как вам известно, — начал журналист, — большинство людей в мире считают вас ответственным за гибель сотен тысяч невинных камбоджийцев, которые не заслуживали подобных страданий». «Я отвечу, — кивнул Пол Пот. — Я хотел бы сказать вам, что пришел вести борьбу, а не убивать людей. Даже сейчас, когда вы можете посмотреть на меня, разве я похож на жестокого человека? Моя совесть чиста».

Тейер стал давить, требуя от Пол Пота признать, что тот «совершил очень серьезные ошибки» во время пребывания у власти. Пол Пот отвечал умело, в учительской манере: «Здесь есть две стороны. Есть то, что мы сделали неправильно, и то, что мы сделали правильно. Ошибка состоит в том, что мы совершили кое-что против народа… но другая точка зрения, как я вам говорил, заключается в том, что без нашей борьбы Камбоджи бы сейчас не существовало».

Обеспечив себе, как ему казалось, место в истории, Пол Пот больше интересовался разговором о своей болезни, семье и о времени, проведенном им во Франции и Югославии, чем беседой о годах пребывания у власти. Он рассказал Тейеру о перенесенном им в 1995 году инсульте, о том, как ему было скучно находиться под домашним арестом, и с нежностью упомянул о дочери. Когда интервью закончилось, Пол Пот сказал: «Я чувствую себя очень, очень усталым». Однако он не смог удержаться от прощальной фразы и, когда ему помогали сесть в «Тойоту», сказал: «Я хочу, чтобы вы знали, что все, что я сделал, я делал для моей страны». Видимо, в машине ему пришел на ум еще один афоризм красных кхмеров, который руководящие члены партии использовали по отношению к врагам движения. «Колесо истории безжалостно, — говорится в этом изречении. — Не суй в него руку или ногу, иначе их непременно отрежет».[331]

За следующие несколько месяцев состояние здоровья Пол Пота ухудшилось, равно как и положение тех, кто держал его в

плену. В марте правительственные войска вытеснили красных кхмеров из Анлонгвенга на временную базу рядом с камбоджийско-тайской границей. Пол Пот жил под охраной в простом трехкомнатном доме.

15 апреля 1998 года в восемь часов вечера, как обычно, он настроился на трансляцию «Голоса Америки» на кхмерском языке. Главным было сообщение со ссылкой на Нейта Тейера о том, что те, кто держал Пол Пота, решили передать его трибуналу с целью выдвинуть обвинения в преступлениях против человечества. По всей вероятности, влияние этой радиопередачи оказалось фатальным.

16 апреля, когда уже стало известно, что Пол Пот умер, Та Мок так описал Нейту Тейеру последовательность событий: «Он сидел на своем стуле и ждал, когда придет машина. Но почувствовал себя уставшим. Жена предложила ему отдохнуть. Он лег на кровать. Жена услышала, как он стал хватать ртом воздух. Это был предсмертный хрип. Когда она дотронулась до него, он уже скончался. Это случилось в 22.15 вчера вечером».[332]

Тело Пол Пота показывали журналистам 16 и 17 апреля, двадцать три года спустя после того, когда красные кхмеры победным маршем вошли в Пномпень. 18 апреля Пол Пота кремировали на расчищенном участке в джунглях. Никто из важных фигур не почтил кремацию своим присутствием. Не было на ней и жены Пол Пота с дочерью. После завершения церемонии с журналистами побеседовал представитель руководства красных кхмеров. «Большинство людей счастливо оттого, что Пол Пота больше нет, — сказал он. — Больше нет никаких красных кхмеров, никакой плохой репутации».[333]

Беседуя с кхмерским репортером от радиостанции «Свободная Азия» 17 апреля, Та Мок выступил с более грубой эпитафией. «Пол Пот сгнил, — сказал он, — как перезрелая папайя. Никто его не убивал, никто его не отравлял. Теперь его нет, у него нет власти, нет прав, он значит не больше, чем коровья лепешка. Коровья лепешка и то важнее, чем он. Мы можем использовать ее как удобрение».

Пол Пот умер бесславно, в том бесчестье, в которое он вверг миллионы кхмеров, в условиях почти таких же бесчеловечных, как те, с которыми столкнулись его жертвы. Свершилось суровое правосудие. Пол Пота было трудно оплакивать.

Какое наследство он оставил после себя? Чего он искал и чего добился за годы пребывания у власти? Представление о Камбодже, какой он видел ее в своих мечтах, — экономически самостоятельной, всемогущей — вероятно, проносилось в умах и других камбоджийских правителей со времен упадка Ангкора в

XV веке. Некоторые из них поддавались этим видениям и находили покровителей (и сателлитов), которые могли помочь воплотить мечту в жизнь. Другие, пожалуй, их было большинство, думали, а нужна ли Камбодже самостоятельность? Что от этого выиграет страна и какую выгоду получат лично они? В постангкорской Камбодже антигероическое поведение правителей и схожих с ними простых людей имело смысл. Одна из ценностей анти-геройства — и она какое-то время играла на руку коммунистам — заключалась в том, что камбоджийское общество стоически ли, с обидой ли, но примирилось с такими иерархическими структурами, в которых на «меньших» людей не обращалось внимания — за исключением тех случаев, когда они могли служить и кормить богатых и сильных.

В камбоджийской истории Пол Пот стоит в ряду правителей-мечтателей. На каком-то этапе своей жизни — возможно, в Париже, возможно, еще раньше — он взбунтовался против раболепия и покорности камбоджийского народа. Праздность королевской семьи угнетала его. Страдания, которые причиняла ему зависимость Камбоджи от Вьетнама и Франции, видимо, были искренни. Он разделял их с другими камбоджийскими интеллигентами того времени. В начале 1950-х он увидел в коммунизме набор методов, позволяющих достичь власти и освобождения. Их можно было применить и к Камбодже, чтобы уничтожить стоявшие на пути ее развития иерархичность, несправедливость и подхалимство. Решающая роль, которую предстояло сыграть в этом процессе таким интеллигентам, как он, означала, что реальные приоритеты камбоджийских бедняков, концентрировавшиеся вокруг семьи, религии и досуга, будут игнорироваться ради предположительно более высоких целей. В случае с Салот Саром видение нового общества, вероятно, было окрашено более личностными представлениями — представлениями о самом себе. Возможно, он считал коммунистическое движение способом личного самовыражения. Отчасти самовыражение происходило в форме осуществления власти над людьми с тем, чтобы контролировать будущее.

Чего стоил Пол Поту этот выбор — невозможно оценить. Начиная с 1960-х и до середины 1980-х годов, насколько мы можем судить, он отказался от прелестей семейной жизни. На многих этапах своей карьеры, особенно после 1975 года, он отвергал компромиссы и соглашения. Хотя в 1981 году он почти плакал из-за того, что «слишком многим доверял», он недрогнувшей рукой посылал на смерть сотни людей, с которыми работал, и до конца своей жизни он, наверное, не доверял вообще никому, кроме своей жены и дочери. Он никогда не сходил с

избранного в 1950-х годах пути и ни разу подробно не говорил о цене, которую заплатил камбоджийский народ, чтобы подчиниться его представлениям о Камбодже, а после 1977 года — и его неизменной враждебности к Вьетнаму. Изменить свои представления или отказаться от них Пол Пот не мог, это было невозможно. Видимо, в последние годы жизни он по-прежнему опасался покушений на свою жизнь. Жалость к себе, гордость и самообман не давали ему взглянуть правде в глаза и объективно оценить последствия собственных поступков. Может в глубине души он и раскаивался, но Нейту Тейеру — а, значит, и «истории» — Пол Пот заявил, что его совесть чиста.

Иностранные державы, эксплуатировавшие тщеславие Пол Пота в своих собственных интересах, несут ответственность за большую часть страданий, выпавших на долю Камбоджи. Виноваты и красные кхмеры, после 1975 года воплотившие представления Пол Пота в жизнь и отправившие на смерть сотни тысяч сограждан. Многие выжившие сообщили, что они подчинялись «организации», а сам Пол Пот указал на то, что насилие, как и все прочее, было ответом на революционные императивы и давление заграничных сторон.

Однако, в конечном счете, ответственность зато, что случилось в Камбодже после апреля 1975 года, должен нести старик, скончавшийся в 1998 году. Возможно, однажды вечером он понял весь ужас своих злодеяний. А может быть, и нет. Он говорил своему телохранителю, что время от времени чувствовал подавленность. Хотелось бы знать, сожалел ли он о содеянном? Или же печалился лишь о том, что не успел довести дело до конца? На этот вопрос невозможно ответить. В жизни Пол Пота прослеживается его подчиненность видению истории, Камбоджи и самого себя, тогда как «личная ответственность», как и многое другое, сгорела дотла в трудностях революционных преобразований и в попытках удержаться у власти.

Мы остались с прахом этого старика, со страной, которую он так тщательно разрушал, с воспоминаниями о тех временах, когда он находился у власти, которые ни на минуту не оставляют уцелевших. Возможно, он был прав. Возможно, он действительно слишком многим доверял. Может быть, хотел слишком много, не задумываясь о реальности. Однако дело не в неудаче революции и не в его позорной смерти. На закате жизни, покинутый всеми бывший диктатор остался один на один с воспоминаниями. Может, хотя бы самому себе, он признался в том, что в результате бесчеловечной политики и непомерного властолюбия обрек на смерть более миллиона своих соотечественников.

Хронологический указатель

1925 В деревне Прексбаув, провинция Компонгтом, французский протекторат Камбоджа, родился Салот Сар.

1927 Коронация короля Сисовата Монивонга, он становится королем Камбоджи.

1930 В Гонконге создана Коммунистическая партия Индокитая (КПИ). До 1950-х годов она состояла практически из одних вьетнамцев.

1937 В Пномпене начинают выпускать газету на кхмерском языке «Нагара Ватта» («Ангкор-Ват»).

Салот Сар поступает в Эколь Мише, частную начальную школу в Пномпене.

1940 Франция разгромлена Германией. Новое, нейтральное правительство начинает работать в Виши.

1941 Франко-тайская война. Тайцы устанавливают контроль над двумя камбоджийскими провинциями.

Умирает король Камбоджи Сисоват Монивонг. На престол восходит девятнадцатилетний внук Монивонга Нородом Сианук, назначенный французами.

Японские войска занимают большую часть территории Индокитая. Французы по-прежнему сохраняют административный контроль над Камбоджей.

1942 Антифранцузская демонстрация в Пномпене. Расчет зачинщиков на японскую поддержку не оправдался, они арестованы французами.

Салот Сар поступает пансионером в Коллеж Сианука в Компонгчаме.

1945 Французских чиновников по всему Индокитаю бросают в тюрьму. Японцы побуждают местных правителей объявить независимость. Король Сианук объявляет Камбоджу независимой. В мае в Камбоджу возвращается ссыльный националистический лидер Сон Нгок Тань и становится министром иностранных дел.

После переворота в пользу Таня, случившегося накануне капитуляции Японии, Тань исполняет обязанности премьер-министра до тех пор, пока в Камбоджу не возвращаются французы и не арестовывают его.

Возглавив освободительное движение во Вьетнаме, КПИ якобы распускается в интересах создания единого фронта. На самом деле партия продолжает работать в условиях подполья.

1946 Французы разрешают камбоджийцам выработать проект конституции и сформировать политические партии. Одна из этих партий, Демократическая, встречает широкую поддержку у

населения Камбоджи.

В Северном Вьетнаме развертываются бои между французскими войсками и отрядами вьетнамцев под тайным руководством КПИ во главе с Хо Ши Мином.

Начинается Первая Индокитайская война.

1947 Салот Сар заканчивает обучение в Коллеже Сианука. В Пномпене он знакомится с Иенг Сари; оба они принимают добровольное участие в предвыборной кампании демократов.

1948 Сар проваливается на вступительных экзаменах в Лицей Сисовата и поступает в Техническую школу в Пномпене.

1949 Сар награжден стипендией для изучения радиоэлектроники во Франции; в сентябре приезжает в Париж.

В Китае к власти приходят коммунисты.

1950 Начинается война в Корее.

Из Парижа Сар рабочим-добровольцем уезжает на месяц в Югославию.

В Париж приезжает Иенг Сари, он знакомит Сара с передовым кхмерским интеллигентом Кенг Ваннсаком.

1951 В Камбодже, Лаосе и Вьетнаме создаются якобы «национальные» коммунистические партии. Организованные под влиянием вьетнамцев, подготовивших уставные документы, эти партии, существование которых держится в секрете от непосвященных, поддерживают национально-освободительную войну вьетнамцев.

В Париже Сар переезжает в квартиру на улице Летелье и начинает посещать марксистский кружок, созданный Кенг Ваннсаком. Кроме него на эти обсуждения приходят Иенг Сари, Мей Манн. Тиоунн Мумм, Сон Сен, Рат Самоён и Хоу Йун.

В августе несколько кхмеров-марксистов посещают профинансированный коммунистами фестиваль молодежи в Берлине и узнают о существовании Кхмерской народно-революционной партии (КНРП).

1952 При поддержке французов Сианук распускает в Пномпене Национальное Собрание, большинство мест в котором было за демократами. Этот шаг возмущает радикальных студентов во Франции. Подписавшись «истинным кхмером», Салот Сар публикует статью, в которой нападает на королевскую власть в Камбодже.

Сианук начинает Королевский крестовый поход за независимость, перехватив инициативу у демократов.

По учебным причинам Сара лишают стипендии. Он задерживается в Париже на несколько месяцев и по собственному желанию ищет сведения о возглавляемом коммунистами сопротивлении в Камбодже. В это время он становится членом

Французской коммунистической партии.

1953 Сар возвращается в Пномпень. Изучив в течение нескольких месяцев тайскую и другие некоммунистические альтернативы, он присоединяется к вьетнамско-кхмерскому подразделению на вьетнамской границе и вступает в ряды КПИ. Он знакомится со своим будущим наставником, камбоджийцем Ту Самутом, членом КПИ.

Французы даруют Камбодже независимость, однако удерживают за собой командование французскими войсками, которые продолжают оставаться в стране.

1954 На Женевской конференции достигнуты политические соглашения, которые положили конец Первой Индокитайской войне. Для Камбоджи эти соглашения предусматривали проведение всеобщих выборов в течение года. Свыше тысячи присоединившихся к коммунистам кхмерских партизан вывезено в недавно созданное коммунистическое государство в Северном Вьетнаме.

Салот Сар возвращается в Пномпень, уходит в подполье, скрываясь под псевдонимом, и работает на выборах для поддержки радикальных кандидатов.

1955 Сианук отрекается от престола и создает политическое движение с целью роспуска других политических партий. Надеявшиеся победить на выборах демократы в полном смятении.

В результате фальсифицированных выборов движение Сианука «Сангкум» получает все места в Собрании. Демократы и легальная часть коммунистической партии — группа Прачеачон — приписывают себе голоса 100 000 избирателей. Салот Сар работает на обе эти партии, по-прежнему оставаясь в подполье.

1956 Салот Сар начинает преподавать в одном частном коллеже в Пномпене; женится на Кхьё Поннари, учительнице из Лицея Сисовата; тайно работает вместе с Ту Самутом, Нуон Чеа, Иенг Сари и другими. В это время коммунисты в Камбодже действуют как члены безымянной партии.

1959 Якобы лидер подпольной партии — Сьё Хенг — переходит на сторону правительства и отказывается от радикализма.

1960 Вероятно, по приказаниям из Вьетнама двадцать один кхмерский радикал тайно собирается на трехдневную встречу в Пномпене, чтобы учредить Рабочую партию Кампучии (РПК); в новый Центральный Комитет наряду с другими вошли Ту Самут (секретарь), Нуон Чеа, Салот Сар и Иенг Сари.

Умирает отец Сианука — Сурамарит, ставший королем в 1955 году; главой государства становится Сианук.

В Южном Вьетнаме создается Фронт национального

освобождения (ФНО) как политическое средство борьбы, нацеленное на смещение проамериканского южновьетнамского режима.

1962 Исчезает Ту Самут, предположительно, его убивает полиция Сианука; несколько членов Прачеачона попадают в тюрьму; Салот Сар становится временно исполняющим обязанности секретаря ЦК, обойдя более старшего кандидата — Нуон Чеа.

1963 Когда их имена попадают в список подозреваемых «красных», опубликованный правительством Сианука, Салот Сар, Иенг Сари и Сон Сен спасаются бегством, уехав из Пномпеня на восток Камбоджи. Нуон Чеа, чье имя названо не было, остается в столице. До отъезда из Пномпеня Сар становится секретарем Центрального Комитета РПК.

Свергнут и убит президент Южного Вьетнама Нго Динь Дьем; три недели спустя убит американский президент Джон Ф. Кеннеди.

Сианук закрывает программу американской военной помощи и ищет сближения с вьетнамскими коммунистами, а также «нейтральное» решение для прекращения Второй Индокитайской войны, разразившейся в 1960 году.

1964 Салот Сар проводит год на Базе 100, находившейся под контролем вьетнамцев; какое-то время она располагалась на территории Камбоджи, а иногда перемещалась за границу — на территорию Вьетнама.

1965 Война во Вьетнаме набирает обороты, и Салот Сар вместе с делегацией от РПК приезжает в Ханой, где представляет политическую программу РПК своим вьетнамским коллегам. Программа резко критикуется вьетнамцами из-за того, что в ней не подчеркивались международные факторы.

Начинается высадка американских войск во Вьетнаме.

Сианук заключает секретное соглашение с вьетнамскими коммунистами, разрешая им размещать свои войска в малонаселенных районах на востоке Камбоджи.

1966 Мао Цзэдун начинает Культурную революцию в Китае.

Салот Сар едет из Ханоя в Китай. После грубой отповеди, полученной от вьетнамцев, его относительно тепло принимает и дружески к нему относится бывший глава тайной полиции Мао К'анг Шенг.

Сар возвращается в Камбоджу через Ханой и тайно изменяет название РПК на Коммунистическую партию Кампучии (КПК). База 100 перемещается в отдаленную северо-восточную провинцию Ратанакири.

Впервые с 1955 года Национальное Собрание избирается из

кандидатов, не назначенных Сианук; собрание выбирает премьер-министром Лон Нола; Сианук в ярости.

1967 На северо-западе страны, в деревне Самлаут, вспыхивает крестьянский бунт против режима Сианука. С восставшими беспощадно расправляются. Ввиду этих репрессий КПК решает вести смешанную — и вооруженную, и политическую — борьбу. На протяжении всего года Сианук продолжает подавлять коммунистов на местах.

1968 Накануне Тетского наступления, организованного вьетнамскими коммунистами, подразделение КПК осаждает правительственный гарнизон в Баттамбанге и захватывает немного оружия. Впоследствии это событие стало праздноваться как начало вооруженной борьбы.

1969 Опасаясь новых вторжений коммунистов, Сианук возобновляет дипломатические отношения с Соединенными Штатами. На северо-востоке продолжаются столкновения между его вооруженными силами и партизанами из КПК.

Ближе к концу года Салот Сар совершает поездку в Ханой; он отсутствует в Камбодже полгода.

1970 Пока Сианук находился с визитом в СССР Национальное Собрание отозвало его от власти. Король отправляется в Пекин, где обещает бороться. В Пекин в сопровождении Салот Сара прилетает вьетнамский премьер-министр Фам Ван Донг, чтобы предложить Сиануку поддержку. Король соглашается сформировать эмигрантское правительство Единого фронта с целью свержения проамериканского режима Лон Нола.

Американские и южновьетнамские войска ненадолго вторгаются в Восточную Камбоджу. Отряды вьетнамских коммунистов отступают на запад. Партизаны КПК, утверждая, будто они верны Сиануку, привлекают к себе тысячи сторонников.

Салот Сар возвращается в Камбоджу из Вьетнама и создает свой штаб в сельской провинции Компонгтом.

Лон Нол объявляет Камбоджу республикой. Его войска разгромлены в нескольких столкновениях с вьетнамцами.

1971 Получив подготовку у вьетнамцев и камбоджийских коммунистов, переброшенных из Северного Вьетнама, войска КПК приобретают боевой опыт. Наступление Лон Нола отбито и захлебывается к концу года.

1972 На мирных переговорах между США и Вьетнамом в Париже вьетнамцы соглашаются прекратить огонь. Они также планируют отвести свои войска из Камбоджи. Эти новости тревожат руководство КПК, которое отказывается соблюдать соглашение о прекращении огня; намерение вьетнамцев оставить их вызывает возмущение у камбоджийских коммунистов.

1973 Американские бомбардировщики сбрасывают десятки тысяч тонн бомб на позиции КПК, останавливают наступление КПК на Пномпень, убивают и ранят тысячи мирных жителей и заставляют десятки тысяч камбоджийцев бежать в города. Бомбардировки прекращаются в августе под давлением американского Конгресса.

В период бомбардировок Сианук отправляется в Северную Камбоджу и посещает Ангкор-Ват. Его лицемерно привечают лидеры КПК, которые на самом деле не намерены предоставлять ему политическую власть ни в каком виде. В некоторых районах, подконтрольных КПК, проводятся социалистические преобразования, включая коллективизацию сельского хозяйства.

1974 Режим Лон Нола близится к крушению, но «штурмовая атака» КПК на Пномпень отбита.

1975 1 января начинается наступление КПК. Плавучие мины в Меконге останавливают подвоз риса и боеприпасов по реке в Пномпень.

В марте Лон Нол убегает из страны. Американское посольство эвакуирует своих сотрудников.

17 апреля войска КПК занимают Пномпень и Баттамбанг. Жителей всех крупных городов приказано выслать в сельскую местность для выполнения сельскохозяйственных работ.

Три недели спустя Сайгон переходит к вьетнамским коммунистам.

Когда столица пустеет, в нее после двадцатилетнего отсутствия возвращается Салот Сар. К власти в Камбодже приходит «Революционная Организация». Немедленно принимаются радикальные меры (отмена денег, рынков, частной собственности; закрытие монастырей и школ).

На секретных переговорах с вьетнамцами камбоджийцы отказываются договариваться насчет границы, опасаясь, что вьетнамцы уточнят морские границы таким образом, чтобы воспользоваться месторождениями нефти в береговой зоне.

1976 Провозглашена Конституция Демократической Кампучии (ДК). В апреле объявлено об избрании премьер-министром «работника с каучуковой плантации» по имени Пол Пот. Сианук уходит в отставку с поста главы государства и следующие два с половиной года проводит под домашним арестом в Пномпене.

Полиция государственной безопасности ДК открывает свой центр для допросов и пыток в пригороде Пномпеня — Туолсленге.

Членам КПК представлен Четырехлетний план.

В Китае умирает Мао Цзэдун. На церемонии, состоявшейся в

Камбодже в память о Мао, Пол Пот впервые признал, что Демократическая Кампучия следует марксистско-ленинской идеологии. Существование КПК по-прежнему сохраняется втайне.

Ссылаясь на нездоровье, Пол Пот «уходит в отставку» с поста премьер-министра. На этой должности его временно заменяет Нуон Чеа. Практически сразу же после этого начинаются чистки, направленные против ветеранов КПК, подозреваемых в провьетнамских настроениях.

1977 На камбоджийско-вьетнамской границе между войсками ДК и Вьетнама начинаются военные действия, вероятно спровоцированные Демократической Кампучией.

За первую половину года в результате чисток в КПК было уничтожено большинство интеллигентов, состоявших в партии; они обвинялись в связях с ЦРУ.

Перед государственным визитом в Пекин Пол Пот объявил о существовании КПК в продолжительном выступлении, в котором прослеживалась история партии; при этом он ничего не сказал о чистках в партии или о военных действиях с Вьетнамом.

Фотографии Пол Пота, сделанные в Китае, и биографические сведения, которыми он делится во время визита, позволяют наблюдателям установить, что Пол Пот — это Салот Сар.

В Китае Пол Пота чествуют как союзника в борьбе с «ревизионистским» (просоветским») Вьетнамом. Китай обещает военную помощь. Тем временем бои между вьетнамцами и войсками ДК усиливаются.

Вьетнамская армия захватывает большую часть Восточной Камбоджи и удерживает ее в течение двух месяцев.

31 декабря Демократическая Кампучия разрывает дипломатические отношения с Вьетнамом.

1978 Чистки распространяются на членов партии в восточной зоне, где протекает большая часть боев с Вьетнамом. Военные действия продолжаются.

Демократическая Кампучия изо всех сил старается «раскрыться», радушно принимая у себя нескольких гостей, прибывших с государственным визитом, и сочувствующих журналистов. Несколько раз Пол Пот позволяет взять у себя интервью.

В декабре вьетнамцы начинают главное наступление.

1979 Пол Пот посылает Сианука в Соединенные Штаты, чтобы тот обсудил с американцами проблемы Камбоджи.

Пномпень достается вьетнамцам. Пол Пот бежит на северо-запад. Вьетнамские войска оккупируют большую часть страны в ходе последующих молниеносных атак.

Китайцы и тайцы договариваются об оказании поддержки

Демократической Кампучии. Тысячи солдат ДК находят прибежище вдоль тайской границы.

Народная Республика Кампучия (НРК), режим, установленный вьетнамцами, устраивает суд над Пол Потом и Иенг Сари и приговаривает их к смерти.

В декабре, перед уходом с поста премьер-министра Пол Пот дает свое последнее публичное интервью.

1981 Центральный Комитет КПК объявляет о роспуске партии, однако ни одно из главных действующих лиц не уходит в отставку, да и партийная инфраструктура, особенно в армии, тоже сохраняется. Существенно, что Пол Пот удерживает за собой военные должности, как и в 1970–1975 годах.

1982 Сформировано коалиционное правительство Демократической Кампучии, в состав которого входят антикоммунистические фракции, Сианук и Демократическая Кампучия. За коалицией сохраняется место ДК в ООН, и она принимает военную помощь от Китая и некоторых стран-участниц Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

1983—1987 Вьетнамские войска контролируют военную расстановку сил. Обосновавшись в Таиланде, Пол Пот время от времени уезжает в Китай на лечение.

1985 По случаю своего шестидесятилетия Пол Пот «уходит в отставку» со всех постов. В действительности же он сохраняет свое влияние и как секретарь КПК, и как учитель.

Пол Пот женится второй раз (точная дата неизвестна), и от второй жены, происходившей из крестьян, у него рождается дочь.

1988 Вьетнамцы выводят свои войска из Камбоджи. Переговоры, посвященные политическому урегулированию, набирают силу.

1991 По всестороннему соглашению, подписанному в Париже, в Камбодже налаживается временное управление под наблюдением ООН. Входе переговоров в Таиланде, подготавливавших Парижскую встречу, делегация ДК несколько раз по телефону обращалась к Пол Поту за советом, прежде чем согласиться на уступки. Когда представители ДК Сон Сен и Кхьё Самфан ненадолго вернулись в Пномпень, Сен тайно доложил «87» (Пол Поту) об условиях, в которых проходили переговоры, однако на публике утверждал, что Пол Пот «прекратил выполнять все свои обязанности».

1992 Фракция ДК отклоняет просьбу ООН о разоружении и перестает сотрудничать с Временным органом ООН в Камбодже. Сон Сен понижен в должности. Представитель ДК заявляет, что правительство в Пномпене по-прежнему находится под контролем вьетнамцев.

1993 Фракция ДК бойкотирует всеобщие выборы, которые выигрывает роялистская партия (FUNCINPEC). Народная партия Камбоджи — партия Хун Сена — оспаривает результаты выборов. В результате достигнутого компромисса в Камбодже устанавливается дуалистическое правление НПК-FUNCINPEC под руководством двух премьер-министров.

1994 КПК начинает проводить жесткую политику в подконтрольных ей зонах с целью вновь разжечь революционный пыл. Эта политика неожиданно приводит к обратным результатам: коммунистов покидают тысячи сторонников.

1997 Иенг Сари переходит в правительство Хун Сена в Пномпене.

Через два месяца Хун Сен устраивает переворот, чтобы избавиться от FUNCINPEC. Вскоре после этого по приказу Пол Пота были убиты Сон Сен и несколько членов его семьи.

Соперники Пол Пота из верхушки КПК избавляются от него и заставляют предстать перед судом по обвинению в государственной измене. Судебный процесс проходил водном из лагерей красных кхмеров. Его снимал на пленку американский журналист Нейт Тейер, в октябре бравший у Пол Пота интервью.

1998 16 апреля Пол Пот умер от паралича сердца и других болезней в лагере красных кхмеров на тайско-камбоджийской границе.

Приложение

Биография Пол Пота в изложении Нон Суона

Нижеследующий текст взят из признания старейшего члена КПК Нон Суона (по прозвищу Чей Суон), сделанного им в Туолсленге в ноябре 1976 года. В то время он был секретарем по сельскому хозяйству в Демократической Кампучии. Выходец из крестьян, Нон Суон в 1940-х годах присоединился к движению «Кхмер Иссарак» и являлся известным членом движения Прачеачон в тот период, когда Камбоджа уже получила независимость. В 1962 году его арестовала полиция Сианука. В 1970 году его выпустили. Выйдя из тюрьмы, он сразу же присоединился к партизанам. Составляя признание, вырванное из него в Туолсленге, Нон Суон вкратце набросал биографии нескольких высокопоставленных членов партии. Относительная точность этих набросков предполагает, что он либо имел доступ к письменным автобиографиям, рассчитанным на верхушку КПК, либо, что более вероятно, в 1970-х годах посещал собрания по самокритике, на которых высокопоставленные члены партии сообщали свои биографические данные. Хотя оценки нескольких фигур в КПК, например, Та Мока и Сон Сена, явно критичны, в суждениях Нон Уона о «Брате-Секретаре» — с учетом обстоятельств, в которых они были написаны, — звучит вызывающая удивление поддержка, хотя ясно, что в 1960-х Нон Суон мало виделся с Пол Потом, потому что сам сидел в тюрьме.

Этот набросок биографии Пол Пота был сделан 21 ноября 1976 года, почти за год до того момента, как Пол Пот сам поделился какими-то сведениями о себе. Перевод выполнен Стивом Гедером.

«Брат-Секретарь» партии жил в [крестьянской] семье среднего достатка в Компонгтоме. Он учился в технической школе в провинции Компонгчам. В 1945 году, когда японцы вошли в страну (sic), он вернулся в Компонгтом. В 1949 или в 1950 году — я не могу точно вспомнить — он поехал во Францию, чтобы продолжить там обучение. В 1954 году он возвратился из Франции и присоединился к движению, занимавшемуся вооруженной борьбой в Восточной Зоне. Когда в Камбодже начало действовать соглашение о прекращении огня, в конце 1954 года он вернулся жить в Пномпень, чтобы вести подпольную борьбу.

В Пномпене «Старший Брат» выполнял главные партийные задания, такие, как:

1. Он находил в городе прогрессивные элементы и записывал

их в Демократическую партию, чтобы разрушать и уничтожить… Демократическую партию приверженцев Сон Нгок Таня. Твердолобы уходили и вступали в «Сангкум». Лишь твердолобый Ум Сим и несколько его прихвостней остались и продолжили заниматься своей деятельностью [в поддержку Сон Нгок Таня].

2. Он внес значительный вклад в разработку уставных документов группы Прачеачон и ее политической программы на ближайшее время. Он также принял меры для гарантии того, что Демократическая партия не выставит своих кандидатов на выборах в тех же избирательных округах, что и группа Прачеачон. По мере приближения голосования с ним обменивались мнениями насчет того, чтобы уступить Демократической партии там, где она была сильнее группы Прачеачон, с целью набрать больше голосов в сумме против «Сангкум Реастр Ниюм».

3. Он создал газеты «Демократия», «Рабочий», «Дружба», «Единство» и другие, в которых освещался путь политической борьбы для жителей города и сельской местности. В то же время он создавал и газеты на французском языке.

4. Он вел агитацию среди студентов, интеллигентов, рабочих и чернорабочих, чтобы поднимать их на забастовки и восстания против американского империализма и его лакеев, таких, как Дап Чхуон, Сам Сари и Сон Нгок Тань, и нападать на Американское посольство.

Внутри партии «Брат-Секретарь» выполнил следующие жизненно важные задания:

Разработал уставные документы Коммунистической партии Кампучии.

Выработал стратегические и тактические направления Национальной Демократической революции.

Сформулировал политику единого фронта для объединения сил.

Создал Лигу коммунистической молодежи Кампучии и организацию «Демократические женщины Кампучии».

Проводил короткие и расширенные партийные конференции и политзанятия для городских и сельских партийных кадров, когда выдавалось свободное время.

Когда он ушел на базы [в 1963 году]:

В сельской местности Брат боролся с подчинением революционной организации Вьетнаму. Он переносил все тяготы жизни в лесах и горах ради выполнения революционных заданий, вытекавших из установки на «независимость-господство» и уверенность в своих силах. Он вел гражданскую войну сначала голыми руками, а потом переключившись [на вооруженную борьбу]. Во время пятилетней войны [1970–1975] «Брат» оформил

многие линии Партии: военную, экономическую, линию единого фронта и т. д. Он глубоко понимал ситуацию в Камбодже…

Когда он жил в городе [т. е. до 1963 года], у него не было комфорта или богатства. Какое-то время он преподавал в одной частной школе, чтобы принести пользу революции. Вообще говоря, «Брат-Секретарь» жил самым простым и обычным образом, без всякого легкомыслия, гуляний и выставления себя напоказ. У него была привычка не носить ничего более [претенциозного], чем рубашка с короткими рукавами.

Это заявляло о себе его происхождение и опыт практической работы в городе и на селе, — что он всегда сохранял спокойствие, какая бы проблема ни возникала. Он был способен решать внутренние и международные противоречия верно и со знанием дела и мог собирать вокруг себя много друзей, в то же время изолируя врагов…

«Брат-Секретарь» Партии — один из могущественных членов Партии в политическом, идеологическом и организационном смысле. Он железный руль корабля Кампучии, направляющий Кампучию к свершению социалистической революции, строительству социализма и продвижению к коммунизму.

Состав кхмеров на Базе 100, 1963–1966

1. Ом (дядя) Пол: Пол Пот
2. Бонг (старший брат или сестра) Ван (по прозвищу Пень): Иенг Сари
3. Бонг Кхам (по прозвищу Бонг Ки, Бонг Кхьё): Сон Сен
4. Бонг Нё: Чан Чакрей?
5. Бонг Феа: Иенг Тирит, жена Иенг Сари
6. Бонг Ат. Юн Ят, жена Сон Сена
7. Пу (дядя) Я (также известный под именем Фу): Ней Саран, руководитель Базы 100
8. Бонг Панг: Кео Меас
9. Бонг Там: Сьет Чхае
10. Мит (Товарищ) Панг: Чхим Самаук
11. Мит Фоён: личность не установлена
12. Мит Рет личность не установлена
13. Йей (Тетя) Ли: Им Наен, жена Чоу Чета Работали в типографии
14. Мит Йон: личность не установлена
15. Лин: Сок Кнол Работали на походной кухне
16. Хул: личность не установлена
17. Фон: личность не установлена Работали в лазарете
18. Мит Бут: Кхеанг Сим Хон
19. Инг Чхенг Им Заместитель руководителя Базы 100
20. Мит Сдаонг: личность не установлена[334] Неизвестный род деятельности
21. Мит Йин: личность не установлена
21. Комар (молодой человек) Вунг: личность не установлена

Источники: катушки «Корнелл Микрофилм» из архива S-21 под номерами 42.21, 53.27, 138.11 и 142.2.

Интервью, взятые автором

Эти интервью были взяты в Австралии, Камбодже, Канаде, Франции и Соединенных Штатах в периоде 1986 по 1997 год. Перечисляя имена людей, у которых я брал интервью, в алфавитном порядке, я следовал общепринятой практике вьетнамцев и камбоджийцев называть сначала фамилию (например, Нго Дьен).

Франсуа Бизо, Эйлин Блюменталь, Пьер Брошо, Сара Кольм, Чхай Ят, Чхеам Ван, Ален Даниэль, Ричард Дадмен, Ха Те Дук, Стивен Гедер, Хин Ситан, Ин Нат, Ит Сарин, Кеат Чхон, Кенг

Ваннсак, Кхьё Каннарит, Кхинг Хос Ди, Лаео

Чхенг Хеат, Лим Кёкай, Анри Локар, Лот Суонг, Мари-Кай Мажистад, Нго Дьен, Нго Пен, Оёр Хунлай, Ом Наронг, Онг Тонг Хоёнг, Унг Бофал, Пал Сам, Пань Мень Хеанг, Пел Нал, Кристоф Пешу, Джеймс Прингл, Пунг Пенг Ченг, Са Бун, Сим Пал, Сим Вар, Сисоват Аравади, Сисоват Равиваддхана, Со Бун Хор, Сок Бунтан, Сок Чуон, Сок Пирун, Суон Касет Сокхо, Сот Полин, Танг Ким Буон, Теа Са Бун, Тач Рен, Тач Тан, Тап Хеак, Тун Хен, Ти Софен, Ванн Нат, Жак Верже, Йем Нолла, Йоу Самбо.

Интервью, взятые другими исследователями

Интервью Дэвида Эшли с бывшими кадровыми красными кхмерами.

Интервью Стивена Гедера с Иенг Сари, Мей Манн и Салот Чхай.

Интервью Брюса Пэллинга с Чхит До.

Интервью Нейта Тейера с Нуон Чеа и Пол Потом. Интервью Йоук Чхонг с Салот Нхьеп и Лот Соёнг.

Признания из Туолсленга

Более четырех тысяч дел с признаниями было обнаружено в центре для допросов Туолсленге (Пномпень), существовавшем во времена ДК, и в других документальных коллекциях, находящихся в городе. В 1991–1993 годах архив S-21 был микрофильмирован при содействии Корнеллского университета и стал доступен для исследователей после опубликования первого издания этой книги. Результаты тщательного изучения этого архива представлены в моей книге Voices from S-21: Terror and History in Pol Pot's Secret Prison. В 1990–1992 годах я просмотрел много признаний, проливающих свет на политическую карьеру Пол Пота.

Перечисляя эти признания, я называю фамилию их авторов, дату написания признания, революционный псевдоним (если таковой имелся), а также должность человека, написавшего признание, так, как она указана на обложке каждого дела.

Ан Сенг Хеанг (Чун; 1976–1977); военный командир, 310-я бригада.

Бон Нан (Йи; 1978); секретарь, *домбон* 505.

Бун Кунг(Сомбок; 1977); заместитель, *домбон* 22.

Чан Мон (Тул; 1977); чиновник, *домбон* 42.

Чан Сам (Сае; 1978); секретарь, новый северный регион.

Чеа Нон (Суонг; 1977).

Чеа Соён 91 977); секретарь, 703-й полк.

Ченг Ан (1978); министр промышленности.

Чхан Трес (Сенг; 1976); женщина, боец.

Чханг Сенг(1976); боец.

Чхай Ким Хор (Хок; 1978); сотрудник министерства иностранных дел.

Чхеан (1978); секретарь, *домбон* 22.

Чхим Самаук (Пань; 1978); Управление Центрального Комитета КПК.

Чхун Хем (Срас; 1976); курьер, северная зона.

Чхун Сок Нгуон (Сом; 1976–1977); начальник порта в Компонгсоме.

Чон Чай (1978); проводил допросы в S-21.

Чоу Чет (Си; 1977); секретарь, западная зона.

Хак Сьен Лами (1977); начальник безопасности, район Кохчей.

Хем Самбарт (Самбарт; 1976); бывший солдат.

Хенг Кём (1978); секретарь, 5-я дивизия, восточная зона.

Хенг Сани (Мак; 1977); брат Мей Саран.

Ху Ним (Фоас; 1977); министр информации.

Им Наен (Ли; 1978); секретарь, *домбон* 32, жена Чоу Чета.

Ин Ван (Суван; 1977); боец, 171-я бригада.

Кео Меас(1976); бывший участник группы Прачеачон.

Кео Мони (1976); бывший участник группы Прачеачон.

Кет Чау (Сем; 1977); председатель, Управление Организации.

Кхеанг Сим Хон (Бут; 1978);домбон 104.

Кхек Пен (Су; 1977); политический комиссар, *домбон* 4.

Кол Дорати (1977); бывший студент (-ка), учившийся во Франции.

Кой Туон (Кхуон; 1977); министр торговли.

Конг Сопал (Куу; 1978).

Маен Сан (Я; 1976); секретарь, северо-восточная зона.

Мау Кхем Нуон (Фом; 1977); секретарь, школа политподготовки КПК.

Меас Чхуон (1978); секретарь, *домбон* 21.

Меас Мон (Кео Самнанг; 1978); военный командир, восточная зона.

Мен Тул (Сат; 1978); врач, больница 17 апреля, Пномпень.

Мей Кимсан (без даты); боец.

Минь Тоём (Хеанг; 1978); секретарь, *домбон* 4.

Муол Самбат (Нхим Рос; 1978); заместитель председателя, Государственный Президиум, а также секретарь в северо-

западной зоне.

Нё Муй (1978); вьетнамский боец.

Ни Муонг(Йон; 1978); телохранитель и боец, К-1.

Нон Суон (Чей Суон; 1976–1977); участник группы Прачеачон и министр сельского хозяйства.

Ои Нгорн Л и (1977); проводил допросы в S-21.

Паен Чёан (1978); секретарь, 3-я дивизия, восточная зона.

Фи Нхе (1978); работница с каучуковой плантации.

Фуонг (1978); работнике каучуковой плантации.

Пин Нан (Йи; 1978); секретарь, *домбон* 505.

Прум Пал (Вин; 1978); жена Ворн Вета.

Прум Самбот (Чакрей; 1976); командир, 171-я дивизия.

Прум Сенг (1977); жена Сьен Ана.

Пун Тан (Чан; 1978); кадровый работник с северо-востока.

Руос Мау (Саай; 1977); партийный работник, северозападная зона.

Сам Гуи (Тал; 1978); чиновник ДК.

Сан Бун Хи (Кхуон; 1978?); кадровый работник из Кратье.

Сбаув Хим (Ёан; 1977); 310-я дивизия.

Сьен Ан (1977); бывший посол во Вьетнаме.

Сьет Чхае (Тум; 1977); секретарь, *домбон* 22.

Соё Ван Си (Доён; 1977); руководитель, Управление Центрального Комитета КПК.

Сок Кнол (Лин; 1978); партийный работник, восточная зона.

Сок Суй (1978); дочь Ворн Вета.

Сок Туок(Ворн Вет; 1978); министр промышленности.

Сом Чеа (1978); бывший секретарь, *домбон* 25.

Суон Касет (1976); бывший чиновник, связанный с сельским хозяйством.

Тауч Чхаем (Сот; 1978); секретарь, *домбон* 21.

Тач Пич (Ворн Чен; 1976); бывший буддийский монах.

Тив Ол (Пень; 1977); бывший учитель.

Туч Камдоён (1977); сотрудник министерства иностранных дел.

Ум Фим (1976); проводил допросы в S-21.

Уи Юн (Син; 1978); кадровый работник, Управление Центрального Комитета КПК.

Янг Кан (Форс; 1978); жена Ченг Ана.

ДАТА РОЖДЕНИЯ

19 мая 1925 года.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ

Деревня Прексбаув, провинция Компонгтом, французский

протекторат Камбоджа.

ГРАЖДАНСТВО
Камбоджа.

ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Учитель, партийный боец, лидер красных кхмеров.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ
Учился в буддийском монастыре, затем в католической школе.

С 1949 по 1953 год живет в Париже, где вступает во Французскую компартию. В 1956 году начинает преподавать в частном колледже в Пномпене, женится.

В 1960 году вступает в Рабочую партию Кампучии и входит в ее Центральный Комитет.

В 1967 году начинает партизанскую войну против правительства принца Нородома Сианука.

17 апреля 1975 года войска КПК занимают Пномпень и Баттамбанг и высылают жителей всех крупных городов в сельскую местность. Образование, религия и торговля объявлены вне закона.

В 1976 году КПК объявляет об избрании премьер-министром «работника с каучуковой плантации» по имени Пол Пот.

В 1997-м восставшие отряды красных кхмеров арестовали Пол Пота и приговорили его к пожизненному заключению. 16 апреля 1998 года Пол Пот умер от паралича сердца в лагере на границе с Таиландом.

notes

Примечания

1

См.: B. Kiernan. How Pol Pot Came to Power. London, 1985. Далее — HPP и другие материалы в Bibliographic Essay, p. 243, а также B. Kiernan. The Pol Pot Regime. New Haven, 1995.

2

Я часто ссылаюсь на интервью, взятое Нейтом Тейером (Nate Thayer) у самого Пол Пота в октябре 1997 года, итоги которого подводятся в статье Day of Reckoning Far Eastern Economic Review (FEER), October 30, 1997; также я ссылаюсь на неопубликованные интервью, которые начиная с 1995 года брал у бывших красных кхмеров Дэвид Эшли, и неопубликованные интервью Иенг Сари и Мей Манна, взятые у них Стивеном Гедером. Я благодарю Эшли и Гедера за расшифровку их интервью и Тейера за исчерпывающие беседы о его встрече с Пол Потом.

3

Определение человека, которое Аристотель дал в «Политике» *(Прим. ред.)*.

4

До того, как в 1997 году Пол Пот лишился власти, он носился с идеей возглавить биографический проект, который обеспечит ему место в истории. По словам Нейта Тейера (из личной беседы), он привлек к этому проекту молодого красного кхмера по имени Теп Куннал, и тот за несколько месяцев заполнил девять блокнотов сведениями, которые ему предоставил наставник. Эти тетради, как сказал Тейеру Теп Куннал, были случайно уничтожены в ходе нападения правительственных войск на базу красных кхмеров в Анлонгвенге в 1998 году, незадолго до смерти Пол Пота.

5

См.: David P.Chandler. The Tragedy of Cambodian History: Politics, War, and Revolution Since 1945. New Haven, Conn., 1991.

Cm.: F. Ponchaud. Social Change in the Vortex of Revolution// Karl Jackson, ed. Cambodia, 1975–1978: Rendezvous with Death. Princeton, N.J., 1989; Soth Polin. Ladiabolique douceur de Pol Pot// Le Monde Diplomatique, May 18, 1980; П. Normand. At The Khmer Rouge School: the Teachings of chairman Pol Pot// Nation, September 3, 1990.

7

См.: U.S. Foreign Broadcast Information Service (далее FBIS). Daily Reports, October 4,1978 и N. Thayer. My Education: How Saloth Sar Became Pol Pot, FEER, October 30, 1997, где Пол Пот настаивает на том, что он родился в январе 1925 года: «В январе — я помню, потому что моя мать записала это мелом на стене».

8

По словам старшего брата Салот Сара Лот Суонга, одна их сестра умерла при родах, а два брата скончались, не дожив до 1975 года. Еще один брат, Салот Чхай, умер, когда в апреле 1975 года жителей Пномпеня в массовом порядке выгоняли из города. Имя Салот Сар на кхмерском языке означает «белый». Возможно, ему дали такое имя из-за его светлой кожи.

9

Интервью, взятые автором у Тап Меак (февраль 1990), Лот Суонга и Суон Касет Сокхо (октябрь 1987, май 1989, июнь 1990). После 1975 года Меак эвакуировали в Баттамбанг, и она не пережила период Демократической Кампучии. Как и другие родственники Салот Сара, она не пользовалась в то время какими-то особыми привилегиями. (Интервью, взятое Йоук Чханг у Салот Роёнг в марте 1997).

10

В подготовленной для северокорейской радиостанции биографии и в интервью югославским журналистам Пол Пот утверждал, что провел в монастыре около четырех лет. Однако его брат решительно настаивал на меньшем сроке.

11

Джеймс Джерранд, в личной беседе. См. также: Vu Сап. Kampouchea: The Nightmare Is Over. Ho Chi Minh City, 1982, p. 29–36. Младший брат Салот Сара Салот Нхеп сказал Джону Свайну, бравшему у него интервью в 1989 году в Прексбауве, что «ребенком [Салот Сар] был чудесным мальчиком, очень тихим»; см. также: Ch. Chameau. Brother's tears of Recollection and Resignation. Phnom Penh Post, April 24 — May 7, 1998, специальный выпуск, посвященный смерти Пол Пота. Салот Нхеп сказал Шамо, что мальчиком Салот Сар был «тихим и не любил драться с другими. Он был хорошенький, как девочка».

12

См.: Khy Phanra. La communaute vietnamienne au Cambodge a l’6poque du protectorat fran?ais, 1863–1953. Thesis, University of Paris, 1974. Я благодарю Тиоунн Муммаза то, что он прислал мне экземпляр этого интересного исследования.

13

Чтобы подробнее узнать о впечатлении, которое в 1930-х годах Пномпень производил на приезжих, см.: Frangois de Craiset. La cote de jade. Paris, 1938, p. 64–71, Guy de Portalis. Nous a qui rien n'appartient. Paris, 1936, p. 142 и далее. См. также: P.-L. Lamant. Phnom Penh. P.B. Lafont. La peninsule indochinoise: Etudes urbaines. Paris, 1991, p. 59–102.

14

О балете — интервью с Суон Касет Сокхо (1987–1990) и Эйлин Блюменталь (1991).

15

Суон Касет Сокхо, танцевавшая в балете в 1950-е годы, описала кварталы, в которых жили танцовщики (сама она там никогда не жила, только была в гостях), как «грязную деревушку с довольно большим количеством чахоточных больных». Во время правления Монивонга условия проживания танцоров были еще хуже.

16

См.: David P. Chandler.Seeing Red: Perceptions of Cambodian History in Democratic Kampuchea. Revolution and Its Aftermath in Kampuchea / D. P. Chandler and B. Kiernan. New Haven, Conn., 1983, p. 34–56.

17

Для подробного анализа этого периода см. M. Osborne. The French Presence in Cochinchina and Cambodia: Rule and Response 11 Ithaca, N.Y, 1969.

См.: B. Anderson. Imagined Communities// London, 1982.

19

Некоторые французские чиновники с подозрением относились к этому институту и его передовому директору Сюзанне Карпеле. В 1940-х годах многие монахи, связанные с институтом, примкнули к зарождавшемуся в Камбодже коммунистическому движению.

20

Для анализа Nagara Vatta см.: Bunchan Mul. Kuk Niyobay [Политическая тюрьма]. Phnom Penh, 1971. Замечание Монирета взято из интервью автора с Сим Варом (ноябрь 1987). Nagara Vatta перестала выходить в июле 1942 года после демонстрации, в которой приняли участие монахи, и заключения в тюрьму Пач Чхоёна. См.: B. Kiernan and Chanthou Boua. Peasants and Politics in Kampuchea, 1942–1982. London, 1982, p. 114–126. Сведения о начале карьеры Кхьё Поннари взяты из интервью автора с Со Бун Хором (февраль 1989), Чхеам Ваном (ноябрь 1987) и Суон Касет Сокхо (май 1988).

21

Сведения о Салот Роёнг получены из интервью, взятого у нее Йоук Чханг. Для анализа порядка наследования см.: M. Osborne. King-Making in Cambodia // Journal of Southeast Asian Studies 4, 1973, p. 169–185, а также Norodom Sihanouk, Souvenirs doux et amers. Paris, 1981, p. 69–72.

22

Информация об этом периоде взята из авторских интервью (январь 1990) с Чхай Ят, Лаео Чхенг Хеат и генерал-майором Пел Налом. Все они в 1940-х годах учились в коллеже Сианука вместе с Салот Саром. См. также неопубликованные интервью Стивена Гедера с братом Кхьё Самфана Кхьё Сенг Кимом и с Кхван Сифаном (1975). Не так давно Гедер проанализировал причины, по которым Самфану удалось пережить период Демократической Кампучии. Гедер предположил, что Самфан был серьезно вовлечен в чистки, проводившиеся коммунистами среди интеллигентов и других соратников Пол Пота в 1977–1978 годах. См.: St. Heder. Khieu Samphan and Pol Pot. Clayton, Australia, 1991.

23

О Кхван Сифане см. указанные выше интервью, а также интервью Гедера 1975 года. Будучи изначально учителем начальной школы, Сифан впоследствии преподавал в лицеях Пномпеня, стал школьным инспектором, а во времена Кхмерской Республики — сенатором. Он умер в эпоху ДК. Я благодарю Джастина Корфилда за биографические данные (из анонимного источника) и сведения о том, что Салот Сар играл на скрипке в школьном оркестре.

24

О дружбе Сара с Лон Ноном см. интервью автора с Чхай Ят. О том, что происходило с Лон Ноном в 1975 году, см. интервью с Чхай Ят и Пел Налом. Среди других учеников тех лет, потом ставших известными людьми, находились Ум Сим, последний посол Кхмерской Республики в Соединенных Штатах, и Фунг Тон, ректор Юридического факультета в Пномпене.

25

Переворот *(франц.)*.

Подробности см.: Chandler. Tragedy, Chapter 2.

27

См.: Kambodge, July 28, 1948. Многие из тех, кто сдавал экзамены вместе с ним, например Кхьё Самфан, Кол Сифуонг и Сьен Ан, поступили в лицей. В интервью югославским журналистам в 1978 году Пол Пот сказал, что провал на вступительных экзаменах в лицей подтолкнул его к техническому образованию. См. FBIS // Daily Reports, April 22, 1978.

28

О ранних этапах жизни Иенг Сари см. интервью автора с Тач Реном (ноябрь 1986) и Пунг Пенг Ченгом (апрель 1987).

29

О принце Ютевонге см. интервью автора с Тонн Оуком, Сон Санном, Чхеам Ваном и покойным Сим Варом.

30

О конституции — интервью автора с Тонн Оуком (ноябрь 1986) и покойным Сим Варом (май 1988). Оба этих человека принимали участие в переговорах. О начале карьеры Иенг Сари см. интервью с Кенг Ваннсаком и командиром бригады Тач Реном (дальним родственником) (ноябрь 1986), а также с Сисоватом Араявади (июнь 1989) и Пунг Пенг Ченгом (май 1988).

31

Об этом периоде в истории камбоджийского радикализма см.: B. Kiernan. HPP, p. 58 и далее, а также Chandler. Tragedy, Chapter 1.

32

По словам Чхеам Вана, премьер-министра в 1948–1949 гг., многие из награжденных стипендией обладали «посредственными» способностями к учебе, однако имели связи с партией (интервью автора, ноябрь 1987). Демократы тоже поспособствовали тому, чтобы в 1950 году Иенг Сари получил стипендию — после того, как он провел серию антифранцузских, продемократическихдемонстраций, последовавших за забастовкой в Лицее Сисовата. Из двадцати студентов, отплывавших во Францию вместе с Саром, примерно половина получала техническое образование. (Интервью Стива Гедера с Мей Манн, март 1997 года).

33

См.: Royaume de Cambodge, Ministare de /'Education. Controle des etudiants boursiers: Carnet 1, France (microfilm), Echols Collection, Cornell University Library, Ithaca, N.Y

34

О праздничном обеде см. Cambodge, August 18, 1949. В выпуске Cambodge, September 2, 1949 Салот Сор [sic] перечислен среди тех, кто собирался учиться в «Национальной профессиональной школе Лиможа или Тулони». Нет доказательств того, что он был зачислен в одну из этих школ. Вместо этого он отправился прямиком в Париж и оставался там на протяжении последующих сорока месяцев.

35

Интересные воспоминания оставили два бывших участника коммунистического движения — E. Leroy Ladurie. ParisMontpellier. Paris, 1982 и A. Besangon. Une gonoration. Paris, 1987. См. также: D. Dessanti. Les Staliniens. Paris, 1975, Annie Kriegei. The French Communists. Chicago, 1972 и глубокое исследование J. Verd6s-Leroux. Au service du parti: Le parti communiste, les intellectuels, et la culture, 1944–1956. Paris, 1986

36

См.: L. Malleret. L’exotisme indochinoise dans la literature fran? aise depuis 1860. Paris, 1934, особенно p. 183–192. Находящаяся в процессе создания работа Пенни Эдварда из Монашского университета представляет собой подробное исследование представлений французов о «Камбодже» и «Ангкоре» в колониальную эпоху. См. также: B. Dagens. Angkor: Laforetde Pierre. Paris, 1989.

37

Информация о прибытии и отбытии Сара, о его провале на вступительных экзаменах и его парижском адресе содержится в Royaume de Cambodge, Ministore de l'Education, Controle des 6tudiants boursiers: Carnet 1, France.

38

Биографические сведения о Тиоунн Мумме взяты из интервью автора с ним самим (май 1988, июнь 1989, февраль 1990). См. также: B. Kiernan. HPP, p. 29–30, и неопубликованное интервью Ситвена Гедара с Тиоунн Муммом (1980), в котором упоминается о его дружбе с Салот Саром.

39

Из интервью автора с Кенг Ваннсаком (октябрь 1986, май 1987), а также B. Kiernan. HPP, p. 121–123 — отрывок, основанный на интервью с Ваннсаком.

40

Из интервью автора с Пьером Брошо (май 1987). Брошо стал членом Французской компартии в 1950 году в Париже, будучи студентом лицея.

41

См.: Interview with Pol Pot. FBIS, Daily Reports, March 22, 1978. См. также: Khmer nisut [Кхмерский студент] 11 January 1951, p. 36 (я благодарю Тиоунн Мумма за то, что он прислал мне экземпляр этого выпуска) и V. Vinterthaler. In the Path of Tito (Tunbridge Wells, U.K., 1972), p. 218 и далее, где описываются реформы «самоуправления», начатые Тито летом 1950 года.

42

Khmer nisut 11 (January 1951), 36. Иенг Сари вернулся в Камбоджу в 1951 году и поддержал неудавшуюся попытку Сон Нгок Таня прорваться к власти. Впоследствии он стал политиком-республиканцем в Пномпене. Le domocrate (Phnom Penh), August 31, 1950 года подтверждает присутствие «восемнадцати камбоджийских студентов» в Югославии. Восторженный тон статьи предполагает, что Сар и другие камбоджийцы отправились в Загреб с одобрения знавших об этом камбоджийских демократов. Кенг Ванссак (в интервью, взятом автором в мае 1987) сообщил, что Салот Сар, с которым он познакомился в 1951 году, никогда не говорил о своем пребывании в Югославии.

43

Подробности см. Chandler. Tragedy, Chapter 3.

M. Vickery. Kampuchea. London, 1986, p. 60–62, а также сноски к этим страницам, p. 182–183. См. также: Kiernan. HPP, p. 83 и далее, и G. Porter. Vietnamese Communist Policy Toward Kampuchea, 1930–1970 Revolution and Its Aftermath in Kampuchea, p. 57–98.

45

Kiernan. HPP, p. 79, здесь упоминается об этой встрече. Текст выступления Нгуйен Тан Сона на французском языке находится в Service Historique des Armoes de Terre (далее — архивы SHAT), Chateau de Vincennes, ЮН 284 (Divers Cambodge, 1949–1950). О Соне см.: Porter. Vietnamese Communist Policy, p. 65. Также см.: Khmer Armes Resistance кхмерского Комитета мира (1952), в которой отмечается, что «Туссамот» [Ту Самут, соратник Пол Пота] — «влиятельный священник». Готовящееся исследование Кристофера Гоша существенно прояснит взаимоотношения вьетнамского и камбоджийского коммунистического движения в этот период.

46

Интервью Пол Пота с Нейтом Тейером. «Я не был плохим студентом», — сказал он Тейеру. «Я был средним… Я учился достаточно неплохо для того, чтобы получать стипендию». Любопытно, что в разговоре с Тейером Пол Пот не назвал ни одной своей ролевой модели того периода. Кенг Ваннсак нашел для него комнату на улице Летеллье, 31. В 1996 году протеже Иенг Сари Суонг Сикоён отзывался об этом квартале как о «приятном месте, занятом детьми из хороших семей» и сообщил, что «Пол Пот проводил свое время, музицируя и играя в карты». Со времен 1951 года номера домов изменились, однако возможно, что двухэтажное здание под номером 29 (где на первом этаже находится кафе «Brazza») в 1950-е годы носило номер «31». Я благодарен Лайонелу Вайрону за это расследование. В 1952 году Салот Сар передал комнату своему однокашнику по коллежу Сианука — Кхьё Комару. Цитата Кенг Ваннсака передана его женой (в личной беседе). Цитата Мей Манна взята из Asiaweek. July 29, 1989, p. 17. У Манна брали интервью в одном из лагерей ДК для беженцев на тайско-камбоджийской границе и еще раз в 1997 году в Пномпене. Пьер Брошо запомнил его как сознательного члена КПФ в Париже в начале 1950-х.

47

Вероятно, имеется в виду «Краткий курс истории ВКП(б) (Прим. перев.).

48

См.: E. Becker. When the War Was Over. New York, 1986 и интервью автора с Суон Касет Сокхо (май 1987). Поннари вернулась домой после свадьбы сестры, чтобы возобновить свою учительскую деятельность.

49

Интервью Стива Гедера с Мей Манном. О кружках см.: Kiernan, HPP. p. 119, интервью автора с Кенг Ваннсаком и Тиоунн Муммом, а также F. Debra, Cambodge: La revolution de la foret. Paris, 1976, p. 81 и далее.

50

Кроме того, с группой были связаны Кхьё Комар, Тиоунн Празит, Ок Сакун и Кентао де Монтейро. Будучи филологом, Кенг Ваннсак потратил много лет, пытаясь обновить кхмерский язык путем нахождения или создания слов, подходящих для жизни в XX веке. Хотя Ваннсак этого и не сказал, похоже, что в кружке обсуждалась и сталинская «История Коммунистической партии Советского Союза», откуда Салот Сар мог почерпнуть некоторые из своих будущих идей о конспирации внутри коммунистического движения и о продолжении классовой борьбы после революции. См.: A. G. Walder. Cultural Revolutionary Radicalism: Variations on a Stalinist Theme. New Perspectives on the Cultural Revolution Cambridge, Mass., 1990, p. 41–62, а также R. C. Tucker. Stalin: the Years in Power. New York, 1990, p. 530 и далее. Тот факт, что в Париже Сар читал французскую коммунистическую литературу, вероятно, указывает на то, что его ролевой моделью был Сталин, а не Хо. См.: E. H. Carr. A Great Agent of History, Stalin. Englewood Cliffs, N.J., 1966, p. 133–142. Некий камбоджиец, посещавший политзанятия, но пожелавший остаться неизвестным, указал на то, что собрания, которые проводились на камбоджийском языке, раздражали вьетнамцев в КПФ, «желавших контролировать кхмеров».

51

Debre. Cambodge, p. 82

52

Kiernan. HPP, p. 121; Marie-A. Martin. Le mal cambodgien. Paris, 1989, p. 105 и интервью с Кенг Ваннсаком (май 1988) и Тиоунн Муммом (февраль 1990). В 1997 году Мей Манн сказал Стиву Гедеру: «Впервые кто-то в Париже узнал что-то конкретное [о движении «Иссарак»]. Мы все двигались наощупь. Нашим единственным источником информации были сведения от вьетнамской делегации». Среди посетивших конференцию были Хоу Йоун, Тиоунн Празит, Тиоунн Мумм и пятеро других. Флаг был восстановлен в 1979 году Народной Республикой Кампучия (НРК). В 1989 году нижняя половина флага стала синего цвета (точно так же флаг «ФНО» [Фронта Национального Освобождения] в Южном Вьетнаме был флагом Северного Вьетнама, но только с синей нижней половиной). Пятибашенная аппликация желтого цвета — вероятно, кхмерский вариант вьетнамской пятиконечной звезды — осталась прежней. Debr6, Cambodge, p. 84 — здесь говорится о том, что по возвращении из Берлина студенты стали еще больше ориентироваться на конкретные действия, чем прежде. По словам Тиоунн Мумма, «Салот Сар не поехал из-за того, что побывал в Югославии» (из интервью Стива Гедера, апрель 1980).

53

Полезная хронология событий, повлиявших на Коммунистическую партию Франции в начале 1950-х, содержится в книге Dessanti. Les Staliniens, p. 250–267. См. также: Ph. Robrieux. Histoire du PCF. Paris, 1985–1990 и Irwin Wall. French Communism in the era of Stalin. Westport, Conn., 1964, Chapter 5. На с. 119 Уолл называет 1949–1953 годы в истории КПФ «годами промахов и шатания». Цитата о «молодости» взята из интервью автора с Жаком Верже (октябрь 1987). Сведения о ресторане взяты из интервью автора с Пьером Брошо (май 1987).

54

Из интервью автора с Тиоунн Муммом.

55

Khmer Armed Resistance, p. 7, здесь убийца назван «кхмерским патриотом».

См.: Chandler. Tragedy, p. 57–61, и Kiernan. HPP, p. 98 и далее.

Среди тех, чьи взгляды после этих событий стали более радикальными, были Ху Ним и Ворн Вет, находившиеся в Камбодже (Kiernan. HPP, p. 118). Тонн Оук, известный демократ, пребывавший тогда в Париже, отметил радикализующее влияние, которое переворот Сианука оказал на камбоджийских студентов во Франции (интервью автора, октябрь 1987).

58

Французский перевод статьи идет в приложении к работе Сержа Тиона и Бена Кирнана Khmers rouges! Paris, 1981, p. 357–361. В беседах с Беном Кирнаном Кенг Ваннсак установил, что за «истинным кхмером» скрывался Салот Сар. Кхмер даом намекает на этническую аутентичность и расовую чистоту (интервью автора с Кхинг Хос Ди, октябрь 1991), однако не похоже, что в этом выражается главный смысл статьи. См.: M.-A. Martin. Khmer doeum. Paris, 1997, книгу о племени neap или порр, а также R. Baradat. Le Samre ou Pear: Population primitive de l'ouest du Cambodge. Bulletin de I'Ecole fran9aise d'Extreme Orient 4, 1941. Я благодарен Ваннсаку за экземпляр первоначальной версии на кхмерском. См. также: S. Thion. The Cambodian Idea of Revolution 11 Revolution and Its Aftermath in Kampuchea, p. 16–17.

59

Сорок лет спустя газета Bangkok Post (от 22 февраля 1993 года) процитировала Пол Пота, назвавшего Сианука «больше, чем на 90 %, параноиком из-за гедонизма, порочности и невоздержанности». Мы не располагаем этой фразой на кхмерском языке, однако я подозреваю, что, употребляя слово «параноик» Пол Пот имел в виду не столько психическое расстройство, сколько привычку Сианука к излишествам.

60

Слово «солдат» или «призывник» (транслитерированное здесь как пол) на кхмерском языке пишется и произносится отлично от слова «Пол», псевдонима Салот Сара. Интересно, что Салот Сар, по крайней мере, один раз пользовался в Париже именем «Пол» (или «Paul») (интервью автора с Кенг Ваннсаком, май 1987). Возможно, что это вымышленное имя уходит своими корнями в годы обучения Сара в Эколь Мише, где учителя-католики давали своим ученикам имена святых (например, Павел) независимо от их вероисповедания (Суон Касет Сокхо, в личной беседе). По мнению Тел Тонга (в личной беседе), «имя Пол Пот не является необычным. «Пол» — это обычная для сельской местности фамилия, а «Пот» — широко распространенное имя — как Джон Джонс или Билл Смит».

61

Интервью Стива Гедера с Мей Манном, март 1997.

62

См.: Nayan Chanda. Brother Enemy. New York, 1986, p. 58. В истории Коммунистической партии Камбоджи, изданной в 1973 году, утверждается, что в первые дни своего существования партия состояла из десяти членов компартии Франции. Почти наверняка Салот Сар явился одним из них, однако никто из них не вернулся в Камбоджу в 1951 году, когда была основана компартия Камбоджи. Среди остальных первых членов партии были Сьен Ан, Рат Самоён, Сок Кнол, Хоу Йоун, Мей Манн и Иенг Сари.

Почти всю как таковую формальную подготовку Салот Сар как коммунист получил уже после возвращения в Камбоджу в 1953 году. Его наставниками были либо вьетнамцы, либо камбоджийцы, прошедшие обучение у вьетнамцев.

См.: B. Mazlish. The Revolutionary Asetic. New York, 1976, p. 92 и далее.

65

Debro. Cambodge, p. 86. Данная цитата указывает на то, что Салот Сар планировал создавать свой личный стиль по образцу Сталина, а не каких-либо других коммунистических лидеров. Последняя цитата взята у Thayer «Day of Reckoning».

66

Из интервью, взятых у Лот Суонга Стивеном Гедером (1981) и автором (1990).

67

Kiernan. HPP, p. 122–123, а также интервью автора с Кенг Ваннсаком (1986). В 1953 году Сар, вероятно, все еще считал Сон Нгок Таня настоящим националистом. Интервью Стива Гедера с Салот Чхаем (март 1975). Чхай умер во времена Демократической Кампучии. В интервью (ноябрь 1974) австралийскому журналисту Найелу Дэвису Чантараингсей Чхай вспомнил, что в 1953 году «Сар уже работал с вьетнамцами». Я благодарен Стивену Гедеру за заметки, сделанные в процессе этих двух интервью.

68

Chanda. Brother Enemy, p. 58. См. также: W. Burchett. The China-Cambodia-Vietnam Triangle. London, 1981, p. 54, где есть ссылка на еще одно интервью с Фам Ван Ба.

69

Для ознакомления с воспоминаниями Фам Ван Ба и заявлениями ДК с 1980 года см.: Kiernan. HPP, p. 123; жалоба Кхьё Тирит, высказанная в 1981 году, записана в книге Becker. When the War Was Over, p. 91. См. также интервью Беккер с Тирит (октябрь 1980), Echols Collection. Cornell University Library, Ithaca, N.Y, где упоминается «печальный опыт общения Сапот Сара с Вьетминем», а также признание Меас Мона (Кео Самнанга), в котором говорится об участии Мона в действиях какого-то военного подразделения на границе в 1953–1955 годах. Оно состояло «наполовину из вьетнамцев и наполовину из кхмеров». (Все признания хранятся в архиве Туолсленга, в Пномпене).

70

Рукописное интервью Стивена Гедера с Чеа Сото (1981) и Kiernan. HPP, p. 60. Чеа пережил период правления Пол Пота и во времена КНР стал министром. В 1953 году у Ту Самута было несколько военных и политических званий, включая следующие: глава территориальной организации, помощник руководителя партийного кадрового комитета и глава Фронта Иссарак (см. архивы SHAT, ЮН 5613).

71

В интервью Стиву Гедеру Мей Манн сказал, что «Дедушка Ту обосновался в доме в Туолсвайпрей на кусочке земли, купленном Салот Саром». Этот район столицы, где преподавал Салот Сар, впоследствии приобрел дурную славу как место для допросов известное как Туолсленг.

72

В признании Сорн Вета (машинописный экземпляр), с. 3, утверждается, что Салот Сар ввел Туока в компартию Камбоджи в конце 1954 года.

73

Там же: Kiernan. HPP, p. 154 и далее. Сьен Ан, Рат Самоён и Юн Соёрн подверглись чисткам в период Демократической Кампучии. См. также: C. Thayer. War by Other Means. Sydney, 1989, p. 16–17. В черновом варианте истории Коммунистической партии Кампучии в изложении Нуон Чеа, подготовленном в 1997 году (далее — «История»), упоминается цифра в 1500–2000 эвакуированных. Я благодарен Нейту Тейеру за экземляр этого документа, а Дэвиду Эшли — за его перевод.

74

Из интервью автора с Тиоунн Муммом (май 1988). Чхеам Ван, родственник Мумма со стороны жены, вспомнил, как встретил в то время Салот Сара и говорил с ним о политике. Во Франции, по меньшей мере, единожды Салот Сар воспользовался именем «Пол» (Paul) (интервью автора с Кенг Ваннсаком, май 1987).

75

См.: Kiernan. HPP, p. 156 и далее, интервью автора с Тиоунн Муммом и признание Нон Суона (сентябрь 1976). Мумм познакомился с Кео Меасом в Восточном Берлине в 1951 году. Группа Прачеачон была создана в начале 1955 года. В телеграмме 57, отправленной 3 февраля 1955 года из Американского посольства в Пномпене, новое управление демократов называется «левым элементом, сильно пропитанным коммунистической заразой».

76

Из интервью автора с Чхай Ятом (февраль 1990). Ят утверждал, что в то время Салот Сар был «гуманитарием», а не бескомпромиссным коммунистом.

77

Из интервью автора с Кенг Ваннсаком, Тонн Оуком, Сим Варом и Тиоунн Муммом. См. также: признание Нон Суона и работу Ph. Preschez. Essai sur le domocratie au Cambodge. Paris, 1961, p. 57 и далее.

78

См.: Khemara. December 22, 1954, заметки Майкла Виккери (Michael Vickery).

79

См.: Neak cheat niyum. («Националист») October 18, 1955 — через месяц после выборов.

80

Подробности см.: Kiernan. HPP, p. 159 и далее. См. также: Reports from British Legation in Phnom Penh, 1955. Great Britain, Public Records Office, FO 371/117126–117 127 и интервью автора с Кенг Ваннсаком (ноябрь 1986) и Тонн Оуком (май 1987).

81

Джастин Корфилд (в личной беседе) проанализировал подлинные экземпляры (не микрофильмы) «Камбоджи» за этот период и обнаружил, что, согласно первым опубликованным результатам выборов, «Сангкум» потерял пять мест. Прежде чем выпуск газеты разошелся, итоги были «исправлены» на полную победу «Сангкум» путем наклеивания полоски бумаги с другими цифрами поверх настоящих результатов. В своем варианте «Истории» Нуон Чеа написал о выборах 1955 года, что голосовавших за Прачеачон «арестовывали и бросали за решетку, а их жены должны были продавать рис и землю, чтобы добыть денег и вытащить своих мужей из тюрьмы. Некоторым вспарывали животы, а глаза выкалывали штыком».

82

Речь Пол Пота «Long Live the 17th Anniversary of the Communist Party of Campuchea», с которой он выступил 29 сентября 1977 года (английский перевод; Chicago, 1977), p. 22. Стив Гедер указал на то, что эти «репрессивные орудия» якобы должна была смести революция. См. также признание Ворн Вета, с. 3–5, где он говорит о том, что результаты выборов «деморализовали» его.

83

См. интервью автора с Лим Кёки (ноябрь 1997), Чеа Сами (октябрь 1990) и Йу Самбо (июль 1989). Некоторые источники утверждают, что Поннари была преданной революционеркой, другие сомневаются даже в том, состояла ли она в партии. В своем признании Сьет Чхае сообщил о том, что в 1959 году Поннари ввела его в компартию Камбоджи.

84

Из интервью автора с Йу Самбо (июль 1989). Фраза с’аатс'ом также всплыла в моем интервью с Ит Сарин (ноябрь 1988), когда он говорил о своем восхищении камбоджийским радикализмом в 1960-х. Это понятие также использовалось для описания непорочного коммунистического общества, которое обещала революция (см. признание Тив Ола 1977 года). С'аатс'ом переводится на французский как propre («чистый») (Ален Даниель, в личной беседе).

85

Об основании Камбудж’бота см. интервью автора с Тонн Оуком. В число преподававших там коммунистов входили Иенг Сари, Хоу Йоун и Кхьё Самфан. Чамраон Вичеа располагался в нескольких непритязательных зданиях рядом с Лицеем Юкхантора неподалеку от Туолсленга. Я благодарю Сок Пируна и Ом Наронга за информацию об этом.

86

Из интервью автора с Чхай Ятом.

87

Из интервью автора с Сот Полин (октябрь 1988) и из письма Полин к автору (ноябрь 1989). См. также: S. Polin. La Diabolique douceur de Pol Pot

88

Из интервью автора с Ом Наронгом (март 1991). В 1960-х годах старший брат Наронга сказал ему, что поворот Камбоджи к коммунизму был «неизбежен», хотя лично он не принадлежал к радикалам. Еще один бывший студент, пожелавший остаться неизвестным, назвал занятия по географии, которые вел Сар, «рассудительными и добросовестными», добавив, что в то время у Кхьё Поннари была репутация куда более категоричной и нетерпимой, чем у ее мужа (интервью автора, январь 1992).

89

Интервью Стива Гедера с Мей Манном, июль 1997. Мей Манн добавил: «Тайна заключалась не в ее названии, а в том, что у нее не было названия, и это значительно усиливало секретность». См. также: Kiernan. HPP, p. 177 и далее, и Becker. When the War Was Over, p. 100–101. В интервью в 1988 году Тиоунн Мумм вспомнил, как в 1954–1955 годах встречался с Салот Саром «по вечерам в пустынных полях». По словам Кхьё Каннарит, в начале 1990-х камбоджийские должностные лица в частной переписке иногда называли друг друга кодовыми именами и номерами — это годы спустя после прихода к власти (интервью автора, октябрь 1990).

Интервью автора с Пел Налом, сошедшимся с Сари и Тирит в Париже, а также интервью автора с Кхинг Хок Ди (октябрь 1991). Мей Манн, который часто виделся с Саром и Сари в это время, сказал Стиву Гедеру, что «когда Иенг Сари вернулся обратно в Камбоджу, Сар велел мне быть с ним поосторожнее, потому что тот не умеет подчиняться. У меня сложилось впечатление, что Салот Сар и Иенг Сари не ладят друг с другом. Проблема, по мнению Сара, состояла в том, что Иенг Сари не был готов немедленно выполнить то, что скажет партия». Это воспоминание становится интересным на фоне вьетнамской характеристики периода ДК как времени правления «склонной к геноциду клики Пол Пота-Иенг Сари», а также в свете перехода Сари на сторону противника в 1997 году. Мей Манн также вспомнил, что Иенг Сари, уроженец Южного Вьетнама, в то время громче остальных участников движения высказывался против вьетнамцев.

91

Сведения о начальных этапах карьеры Нуон Чеа взяты из письма Хин Ситана, присланного мне в октябре 1990 (там содержалась информация, собранная у доживших до той поры братьев и сестер Чеа), а также из «Истории» Нуон Чеа, из признания Нон Суона, из интервью автора с Суон Касет Сокхо (ее последним мужем был двоюродный брат Нуон Чеа) 'л бесед с Сомсак Джеемтеараскулом. О Сьё Хенге см. микрофильмированное письмо А-23 от 17 февраля 1972 года, отправленное из Американского посольства в Пномпене.

92

Об обязанностях в городе/на селе см.: Kiernan. HPP, P- 172–173. В своем выступлении в сентябре 1977 года Пол Пот заявил, что Нуон Чеа назначили отвечать за городские Дела после 1955, а не в 1963 году. По-видимому, этот ловкий обман была нацелен на то, чтобы задним числом поставить «Пол Пота» на крестьянский сектор, который двадцать два года спустя был в большем почете.

93

Kiernan. HPP, p. 169–248. См. также признания Чхим Самаука, Кео Меаса и Саом Чеа и еще книгу Becker. When the War Was Over, p. 94–105. В изданной в 1973 году истории партии говорится: «Ввиду полного отсутствия указаний, собраний, посвященных критике и самокритике, а также распоряжений по организации, в каждом человеке [члене партии] зародился либерализм, оказавший плохое влияние на массы».

Nuon Chea, «History», где добавляется: «После предательства Сьё Хенга Ту Самут больше не работал, потому что был стар и многого не понимал» (от соу ю'л эйчунг). Это неподтвержденное суждение малопонятно: в то время Самуту было всего лишь за сорок. О Сьё Хенге см. интервью автора с Ти Софен и Kiernan. HPP, p. 186 и далее. См. также признание Чеа (апрель 1978). В признании Ворн Вета утверждается, что «в эпоху Сианука массы перестали верить в революцию».

95

Realites cambodgiennes (далее — RC), 16 октября 1959; L’ Observateur, October 13, 1959.

См. G. Mc T. Kahin. Intervention. New York, 1986, p. 110 и далее, а также Porter. Vietnamese Communist Policy Toward Kampuchea 11 Revolution and Its Aftermath in Kampuchea, p. 57–98.

97

Pol Pot. «Long Live the 17th Anniversary», p. 23. В своей «Истории» Нуон Чеа утверждает, что он до сентябрьской встречи возил проекты уставных документов новой партии в Тайнин (Южный Вьетнам), чтобы показать их должностным лицам вьетнамской компартии. «Вьетнамцы были недовольны, — написал он тридцать семь лет спустя, — ибо они увидели, что мы могли и сами сформулировать стратегическо-тактическую линию и разработать [партийные] уставные документы».

О присутствии Сон Нгок Миня на вьетнамском конгрессе см. Communism and Cambodia (даты нет, [возможно, 1971 год]), p. 29. Ни полиции Сианука, ни американским службам разведки не было известно о предстоящем собрании камбоджийцев.

99

В признании Пун Тана цитируется высказывание Кео Меаса, сделанное им в 1960 году: «Мы должны стать Рабочей партией, как вьетнамская». О региональных обязанностях см. интервью Сержа Тиона с Оук Боун Чхоёмом (сентябрь 1981). См. также: Th. Engelbert and Ch. Gosha. Falling Out of Touch: A study on Vietnamese Communist Policy Toward an Emerging Cambodian communist Movement, 1930–1975. Clayton, Australia, 1994, где указывается, что в выдвинутой на встрече в 1960 году программе говорилось, что партия «должна быть готова вести немирную форму борьбы» — формулировка, уступающая понятию «вооруженная борьба».

100

См. микрофильмированное письмо из Американского посольства в Пномпене, A-93, от 23 августа 1962 года, а также RC от 17 августа 1962 года, в которой приводится высказывание Сианука о том, что «несколько месяцев назад» его разведывательные службы захватили послание от «органов власти Вьетминя, адресованное камбоджийским кадрам». Документ убеждал партию не выставлять своих кандидатов на выборах 1962 года. «Наши лучшие вложения обслуживаются благодаря тому, что мы полагаемся на молодых интеллигентов, симпатизирующих нашему движению», — добавлено там. Этот текст, который могли захватить в полицейском налете в июле 1962 года, закончившемся гибелью Ту Самута (см. ниже), также может оказаться тем самым документом «1961 года», на который ссылается «Livre noir», где Пол Пот полемизирует с вьетнамцами. «Сильнейшее замешательство» — сказано относительно этого документа (см. Democratic Kampuchea, Ministry of Foreign Affairs, Livre noir: Faits etpreuves des actes d'agression… du Vietnam [Paris, 1978]).

101

Nuon Chea, «History». После исчезновения Самута Нуон Чеа ушел в подполье: «Я никуда не выходил днем. Я ни разу не сходил поесть лапши в магазине. Я никогда не был счастлив так, как другие люди. Вот почему мои дети сказали мне: «Ты как крыса в норе». См. также: Kiernan. HPP, p. 241 и интервью автора с Теа Са Бун (сентябрь 1990). В признаниях Руос Мау (Саи) (сентябрь 1977) и Сом Чеа (март 1978) утверждается, что Самута насильно увезли из «дома Лон Нола» на машине. Сом Чеа добавил, что члены партии закололи Самута до смерти на окраине Пномпеня. В статье Сержа Тиона «A propos de Tous Samouth» (Srokkhmer, May 1987) обобщались доступные доказательства по этому делу. Камбоджийский чиновник Оук Боун Чхоём в 1981 году сказал Тиону, что, как он считает, Самута предал его приятель-коммунист, работавший на Сьё Хенга, и что Самута арестовали, допрашивали и убили «после 1975 года». Хенг был убит по приказу Нуон Чеа в апреле 1975 года после того, как войска коммунистов заняли Баттамбанг (из интервью автора с Тай Софеном, февраль 1989). Против причастности Хенга к смерти Самута может говорить тот факт, что руководящие члены партии, которых привозили в Туолсленг по сфабрикованным обвинениям, могли стараться свалить всю вину на Сьё Хенга, одного из немногочисленных настоящих дезертиров партии. Если бы Хенг сдал Самута Лон Нолу, скорее всего, за этим последовали бы аресты и других участников коммунистической сети. Есть и доказательства, указывающие на то, что неузнанного Самута забрали в ходе полицейского налета и затем убили после ничего не давшего допроса.

102

Признание Ворн Вета (машинописный экземпляр), с. 15. В своей «Истории» Нуон Чеа тоже обвиняет телохранителей Самута, однако это утверждение могло быть сделано под влиянием того, что Чеа знал о признаниях, сделанных в S-21.

103

Из интервью автора с Сок Чуоном (июнь 1990). Майкл Виккери (в личной беседе) вспомнил о том, что среди учителей, с которыми работал Салот Сар, последний был известен как прогрессивный человек. В признании Чхим Самаука упоминаются тайные политзанятия в пригороде Бенгтрабек. Для анализа взаимодействия буддистского и коммунистического стилей обучения см.: F. Ponchaud. Social Change in the Vortex of Revolution. Cambodia, 1975–1978, p. 172 и далее. Сок Чуон утверждал, что в то время Нуон Чеа был также хорошо известен как пропагандист.

104

Из интервью автора с Оёр Хунли (сентябрь 1989) и Сок Пирун (ноябрь 1989), а также из признания Сьёт Чхае. Члены партии собирались на закрытые заседания. В признании Пун Тана содержится список тех, кто регулярно посещал подобные заседания в Пномпене в 1958–1959 годах.

105

О демонстрациях в Сиемреапе см. RC от 8 марта 1963 года. См. также: Khieu Samphan. Cambodia's Economic Development ed. and trans. by L. Summers. Ithaca, N.Y, 1979, p. 17, и интервью автора с Ит Сарин (ноябрь 1988) и Тел Тонгом (август 1987). О списке Лон Нола см.: Kiernan. HPP, p. 202 and 242 (комментарий 158). Согласно его признанию, Чоу Чет покинул Пномпень на неделю раньше.

106

См.: Engelbert and Gosha. Falling Out af Touch, p. 64. Деньги Чеа дали вьетнамские товарищи по Коммунистической партии Индокитая. Они предназначались для покупки дома для членов КПИ в Пномпене. Эта интригующая история о двурушничестве, возможно, объясняет, почему Чеа не особенно рвался последовать за Саром в лес в 1963 году и также указывает — в свете долгой карьеры Чеа — на его непомерную, самоуничижительную верность партии. Вьетнамские коммунисты согласились с продвижением Сара. К 1964 году они называли его Ань Хай («самый старший брат») — вероятно, такую позицию во вьетнамской партии занимал сам Хо. Сар также был известен вьетнамцам под именем Хай Тьен («добродушный»).

107

Nuon Chea, «History». Согласно его признанию, Сьет Чхае был выведен из партии после обнародования списка; он последовал за Саром на Базу 100. О разговоре Салот Сара см. интервью автора с Кенг Ваннсаком (октябрь 1960). См. также: Interview with Comrade Pol Pot, March 1978, p. 22 (не вошедший в каталог документ в архиве Туолсленга, Пномпень).

108

См. убедительную статью R. Jay Litton. Protean Man // Partisan Review (Winter 1968), p. 13–25. Похоже, на протяжении всей своей карьеры Пол Пот связывал успех с подпольной работой.

109

Участники коммунистического движения никогда не использовали по отношению к себе ярлык «красные кхмеры» («Khmers rouges»), навешенный на них Сианук. Я позаимствовал последнюю фразу у Тимоти Карнея из Timoti Carney. The Unexpected Victory. Cambodia, 1975–1978, p. 13–35.

110

Анализ политики этого периода см.: D. Chandler. Tragedy. Chapter 6.

111

См. признание Чхим Самаука (Панг) (июль 1977). См. также признание Сьет Чхае (Там) (ноябрь 1977): «Встретившись с Братьями на Базе 100, я мог своими глазами увидеть, с каким боевым настроем они работали. Даже если их била лихорадка, они все равно работали. Я видел, как они сами писали документы и размножали их через трафарет». Очевидно, База 100 могла быть создана вьетнамцами для своих целей. В 1970 году у них было пять тыловых обслуживающих групп (RSGs), действовавших на границе с Камбоджей. Одна из них, базировавшаяся в Свайриенге, была известна как RSG 100. Предположительно, подразделение с таким номером в 1963 году действовало гораздо дальше на севере. К 1970 году под командованием RSG 100 числилось более двух тысяч вьетнамских солдат. Я благодарен Уильяму Тарлею за эту информацию. См. также признание Ней Сарана (Я), где указывается, что в 1964 году лагерь находился «в Даомчамбаке в провинции Тайнин [во Вьетнаме], в десяти километрах от границы». В приложении 2 приводится список личного состава кхмеров на Базе 100 — в таком виде, в каком он встречается в нескольких признаниях, сделанных в Туолсленге.

112

В своем признании, сделанном в декабре 1978 года, Кхеанг Сим Хон (Бут) утверждал, что в какой-то момент Салот Сар учил его петь «Интернационал». См. также признания Им Наен и Сом Чеа. Чеа прибыл на Базу 100 из Пномпеня в 1964 году. Чоу Чет никогда не бывал на этой базе, однако его признание подкрепляет написанное Им Наен. Добросовестная поварская работа Наен в ее признании была неумело переделана в серию попыток отравить разных «братьев».

113

Признание Ворн Вета (машинописный экземпляр), с. 17, а также B. Kiernan. HPP, p. 211.

114

Pol Pot. Long Live the 17th Anniversary, p. 37. В изданной в 1974 году истории партии упоминается «второй» партийный съезд, состоявшийся в начале 1963. Здесь также отмечено, что в 1964 году партия «набрала силу», но ничего не сказано о ее деятельности в последующие два года.

115

См.: B. Kieman. HPP, p. 220, признание Ворн Вета (машинописный экземпляр), с. 17, а также Becker. When the War Was Over, p. 120–121. Состав делегации держался в секрете от вьетнамских СМИ (Серж Тиун, в личной беседе). О поездке Сара в Китай Ворн Вета проинформировал Нуон Чеа, который стал командовать на Базе 100, но какое-то время провел в Пномпене. Согласно нескольким признаниям, указывающим на то, что Иенг Сари не сопровождал Салот Сара в Китай, ежедневный контроль над лагерем лег именно на него. Об участии Ум Ненга см. признание Чхим Самаук.

116

О лекциях Салот Сара см. Серж Тион (в личной беседе) и признание Кео Мони (декабрь 1976). Кео Мони называл Сара «представителем Партийного Центра». О партийных кличках см.: B.Kiernan. HPP, p. 220. О камбоджийцах во Вьетнаме см. микрофильмированное письмо A-165 из Американского посольства в Пномпене от 11 ноября 1965 года, а также признание Кол Тая (январь 1976). Самоён и Соёрн возвратились в Камбоджу в 1970 году. Самоён исчез еще до 1975 года, а Соёрн был казнен как предатель в 1976 году (O. Kiernan. HPP, p. 401). По словам Стива Гедера (в личной беседе), признание Кео Меаса свидетельствует о том, что камбоджийцы, состоявшие во вьетнамских вооруженных силах, стали и оставались впоследствии членами Рабочей партии Вьетнама, тогда как гражданские лица были связаны с камбоджийским движением, возглавляемым Сон Нгок Мином.

117

См.: Livre noir, p. 26 and 50. Для анализа этого текста см.: S. Thion. The Ingratitude of Croodiles, BCAS 12, 4, 1980, p. 38–54.

118

Engelbert and Gosha. Falling Out of Touch, p. 74. Согласно истории Нуон Чеа, «вернувшись, Салот Сар сказал, что вьетнамцы были недовольны, потому что (1) наша партия вступила в контакт с китайской; (2) Салот Сар не назвал Хо Ши Мина «дядей» (ом). Он назвал его «товарищ-председатель» (саммит протеан)».

119

Livre noir, p. 27. В «Интервью товарища Пол Пота Агентству печати ДК [sic]» (1978) Пол Пот заявил, что в то время разрешил вьетнамским войскам временно расположиться в зонах, контролируемых силами камбоджийских коммунистов. Однако до 1969 года подобных зон не существовало, а вьетнамские войска пребывали на территории Камбоджи с разрешения Сианука, а не Салот Сара. Решение совмещать вооруженную и политическую борьбу коммунисты приняли не раньше, чем в конце 1967 года. К 1978 году Камбоджа находилась в состоянии войны с Вьетнамом, и негодование Пол Пота, вызванное многолетней снисходительностью вьетнамцев, было велико. Вероятно, он был убежден в том, что в 1965–1966 годах успешно им противостоял. Серж Тион отметил, что ни один из документов, составленных вьетнамцами по поводу визита Сара, не получил широкого распространения (Ingratitude of Crocodiles, p. 42). Подобные документы могли бы наглядно проиллюстрировать заявление, сделанное Пол Потом в 1978 году насчет того, что с ним обращались как с «сыном» или с «младшим братом», и подтвердить близкие отношения между двумя партиями, которые вьетнамцы после 1977 года старательно отрицали. Энджелберт и Гоша в своей книге «Falling Out of Touch», p. 71 и далее, цитируя источники, созданные вьетнамскими коммунистами, ясно дают понять, что Ле Дуан был взбешен наивностью документов КПК. Дуан представил подробную критику документов. Вьетнамская точка зрения на конфронтацию, процитированная Энджелбертом и Гоша, завершается на с. 75 следующей фразой: «Салот Сар покинул встречу, не сказав ни слова». Испытав унижение, Сар задержался в Ханое еще на несколько месяцев. Легко представить себе глубину его злобы и беспомощности.

120

Carney. Unexpected Victory, p. 245 (n 15). См. также: B. Kiernan. HPP, p. 220 и далее. В качестве доказательства китайско-вьетнамского сотрудничества в то время можно привести пример, когда в конце 1966 года член компартии Камбоджи из Ханоя наблюдал за политзанятием камбоджийцев и их «китайских братьев».

121

LinBiao. Long Live the Victory of the People'sWar! // Peking Review. September 3, 1965, p. 22. См. также: S. Scram. The Thought of Mao Tse-Tung. Cambridge, U.K., 1989, p. 171 и далее, атакже: PaulJ. Hiniker, Revolutionary Ideology and Chinese Reality: Dissonance Under Mao. Beverly Hills, Calif., 1977, p. 209 и далее. Для сочувственного отчета о Китае того времени см.: D. Milton and Nancy Dali Milton. The Wind Will Not Subside. New York, 1976, p. 95 и далее. О Канг Шенге см.: D. Apterand TonySaich. Revolutionary Discourse. Cambridge, Mass., 1996, p. 280 и далее, J. Byron and Robert Pack. The Claws of the Dragon. New York, 1992, R. MacFarquhar. The Origins of the Cultural Revolution. Oxford, 1997. Vol. 3, p. 291–294, и R. Faligotand R. Kauffer. The Chinese Secret Service London, 1989, где без ссылки на источники утверждается (p. 410), что Пол Пот «проходил тренировочные курсы со специальными службами К'анг Шенга в 1965 (sic) и в 1969 году». См. также: Ни Yao-Ping. Problems Concerning the Purge of K'ang Sheng // Issues and Studies. June 1980, p. 74–100; M. Schoenhals. The Central Case Examination Group, 1966–1979. China Quarterly, 1966–1979. 1996 March, p. 87–110, и он же, Mao's Great Inquisition: The Central Case Examination Group, 1966–1979, Special issue of Chinese Law and Government, May — June 1996. CCEG, действовавшая в период ДК, в некотором смысле могла вдохновить на создание S-21. До самой своей смерти К'анг Шенг был тесно связан с этой группой.

122

В нескольких признаниях перенесение Базы 100 связывается с американскими бомбардировками.

123

См. признание Чхим Самаука, а также Becker. When the War Was Over, p. 469. См. также признание Сок Кнола и интервью автора с братом Сок Кнола Сок Самбатом (июль 1989).

124

См.: The Indonesian Killings, 1965–1966: Studies from Java and Bali Clayton, Australia, 1990. Сходство Сианука и Сукарно, а также Лон Нола и Сухарто не прошло даром для главных действующих лиц.

125

Об отношениях красных кхмеров с этими племенами см.: Becker. When the War Was Over, p. 122–124 и признания Сьет Чхае и Чхим Самаука. Комментарий Сьет Чхае: «Я видел, что молодежь национальных меньшинств очень хороша. Она происходила из рабочего класса и была естественной». О позиции коммунистов см. интервью автора с Тиоунн Муммом (май 1988), Кеат Чхоном (ноябрь 1987) и Онг Тонг Хоёнгом (май 1988).

126

Об этом периоде жизни Пол Пота см.: S. Colm. Pol Pot: The Secret 60s' Phnom Penh Post, April 24—May 7, 1998, основано на исчерпывающих интервью. Для получения списка телохранителей Пол Пота, многие из которых были выходцами из племен, см. признание Кеат Чау. О взгляде Маркса на подобное недифференцированное общество см.: M. Bloch. Marxism and Antropology. Oxford, 1982, p. 10 и далее, а также: M. Thompson. Cultural Theory// Boulder, Colo., 1990, p. 147 и далее. В 1976 году телохранителем Пол Пота был выходец из племени по имени Тоён (см. признание Кхеанг Ким Хона, с. 10). См. также признание Кет Чау, сделанное в 1977 году, в котором называются имена двух выходцев из племени тапуон и двух — из племени джарай, работавших телохранителями на «Организацию» (т. е. Пол Пота). См. также интервью Дэвида Эшли (сентябрь 1997) с Фи Фуоном, этническим джарайцем, работавшим телохранителем Салот Сара в 1967–1975 гг.

127

Для подробного описания восстания см.: B. Kiernan and Boua. Peasants and Politics, p. 166–205. В «Истории» Нуон Чеа указывается на то, что коммунисты в Пномпене, которыми он руководил, следили за восстанием более пристально, чем коммунисты в Ратанакири.

128

См. признание Ху Нима в книге Pol Pot Plans the Future: Confidential Documents from Democratic Campuchea 1976–1977//D. Chandler, B. Kiernan and Ch. Boua, eds. and trans. New Haven, Conn., 1988, p. 245 и далее, а также признание Ан Сенг Хена (Чун) (декабрь 1977): «В 1967 году наше революционное движение достигло апогея… Сианук кричал по радио о своей вражде к движению… правительственные чиновники повсеместно теряли свои должности». Тот факт, что эти популярные интеллигенты лишались мест, не могли присоединиться к своим руководителям на северо-западе, имел важнейшие последствия. В своей истории КПК, увидевшей в 1997 году, Нуон Чеа заметил, что «в 1967 году в Самлауте было восстание, однако это движение еще не созрело (tum), поэтому партия решила сначала утихомирить его. Люди поднимались на борьбу, и мы тоже вносили свой вклад (руом псом)». Позиция Нуон Чеа совпадает с практикой коммунистов, в соответствии с которой теоретически непогрешимая партия брала на себя ответственность лишь за успешные действия.

129

См.: B. Kiernan. HPP, p. 256 и далее, признание Руос Мау, интервью автора с Ин Нат (июнь 1987) и F. Debr6. Cambodge, p. 111 и далее. Место Пномвайчап в коммунистических кругах было известно как «гора героев» (см.: Pol Pot Plans the Future, p. 290–291).

130

См. признание Муол Самбата (Нхим Роса) и признание Конг Сопала (Куу). См. также: Tung Padevat, August 1975, p. 36–37: «В марте — апреле 1967 года в Баттамбанге происходило вооруженное восстание, вызванное противоречиями национального масштаба, равно как и местными противоречиями, однако Партия приказала прекратить [бой] с тем, чтобы извлечь уроки из этих противоречий и вооруженной борьбы». См. также: Tung Padevat, December 1976 — January 1977, p. 44: «Партийный Центр сказал: «Потерпите некоторое время. Дождитесь, пока борьба не приобретет общенациональный характер». В признании Чоу Чета утверждается, что к восстанию людей «подтолкнули партийные лидеры северо-запада», тем самым указав на разногласия между партийными ветеранами в Баттамбанге и руководством на северо-востоке. О Куу см. признание Ворн Вета, с. 18. Куу пережил период ДК, однако исчез после 1979 года (Стив Гедер, в личной беседе). В Livre noir, на с. 28, Пол Пот утверждал, что после Самлаутского восстания вьетнамцы были «охвачены паникой»; потом он добавил (с. 47), что вьетнамцы велели красным кхмерам прекратить вооруженное сопротивление «после бунта в Самлауте». Возможно, приказы партии прекратить сопротивление отражали опасения вьетнамцев насчет отчуждения Сианука. См. захваченную записную книжку красного кхмера в Индокитайском архиве Denglas Pike Collection, University of California, Berkeley (далее Архив Пайка), где о Самлаутском восстании сказано: «Несмотря на победу, наш народ согласился сложить оружие и вернуться к своей земле».

131

См.: KiernanandBoua. Pesants and Politics, p. 180–181; Chandler. Tragedy, chapter 5; B. Kiernan. HPP, p. 277 и далее; признание Ворн Вета и интервью автора с Сок Чуоном (июнь 1990).

Pol Pot. Long Live the 17 Anniversary, p. 38.

133

См. признание Кхеанг Сим Хона. О состоянии дел к концу 1967 года см. признание Бу Фата. Кирнан утверждает, «к декабрю 1967 года распространился слух о том, что Самлаутское восстание скоро перейдет в другую фазу»; возможно, этот слух отражал решения, принятые на учебно-подготовительных занятиях. В 1978 в Livre noir отмечалось (с. 34), что если бы «партия не вела вооруженную борьбу, она была бы обречена на забвение». По мнению Энджелберта и Гоша (Falling Out of Touch), в октябре 1967 года Салот Сар написал китайским властям письмо, перехваченное вьетнамцами, в котором говорилось, что «мы готовимся вести народную войну, достигшую точки, когда остановить ее уже невозможно». Он также похвалил «линию народной войны, сформулированную Председателем Мао через понятия независимости, суверенитета и уверенности в своих силах» — выражение, которое, должно быть, опечалило вьетнамцев. В «Истории» Нуо Чеа утверждается, что решение вести вооруженную борьбу было принято коммунистами, действовавшими под его (Нуон Чеа) руководством.

134

B. Kiernan, HPP, p. 268 и далее, Kiernan and Boua. Pesants and Politics, p. 182 и далее и интервью автора с Ти Софеном (февраль 1989). О бухте Дамрам см.: Speech by Representative of Party at the Ninth Anniversary of the Revolutionary Army. Tung Padevat, December 1976 —January 1977, p. 38–39, а также Nuon Chea. Statement of the CPK to the Communist Worker's Party of Denmark, July, 1978. Journal of Communist Studies. March 1987, p. 26 и далее. Нуон Чеа датировал решение о начале вооруженной борьбы январем 1968 года, когда состоялось «заседание Центрального Комитета». Произошло это незадолго до инцидента в бухте Дамрам. Однако в своей «Истории» Чеа утверждает, что принял это решение с несколькими коллегами в Пномпене без участия начальства, находившегося в Ратанакири. В его обращении к датчанам Самлаут не упоминается. Однако во времена Демократической Кампучии регион, куда вошли Самлаут и Пномвайчап, получил название «сектор (домбон) 1». Возможно, подобное название являлось данью уважения революционным заслугам Самлаута (см.: Vickery. Cambodia, 1975–1982).

135

О визите Боулза см.: Chandler. Tragedy, chapter 5, а также W. Shaweross. Siedechow: Nixon, Kissinger, and the Destruction of Cambodia. New York, 1979, p. 68–71.

136

О боевом духе — Ал Сантоли (в личной беседе). См. также отчеты ЦРУ 1969 года (вырезанные номера) в архиве Пайка (Камбоджа, 1969), и Kiernan. HPP, p. 282 и далее. В «Истории» Нуон Чеа утверждается, что в то время войска красных кхмеров обменивали у вьетнамцев, расквартированных в Камбодже, цыплят на оружие, «потому что вьетнамцы голодали».

137

См. признание Сьет Чхае.

138

См.: Seckdei nai no’m 870 [Руководство от 870]//, Tung Padevat, January, 1972, p. 12–37. Номер «870» использовался для указания на высший авторитет в коммунистической партии. См. также Noun Chea. Statement of the CPK, p. 22: «У нас не было оружия, чтобы упомянуть о нем, и никакой помощи извне… Иногда у нас появлялось оружие, но не было боеприпасов. Порой, даже не имея патронов, мы носили оружие для устрашения врага».

139

См. признание Сок Нхана, а также Training Khmers in Nirth Vietnam, документ ЦРУ в архиве Пайка (Камбоджа, март 1973). См. также: Kiernan. HPP. p. 280. Кео Меас оставался во Вьетнаме и Китае до 1975 года и подвергся чистке в 1976. В декабре 1972 года в Пекине, куда его перевезли из Ханоя, скончался от болезни Сон Нгок Минь. После 1979 года он стал героем в Камбодже — в Пномпене в честь него была названа улица, а его портрет появился на банкноте достоинством в 100 риелей.

140

См.: D. Chandler. Tragedy, chapter 5; C. Meyer. Derriore le sourire khmer. Paris, 1971, p. 283–385; Martin. Le mal cambodien, p. 119 и далее.

141

Об американских бомбардировках см.: B. Kiernan. HPP, p. 285 и далее. См. также Notebook Entries August to September 1969 by [a Vietnamese] Cadre в архиве Пайка (Камбоджа, 1969) и показания Чау Вари Со, архив Пайка (Камбоджа, январь 1974). О начале переворота см.: D. Chandler. Tragedy, chapter 5.

142

О поездке Сара в Ханой см.: B. Kiernan. HPP, p. 297 и далее. Сианук был единственным главой государства, присутствовавшим на похоронах Хо. Цитируя вьетнамские источники, Энджелберт и Гоша («Утрата связей»), датируют поездку Сара ноябрем 1969 года, после похорон Хо. В этот раз Сар, очевидно, просил вьетнамцев отправить камбоджийских коммунистов, находившихся во Вьетнаме, домой, чтобы они помогали КПК в ее борьбе с Сиануком. Вьетнамцы отказывались пойти на это вплоть до свержения Сианука.

143

См.: Livre noir, p. 34 и далее.

144

См.: D. Chandler. Tragedy, chapter 6, и Shawcross. Sideshow, p. 118 и далее.

145

См.: Livre noir, p. 35 и интервью автора с Ален Даниэль (ноябрь 1987) и Со Бун Нором (октябрь 1988).

146

См.: B. Kiernan. HPP, p. 312. В истории партии варианта 1974 года, с. 12, говорится, что до переворота коммунисты сражались «сами по себе», однако после маррта 1975 года они стали получать значительную помощь от других стран, включая Вьетнам.

147

Кхьё Самфана нередко приглашали играть эту роль, особенно часто — в начале 1990-х. См. Heder. Khieu Samphan and Pol Pot.

148

E. Becker. When the War Was Over, p. 153 и далее. Насчет ФНО Стив Гедер указал (в письме к автору, август 1991), что похожие организации-прикрытия действовали в Камбодже во времена Первой Индокитайской войны и в Лаосе до 1975 года. См. также: T. Caraway. The United Front Strategies of the Khmer Rouge. B. A. Honors thesis, Pomona College, California, 1989.

149

См. признание Кхеанг Сим Хона (Бута) (декабрь 1978), с. 20. Признание Бута было составлено после появления Livre noir, в которой содержатся похожие антивьетнамские утверждения (с. 52). См.: Carney. Unexpected Victory, p. 23 и B. Kiernan. HPP, p. 310 и далее. Вьетнамцы продолжали готовить войска, возглавляемые камбоджийскими коммунистами, на протяжении всего 1971 года. См. признание Меас Мона(июнь 1978), с. 25: «В 1971 году за работу по укреплению наших сил отвечали вьетнамцы, обеспечивавшие одежду, оружие и подготовку».

150

Livre noir, p. 48–49.

151

Признания Чхим Самаука и Кхеанг Сим Хона. Важная деталь признаний, имеющая отношение к Салот Сару/Пол Поту, — многочисленные упоминания болезней. О приезде камбоджийцев на юг из Ханоя в апреле 1970 года см. признание Кол Тая (Вонга) (январь 1976), а также микрофильмированное письмо А-165 из Американского посольства в Пномпене от 8 ноября 1971 года, где сообщалось об отъезде Юн Соёрна из Ханоя «в апреле». См. также микрофильмированное письмо А-179 из Американского посольства в Пномпене от 30 ноября 1971 года и микрофильмированное письмо А-5 от 11 января 1972 года.

152

Признание Кхеанг Сим Хона, с. 22, признание Прум Саенга (январь 1977). В 1971 году Сари приехал из Ханоя в Пекин. Фотография, запечатлевшая Иенг Сари, Салот Сара и Нуон Чеа в лесу, напечатанная в книге Иенг Сари Cambodge 1972 (Пекин, без даты), возможно, датируется 1970 годом. Обсуждая эту фотографию, Беккер отметила: «У Салот Сара было наименее запоминающееся лицо из всех, наименее самоуверенная поза. Он прятался даже перед объективом» (When the War Was Over, p. 160).

153

Отчет № 6, 028 0177 71, Red Khmer Policy and Activity, захваченный в декабре 1970 года (архив Пайка, июнь 1971). Похожее указание содержится в Tung Padevat (September 1971), с. 10, где заявляется, что «организационно Партия привязана к массам, т. е. окружает Партию секретная организация, а секретную организацию окружает массовая организация, многочисленная и сплоченная *(с'ек скох)*. Поэтому Партия связана с массами». Здесь, как и впоследствии, Салот Сар называет руководителей КПК «партией», а ее членов — «секретной организацией».

154

Livre noir, p. 55–57; признание Кои Туона и признание Ху Нима // Pol Pot Plans the Future, p. 251. См. также микрофильмированное письмо A-5 из Американского посольства в Пномпене от 13 января 1972 года, в котором говорится, что среди других Ху Ним тоже проводил подготовительные занятия в Компонгтоме для камбоджийцев, прибывших из Вьетнама в 1971 году; Thion and Kiernan. Khmers rouges! p. 166 и далее.

155

B. Kiernan. HPP, p. 327 и далее, основано на интервью с участниками; см. признание Ворн Вета (машинописный экземпляр), с. 32 и признание Нон Суона. 11. См. также «Some observations on the tasks of building the party, 1963–1971», Tung Padevat, September 1971. Для ознакомления с отчетом Ху Нима см. Pol Pot Plans the Future, p. 256–257. См. также K. Quinn. Political Change in Wartime: The Khmer Krahom Revolution in Southern Cambodia, 1970–1971//Naval War College Review 28, Spring 1976, p. 3–31. Квинн был американским послом в Камбодже в 1996–1998 годах. Стив Гедер (в письме к автору, август 1991) указал на то, что, с тактической точки зрения, это было в интересах вьетнамцев — акцентировать националистические элементы в движении, которое они мобилизовали для поддержки своей войны с США и, в конечном итоге, для строительства коммунизма во всем Индокитае.

156

«Some observations on the smashing of contemptible Chenla II»// Tung Padevat December 1971, p. 27 и далее. В документах, захваченных на юго-западе в начале 1971 года, также ничего не говорится о вкладе вьетнамцев (B. Kiernan. HPP, p. 322). Однако см. записную книжку красного кхмера в архиве Пайка (Камбоджа, май 1971), где упоминается «солидарность международного фронта освобождения», но отмечается, что «иностранное участие [в революции] второстепенно». О свойственном кхмерам чувстве превосходства см. Chandler. Seeing Red, p. 34–56. В своем выступлении «Да здравствует семнадцатая годовщина» Пол Пот ни словом не обмолвился о помощи, оказанной вьетнамцами в 1970–1975 годах.

157

См.: K. Frieson. Reluctant Comraders: The Peasantry and the Red Khmers, 1970–1975, неопубликованная работа, 1991, а также Guidance from 870, Tung Padevat, (February 1972).

158

См.: Shawcross. Sideshow, особенно p. 220–235; W. Von Marschal. The War in Cambodia: Its Causes and Military Development. London, 1975, p. 112. U. S. CIA, «The Short-Term Prospect for Cambodia (SNIE 57–73). В мае 1973 года Кхмерская Республика призвала добровольцев в армию. Записалось лишь пятьдесят два молодых человека. U. S. CIA, «The Situation in Cambodia, July 1973», Report 7333/73, p. 2. К тому моменту количество военнослужащих в вооруженных силах республики превышало 200 000.

159

B. Kiernan. HPP, p. 331. Рассказы очевидцев см. Thion and Kiernan. Khmer rouges! p. 43–97; T. Carney. Communist Party Power in Kampuchea (Cambodia): Documents and Discussion. Ithaca, N.Y, 1977, p. 34–55; Ith Sarin. Lament for my Khmer beloved, Phnom Penh, 1973.

160

Carney. Communist Party Power, p. 9 (n. 45). См. также «The Read Khmers' Organization and Activities» (Pike Archives, March 1974), и B. Kiernan. HPP, p. 336 и далее. В сентябре 1971 года Сар и девяносто других «камбоджийских интеллигентов» подписали двенадцатистраничную декларацию, критикующую Лон Нола и поддерживающую Единый фронт. Перевод текста см.: M. Cadwell and Lek Tan. Cambodia in the Southeast Asian War. New York, 1973, p. 417 и далее. Сар назвался «преподавателем».

161

Об особенностях речи Пол Пота см. интервью автора с Ричардом Дадмэном (апрель 1990 и Сот Полин. Как написал Франсуа Поншо, «содержание было менее важным [в коммунистических наставлениях], чем гармония воздействия», (Cambodia, 1975–1978, p. 158). Когда Серж Тион в 1972 году посетил особую зону, один буддистский монах, симпатизировавший партии, сказал ему: «Религия есть обучение. Обучение не может исчезнуть». Педагогическая сущность буддизма — терравады и представление о том, что люди могут изменить себя, работая, чтобы достичь просветления, было на руку руководящим кадрам, многих из которых, когда они были монахами или послушниками, приучили верить в эффективность обучения и в возможность достижения посредством обучения внутриличностной трансформации. См. B. Kiernan. S. Thion. Khmers rouges! p. 95. В беседе с югославскими журналистами в 1978 году Пол Пот пытался внушить им, что он несколько лет был буддийским монахом.

162

См.: Porter. Vietnamese Communist Policy Toward Kampuchea, p. 57–98. Сон Нгок Минь, номинальный руководитель коммунистического движения в Камбодже, умер в декабре 1972 года в Пекине, куда был перевезен на лечение. Его смерть ослабила связи между камбоджийскими коммунистами и Ханоем.

163

См.: D. Kirk. Cambodia 1973: Year of the bobm halt// Asian Survey, (1974), p. 89–100; Shawcross. Sideshow, p. 261–162; Becker. When the War Was Over, p. 161. В выступлении по случаю девятой годовщины создания Революционной Армии (1977 год) представитель КПК сказал: «Останови мы борьбу [хотя бы] на месяц, враг смог бы перевести дух и укрепить свои войска», Tung Padevat, December 1976 — January 1977.

164

Livre noir, p. 66; здесь утверждается, что в январе 1973 года вьетнамцы оказали давление на Салот Сара, в то время как американцы надавили на Лон Нола. См. также: Chea. Statement of the Communist Party…, p. 21–36.

165

Cm. von Marschal, War in Cambodia, p. 117, а также Отчет по допросу 058/74 (Фан Ван Таи), март 1974, архив Пайка (Камбоджа, апрель 1974), где перечисляются разногласия в домбоне 25. Роспуск параллельного аппарата камбоджийских коммунистов во Вьетнаме, возможно, был воспринят некоторыми пребывавшими там камбоджийцами и некоторыми вернувшимся как еще одно предательство вьетнамцев — так предположил Кирнан (HPP, p. 359).

G. Boudarel. La liquidation des communistes cambodgiens formos au Vietnam, Probl6mes politiques etsociaux, 373 (1979), p. 4–7; B. Kiernan. HPP, p. 335; признание Кео Мони, признания Кол Тая (Вонга) (январь 1976) и интервью автора с Ит Сарин (октябрь 1988). См. также микрофильмированное письмо A-179 «Conversations with Khmer Rouge Rallier leng Lim» из Американского посольства в Камбодже от 20 ноября 1971 года и микрофильмированное письмо A-146 «Khmer Rouge Rallier Kum San» от 12 сентября 1972 года. Вероятно, до 1975 года чистки еще не приобрели громадного масштаба. В признании Чоу Чета говорится о том, что в «конце 1976 года» «около ста» вернувшихся все еще работало в управлении югозападной зоны. Другие, например, Мен Тул (Сат), сохранили свои должности до 1977–1978 годов, пока не подверглись чистке. Были и такие — их личности невозможно установить — кто, без сомнения, скрывал подробности своей биографии и пережил весь период ДК.

167

См.: K. Quinn. Political Change in War time. Его дальновидный отчет, изначально написанный в форме микрофильмированного письма в Государственный департамент мало повлиял на представления американцев о камбоджийском коммунистическом движении.

168

О бомбардировках см. Shawcross. Sideshow, p. 280 и далее, а также карты на страницах 266–267; B. Kiernan. HPP, p. 349 и далее; B. Kiernan, The American Bombardment of Campuchea, 1969–1973//Viethnam Generation, (winter 1989), p. 4–41. Доводы, представленные Шокроссом, обсуждаются в приложениях к книге Генри Киссинджера (Henry Kissinger, Years of Upheaval. Boston, 1982); но см.: Shawcross. Additions to the New Edition. Sideshow, p 409, а также FBIS, Daily Reports, August 16, 1977, где диктор заявил, что американские бомбардировки привели к «яростной злобе, национальному гневу и классовому возмущению».

169

О поездке Сианука см. Monique Sihanouk. Voyage historique au Cambodge en 1973//Bulletin mensuel de documentation de… Norodom Sihanouk. March — April 1987, p. 17–26. Американское посольство отказывалось верить, что принц добрался до Ангкора, однако камбоджийцы в Сиемреапе услышали об этой поездке вскоре после его отбытия (см. интервью автора с Сок Пирун и интервью Брюса Пэллинга с Чхит До [1986], хранящееся в Центре Уильяма Джойнера, Массачусетский университет, Бостон). До, который в то время был солдатом у красных кхмеров, привезли в Пномпень приветствовать принца.

170

USLO (Управление по связям США), Пекин, микрофильмированное письмо A-8, «Sihanouk Interview with Stanley Karnow», May 17,1973. Описание поездки в изложении Ху Нима см. Pol Pot. Plans the Future p. 265–266. Насколько мне известно, в альбомах 1973 года содержатся последние опубликованные фотографии Кхьё Поннари. Другие снимки, датирующиеся 1972 годом, поразили Элизабет Беккер как «навязчивые видения»: «Постановочная фотография не может скрыть ее состояние: Поннари сходит с ума на службе революции ее мужа» (When the War Was Over, p. 160–161). На фотографиях 1973 года Поннари выглядит апатичной и нездоровой. Похоже, Нуон Чеа не принимал участия в поездке. Сианук внушили, что за все отвечали «Три призрака», как он впоследствии признал в книге Prisioners des Khmers rouges. Paris, 1987, p. 229.

171

Насчет замечания Кхьё Самфана см. Shawcross. Sideshow, p. 281. По словам Чхит До, на политзанятиях, проводившихся после отъезда Сианука, подчеркивалось, что задабривать Сианука было по-прежнему важно, ибо «если он разочаруется, то, вернувшись из Пекина, может перейти на сторону американцев, и тогда мы проиграем войну».

172

Kirk. 1973. Shawcross. Sideshow, p. 295; здесь доказывается, что тяжелые потери, понесенные войсками красных кхмеров — возможно, в некоторых подразделениях было убито 25 % личного состава — свели с ума некоторых уцелевших. См. von Marschal. War in Cambodia, p. 117 (n 23), и? Becker. When the War Was Over, p. 172. См. также триумфальную статью «Long live the Revolutionary Army of the Communist party», Tung Padevat (September 1975) «Мы не боялись [американских бомбардировок], потому что ради национальной чести и независимости должны были бороться в одиночку и без оглядки на мир». Сианук сказал Стэнли Карнау, что он «советовал нашим войскам не брать Пномпень», ибо не хотел подвергать опасности свою мать, которая там находилась (USLO в Пекине, микрофильмированное письмо A-8, «Sinanouk Interview», p. 6).

173

B. Kiernan. HPP, p. 371 и Стив Гедер — автору (в письме, август 1991). В 1974 году, когда войска красных кхмеров захватили бывшую королевскую столицу Удонг к северу от Пномпеня, они выгнали оттуда свыше десяти тысяч жителей. Сообщения о бессистемных наказаниях, осуществлявшихся кадровыми коммунистами, всплыли именно в то время. См. O. Kirk. Revolution and Political Violence in Cambodia, 1970–1974// Communism in Indochina/J. Zasloff and M. Brown eds. Lexigyon, Mass., 1975, p. 215–230.

174

B. Kiernan. HPP, p. 365 и далее. О соперничестве между юго-западом и домбоном 25 см. Vickery. Cambodia, 1975–1982, p. 91 и далее, а также признание Чоу Чета.

175

См. неопубликованные интервью, взятые Стивом Гедером у бывших кадровых работников ДК, с. 35: «20 мая 1973 года состоялись повсеместные заседания для провозглашения кооперативного движения». См. также B. Kiernan. HPP, p. 369 и далее и выступление Пол Пота «Long Live the 17 th Anniversary», p. 57. В 1982 году Народная Республика Кампучия объявила 20 мая национальным «днем ненависти», приписывая предыдущему режиму демонические черты и в то же время ловко обращая внимание на тот день, в который камбоджийскя революция публично отошла от вьетнамской (из беседы автора с камбоджийским чиновником, октябрь 1990). Размах проводившейся в 1973 году программы коллективизации неясен. Из интервью, взятых у более чем ста человек, переживших тот период, Кейт Фрисон получила лишь разрозненные сведения, указывающие на широкое распространение коллективизации в 1973 году (из личной беседы).

176

Этот пятнадцатистраничный документ существует в виде микрофильма под названием «The Hu Nim and Tivol files», отданный Энтони Барнеттом на хранение в Echols Collection, Cornell University Library, Ithaca, N.Y Имя Салот Сара появляется в списке пятидесяти семи членов партии и звучит как Номер 47 (как раз перед Хоу Йоуном). Кхьё Самфан назван Номером 37 — перед Иенг Сари. Ворн Вет в этом списке именуется Номером 52.

177

См. признание Чхим Самаука (Панга). Болезнь Сара могла обостриться из-за истощения. В своем признании (с. 79) Мен Тул (Сат) говорит, что «в 1974 году «Брат номер один» бывал иногда на северо-западе, на западе и на юго-западе, прежде чем вернуться на восток». В своем признании Ни Муонг (Йон), подчиненный Чхим Самаука, тоже сообщает о частых передвижениях Салот Сара и Нуон Чеа в 1974 году.

178

См. «Summary of Annotated party History», документ КПК, захваченный в 1973 году и переведенный Тимоти Карнеем; а также «History of the Communist party of Kampuchea» машинописный текст без даты [возможно, 1974]. Сравнение этих текстов см. B. Kiernan. HPP, p. 364–365. См. также «Chayo konto'p pdevat reboh pak kommunis», p. 24–64.

179

Chayo konto'p…, p. 49–50. В похожем выступлении в начале 1977 года представитель партии похвалился тем, что Революционная Армия, которой в 1975 году исполнилось всего-навсего «семь лет», «разбила американскую армию [sic], которой двести лет» (Tung Padevat [December 1976 — January 1977]: 61).

180

См. признание Чоу Чета; Pol Pot, «Long Live the 17 th Anniversary», p. 46; признание Сьет Чхае и признание Чхим Самаука. Бои, которые шли в 1974–1975 годах, были очень кровопролитными. Потери обеих сторон зачастую достигали 50 %. См. Vickery. Cambodia. 1975–1982, p. 69.

181

См. B. Kiernan. HPP, p. 415; Carney. Unexpected Victory, p. 3; D. Chandler. Tragedy, p. 247. См. также G. Hildebrand and G. Porter. Cambodia: Starvation and Revolution. New York, 1976, p. 39.

182

См… U. S. Central Intelligence Agency, «National Intelligence Estimate: Prosrects for Cambodia through August 1975» (Pike Archives); (архив Пайка); A. Isaaks. Without honor. Baltimore, 1983, p. 252 и далее.

183

См. Chandler. Tragedy. Chapter 7; A. Isaaks. Without Honor, p. 276 и далее; Shawcross. Sideshow, p. 361 и далее W. Duiker. China and Vietnam: The Roots of Conflict. Berkeley, Calif., 1986, p. 60 (n 47) — здесь утверждается, что в завершающей атаке на Пномпень участвовали «две вьетнамские дивизии». См. также К. Gough. Roots of the Pol Pot Regime in Kampuchea // Themes in Etnology and History. Meerut, 1987, p. 134; основываясь на интервью, взятые во Вьетнаме, Гоу утверждает, что вьетнамская артиллерия участвовала в нападении на столицу Камбоджи. См. также Burchett, China-Cambodia-Vietnam Triangle, p. 144, где заявляется, что в конце 1974 года Сар посетил Пекин и Ханой с целью просить оказания военной помощи. От Китая никакой помощи он не получил; вьетнамцы якобы предложили ему тяжелую артиллерию и несколько орудийных расчетов. Сведения об этой поездке не подтверждаются. Учитывая указанные сроки, она вряд ли имела место. Однако подобные просьбы очень даже могли передаваться по дипломатическим каналам. Салот Сар/Пол Пот всегда отрицал участие вьетнамцев в «исторической победе», одержанной в апреле 1975 года.

184

См. признание Чхим Самаука, а также признание Чоу Чета. У Беккер, When the War Was Over, на с. 178 сказано, что Сар вошел в город «как ночной хищник [который] избегает дневного света». См. признание Мен Тула, с. 51, где утверждается, что в этот период «Брат номер один» «без предупреждения менял жилье каждые два-три дня». См. также Pol Pot. Plans the Future, p. 276.

185

См. интервью автора с Лот Суонгом и Чеа Сами (октябрь 1990), а также интервью с ними Кейт Фрисон (январь 1990). В 1970-х Салот Чхай работал на республиканский журнал. Камбоджийский чиновник, посетивший в 1980-х годах родственников Салот Сара в Компонгтоме, заявляет, что сестра Сара, Сароён, в 1941 году покинувшая дворец, по приказу Салот Сара во времена Демократической Кампучии находилась на привилегированном положении. Эта информация резко контрастирует с тем презрением, с которым Сар относился к другим членам семьи, и не подтверждается интервью Йоук Чханга с Сароён и ее братом Салот Нхьепом.

186

О резне армейских офицеров см. интервью автора с Тай Софеном (февраль 1989) и признание Чо Чхана (Сренга) (март 1977): «После освобождения всей страны Организация начала политику последовательного искоренения офицеров, начиная с генералов и кончая лейтенантами». В 1988 году Пол Пот сказал собранным кадрам, что «сокрушительный удар», нанесенный по солдатам и чиновникам Лон Нола, был намеренным, потому что они «представляли империалистический слой» (Роджер Норманд, в личной беседе, на основе его интервью с перебежчиками от красных кхмеров).

187

Об инциденте на судне «Маягез» см. Chandler. Tragedy, p. 257. Также см. Я. Rowan. The Four Days of Mayaguez. New York, 1975.

188

О поездке Сара во Вьетнам см. Livre noir, p. 72, а также интервью автора с Нго Дьеном (октябрь 1990). О помощи Китая см. B. Kiernan. HPP, p. 413. О фотографии Сара с Мао см. Y. Phandara. Retour a Phnom Penh. Paris, 1982, p. 52. Фандара видел эту фотографию в посольстве ДК в Пекине в 1977 году.

См. L. Picq. Au deladu ciel. Paris, 1984, гл. 1.

190

См. S. Heder. Kampuchea’s Armed Struggle: The Origins of an Independent, BCAS 10, 4 (1978), p. 2–23, а также Livre noir, p. 71 и далее.

191

Интервью с Таинг Ким Меном (июнь 1989). Я благодарен Кейт Фрисон за расшифровку этого интервью, которую мы провели вместе с ней. Таинг Ким Мен отметил, что телохранителями Салот Сара были «выходцы из меньшинств. Когда они говорили на кхмерском, я не мог разобрать ни слова». Мен виделся с Салот Саром еще раз в 1977 году, когда работал неподалеку от Печнил. Пол Пот приехал к его месту работы на белой «Тойоте», «которая выглядела как машина скорой помощи». Пол Пот запомнил Мена по их предыдущей встрече и «ласково» позвал.

192

Интервью автора с Тиоунн Муммом. Я благодарен Яну Каммингсу за нахождение этой цитаты Аксельрода. Сравните панегирик Пол Пота Мао Цзэдуну, 18 сентября 1976 года: «Он отдал все силы революции. Вся его жизнь была посвящена революционной борьбе» (FBIS, Daily Reports, September 20, 1976).

193

Я благодарен камбоджийскому чиновнику, обеспечившему мне доступ к этим текстам в 1990 году. Они датируются октябрем 1975 (1 серия документов), ноябрем 1975 (1 серия), январем 1976 (1 серия), февралем 1976 (3 серии), мартом 1976 (7 серий), маем 1976 (2 серии) и июнем 1976 (2 серии). См. также «Decisions of the Central Committu on a variety of Questions» — еще один текст, датирующийся мартом 1976 года // Pol Pot Plans the Future, p. 1–8. Бен Кирнан в 1986 году достал оригинал этого документа на кхмерском. Судьба документов, отражающих происходившее на заседаниях ЦК после июня 1976 года, неизвестна, однако не следует сбрасывать со счетов возможность того, что после января 1979 года они были забракованы вьетнамцами.

194

Заседание постоянной (группы) Центрального Комитета, 9 октября 1975.

Я благодарен Стиву Гедеру за установление личности этих людей.

См. также протоколы заседания, проведенного 2 ноября 1975 года, на котором в том числе обсуждались отношения с Таиландом. Биографические данные более ста охранников, работавших в S-21, указывает на то, что большинство из них «вошло в революцию» сразу после апреля 1975 года и получило политическую подготовку, прежде чем попасть на службу в S-21. Более половины этих охранников прибыли в Пномпень из домбона 25.

197

См. Pol Pot Plans the Future, p. 1–8, а также записи, сделанные в ходе заседания Центрального Комитета, состоявшегося 12 марта 1976 года.

198

См. протоколы заседания постоянного комитета от 11 марта 1976 года. О конституции ДК см. D. Chandler. The Constituion of Democratic Kampuchea, p. 506–515; Becker. When the War Was Over, p. 218 и далее. Рассказ Сианука см. в его книге Prisonnier des Khmers rouges, p. 97 и далее; см. также FBIS, Daily Reports, February 8, 1979: «Я вышел в отставку и перестал быть главой государства в апреле 1976 года. После того как они попытались заставить меня изменить это решение, меня похитили».

199

См. протоколы заседания постоянного комитета от 8 марта 1976 года: [On the difficulties of the March 20, 1976, elections].

200

О правилах выборов см. FBIS, Daily Reports, March 10, 1976. Сианук помнил, как проходило голосование в Пномпене; голосование также прошло в некоторых сельских районах. Документ Центрального Комитета от 31 марта 1976 года см. в книге Pol Pot Plans the Future, p. 7.

201

См. интервью Брюса Пэллинга с Печ Ким Луоном, пилотом ДК, бежавшим в Таиланд в конце апреля 1976 года. По словам Луона, с главной речью 17 апреля выступил «Салот Сар», однако радиостанция «Пномпень» передала выступление Кхьё Самфана. Луон утверждал, что вождем Камбоджи являлся Сар, он не мог установить личность «Пол Пота». Я благодарен Бену Кирнану за переписывание этого интервью. О заявлении посла см. Phandara. Retour a Phnom Penh, p. 56. Кхьё Каннарит предположил, что Сар пользовался псевдонимом «Пол» в одних случаях, а «Пот» — в других (интервью автора, сентябрь 1990).

202

Список офицеров, служивших в Демократической Кампучии в 1976 году, см. у Карнея. (Carney. Organization of Power, p. 100–102). Четырнадцать из двадцати шести человек, значившихся в этом списке, были казнены в 1976–1978 годах. См. также Pol Pot Plans the Future, где «Товарищ Пол» назван будущим премьер-министром.

203

Среди рассказов выживших очевидцев см. Pin Yathay. L'utopie meurtrinre. Paris, 1980; Someth May. Cambodian Witness. London, 1986; M.S. Fox and Ung Bunheang. The Murderous Revolution. Sydney, 1985.

Перевод восьми конфиденциальных партийных документов этого периода см. в книге Pol Pot Plans the Future.

205

См.: Statement of the Communist Party of Campuchea // Journal of Communist Studies 3, 1 (March 1987), p. 19–36. Выступая в декабре 1976 года, Пол Пот использовал похожие обороты. «Способы обороны должны сохраняться в секрете, — сказал он. — Те, кто защищают нас, должны быть настоящими специалистами. Им нужно практиковаться в наблюдении. Они должны за всем наблюдать, но так, чтобы те, за кем наблюдают, об этом не знали» (Pol Pot Plans the Future, p. 211). Он вернулся к этой теме в своем выступлении 28 сентября 1977 года: «Секретная работа была основным элементом. Она позволила нам защитить революцию [руководство], а также пробудить народ» (Pol Pot. Long Live the 17th Anniversary, p. 35).

206

Pol Pot Plans the Future, p. 121. Стив Гедер (в письме к автору, август 1991) написал, что, по мнению Пол Пота, «для выживания, революция должна опережать свой аналог во Вьетнаме. Таким образом, любой, кто замедлял процесс, препятствовал выживанию революции и в действительности был «вьетнамцем»».

Hildebrand and Porter. Cambodia: Starvation and Revolution, p. 93.

FBIS, Daily Reports, December 21, 1975. Разрыв Камбоджи с ее прошлым являлся разрывом с иерархическим социальным устройством, денежным обращением, рынком, религиозными обрядами, высшим образованием и т. д. Для достижения этих целей режим решил контролировать доступ людей к информации и пище. Всюду видевший врагов, он пытался регулировать даже процесс ухаживания, «семейственность» и прочие остатки «старого общества» (сангкум час). Внимательное исследование идей ДК см. F. Ponchaud. Social change in the Vortex of Revolution, p. 159–178. Стив Гедер (в письме к автору, август 1991) указал на то, что фраза «независимость-господство» напоминает китайский лозунг ди ли цзи цбу («Сохраняй независимость и удерживай инициативу»).

209

О китайском влиянии на эти взгляды см. Zhang Chunqiao. On Exercising All-Round Dictatorship over the Bourgeoisie// Peking Review, May 27 1975; а также D. Zweig. Agrarian Radicalism in China, 1968–1981. Cambridge, Mass., 1990, p. 16–31, 190–204.

210

Pol Pot Plans the Future, p. 130 и далее. См. признание Чан Мона, с. 29, где отмечается, что темпы плана сбивали с толку людей, подобных ему, которые якобы устраивали заговоры с целью подорвать режим Демократической Кампучии: «Если План будет успешен, т. е. станет быстро выполняться, то мы начнем слабеть».

211

Более ранние ссылки на этот лозунг см. в Pol Pot Plans the Future, p. 20–21. На Первой национальной конференции по урокам Дацхая, проведенной в Китае в октябре 1975 года, Хуа Гофен поставил общенациональную задачу — собирать 200–250 кг сельскохозяйственной продукции с одного му (1/15 гектара), что в точности равняется 3 метрическим тоннам с гектара. См.: J. D.Spence. In Search of Modern China. New York, 1990, p. 644, а также Zweig. Agrarian Radicalism in China, p. 66–67. О состоянии сельского хозяйства в период Демократической Кампучии см. M.-A. Martin. La riziculture et la maitrise de I'eau dans le Kampuchea Democratique//Etudes rurales 83 (July — September 1981), p. 7–44 и ее же, La politique alimentaire des khmers rouges. Etudes rurales, 99–101, 1985 July — December, p. 347–365. В этих статьях показывается, что, несмотря на повышение производительности во многих районах в период Демократической Кампучии, некоторые из любимых идей режима — например, декрет, предписывавший, чтобы все рисовые поля были размером точно в 1 гектар независимо от топографии местности — имели катастрофические последствия. Мартин также отметила, что, хотя многие оросительные системы, построенные во времена ДК, развалились, некоторые из них дожили и до 1980-х. См. также Ch. Twining. The Economy 11 Cambodia, 1975–1978, p. 109–150. Последнюю цитату см. в книге Pol Pot Plans the Future, p. 130.

212

О жизни на юго-западе страны в описании двух «новых людей» см. Pin Yathay. L’utopie meurtriore и Someth May, Cambodian Witness. «Камбоджийский свидетель». См. также Vickery. Cambodia, 1975–1982, p. 100–120. О девизе см. H. Locard. Le livre rouge de Pol Pot ou les paroles de l’Angkar. Paris, 1996, p. 179.

213

См.: Pol Pot Plans the Future, p. 128 и далее. А также см. признание Кхеанг Сим Хона (декабрь 1978), где отмечается, что в мае 1976 года руководителей северо-западной зоны просили задать показатели, чтобы потом включить их в план Центрального Комитета.

Twining. Economy, p. 144; по подсчетам Твининга, урожай риса в 1976 году составлял примерно половину среднего урожая, собиравшегося в Камбодже до 1970 года. Даже без различных излишков, в отсутствии импортных поставок этот дефицит должен был привести к масштабному голоду. См. также Martin. Le mal cambodgien, p. 170 и далее и E. Becker. When the War Was Over, p. 246–247, где рассказывается о поездке Кхьё Самфана на северо-запад в 1976 году. Увиденное ужаснуло Тирит. Вернувшись, она сказала Пол Поту: «В наши ряды проникли агенты» и «они разрушали революцию». Это объяснение убедило ее зятя, и в начале 1977 года он провел чистку на северо-западе.

215

Pol Pot Plans the Future, p. 90 и далее; FBIS.Daily Reports, July 25, 1975. Франсуа Грюневальд (в личной беседе) заметил, насколько чуждыми казались эти меры многим камбоджийским фермерам — ироничное обвинение в адрес революционеров, делавших упор на автономность и «камбоджийский дух» их целей.

См. также Twining. Economy, p. 132–137, Martin. Le mal cambodien, p. 185 и далее. Martin. L'industrie dans le Kampuchea D6mocratique//Etudes rurales 89–91 (January — September 1983). Примерно 80 % фабрик, дейстовавших в период ДК, были построены до 1975 года. Среди производившихся товаров были сигареты под названием «Освобождение» (распространявшиеся среди кадровых сотрудников), хлопчатобумажная одежда, джутовые сумки и кирпичи.

217

См.: FBIS, Daily Reports, June 18, 1976, где говорится о том, что «клика предателей и эксплуататорские классы были напуганы духом коллективизма», продемонстрированного крестьянами. Однако эти самые крестьяне предпочитали работать в одиночку или с родственниками, и поэтому насаждаемая правительством коллективизация вызывала у них возмущение. Тем не менее хвастливо заявлялось, что «все остатки прежних систем работы, производственных техник, убеждений и индивидуалистического образа жизни… были упразднены нашими… крестьянами» (FBIS, Daily Reports, March 13, 1978).

218

Переводы революционных песен времен ДК, датирующихся 1975–1976 годами, см. в книге Kiernan and Boua. Pesants and Politics in Kampuchea, p. 236–238. В своей книге Prisonnier des khmers rouges (p. 131) Сианук называет песни, транслировавшиеся радиостанцией «Пномпень», «музыкальной пыткой». По словам Пика (Au deladu del, p. 146), Пол Пот написал текст государственного гимна, хотя в своем выступлении «Long Live the 17 Anniersary» он сказал о коллективном авторстве.

219

См.: D. Chandler. Seeing Red, p. 34–56.

220

Два панегирика Пол Пота Мао Цзэдуну, произнесенные 18 сентября, см. в FBIS, Daily Reports, September 20, 1976. В своих хвалебных речах Пол Пот упомянул следующие работы Мао: «Анализ классов к китайском обществе» (1926), «Проблемы стратегии китайской революции» (1936), «О затяжной войне» (1938), «О противоречии» (1937), «О практике» (1937), «О новой демократии» (1940), «О китайской революционной культуре, литературе и искусстве» (1942?), «О правильном управлении противоречиями в народе» (1957) и «О классовой борьбе». См.: John Bryan Starr and Nancy Anne Dyer. PostLiberation Works of Mao Zedong: A Bibliography and an Index. Berkeley, Calif., 1976. Я не смог установить дату написания «О классовой борьбе». «Заявление [Мао] в поддержку камбоджийского народа, сделанное 20 июня 1970 года», упомянутое Пол Потом, — это, вероятно, заявление, с которым Мао выступил 20 мая 1975 года. Я благодарен Сержу Тиону за эту ссылку.

221

О кризисе в сентябре 1976 года см. B. Kiernan. Introduction' to Document 5 Pol Pot Plans the Future, p. 164 и далее; E. Becker. When the War Was Over, p. 278–279 и D. Chandler. Revising the Past in Democratic Kampuchea: When was the Birthday of the Party? // Pacific Affairs (Summer 1983), p. 283–300.

222

См.: Chandler. Revising the Past…; FBIS, October 31,1978, рассказ сбежавшего кадрового работника, переданный по вьетнамскому радио, где вспоминался приказ Центрального Комитета, отданный в сентябре 1976 года; этот приказ предписывал считать годом создания партии «1960 год»: «Все, кто вступил в Партию до этой даты, не должны считать себя ее членами».

223

См. R. Conquest. The Great Terror. New York, 1953, p. 151 и далее, а также Tucker. Stalin: The Years in Power, p. 441–478. Не все из казненных являлись членами партии, однако на урон, нанесенный партии, указывает тот факт, что в 1975 году, еще до начала деятельности S-21, в ее рядах насчитывалось всего лишь четырнадцать тысяч мужчин и женщин (Carney. Organization of Power, p. 95).

Подробное изучение архива S-21 см. Chandler, Voices from S-21. Лучшим коротким введением в историю S-21 по-прежнему остается одна из ранних работ — Л. Barnett. Ch. Воиа and B. Kiernan. Bureaucracy of Death. New Statesman, 1980, May 2, p. 668–676. См. также Becker. When the War Was Over, p. 271–298; Vickery. Cambodia, 1975–1982, p. 151–152; Ing Pech. Tuol sleng // L'6v6nement du jeudi, 1990, December, p. 318 и S. Heder. Khmer Rouge Opposition to Pol Pot: ProChinese or Pro-Vietnamese? (неопубликованная семинарская работа, 1990). Последующие исследования, такие, как Voices from S-21, основаны на этих источниках, на беседах с Гедером и на документах из S-21, любезно предоставленных Дэвидом Хоуком в 1986–1987 годах. За тексты признаний и связанные с ними материалы я благодарен Энтони Барнетту, Тимоти Карнею, Май Эбихаре, Кейт Фрисон, Бену Кирнану, Джуди Ленджервуд и Майклу Виккери. Я также благодарю сотрудников архива в Музее геноцида в Туолсленге и персонал Центра документации Камбоджи в Пномпене за помощь, оказанную мне в процессе моих частных посещений их архивов.

225

Сама партия была движущейся мишенью. В 1976 году один из тех, кто проводил допросы в S-21, заметил: «Партия изменяется быстро и часто; [это] меняет состав заключенных, которых мы должны допрашивать, способы составления документов, методологию допроса. Мы должны вовремя приспосабливаться к системе, перепрыгивая вместе с движением» (цит. по: Chandler. Tragedy, p. 287–288). Того же в 1977 году требовала и редкторская статья в Tung Padevat: «Как нужно судить хороших, средних, не очень хороших, сомнительных, сильных и не сильных [кадровых работников]? Их должно судить движение… когда что-нибудь идет не так [и] массы будут знать, что это вина не Партии, а того человека, который провел линию Партии на практике» (Tung Padevat. [October — November 1977], p. 37). В своей работе Khmer Rouge Opposition Гедер уподобляет процесс анализа сведений, поступавших из Туолсленга, «игре с калейдоскопом».

226

Исследование персонала S-21 см. D. Chandler. Voices from S-21, Chapter 2. Более семидесяти сотрудников S-21 подверглись чистке в период с 1976 по январь 1979 года. Их признания представляют особый интерес. В 1971 году французский ученый Франсуа Бизо на три месяца был задержан компартией Камбоджи вблизи Удонга. За это время его заставили составить три подробных автобиографических заявления того рода, которые впоследствии станут основой для признаний в S-21. Допрашивал Бизо Дуч, впечатливший француза как «человек принципа», полностью посвятивший себя делу революции. Интервью автора (июль 1989).

227

См. признание Чан Чакрея и [On the nature of the 1976 military plan], June 6,1976 года. Аргумент Гедера состоит в том, что, хотя сотни заключенных обвинялись в провьетнамских настроениях, какие-нибудь провьетнамские настроения или заявления в поддержку Вьетнамской рабочей партии едва ли всплывают в текстах. Возможно, что солдаты 170-й дивизии бунтовали по большей части затем, чтобы добиться улучшения жилищных условий и права жениться. См. «Kampuchea Dossier» II (Hanoi, 1978), p. 65, Vietnam Courier, а также мнение Стива Гедера, высказанное автору (в письме, август 1991). Исследование чисток 1976 года см. Chandler, Voices from S-21, Chapter 3.

228

См. признание Кео Меаса (сентябрь-октябрь 1976).

229

См. признание Ней Сарана (сентябрь-октябрь 1976). Тот факт, что единственные копии записок сохранились в архиве S-21, говорит о том, что они никогда не выносились за пределы тюрьмы.

230

См. признания Нон Суона и Сьен Ана. В признании Суона содержатся биографии нескольких партийных лидеров, включая Пол Пота, — этот отрывок приводится в Приложении 1. См. также признание Хак Сьен Лами (декабрь 1976), где утверждается, что о планах вьетнамцев напасть на Камбоджу стало известно в середине 1976 года.

231

См.: Pol Pot Plans the Future, p. 177–216, а также D. P. Chandler. A Revolution in Full Spate//The Cambodian Agony. New York, 1987, p. 165–179). Этот отрывок вызывает в памяти обвинение, высказанное Сталиным в 1933 году: «Капиталисты… сумели проникнуть в нашу Партию», и похожее заявление Мао, озвученное в 1976 году: «Буржуазия находится прямо внутри Коммунистической партии» (цит. по книге J. Paltiel. The Cult of Personality: Some Comparative Reflections on Political Culture in Leninist Regimes. Studies in Comparative Communism 16, 1, 2 [Spring — Summer 1983], p. 49–64).

Pol Pot Plans the Future, p. 183.

233

Там же, с. 204.

234

См. признание Кой Туона, которое, по-видимому, было отобрано после 1979 года. Vickery. Cambodia, 1975–1982, p. 148–149. Во многих признаниях, написанных в 1977 году, упоминается знакомство заключенных с «Кхуоном». Возможно, как и в случае с Хоу Йоуном в 1975 году, Пол Пот считал популярность Кой Туона прямой угрозой себе. Похоже, Пол Пот чувствовал себя более комфортно с людьми, подобными Нуон Чеа, Кхьё Самфану и Иенг Сари, у которых не было основы для власти за пределами Центрального Комитета. Та Мок, с мощной сетью подчиненных в юго-западной зоне, смотрелся на этом фоне исключением, подтверждающим правило.

235

Впоследствии Ху Ним утверждал, что на следующем собрании, которое состоялось вскоре после этого и доступ куда был ограничен, Пол Пот огласил имена четырех мужчин, казненных в S-21. Трое из них (Чхук, Чакрей и Фен) были связаны с восточной зоной (Pol Pot Plans the Future, p. 303). Cm. также Picq. Au dela du ciel, p. 99–100. Как написал Пик, кто подвергся тогда чистке, «были людьми, которых я знал и которыми восхищался».

236

В апреле 1977 года в Чикренге, провинция Сиемреап, разразилось восстание, продолжавшееся неделю. Оно было жестоко подавлено, восставшие понесли тяжелые потери. Возможно, это выступление убедило Пол Пота в том, что в данном регионе у партии действительно имелись враги. См. Thach Keo Dara. Une rovolte de la population. Sereika 28 (1978, 28 сентября, p. 7–8); Kampuchea dossier II, p. 65, а также Vickery. Cambodia 1975–1982, p. 126–127.

237

Chandler. Voices from S-21, Chapter 3; Becker. When the War Was Over, p. 250; Picq. Au deladu ciel, p. 104. В признании Сьет Чхае говорится о «мерах, принятых [организацией] на севере» в феврале 1977 года. В апреле организация «подобрала» и самого Сьет Чхае.

238

Интервью с камбоджийским чиновником (октябрь 1990). См. также признание Кет Чау (Сема) (март 1977), признание Чхим Самаука, признание Чоу Чета (Си) и интервью автора с Йоу Самбо. Кет Чау, тридцатичетырехлетнего выходца из Компонгчама, вынудили признаться в неудачных попытках убить Пол Пота, которые он якобы предпринимал в течение пяти лет. По сведениям бывшего чиновника ДК, пожелавшего остаться неизвестным, в 1975–1977 годах Пол Пот жил в какой-то резиденции вместе с Нуон Чеа и другими высокопоставленными лицами, однако в середине 1978 года он переехал в секретное место. Информатор интригующе добавил, что, на его взгляд, Нуон Чеа и Пол Пот «всем сердцем ненавидели друг друга».

239

О Тирит см. интервью Йоу Самбо. О крепости семейных уз в Демократической Кампучии см. S. Thion. The Pattern of Cambodian Politics// Cambodian Agony/Ablin and Hood, eds, p. 149–164. Кхьё Поннари пережила Пол Пота. В 1998 году она находилась на северо-западе Камбоджи в зоне, подконтрольной Иенг Сари, который перешел на сторону Пномпеньского правительства в 1996 году. Точную природу ее болезни установить невозможно.

См. Heder. Kampuchea's Armed Struggle, p. 2–23, Он же, The Kampuchean-Vietnamese Conflict//The Third Indochina Conflict D, Elliott eds. Boulder, Colo., 981, p. 21–67. О новых явлениях см.: Far Eastern Economic review (FEER), 1977 August 19. См. также Chanda. Brother-Enemy, p. 84 и далее; A. Dupont. The Vietnamese-Kampuchea Conflict, 1975–1979 Master's thesis, Australian National University, 1980; P-L. Lamant. La frontiore entre le Cambodge et le Vietnam du milieu du XIXe siocle a nos jours / La frontiore de Vietnam / R B. Lafont. Paris, 1989, p. 156–187). Подробный обзор отношений Камбоджи с Вьетнамом после Второй мировой войны см.: L. Vairon, «Du Parti Indo-chinois a la «Triple Alliance Indochinoise» (Doctor thesis, INALCO, Paris, 1998).

241

О боях в 1976 году см. Vickery. Cambodia, 1975–1982, p. 190 и интервью автора с Ха Те Дуком, бывшим вьетнамским солдатом (май 1991). В телеграмме от 11 ноября 1975 года сообщается о передвижении вьетнамских войск вдоль восточной границы, а в одном месте упоминается о вторжении «на 100 метров» на территорию Камбоджи одного вьетнамского подразделения. В некоторых из этих столкновениях, по предположению Лайонела Вайрона, могли принимать участие остатки некоммунистических отрядов из Южного Вьетнама. В других инцидентах явно действовали войска вьетнамского правительства, возможно, без враждебных намерений, но на территории Камбоджи. См. Vairon. Du Parti Indochinois, p. 103.

242

См. B. Kiernan. Wild Chickens, Farm Chickens, and Cormorants…//Revolution and Its Aftermats/Chandler and Kiernan, eds, p. 1970 и далее, а также?. Seeker. When the War Was Over, p. 252, 311 и далее. Vickery. Cambodia, 1975–1982, p. 194–196, здесь представлен обзор доказательств. О потерях кхмеров во Вьетнаме см. интервью автора с Тач Таном (февраль 1988). Доказательства проникновения кхмеров на территорию Вьетнама 20 августа 1977 года см. в признании Меас Мона (июнь 1978): «После того как вьетнамцы убежали [sic], моя группа ЦРУ [sic] прошлась вокруг горевших домов и боевой техники».

243

Kiernan. Wild Chickens… p. 172 и далее. О ценности этой инициативы для общественности — идея взята у Стива Гедера — см. Chanda. Brother Enemy, p. 195. О проникновениях вьетнамцев на территорию Камбоджи см. R. Ross. The IndoChina Tangle. New-York, 1988, p. 155–156.

Pol Pot. «Long Live the 17th Anniversary», и FBIS Daily Reports October 4, 1977. См. также Chanda. The Pieces Begin to Fit. FEER, 1977, October 21.

245

Picq. Au dela du ciel, p. 109–110. FBIS Daily Reports September 29,1977, здесь говорится о том, что с возникновением партии «Интернационал» полагалось петь ежедневно перед исполнением государственного гимна.

246

См.: Learning from Our Four Year Plan, Tung Padevat, специальный выпуск (October — November 1977), p. 113–128, здесь указывается на то, что в каком-то смысле необъявленный, необъясненный план по-прежнему действовал. Я благодарен Стиву Гедеру за перевод этой статьи.

247

О вьетнамских радиопередачах см. FBIS Daily Reports, September 30, 1977 это также отмечается у Росса (Ross. IndoChina Tangle, p. 148).

248

См. Peking Review, October 7, 1977, p. 9 и далее, p. 22 и далее; N. Chanda. Pol Pot Plays Up to Peking. FEER, 1977, October 14. Он же, Brother Enemy, p. 101–102. Ворн Вет, которого в Peking Review опознали как одного из членов делегации, в своем признании, сделанном в 1978 году, ничего не сказал об этом визите. Тиоунн Тоёна узнали на фотографиии делегации, опубликованной China Illustrated, December 1977.

249

О конфиденциальном обсуждении см. N. Chanda. Brother Enemy, p. 100–101, на основе документов, созданных в 1979 году в процессе суда над Пол Потом и Иенг Сари, обвиненных в геноциде.

250

E. Becker. When the War Was Over, p. 316–317. Похожее элитарное ежемесячное издание на кхмерском языке под названием «Кампучия» распространялось среди камбоджийцев в Европе. Делегация из Бирмы посетила Демократическую Кампучию в середине 1977 года в рамках подготовки к визиту генерала Не Уина, который должен был состояться позже. Малайзийские должностные лица прибыли в декабре 1977 года, их тайские коллеги появились в начале 1978 года. См.: Ross. Indo-China Tangle, p. 168.

251

Биография транслировалась радиостанцией «Пхеньян». См. FBIS. Daily Reports, October 4, 1977. Фильм о визите Пол Пота был показан в Пномпене несколько месяцев спустя (FBIS. Daily Reports, February 21, 1978. Ким Ир Сен через делегацию послал Сианука коробку корейских яблок. Их передали принцу как подарок от Пол Пота. Sihanouk. Prisonnier des khmers rouges, p. 215.

252

О доказательствах нападений вьетнамцев, см. N. Chanda. Brother Enemy, p. 196. Точку зрения Камбоджи см. в признании Меас Мона (июнь 1978): «Мы открыли огонь 16 октября 1977 года. Бои во Вьетнаме шли больше месяца. Никаких важных результатов достигнуто не было… Мы атаковали в соответствии с планом ЦРУ, не думая… о прорыве».

253

О визите Чен Юнгуя см. N. Chanda. Brother Enemy, p. 203–204 и Ross. Indo-China Tangle, p. 157–161. О Дацхае см. Milton and Milton. The Wind Will Not subside, p. 75, и Mao Zedong. Comment on Learning from Dazhai. Peking Review, October 6, 1972. Своего пика Дацхайская кампания достигла в 1975 году, во время угасания Мао, и сошла на нет в 1980.

254

См. признание Чоу Чета (перевод Стива Гедера). Неясно, знал ли Чоу Чет, что это за «Дацхай» был такой. Вероятно, Пол Пот в шутливой форме просто сказал ему, что Тай Чай (на кхмерском — «Дедушка Чай»), важный гость из Китая, вскоре посетит зону.

255

Подробности взяты из FBIS, Daily Reports, December 12, 1977. Чен Йонггуй помогал молотить здесь и еще в «нескольких местах» вдоль железной дороги во время своей поездки в Компонгчхнанг. Подготовка «импровизированных» остановок (чистенькие, сытые работники, оросительные системы, которые содержались в лучшем состоянии), стоили Чоу Чету многих усилий.

Сравните это с признанием Туч Фоёна: «Я стал бояться, что мы построим Ангкорват, а потом не сможем там жить». Длинный перечень жалоб, к которым прибавлялся голод, часто повторяется в рассказах выживших очевидцев о «времени Пол Пота». Карьера Чоу Чета напоминала карьеру Пол Пота: то же самое вступление в Коммунистическую партию Индокитая в 1951 году, в 1950-е — работа в Пномпене на группу Прачеачон, уход к партизанам в 1963 году. Жена Чоу Чета, Им Наен, готовила для «Брата номер один» на Базе 100 в 1960-х и стала одним из секретарей домбона в 1977 году (редкий случай, чтобы женщина занимала такой пост; это назначение подчеркивало ее высокий статус). Чоу Чет и его жена были близкими друзьями Чхим Самаука (Панга), который тоже подвергся чистке в 1978 году, прослужив много лет в качестве aide-de-camp («адъютанта») Пол Пота.

257

Dupont, Vietnam-Kampuchea conflict, p.16; Becker. When the War Was Over, p. 319; Livre noire, p. 74–75. См. также Tung Padevat, (May — June 1978). Обвинение вьетнамцев в том, что в сентябре 1977 года в их военных подразделениях начали вести пропаганду против ДК, подтверждается и другими источниками. См. также New York Times, где сообщалось о военных действиях в «клюве попугая», а также FBIS, Daily Reports, December 28, 1977.

258

Picq. Au dela du ciel, p. 114 и далее. Текст этих заявлений ДК см.: Vietnam Courier, Kampuchea Dossier I. Hanoi, 1978, p. 144–158. В последних параграфах текста на кхмерском (они не вошли в официальную версию на французском языке) приводятся те же самые данные о потерях в 1975, 1976 и 1977 годах: потери врага составляли «100 убитых», а камбоджийская сторона потеряла «4 убитых или раненых». Чанда (Brother Enemy, p. 209) указывает, что этот разрыв был нацелен на то, чтобы подтолкнуть Пекин к активным действиям. Росс (Indo-China Tangle, p. 161 и далее) документально подтверждает, что китайцы тянули с предложением военной помощи Демократической Кампучии. По мнению Чанды, до середины февраля 1978 года Китай все еще надеялся на возникновение тупиковой ситуации или на решение, выработанное в ходе переговоров. Если предположение Стива Гедера о том, что нападения вьетнамцев были спровоцированы проникновениями камбоджийцев на их территорию, в результате чего граница осталась незащищенной, верно — а он сослался на «несметное количество доказательств» (в письме к автору, август 1991) — то возможно, что разрыв отношений и обращение к Китаю были отчаянными попытками прикрыть чудовищный стратегический просчет, прямую ответственность за который нес Пол Пот.

259

Как режим объяснял «победу» Камбоджи, см. в FBIS, Daily Reports, February 2, 1978, где перечислены четыре фактора победы: элементы политической линии компартии Кампучии, неотъемлемые достоинства ведения народной войны, единство армии и партии, а также (что существенно в свете случившегося вспоследствии в том же году), «потому что мы провели решительную, глубокую революцию [чистки] рядах Партии и армии». Вьетнамские официальные лица были убеждены в том, что разрыв Камбоджы с Вьетнамом сигнализировал о расширении помощи Китая камбоджийцам (Chanda. Brother Enemy, p. 215–216).

260

О визите Пол Пота см. R. A. Burgler. The Eyes of the Pineapple: Revolutionary Intellectuals and Terror in Democratic Kampuchea. Saarbrucken, 1990, p. 135, здесь цитируется неопубликованное интервью Стива Гедера с бывшим кадровым коммунистом. См. также специальный выпуск Tung Padevat, December 1977 — January 1978; Спец. вып., p. 12: «В югозападных районах на каждые две потери с нашей стороны приходилось десять потерь врага. Такая же ситуация складывалась и на востоке».

261

О военнопленных см. FEER, March 31 and April 21, 1978, а также N. Chanda, Brother Enemy, p. 215. В апреле этого года польская журналистка Моника Варненска посетила лагерь, где содержались камбоджийские военнопленные, и написала следующее: «Сначала, увидев их с мелом и грифельными досками в руках, я не поняла, чем они занимались. Я спросила командира лагеря: «Что они делают?» Он ответил: «Мы учим их читать и писать». Как это на самом деле странно: камбоджийским солдатам нужно было попасть в плен, чтобы выучить алфавит». Последнее слово указывает на то, что пленных учили читать и писать на вьетнамском. FBIS, Daily Reports, April 5, 1978. Я благодарен мисс Варненска, чье имя я написал с ошибкой в первом издании, за несколько интересных писем о ее исследовании.

Даже на этом этапе раскрытия Пол Пот продолжал играть в прятки. К примеру, в одном из интервью, которое транслировалось радиостанцией «Пномпень» 12 апреля, ответы Пол Пота на вопросы зачитывал диктор. С другой стороны, каждый день в 6 часов утра неизвестный «представитель Организации» выступал по радио с передачей «Минуты подготовки» (neati oprum), где содержались указания кадрам и рабочим бригадам всей страны. По словам Онг Тонг Хоёнга (интервью автора, февраль 1990), которого заставляли ежедневно слушать передачу, ее вел сам премьер-министр. Сианук согласился с этим мнением (Prisonnierdes khmers rouges, p. 219).

263

Интервью автора с Сот Полин (октябрь 1989); Polin. La diabolique douceur de Pol Pot; интервью автора с Кенг Ваннсаком (май 1987).

264

См. «Guidelines from the Central Committee of CPK… toward misled people», машинописный текст, датирующийся 20 июня 1978 года. Я благодарен Дэвиду Хоуку за то, что он обеспечил меня экземпляром этого текста. См. также Picq. Au dela du ciel, p. 166; Vickery. Cambodia, 1975–1982, p. 141; и интервью автора с Хенг Сеном (июнь 1989).

265

См.: Learning from Important Experiences. Tung Padevat (May — June 1978), p. 17–33. Я положился на перевод Стивена Гедера. Грубый прагматизм этого отрывка (т. е. способ заводить друзей, не убивая людей) указывает на то, что документ действительно был составлен красными кхмерами.

266

См.: Pay Attention to Sweeping Out the Concealed Enemy Boring from Within. Tung Padevat, (July, 1978), p. 5–25. На с. 24 говорящий (почти наверняка Пол Пот) возвращается к теме о том, что окружен Вьетнам, а не Камбоджа, добавляя на с. 44: «Марксистско-ленинские партии Северной и Южной Америки и Франции защищают нас… Они стоят на стороне революции… Наша революция захватила их и осчастливила». Неясно, сознавал ли Пол Пот маргинальность этих групп.

267

Неопубликованное интервью Гедера, которое цитируется у Беглера в книге Burgler, Eyes of the Pineapple, p. 135.

268

B. Kiernan. The Eastern Zone Massacres. New York, 1986; Fox and Bunheang. Murderous Revolution, p. 129–153; Becker. When the War Was Over, p. 306–308, 320–323. Чистки сконцентрировались в Кратье, Компонгчаме и Свайриенге. Хенг Самрин, командир дивизии в восточной зоне, перебежал к вьетнамцам в мае 1978 года. В 1979 году он стал главой государства Камбоджа.

269

См. D. Chandler. Voices from S-21. Chapter 3 и признание Чхай Ким Хора (декабрь 1978). Если бы Сон Сен действительно участвовал в заговоре, ему не составило бы труда исчезнуть после 1979 года. Или его уничтожила бы партия. Вместо этого он занимал военные должности под руководством эмигрантского правительства Пол Пота, а к середине 1991 года стал членом Верховного исполнительного совета Камбоджи наряду с Кхьё Самфаном и представителями других фракций.

Tucker. Stalin: The Years in Power, p. 476. См. также WA. Joseph. The Critique of Ultra-Leftism in China, 1958–1981. Stanford, Calif., 1984, p. 214; Zweig. Agrarian Radicalism in China, p. 24 и далее.

271

См.: «The National Duties of Us All», Tung Padevat. (July 1978), p. 1, где говорится о «правильном и мудром руководстве КПК во главе с Пол Потом». См. также неозаглавленное стихотворение в Kampuchea, August 1978, p. 36, где содержится та же самая формулировка. Сок Бунтан (интервью автора, июль 1989) утверждал, что в 1978 году видел школьный учебник с изображением Пол Пота на обложке. См. также New Straits Times, где в интервью Ларри Джагану Лот Суонг заявил, что портрет его брата в столовой в Компонгтоме установили фотографы Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена.

272

Интервью автора с Онг Тонг Хоёнгом (февраль 1990), Кхьё Каннарит (октябрь 1990) и Ванн Натом (январь 1995). Хоёнг узнал в художнике Мок Сокхуна, который вернулся вместе с ним из Франции в 1976 году. Сокхуна арестовали в декабре 1976 года и держали в S-21 до января 1979, когда он «сбежал». По-видимому, большую часть времени он провел, рисуя портреты и другие картины. О скульптурах см. J. Pilger. Heroes. London, 1989, p. 394. В 1979 году в Пномпене Пилджер взял интервью у скульптора. В 1980 году Тиоунн Мумм сказал Саув Ким Хонгу: «Из-за того, что Сокхун много знал о Пол Поте, тот никогда бы не приказал» делать статуи (интервью Гедера с Хонгом).

273

Интервью Дэвида Эшли с Ванн Натом (май 1995). Ватином — это небольшой холм в северной части столицы. Экспериментальная модель статуи не сохранилась. См. также в Ch. Chameau. No. 55 Delivers His Verdict on Pol Pot большое интервью с Ванн Натом в Phnom Penh Post, от 7–20 ноября 1997 года.

Отдельные точные биографические сведения о Нуон Чеа всплывают в признании Нон Суона, где говорится о том, что на собраниях по самокритике, которые периодически посещали все члены партии, Нуон Чеа, по крайней мере, один раз представил вариант своей биографии. К 1978 году Нуон Чеа и Пол Пот смешались у некоторых членов партии в «организацию». О Нуон Чеа см. Роджер Норманд (в личной беседе, цитируя разговоры с перебежчиками): интервью автора с Хин Ситан (ноябрь 1978) и Тай Софеном (февраль 1989), а также письмо Суон Касет Сокхо автору (ноябрь 1989). Период правления Пол Пота Ситан и Софен провели в Ватко, родной деревне Нуон Чеа, где на него имела сильное влияние мать. В 1975–1977 годах, когда она жила в Ватко, ей позволялось ежедневно посещать буддистский монастырь. Чтобы встречать ее, в монастыре дежурило четверо монахов. Почти наверняка эти монахи были единственными, продолжавшими религиозную практику, во всей Демократической Кампучии. В 1997 году Нуон Чеа согласился на интервью с Нейтом Тейером и передал журналисту интересную рукописную историю коммунистического движения, однако очень мало рассказал о своей личной жизни.

275

См. телеграмму из Американского посольства в Бангкоке, в которой было передано интервью Гедера с Сок Сим (Лоном), без номера, архив Пайка (Камбоджа, январь 1980).

276

Martin. Le mal cambodgien, p. 194. Это мог быть семинар по образованию в октябре 1978 года, упомянутый Саув Ким Хонгом в интервью Стивену Гедеру: «[Пол Пот] казался очень хорошим оратором, убедительным и понятным».

277

Интервью автора с одним камбоджийским чиновником (сентябрь 1990). В слове «саманх» содержатся намеки на покорность и будничность.

278

О праздновании в Пномпене см. Picq. Au dela du ciel, p. 123–124. См. также P. Schier and Manoia Schier Oum. Prince Sihanouk on Cambodia. Hamburg, 1980, p. 31: «Китай и Корея помогли им провести индустриализацию в стране». См. также неопубликованное интервью Стивена Гедера с Тиоунн Муммом (сентябрь 1980), в котором Мумм указал на несколько главных промышленных достижений 1978 года, в том числе новый нефтеочистительный завод, электростанции и «большую фабрику, производящую бумагу».

279

См. Chanda. Brother Enemy, p. 327; Picq. Au deladu ciel, p. 141 и Ross. Indochina Tangle, p. 211. Росс отметил, что несколько китайских делегаций, включая труппу акробатов, посетили Камбоджу в последние месяцы 1978 года.

280

E. Becker. When the War Was Over, p. 406–436. В 1970 году Дадмена захватил в плен какой-то вьетнамско-камбоджийский партизанский отряд. См. P. Dudman. Forty Days with the Enemy. New York, 1971 и его репортажи в Sydney Morning Herald, December 26–30, 1978, January 1–4, 1979 года. См. также M. Caldwell and Lek Hor Tan. Cambodia in the Southeast Asian War. New York, 1973. Работы Кэлдвелла, посвященные Демократической Кампучии, собраны в книге: Malcolm Caldwell's Southeast Asia. James Cook University, Australia, 1979. B. Kiernan. The Pol Pot Regime. New Haven, Conn., 1995, p. 446–447, здесь также анализируется поездка с приведением цитат из записных книжек Калдвелла.

281

Следующие параграфы взяты из книги Becker. When the War Was Over, p. 430–433; интервью автора с Ричардом Дадменом (апрель 1991); письма Дадмена к автору (март 1991); S. Webbe. Who is Pol Pot//Christian Science Monitor, 1978, December 12 и E. Becker. A Killing Machine with a Mission, London Times, September 14, 1989, где она пишет: «Меня посадили справа от него, я пристраивала свой блокнот и старалась не замечать его улыбку, которая была… обаятельной. Остерегаться стереотипов и плохих фотографий».

282

Пол Пот планировал длительное партизанское сопротивление и вьетнамскую оккупацию. См. N. Chanda. Pol Pot Eyes the Jungle // FEER, December 15,1978. Быстрота и успешность вторжения вьетнамцев, вероятно, удивила его.

283

E. Becker. How a Western Radical Fell Victim to a Murderous Oriental lntrigue//Guardian, April 21, 1982; интервью автора с Нго Пеном (июль 1989); и письмо Дэвида Монагхана к автору (март 1991). Нго Пен присутствовал на интервью Пол Пота — Кэлдвелла в качестве переводчика и всю ночь готовил перевод. По его воспоминаниям, интервью было «дружеским», и речь в нем шла о «сельском хозяйстве и экономике». Подробные обстоятельства убийства см. Burgler. Eyes of the Pineapple, p. 151–152, 350–351. См. также B. Kiernan. The Pol Pot Regime, p. 448–450.

Sihanouk. Prisonnier des khmers rouges, p. 312 и далее. N. Chanda. Brother Enemy, p. 301 и далее, p. 339–340. См. также Canadian Communist League (Marxist-Leninist), Kampuchea Will Win! Montreal, 1979.

285

См.: Statement of Comrade Pol Pot: 1979, 5 января; Sihanouk. Prisonnier des khmers rouges, p. 316–320 и N. Chanda. Brother Enemy, p. 302. Впоследствии Сианук сказал Джеймсу Принглу: «Я был очарован. Я знал, что [Пол Пот] сумасшедший, но не мог перестать слушать» (интервью автора с Принглом, февраль 1991). В 1990 году Сианук сказал специалисту по Индокитаю Филиппу Девильерсу, что «в Камбодже есть две харизматические личности: Пол Пот и я» (Девильерс, в личной беседе).

286

I. Phandara. Retour a Phnom Penh, p. 186. См. также Picq. Audeladuciel, p. 151–153; и N. Chanda. Brother Enemy, p. 316–317, p. 344 и далее. Иенг Сари, уезжавший на том же самом поезде, босым добрался до границы с Таиландом 11 января, а через три дня был уже в Пекине. Куда отправился Пол Пот — неизвестно. Возможно, он сбежал в Таиланд вместе с Нуон Чеа.

См. W. Shawcross. The Quality of Mercy. London, 1984.

288

Самым подробным описанием Кампучийской Народной Республики на сегодняшний день остается работа M. Vickery. Kampuchea. London, 1984. См. также Vairon. Du Parti Communiste Indochinois, p. 272 и далее и V. Frings. Le paisan cambodgien et le socialisme. Paris, 1997. В работе Эвана Готтесмена, находящейся в стадии подготовки, должен быть представлен ценный анализ этого периода.

289

Хотя АСЕАН проводила заседания, посвященные «камбоджийской проблеме», на протяжении всех 1980-х, с первым официальным осуждением ДК Ассоциация государств Юго-Восточной Азии выступила лишь в феврале 1990 года. См.: P. Raszelenberg and Peter Schier. The Cambodia Conflict: Search for a Settlement. Hamburg, 1997, p. 299.

F. Ponchaud. Cambodia: Year Zero. New York, 1978. Ноам Хомский и Эдвард Германн в своей работе N. Chomsky and E. Hermann. Afterthe Cataclysm. Boston, 1979 выступаютс продолжительной критикой находок Поншо, которые кажутся более правдоподобными, чем выводы Хомского и Германна, в той части, что касается красных кхмеров и их политики. О преобразовании S-21 см. J. Ledgerwood. The Cambodian Tuol Sleng Museum of Genocidal Crimes: National Narrative. Museum Anthropology 21 (Spring — Summer 1997), p. 83–98.

291

О статистике погибших по вине режима в Демократической Кампучии см. M. Vickery. How Many Died in Pol Pot's Kampuchea? BCAS 22 (1988), а также M. Sliwinsky. Une analyse demographique du genocide des khmers rouges. Paris, 1994. См. также Управление вице-президента Демократической Кампучии по иностранным делам [Кхьё Самфан]. «Whart Arethe Truth [sic] and Justice abort the Accusations against Democratic Kampuchea of Mass Killings from 1975 to 1978?» (без места издания, July 1987); и Heder. Khieu Samphan and Pol Pot. В этом пристрастном документе за авторством Кхьё Самфана признается, что в результате «ошибок» ДК погибло менее 3000 человек, тогда как 30 000 были вероломно преданы смерти «вьетнамскими агентами»; еще 11 000 были убиты, потому что являлись вьетнамскими агентами. В 1980 году, как утверждается в тексте, «около 1,5 миллиона, став жертвой вьетнамских агрессоров». Категорическая заносчивость этого документа, непрофессионально переведенного с французского, указывает на почерк Кхьё Самфана. В интервью Нейту Тейеру в октябре 1997 года Пол Пот с одобрением сослался на этот документ, когда его спросили о числе погибших во времена Демократической Кампучии.

292

О суде над Пол Потом и Иенг Сари см. Burchett. China-Cambodia-Vietnam Triangle, p. 81 и далее. См. также D. Hawk. International Human Rights Law and Democratic Kampuchea. Cambodian Agony/Ablin and Hood eds, p. 118–148. Желание устроить суд над Пол Потом усилилось в 1997 году, когда он утратил власть, и существуют кое-какие доказательства, свидетельствующие о том, что его подчиненные хотели отдать Пол Пота под трибунал в 1998 году.

293

См. Heder, Khieu Samphan and Pol Pot. В 1988 году Пол Пот сказал военным, что его фракция присоединилась к коалиции, «потому что после вторжения вьетнамцев нам было нужно привлечь их к нам» (записи Роджера Норманда).

Для анализа этих достижений см. Ross. Indochina Tangle. О коалиционном правительстве см. J. Bekaert. The Khmer Coalition // Indochina Issues (сентябрь 1982). О лагерях см. M. Vickerym. Refugee Politics: The Khmer Camp System in Thailand // Cambodian Agony/Ablin and Hood eds, p. 293–331. В статье Виккери описываются условия жизни в лагерях в 1980–1982 годах.

295

См. Sho Ishikawa. I Want to Join with Sihanouk, Lon Nol / Bangkok Post, 11 декабря, и FBIS Daily Reports, December 19, 1979.

296

FBIS Daily Reports, December 27, 1979. Поездка состоялась 11–12 декабря 1979. Что-то ужасное есть в том, как Пол Пот ссылался на холокост. Должно быть, он знал, что вьетнамцы уже сравнили его с Гитлером. Кто же был «евреями» в камбоджийском случае? И кем были «те, кто противостоял» режиму Пол Пота. Кто были «невинные» люди? В беседе со шведскими репортерами, прибывшими на следующий день, Пол Пот мимоходом заметил, что «количество погибших в результате наших ошибок, равнялось всего лишь нескольким сотням» (FBIS Daily Reports, December 21, 1979). К 1997 году он остановился на «нескольких тысячах».

297

Об отставке Пол Пота см. FBIS Daily Reports, December 27, 1978. О предложении 300 000 долларов за интервью сообщил Наян Чанда в личной беседе с автором.

298

Интервью Стива Гедера с неизвестным камбоджийцем, март 1981. Я благодарен Гедеру за перевод.

299

Интервью автора с Мари-Кай Мажистад (июль 1989). См. также M-K. Magistad. The Khmer Rouge: A Profile / Indochina Issues, December, 1988. О более поздней, пересмотренной статистике — Джон Деннис (в личной беседе).

300

О динамике малых групп, таких, как группа Пол Пота, см. R.C. Raack. When Plans Fail: Small Group Behavior and Decision Making in the Conspiracy of 1808 in Germany/Journal of Conflict Resolution, 1977, 16, 1, p. 3–19. Об отставке Пол Пота было объявлено в сентябре 1985 года, а 7 декабря 1986 «New York Times» сообщила о слухах из Бангкока о том, что он смертельно болен и лечится в Пекине. Однако в 1989 году «Дедушку-87» частно осматривали, и оказалось, что у него отменное здоровье. О втором браке Пол Пота см. интервью автора с Джеймсом Принглом (февраль 1991), а также Thayer. Final Reckoning. N. Thayer. Dying Breath 11 FEER, April 30, 1998; S. Mydans. In Death, Indignity for Despised Killer//New York Times, April 18, 1998; P. Sainsbury. An Uncertain Future for the Widow of a Despot// Phnom Penh Post, April 24 — May 7, 1998; и интервью Дэвида Эшли с Суонг Сикоёном (сентябрь 1996), который сказал, что Поннари, «не занимавшая никаких должностей после 1979 года», не одобрила новый брак.

301

«Каковы достоинства, качества, природа и обязанности нашей Демократической Кампучии в прошлом, в настоящее время и в будущем?», машинописный текст, датирующийся 8 декабря 1976 года, 38 страниц. Я благодарен Тони Джексону за экземпляр на кхмерском.

Там же, с. 29–30.

303

В тетрадях тех, кто проводил допросы в S-21, полученных с политзанятий, также порочатся революции во Франции, России и Китае — которые так или иначе все были преданы. См. Chandler. Voices from S-21. Chapter 4.

Интересно, что зарождение Демократической Кампучии в выступлении датируется 1955–1956 годами, когда Салот Сар начал работать на коммунистическое движение в Пномпене.

Присутствие Австралии в черном списке может отражать ее попытки восстановить в начале 1980-х дружеские отношения с правительством в Пномпене. Американское посольство в Бангкоке перевело последнюю фразу как «никогда не притеснял и не оскорблял кого бы то ни было», что указывает на нарушение прав человека, а не на агрессивное поведение на международной арене.

J. Jordens. A 1991 State of Cambodia Political Education Text: Exposition and Analysis. Clayton, Australia, 1993. В этом руководстве преуменьшается утопичная (или донкихотская) идея об уникальности Камбоджи и подчеркиваются ее связи с другими странами, например, с Вьетнамом.

Заманчиво сравнить то, что аудитория знала о Пол Поте, с представленным им образом Наполеона, который мог вызвать в умах слушателей смутное воспоминание о Лон Ноле или Сианук. Пол Пот не захватывал власть в результате переворота; он никогда не называл себя «императором» и он защищал Камбоджу, а не нападал на соседние государства, пока находился у власти. Скромность, которую он демонстрировал в этом выступлении (даже когда он являл собой воплощение Демократической Кампучии), была доказательством «нравственности», которой недоставало Наполеону, Лон Нолу и Сианук. То, что Пол Пот не привел в качестве примера менее уязвимых, более скромных или более современных героев, возможно, было средством оттенить свою персону.

308

Самое подробное описание Пол Пота в конце 1980-х и начале 1990-х, а также его воздействие на слушателей см. Я. Normand. At the Khmer Rouge School: The Teachings of Chairman Pot//Nation, September 3,1990; общую картину движения см. Ch. Peschoux. Enquete sur les «nouveaux» khmers rouges: Essai de dobroussaillage. Paris, 1992. Глубокое исследование Пешу, которому предшествовало несколько месяцев выездных работ, показывает, как основательно красные кхмеры держались за свои тактические приоритеты и что, в частности, они не упустили бы возможности массового нарушения прав человека, вернись они к власти. Впечатления людей о Пол Поте после 1992 года я взял из интервью Дэвида Эшли и Нейта Тейера с бывшими кадровыми работниками — красными кхмерами.

309

См. Vietnam’s Withdrawal from Cambodia. Canberra, 1990; G. Evans and K.Rowley Red Brotherhood at War. London, 1990, p. 301 и далее; и Vairon. Du Partie Indochinois, p. 377–381. К 1991 году из Камбоджи были выведены все вьетнамские войска, однако фракция красных кхмеров подозревала, что Государство Камбоджа по-прежнему контролируется «агентами» из Вьетнама.

Среди многих работ, посвященных этому периоду, см. Keeping the Peace. Cambridge, 1997; T. Findlay. Cambodia: The Legacy and Lessons of UNTAC. Oxford, 1995; Propaganda, Politics, and Violence in Cambodia. N.Y, 1996. См. также D. Ashley. The End//Phnom Pehn Post, 1998, 24 апреля —7 мая.

311

T. Findlay. Cambodia, p. 60; N. Thayer. Shake-up of Khmer Rouge Hierarchy//Phnom Penh Post, February 28 — March 10, 1994. В то время об отставке Сон Сена широко не сообщалось. Возможно, красные кхмеры надеялись на победу роялистов на выборах в июле 1993 года, а также на привилегированные позиции в Камбодже после выборов. Подобная установка, которая недооценивала выдержку Народной партии Камбоджи (НПК) Сон Сена, могла бы объяснить неудачную попытку красных кхмеров сорвать выборы в момент их проведения и выжидательную политику, которую они проводили несколько месяцев после этого.

Ashley. The End.

313

О радиопередачах см. M. Grainger. The voice of Pol Pot / Phnom Penh Post, April 24 — May 7. Отражая, возможно, широко распространенную в народе точку зрения, один камбоджиец сказал Сержу Тиону в начале 1990-х, что «вьетнамцы наиболее опасны, когда их не видно».

314

Интервью автора с Джеймсом Принглом (февраль 1991). На одном из недатированных моментальных снимков середины 1980-х Пол Пот и его соратники, стоят в ряд; на других снимках они, одетые в нетипичные для них деловые костюмы, позируют в каком-то саду в Пхеньяне.

315

Я положился здесь на карту, составленную Роджером Нормандом по описаниям этого лагеря, сделанным перебежчиками. На протяжении следующих семи лет Пол Пот часто переезжал.

316

Эта информация взята из записей Роджера Норманда, из работы Peschoux, Enquete, из интервью автора с Пешу (сентябрь 1990) и из расшифровок интервью, взятых у бывших кадровых работников — красных кхмеров Дэвидом Эшли в 1995–1997 годах. На политзанятиях обсуждались следующие темы: политическая ситуация; внутренняя политика; создание военных и гражданских сил; трехсторонняя (коалиционная) политика; национальная и социалистическая точки зрения; достоинства, моральные принципы и истоки камбоджийской нации; урок-проверка и самокритика. Среди других выступавших на политзанятиях были Сон Сен, Та Мок, Кхьё Самфан и Нуон Чеа. Из них самым непопулярным был Нуон Чеа, Та Мока больше всего боялись, а Сон Сен пользовался почти такой же популярностью, как Пол Пот.

Normand. At the Khmer Rouge School, p. 200.

318

Peschoux, Enquete, p. 73–74. В ноябре 1996 года бывший партработник сказал Дэвиду Эшли: «Когда Пол Пот рассуждал, у него получалось все объяснять очень ясно и вразумительно, и это убеждало тебя в том, что он нашел совершенное решение». «Он говорит медленно, спокойно, мелодичным голосом», — добавил партработник.

Normand. At the Khmer Rouge School, p. 21.

320

Там же, с. 202.

321

Дэвид Эшли, интервью с бывшим членом партии уровня дивизии (май 1995). Любопытно, что хотя признания вышестоящих партработников, попадавших в S-21, и, возможно, сотен менее значимых фигур передавались Пол Поту (под маскировочным названием «ангкар»), мы не знаем ни об одном уцелевшем документе, написанном самим Пол Потом, — это среди сотен тысяч страниц, созданных в тюрьме и в настоящее время доступных исследователям. На протяжении всей своей карьеры Пол Пот избегал оставлять свой след на бумаге.

T. McCarthy. The Butcher of Cambodia. Time, April 27 1998.

Sina Than. Cambodia 1990: Towards a Peaceful Solution? // South-last Asian Affairs 1990. Singapore, 1991, p. 87.

N. Thayer. Final Reckoning, E. Pape. Pol Pot's Final lnterview// Phnom Penh Post, April 24—May 7 1998.

325

Интервью Дэвида Эшли с Ай Чхеаном (январь 1997). Он же. The End of the Revolution, неопубликованная работа, апрель 1997. Я благодарен Эшли за экземпляр этой статьи, обобщившей его глубинный анализ.

326

Интервью Дэвида Эшли с бывшим членом партии из 450-й дивизии (сентябрь 1996).

327

Эти два параграфа написаны на основе материала, взятого из статьи Нейта Тейера N. Thayer. Next Generation 11 FEER, August 7, 1997 и из дословного перевода его интервью (состоялось 25 июля 1997) с Кхем Нгуоном, недавно избранным военным командиром, который вместе с Та Моком устроил показательный суд над Пол Потом. Беглое повествование Кхем Нгуона звучит искренне, однако следует относиться с осторожностью к датировке разговоров и приписываемой людям мотивации, о которой говорит Нгуон.

Эта идея прозвучала и у обвинителя Пол Пота на суде в июле 1997 года: «Оглядываясь назад, Камбоджа превращалась в ничто».

329

N. Thayer. Brother Enemy № 1 //Phnon Penh Post, 1997, August 15–18, здесь представлен более подробный анализ, чем в его же статье Brother Number Zero//FEER, August 7,1997. Обобщение событий июня — июля 1997 года см. в Phnom Penh Post, January 2–15, 1998.

330

N. Thayer. Brother Enemy Number One. Лозунги взяты из перевода Дэвидом Эшли магнитофонных записей суда и последующего интервью Тейера с Кхем Нгуоном.

331

N. Thayer. Day of Reckoning. Я благодарен Сок Пирун, пережившему эпоху Пол Пота, за колкий афоризм.

N. Thayer. Howhere to Hide // FEER, April 23, 1998, а также его Dying Breath // FEER, April 30,1998. См. также S. Mydans. Pol Pot's Body Is Shown to reporters. New York Times, April 19, 1998.

S. Mydans. Pol Pot Is Cremated; No Tears Are Shed 11 New York Times, April 19, 1998. Я благодарен Джуди Леджервуд за перевод этого жуткого интервью.

334

В «Истории» Нуон Чеа Сдаонг называется телохранителем Пол Пота.